

В. М. Мешков

**КЕМ БЫЛ
ИИСУС ХРИСТОС
ДЛЯ ХРИСТИАН I ВЕКА?**

*(опыт экзистенциального
научно-религиозного анализа
Нового Завета)*

Полтава, 2022

УДК 130.3+27
ББК 86.371
М55

Рецензенты:

П. А. Кравченко – доктор философских наук, профессор
(Полтавский национальный педагогический университет
имени В. Г. Короленка)

В. Н. Леонтьева – доктор философских наук, доцент
(Востоchnоукраинский национальный университет
имени Владимира Даля)

М55 Мешков В. М. Кем был Иисус Христос для христиан I века? (опыт экзистенциального научно-религиозного анализа Нового Завета). – Полтава: Астроя, 2022. – 423 с.

ISBN

Разработанный автором экзистенциальный научно-религиозный подход способствовал нетрадиционному изучению книг Нового Завета, более глубокому исследованию апостольского периода христианской истории. Первоначально христианский дискурс Апостолов складывался из иудаистской и христианской составляющих, по мере развития которого последняя получала все большее развитие. Уточнённая хронологическая последовательность Посланий апостола Павла позволила проследить становление и развитие его христианского мышления.

Современное христианское знание рассматривается как сложный комплекс трёх существенно различающихся видов знания, эмпирическую основу которого составляет священное знание книг Нового Завета, большого массива теологических интерпретаций Священного Писания и мистически-метафизического знания-вѣдения, которые в совокупности составляют сущностную природу христианского вероучения. В христианских текстах важное место занимают мистические факты.

Исследование адресовано как философам, историкам, культурологам, так и всем тем, для кого история христианства представляет жизненно важный интерес.

ISBN
УДК 130.3+27
ББК 86.371

© Мешков В. М., 2022
© Шлафер М. Л., макет обложки 2022
© Астроя, 2022

*«ищите лица Его всегда»
(Пс.104, 4)*

*Светлой памяти моего старшего брата
Мешкова Александра Михайловича
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ -----	11
ГЛАВА 1 МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНО-РЕЛИГИОЗНОГО АНАЛИЗА НОВОГО ЗАВЕТА-----	17
1.1. Основная методологическая установка современного постнеклассического научного дискурса-----	17
1.2. Субъект и объект религиозного повествования -----	19
Своеобразие субъекта мистического повествования-----	19
Особенности объекта религиозного повествования-----	23
1.3. Научный факт, исторический факт и мистический факт -----	25
1.4. Трехединая система христианского знания -----	28
Мистическое знание-ведение Бога -----	28
Священное знание книг Нового Завета -----	30
Система теологического знания -----	31
1.5. Два типа метафизического знания: метафизика Логоса и метафизика Пути -----	33
Западная метафизика Логоса -----	33
Восточная метафизика Пути-----	35
Буддистская версия метафизики Пути -----	37
Православная метафизика Пути -----	37
1.6. Сравнительный анализ православного и католического христианских дискурсов-----	40
1.7. Основы религиозно-экзистенциального анализа-----	43
1.8. Методологический анализ философско-научного дискурса протестантских теологов -----	44
Протестантская реформация Католической церкви как системная деструкция христианского религиозного дискурса-----	44
Гарнак о недостоверности повествований синоптических Евангелий -----	47
Оценка Адольфом Юлихером образа Иисуса Христа -----	50
Теологические мыслительные конструкты систематической теологии Пауля Тиллиха-----	53
ГЛАВА 2 РЕЛИГИОЗНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ТЕМАТИЧЕСКОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА-----	60
2.1. Понятие ценностно-мыслительного пространства культуры-----	60
Ценностная нагруженность ментального пространства культуры -----	61
2.2. Государство как механизм саморегуляции культуры -----	63
2.3. Онтологическое и феноменальное в культурологическом анализе ценностно-мыслительного пространства культуры-----	64
Антропогенная онтологическая реальность культуры -----	65
Феноменальный слой культуры -----	66
2.4. Эмпирическое и теоретическое в философско-историческом знании-----	67

2.5. Исходный и элементарный теоретические объекты тематического культурологического анализа-----	69
Темы и доминирующие темы как ценностно-мыслительные конструкты -----	71
Фундаментальная тематическая структура -----	73
2.6. Неоднородность ментального пространства культуры и своеобразие типов его «жизнедеятельности» -----	75
Неоднородность пространства культуры по «вертикали» -----	75
Неоднородность пространства культуры по «горизонтали» -----	75
2.7. Метакультурный уровень ценностно-мыслительного пространства ----	76
2.8. Экзистенциальный и рефлексивный типы функционирования ментального пространства культуры-----	80
Экзистенциальная культура -----	80
Рефлексивная культура-----	81
ГЛАВА 3 ВРЕМЕННАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ НАПИСАНИЯ СИНОПТИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ-----	86
3.1. Методологический анализ временной последовательности написания синоптических Евангелий -----	86
Хронологическая логистика написания синоптических Евангелий -----	89
Методологические особенности евангельских текстов -----	91
Евсевий Кесарийский как субъект исторического познания о Евангелиях -----	92
3.2. Евангелисты Матфей, Марк и Лука как субъекты исторического исследования -----	94
Методологическая оценка авторов синоптических Евангелий как субъектов повествования -----	94
Апостольское служение Матфея -----	95
Какую роль сыграл евангелист Марк в проповеди Благой вести Иисуса Христа? -----	96
Евангелист Лука – первый историк и художник в Христианской Церкви -----	100
ГЛАВА 4 ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯНИЙ И УЧЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА -----	104
4.1. Кем был Иисус Христос в повествованиях Марка, Матфея и Луки?--	104
Иисус из Назарета – Сын Божий -----	104
«Иисус Христос» -----	106
Иисус – «Сын Человеческий»-----	107
Тема «Отца Моего Небесного»-----	108
4.2. Экзистенциальный анализ рождения Младенца Иисуса -----	109
О роли письменных источников в религиозной жизни младохристиан в середине I века -----	109
Экзистенциальный анализ непорочного зачатия Иисуса -----	110
Матфей о родословной Иисуса Христа -----	113
Матфей о рождении Младенца Иисуса -----	114
Мистический реализм Луки в описании рождения Сына Божия -----	117
Почему евангелисты не написали о детских годах Иисуса? -----	123
4.3. Кем был Иоанн Креститель?-----	124
Образ Иоанна Крестителя -----	124
Крещение Иисуса в водах Иордана-----	126
Чудесное явление белого голубя -----	127

Иоанн в темнице -----	129
4.4. Божественное и человеческое в деяниях Иисуса Христа -----	130
Что проповедовал Иисус Христос? -----	131
Зачем Святой Дух возвел Иисуса в пустыню на сорок дней? -----	133
Почему в синоптических Евангелиях Иисус Христос молился, а в Евангелии от Иоанна нет? -----	134
Православие – это прежде всего молитва -----	137
Преображение Господне -----	138
Иисус Христос и храм в Иерусалиме -----	139
Почему фарисеи смертельно ненавидели Иисуса Христа? -----	142
4.5. Божественная мистическая сила Иисуса Христа -----	146
Безграничная власть Иисуса Христа над бесовским царством -----	147
Чудодейственная исцеляющая сила Иисуса Христа -----	151
Самые сильные исцеления Иисуса Христа – оживление умерших -----	155
Мистическая власть Иисуса Христа над силами природы -----	158
Абсолютная прозорливость Иисуса Христа -----	161
4.6. Мистические деяния православных монахов -----	166
Божественные чудесные деяния в природе, запечатленные в истории христианства -----	166
Жестокие битвы монахов с бесами -----	167
Чудесные исцеления православных монахов -----	176
Прозорливые достигшие святости православные монахи -----	178
4.7. Древнеиндийские брахманы в борьбе против бесовских и колдовских сил -----	185
Культурологическая оценка письменных источников Древней Индии -----	185
Основные этапы противоборства брахманов с темными силами -----	187
Методологический анализ колдовской силы заговора -----	190
Буддистские свидетельства магического владычества брахманов -----	197
4.8. Ограниченность архаического изоляционистского дискурса священников, фарисеев и книжников -----	198
Моисеева парадигма древнееврейского дискурса -----	198
Ездра – великий реформатор древнееврейского дискурса -----	201
4.9. Ценностно-мыслительная революция вероучения Иисуса Христа -----	205
Бог Отец, Бог Сын и Царство Небесное как предельные устремления человеческого существования -----	206
Нужно всемерно стремиться к освобождению от привязанностей мирской жизни -----	209
Борьба против похотливых устремлений должна вестись до окончательного их уничтожения -----	210
Заповеди блаженства Иисуса Христа – система координат христианского Духа -----	214
Блаженны смиренные, кроткие, нищие духом и плачущие -----	215
Милосердие – универсальный принцип отношения к миру -----	216
Любовь ко всему живому – глубинное экзистенциальное устремление подлинного христианина -----	218
Неустанно стремись к духовно-нравственному совершенству -----	220
Предельная цель христианского подвижника – Царство Небесное -----	222
4.10. Иисус Христос и двенадцать учеников -----	222

4.11. Экзистенциальный анализ Тайной вѣчери, страстей и Воскресения Иисуса Христа -----	227
Тайная вѣчеря Иисуса Христа и апостолов в повествованиях синоптических Евангелий -----	227
Иоанн Богослов об Откровении Иисуса Христа в Тайной вѣчери -----	229
В Гефсиманском саду-----	234
Страсти Христовы-----	236
Распятие Иисуса Христа -----	239
Воскресение Иисуса Христа -----	243
Явления Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы православным монахам ----	251
ГЛАВА 5 АПОСТОЛЬСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ-----	258
5.1. Генезис Христианской Церкви в апостольский период -----	258
Общая характеристика апостольского периода Христианской Церкви -----	258
«Деяния святых апостолов» о формировании христианских общин -----	260
Вознесение Иисуса Христа – Сын Бога стал Господом -----	261
Пятидесятница – первые минуты существования Христианской Церкви -----	262
5.2. Формирование христианских общин под руководством апостола Петра -----	263
Первая проповедь апостола Петра -----	263
Чудесные исцеления апостола Петра и религиозный подъем среди иудеев ----	265
Самое начало борьбы за существование Христианской Церкви -----	266
Издержки формирования христианских общин -----	267
Первая мученическая смерть за веру в истории Церкви -----	269
Деяния апостола Филиппа -----	271
Чудесные исцеления и мистическое видение апостола Петра -----	273
5.3. Деяния апостола Павла -----	277
Христианское преображение фарисея Савла -----	277
Первый опыт Варнавы и Павла христианской проповеди в Антиохии и Тарсе-----	278
Первое миссионерское путешествие апостолов Павла и Варнавы-----	280
Апостольский Иерусалимский Собор-----	284
Второе миссионерское путешествие апостола Павла -----	287
Третье миссионерское путешествие апостола Павла -----	293
Мученический период в жизни апостола Павла -----	299
5.4. Иудео-христианский дискурс апостола Иакова-----	304
Послание Иуды-----	307
5.5. Христианская модель апостола Петра -----	308
«Устройте из себя дом духовный, священство святое»-----	310
Идеал благочестивой христианки апостола Петра -----	311
«Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему» -----	312
Покорное повиновение господам – норма христианской жизни -----	312
Второе Послание апостола Петра -----	313
«Вход в вечное Царство Господа» -----	314
«Близок всему конец» -----	314
ГЛАВА 6 ГЕНЕЗИС БЛАГОВЕСТВОВАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА -----	317
Методологический анализ Павла как субъекта Посланий и проблема их создания в исторической последовательности -----	317
6.1. Панегирик апостола Павла фессалоникийским христианам -----	318

Методологическая оценка Первого Послания к Фессалоникийцам -----	318
«Вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии»-----	319
«Мертвые во Христе воскреснут»-----	321
Второе Послание к Фессалоникийцам -----	322
Деликатный и смиренный апостол Павел -----	323
6.2. Послание апостола Павла к Галатам-----	324
Противостояние апостола Павла иудействующим христианам-----	324
Жить «по духу» и жить «по плоти»-----	326
Тема «обрезания» -----	327
6.3. Первое послание к Коринфянам – религиозный прорыв апостола Павла-----	328
Методологическая оценка Первого послания к Коринфянам-----	328
Раскол в коринфской христианской общине-----	329
Своеобразие благовествования апостола Павла-----	330
Универсальная любовь ко всему сущему – высшее духовное устремление в человеке -----	332
Павел и Апостолы -----	333
Душевное и духовное в человеке-----	333
«Бегайте блуда» -----	334
Тема «обрезания» -----	335
Павел о «воскресении мёртвых»-----	335
Жизнь на пределе: «Я каждый день умираю» -----	336
«Скрижали сердца» апостола Павла -----	337
«Где Дух Господень, там свобода» -----	339
Читал апостол Павел синоптические Евангелия?-----	340
Апостол Павел об организации Христианской Церкви -----	341
Формирование когорты посланников – верных служителей апостола Павла -	341
6.4. Откровения апостола Павла во Втором Послании к Коринфянам ----	342
Моя сила в физической немощи, чтобы во мне обитала могучая сила Иисуса Христа -----	343
Прцветающая Церковь апостола Павла на марше подлинного христианского благочестия -----	344
6.5. Послание апостола Павла к Римлянам -----	345
«Все сообразились с пути» -----	345
Тема «греха» -----	347
«Жить по плоти» и «жить по духу»-----	347
Суд Божий -----	349
Проблема соотношения Закона христианской жизни и законодательства Римской империи -----	350
Верные рыцари апостола Павла в служении Церкви -----	352
6.6. Послание апостола Павла к Филиппийцам-----	353
«Нужно быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными» -----	355
Тема «обрезания» -----	356
«Наше же жительство – на небесах»-----	357
6.7. Послание апостола Павла к Ефессянам -----	357
«Язычники по плоти» и «плотское обрезание» -----	358
Тема «полноты времен» -----	358
Упразднить в себе похотливого «ветхого человека», чтобы «облечься в нового человека»-----	359

«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу»-----	361
«Рабы, повинуйтесь господам»-----	361
6.8. Послание апостола Павла к Колоссянам -----	362
Тема «обрезания»-----	362
«Ищите горнего и горнем помышляйте»-----	363
Когорта верных служителей апостола Павла-----	364
6.9. Тимофей – главный рыцарь апостола Павла -----	365
Наставления Павла своему любимому духовному сыну – «храни себя чистым и держись вечной жизни» -----	366
«Епископ должен быть непорочен» -----	368
Действенная система управления в «апостолии» Павла -----	370
6.10. Послания апостола Павла к Титу и к Филимону -----	371
Апостол Павел – жертва философии Алена Бадью -----	372
ГЛАВА 7 ДЕЯНИЯ И ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ВАРНАВЫ -----	375
7.1. Книга Марка «Деяния апостола Варнавы» – выдающееся произведение новозаветной эпохи -----	375
7.2. Своеобразие христианского дискурса Варнавы-----	380
ГЛАВА 8 ХРИСТИАНСКИЙ МИСТИЦИЗМ АПОСТОЛА ИОАННА -----	385
8.1. Кто написал книгу «Откровение Иоанна Богослова»? -----	385
Методологическая оценка книги «Откровения»-----	385
Христианская Церковь в Азии-----	386
Образ Иисуса Христа -----	389
Картина Царства Небесного-----	390
Судьба сынов Израилевых и Иерусалима-----	392
8.2. Христианская модель апостола Иоанна в Евангелии от Иоанна -----	394
Методологическая оценка Евангелия от Иоанна -----	394
Мистически-метафизическая природа света Иисуса Христа -----	394
Свет в явлениях Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы достойным монахам -----	396
«Я и Отец – одно» -----	397
Жизнь вечная -----	398
8.3. Послания апостола Иоанна – жить в Боге, чтобы Он был в тебе-----	400
Апостол Иоанн и его ученики -----	403
ГЛАВА 9 ВОЗРАСТАНИЕ ХРИСТИАНСКОГО БЛАГОЧЕСТИЯ В ЕПИСКОПСКИЙ ПЕРИОД ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I – В НАЧАЛЕ II ВЕКА -----	405
Общая характеристика епископского периода развития Христианской Церкви-----	405
9.1. Христианский дискурс папы Римского Климента-----	406
9.2. Игнатий Антиохийский – Богоносец-----	409
9.3. «Вождь всей Азии» Поликарп Смирнский -----	413
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ-----	416
ЛИТЕРАТУРА -----	417

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время *Наука* и *Теология*, подобно высокомерным и горделивым родственникам, стараются не замечать друг друга, полагая, что именно она владеет *Истиной*.

Научный дискурс в своём развитии прошел два этапа – классический и неклассический. Современный этап научного мышления с подачи авторитетного советского и российского философа и методолога науки В. С. Стёпина (1934–2018) называют постнеклассическим. В период стремительного развития классической науки в XVII–XIX веках учёные наивно полагали, что в ходе теоретических построений и экспериментальной деятельности им удавалось достигнуть абсолютно достоверного знания. Разразившийся в конце XIX в. глобальный кризис в науке и кардинальная перестройка научного дискурса в начале XX века, названная неклассической научной революцией, привели к представлению о гипотетическом характере научного знания. Лишь во второй половине XX в. философы науки и учёные пришли к пониманию того, что самые развитые научные теории представляют собой упрощённые, идеализированные модели гораздо более сложной объективной реальности. Ускоренное развитие современной науки всё более подтверждает и углубляет подобное представление. Современное философское и научное знание представляет собой систему концептуальных построений, состоящих из мыслительных конструктов – теоретических объектов, выраженных теоретическими терминами.

Современная теология, христианская, исламская, индуистская и др., носит преимущественно догматический характер, каждая из которых претендует на абсолютное знание божественной сокровенной реальности.

Современный постнеклассический научный дискурс требует от исследователей универсальных, продуктивных подходов в изучении и решении актуальных проблем науки и культуры, для которых всякое знание, в том числе и религиозное, является мыслительной конструкцией гораздо более сложной объективной, в том числе божественной, реальности. Эта исходная методологическая установка современного научного мышления уравнивает все виды эпистемологии и все виды знания. В религиозной эпистемологии методология современного познания уравнивает все мифологии и религии, начиная от мифологических верований первобытного человека до самых развитых мировых религий. Всё наработанное религиозное знание представляет собой совокупность различных мыслительных моделей божественной реальности, продуктивность которых проверялась многовековым мистическим опытом общения с Богом. В современном научно-религиозном мышлении *Наука* и *Теология* становятся равноправными сёстрами, позволяющими более глубоко и полно изучать природу божественной реальности и религиозных отношений.

Целесообразно выделить основные философско-методологические представления и установки научно-религиозного анализа, которые определяли моё исследование развития христианства в I веке. Представление об универсальной модели мыслительного конструкта Бога должно включать Его универсальность. Для Него не существует внешней реальности, которая могла бы определять Его деяния. Бог определяет всё. Это означает, что Вселенная или множество Вселенных существуют в Нём, находясь под непрерывным Его потаённым управлением. Среди основных атрибутов научно-религиозного мыслительного конструкта Бога следует выделить Его трансцендентно-трансцендентальную, сверхразумную, добродетельную природу. Бог – это живая реальность, которая всегда бдит во вселенском масштабе, в том числе над букашкой человеком на планете Земля.

Своеобразие религиозной эпистемологии определяет религиозная вера, которая требует учитывать три обстоятельства – знание-убеждение существования Бога, следование правильной технологии, устанавливающей взаимосвязь с Господом и саму мистическую связь с Ним. Верующий знает, что он ходит под Всевышним, и поэтому все предельные цели его существования устремлены к Нему и связаны с Господом. В каждой мифологии и религии разрабатывается комплекс способов (обрядов, благочестивых деяний) для установления благоприятной взаимосвязи с Предвечным. В религиозной вере первостепенное значение имеет сокровенное *знание-переживание* мистической связи с Господом, глубина которой зависит от степени праведности верующего. Наиболее благочестивым подвижникам, достигшим духовно-нравственной чистоты (православным монахам, суфиям в исламе), открывается возможность мистически-метафизического созерцания Господа – *Боговедение*. Поэтому по сравнению с научным знанием религиозное знание имеет мистический довесок, который исследователь должен учитывать в религиозной эпистемологии.

В ходе изучения книг Нового Завета и других религиозных текстов я придерживался следующих методологических установок, которые направляли моё исследование. Согласно представлениям научно-религиозного дискурса о неполноте знания, представленного во всех письменных источниках, все религиозные тексты (Тора, Евангелия, Коран) не являются носителями абсолютно достоверного знания. Священная реальность, которую они описывают, сложнее и многообразнее. Она никогда и никому не дана в полном объёме. Вместе с тем, нет оснований считать священные книги фантазиями их авторов. В религиозной эпистемологии следует учитывать своеобразие субъекта религиозного повествования, для которого повышенный интерес представляют описания мистических событий, которые он стремится изложить с максимальной точностью, не допуская свои измышления и оценки.

В ходе научно-религиозного исследования следует опираться лишь на достоверные сведения, которые я называю мистическими фактами, и всемерно избегать мифологических повествований. Научный факт имеет две составляющие – эмпирическую информацию о процессах и явлениях в объективной действительности, полученную в результате экспериментов и наблюдений, и

её теоретическое осмысление с точки зрения научной теории. Исторический факт обладает подобной структурой. Объективную его составляющую представляют описания реальных исторических событий. В концептуальную составляющую исторического факта входят неявно принятые автором повествования политические, военные, культурные и другие оценки и рассуждения. Мистический факт описывает деяние сверхъестественной силы, называемой божественной, в материальной и социокультурной действительности. Подобно научному и историческому факту, в мистическом факте важную роль играет объективная социальная составляющая, в которой описывается проявление мистического деяния в мирском бытии. Другой составляющей мистического факта является описание чудесного свершения, которое служит основанием и причиной запечатленных мистических событий. Строго проверяемая объективная составляющая мистического факта является носителем его достоверности. В то время как мистическая его составляющая позволяет понять причину и содержание произошедшего мистического события. При этом следует отличать мистические факты в религиозных текстах от мифологических фантазий поэтов и писателей. Поэтому можно утверждать, что в древнегреческой мифологии и древнеиндийской «Махабхарате» мистических фактов нет.

Современное христианское знание представляет собой сложный комплекс трёх существенно различающихся видов знания, которые в совокупности выражают сущностную природу христианского вероучения. После *Вознесения* Иисуса Христа происходило становление и развитие христианского знания в трёх основных направлениях. Поэтому в структуре наработанного христианского знания представляется целесообразным выделить следующие составляющие: сокровенное знание книг Нового Завета, большой массив интерпретаций Священного Писания с помощью теоретических мыслительных конструкций, посредством которых происходило осмысление природы божественной реальности, а также особого рода мистически-метафизическое знание, которое существовало как сокровенное мистическое переживание непосредственной связи с Богом. Впоследствии подобное знание открывалось суровым монахам в ходе многолетнего строгого практического делания и другим. В православной литературе оно называется Боговедением. Рассмотрение трёхсоставной структуры христианского знания позволяет продуктивно изучать его историческое развитие, выявлять своеобразие и особенности построения христианского вероучения на различных этапах генезиса Церкви и отдельных её школ и течений, а также показывать своеобразие христианского дискурса её деятелей и подвижников.

Приступая к изучению Нового Завета следует разрешить первостепенной важности задачу о времени написания синоптических Евангелий, от решения которой зависит характер последующей экзегетической работы и её результаты. Если исходить из написания синоптических Евангелий после 60-х гг. и даже позже, что среди библеистов является весьма распространённым мнением, то их природа, как письменных источников, существенно изменяется. Из достоверных письменных источников важнейшей священной для христиан эпохи они превращаются в литературные произведения, в которых с точки зрения

требований научно-религиозного дискурса становится весьма непростым занятием обнаружить достоверные сведения, на что указывали протестантские теологи XIX–XX вв. В моем исследовании показано, что имеются достаточные основания полагать написание синоптических Евангелий в 40–50-е годы, появление которых в христианских общинах способствовало значительному укреплению и развитию христианской веры. Эти три книги, по сути, составляли Писание и Закон христианского вероучения. Без них христианский дискурс вплоть до 60–70-х гг. представлял бы аморфное образование, содержащее множество ошибочных представлений.

Матфей, Марк и Лука в своем изучении деяний Иисуса Христа были поставлены в эпистемологическую ситуацию подобную той, в которой пребывал великий древнегреческий историк Фукидид, который в своем исследовании пелопонесской войны стремился опираться на собственные свидетельства и очевидцев событий, которых он опрашивал. Апостолы Матфей и Иоанн были свидетелями основных событий земной жизни Иисуса Христа, Его *Воскресения* и *Вознесения*. Они видели Иисуса Христа, непосредственно с Ним общались, слушали Его поучения. По сути, авторы Евангелий создавали Закон христианского вероучения! От четырех евангелистов зависело, каким будут видеть верующие Спасителя. Каждый из них верно знал свою великую ответственность в главном деле своей жизни. Поэтому следовало собирать материал для своей книги главным образом в ходе трудоемкой работы опроса очевидцев, видевших и слышавших Иисуса из Назарета, а затем проверять, сопоставлять, систематизировать накопленные сведения. При этом если историческое исследование Фукидида вело строгое научное требование стремиться к достижению достоверности знаний, то евангелистов принуждал быть максимально правдивыми уникальный «объект исследования» – *Богочеловек Иисус Христос*. Религиозные установки евангелистов категорически не допускали что-либо приукрашивать, добавлять от себя (Фукидид умел мастерски писать речи исторических лиц на основе имеющегося материала). В их повествованиях нужны были предельная искренность и *Правда*.

Когда Матфей, Марк и Лука собирали сведения для своих творений, то главной целью для них было показать, кем в действительности был Иисус. Во время работы над книгой для каждого из них это было далеко непростой задачей. Для них основной интерес представляли мистическая и проповедническая составляющие деятельности Иисуса, которые в полной мере подтверждали бы Его божественную природу. При этом они целеустремленно искали у непосредственных свидетелей и очевидцев, которые могли бы им сообщить новые свидетельства и детали деяний и высказываний Иисуса. Евангелисту не было смысла адекватно воспроизводить известный христианам материал своего предшественника. Поэтому для современного исследователя новые, порой противоречивые писания евангелиста, должны представлять важными дополнительными свидетельствами в описании более сложной экзистенциальной реальности, в пространстве которой происходили священные деяния Иисуса Христа. Таким образом, неувязки и несоответствия евангельских текстов выступают не их недостатками, а, напротив, их достоинствами, стимулировав-

шими более углубленное исследование. Не нужно забывать, что ту священную экзистенциальную реальность, которую евангелисты с благоговейным трепетом пытались воспроизвести, была значительно сложнее и многообразнее.

В ходе экзегетического исследования я активно применял экзистенциальный подход, который существенно расширял жизненное пространство христианской истории, способствовал некоторому прояснению жизненных отношений между Иисусом и Богородицей, Спасителем и Апостолами, а также экзистенциальный анализ страстей, крестной смерти, *Воскресения* и *Вознесения* Иисуса Христа, которые ранее практически не были предметом исследования. Своеобразие экзистенциального анализа выражается в том, что его логику определяет развитие исследуемой жизненной ситуации. В то время как традиционный научный анализ определяют требования формальной логики. В моем исследовании экзистенциальный и научный анализ совместно эффективно работают. Продуктивность разрабатываемого мной экзистенциального научно-религиозного подхода будет показана в ходе настоящего исследования.

В своём исследовании ранней христианской истории я также использовал разработанный мной тематический подход, который позволяет уточнить своеобразие как вероучения Иисуса Христа, так и христианских дискурсов апостолов Петра и Павла, а также Христианской Церкви апостольского периода развития. Тематический анализ, рассматривая духовную реальность как тематическое пространство, позволяет строить теоретические тематически структурированные модели культурных явлений, которые существенно упорядочивают культурологические представления.

Весь наработанный арсенал концептуальных и методологических средств способствовал нетрадиционному изучению книг Нового Завета, открывшему новые мало изученные стороны священной христианской истории. Так, в современном библиоведении установилось достаточно упрощённое представление о развитии христианского вероучения в апостольский период. Задаётся представление, что после *Вознесения* Иисуса Христа Апостолы побежали по различным регионам Израильского государства и за его пределами проповедовать *Истину* христианской веры в полном объёме. Подобным образом Павел после явления ему Иисуса Христа и крещения в Дамаске также поспешал распространять христианское вероисповедание.

В действительности всё происходило гораздо сложнее. Во второй половине 30-х и в 40-е годы никто из Апостолов не понимал подлинной глубины *Благой вести* Иисуса Христа, о чем свидетельствуют их речи в книге «Деяния святых апостолов». Из речей Петра, Стефана и Филиппа, приведенных в «Деяниях», становится очевидным, что в их выступлениях иудейская ментальность составляла бóльшую часть их дискурса. Поэтому фарисеи имели основания называть христиан «сектой Назореев». Из повествования Луки просматривается следующая логика развития благовествования Апостолов. Первоначально они стремились интегрировать христианское учение в пространстве древнееврейского вероисповедания, показывая, что деяния Иисуса Христа являются продолжением ветхозаветной истории, и ранее в Библии были предсказаны. В христианской составляющей их проповеди они большей частью

ограничивались описанием земной жизни Спасителя, придавая первостепенное значение Его *Воскресению*, очевидцами которого они были. В организованных ими христианских общинах видны лишь зачатки нового христианского мышления и образа жизни. В проповедях и деяниях Апостолов иудейские обряды сохраняли преимущественное значение. Дискурс всех Апостолов складывался из христианской и иудаистской составляющих, среди которых последняя занимала большее место в их жизненном мире. Исторически важным было то, что единой парадигмы христианского вероучения не было. В своем благовествовании каждый из Апостолов исходил из собственного понимания сути христианской веры.

Показательным примером может служить генезис христианских воззрений апостола Петра. Первоначально после *Пятидесятницы* в христианском вероучении Апостола преобладала иудаистская составляющая. Христианская часть его проповедей сводилась к описаниям земной жизни Иисуса Христа как посланника Бога, Его крестной смерти и *Воскресении*. В 50-е годы в христианском дискурсе апостола Петра неуклонно нарастало значение высококонрастной христианской морали, которая нашла отражение в его Первом Послании.

Уточнённая в моём исследовании хронологическая последовательность Посланий апостола Павла позволила проследить становление и развитие его христианского дискурса. После крещения в жизненном мире Павла преобладала добротнo проработанная иудейская ментальность, в которой ярко светило *Воскресение* Иисуса Христа. Основной тенденцией в генезисе христианского мышления апостола Павла было решительное переосмысление и переход от иудейской ментальности к формированию, систематизации и развитию духовно-нравственных христианских воззрений.

В книге эти и многие другие новые представления ранней христианской истории получили детальное освещение, что привело к формированию существенно иной картины христианской жизни в I веке.

Я прошу читателя книги быть снисходительным к грамматическим погрешностям в тексте. Поскольку все свои книги мне приходилось издавать за свой счёт, то мои ограниченные финансовые ресурсы не позволяли обратиться к профессиональным редакторам. Я исхожу из того, что главным в книге является её мыслительное содержание. Сильные и красивые идеи ведут и направляют творческое исследование и приносят духовное наслаждение и удовлетворение их автору.

Я искренне и глубоко признателен рецензентам, моим добрым и верным друзьям, доктору философских наук, профессору Петру Кравченко и доктору философских наук Веронике Леонтьевой (г. Харьков) за позитивную оценку моего замысла, за внимательное прочтение текста, за конструктивные и ценные замечания, которые способствовали существенному улучшению текста, моей книги.

12 июня 2022 года
г. Полтава

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНО-РЕЛИГИОЗНОГО АНАЛИЗА НОВОГО ЗАВЕТА

1.1. Основная методологическая установка современного постнеклассического научного дискурса

Согласно современной философии и методологии, всё имеющееся знание является гипотетическим. Абсолютно достоверного знания, абсолютной *Истины* нет и быть не может. Это означает, что естественнонаучный, гуманитарный и религиозный виды знания представляют собой упрощённые концептуальные модели более сложной природной, культурно-исторической или религиозной объективных реальностей, потому что объект исследования всегда имеет гораздо больше свойств, связей и отношений в объективном мире, чем субъект познания может их воспринять и осмыслить с помощью самой чувствительной и сверхточной аппаратуры. Поэтому самые развитые современные космологические, биологические, физиологические, психологические, историко-культурные и другие теории представляют собой более или менее продуктивными гипотетическими построениями. Это в полной мере относится и к религиям и их священным текстам в Торе, Библии и Коране.

С XVIII века, когда ученые освободились от преследований цепных псов церковников, и по настоящее время в научном дискурсе сохранилась фобия, которую я называю «комплексом эпохи Просвещения», категорически запрещающая изучение божественной реальности. У большинства ученых со студенческой скамьи в ходе изучения различных наук формируется устойчивое убеждение, что «Бога нет», и говорить здесь нечего. В XIX–XX веках работу по разоружению христианства взяли на себя теологи-протестанты (Штраус, Юлихер, Бультман и др.), которые, возомнив себя носителями самого продвинутого научного и философского знания, камня на камне не оставили от книг Нового Завета, а всех теологов Церкви рассматривали убогими носителями мифологического сознания. В настоящее время «комплекс эпохи Просвещения» накладывает существенные ограничения на дальнейшее развитие науки в ее самых фундаментальных областях.

Горделивый устаревший научный дискурс закладывает методологическую установку абсолютного доминирования, согласно которой, все, что противоречит или не соответствует исторически ограниченному научному представлению, является ложным и следует отбросить. Это консервативное представление, по сути, выступает тормозом для дальнейшего развития современной науки, потому что приводит к отрицанию и отбрасыванию революционных научных идей и теоретических построений. В прошлом это приводило к тому, что многие гениальные ученые при жизни оказывались изгоями, проживавшими в нищете. Их выдающиеся научные открытия не получали должной оценки у современников. Одним из них удавалось лишь в конце жизни увидеть признание своих научных достижений, а многим научная слава приходила лишь после смерти.

Методологическая установка о бесконечной сложности объективного мира, не только материального, снимает эти проблемы. Интенсивное развитие современной науки требует под давлением новых эмпирических открытий непрерывно, порой существенно, изменять, казалось, устоявшиеся теоретические представления. По мере продвижения современного научного исследования предмет изучения все более усложняется. Так, современные ученые полагают, что самым сложным объектом во Вселенной является человеческий мозг. В контексте развития современной науки ничто не мешает включить трансцендентную божественную реальность в современную научную картину мира, и изучать ее, следуя нормативам современного научного дискурса.

Почему нельзя средствами современной философии и методологии науки изучать своеобразную природу божественной реальности? Большая часть фундаментальных теоретических построений в современной космологии, не имея эмпирического подтверждения, которое в ближайшем будущем не предвидится, носят гипотетический характер. Потаенные реальности темная материя и темная энергия имеют как бы косвенное подтверждение, позволяя понять и объяснить странные процессы во Вселенной с точки зрения господствующих теорий в астрофизике. Объективно существуют потаенные реальности, названные «темная материя и темная энергия». Построенные для понимания их природы различного рода теоретические конструкции представляют собой упрощенные идеализированные модели гораздо более сложной материальной действительности.

Методологическая установка неполноты знания уравнивает все виды знания. Поскольку каждый вид знания отличается один от другого по многим параметрам, то исследователь должен в своей работе учитывать своеобразие знания, с которым он имеет дело. Применительно к моему исследованию книг Нового Завета это означает, что в них содержится знание священной христианской истории, которое весьма неполно воспроизводит происходившие события деяний Иисуса Христа и Апостолов. Согласно традиционному научному подходу, в изучении религиозных текстов не принимается во внимание их мистическая составляющая, повествование о богах и чудесах, как мифологических издержках воззрений далёких времён, и исследуются лишь социально-политические и культурные события. В результате такой мыслительной про-

цедуры предмет исследования религиозного текста существенно упрощается и, по сути, подгоняется под объект исторической эпистемологии. Предметом современного научно-религиозного анализа является сложное единство социокультурной и мистической сторон религиозного текста, что позволяет более полно изучать события религиозной жизни. При этом непростой задачей становится выявление своеобразной природы мистического явления и его описания в тексте.

Целью первой главы является провести философский и методологический анализ своеобразной природы религиозного знания, изложенного в религиозных текстах.

1.2. Субъект и объект религиозного повествования

Своеобразие субъекта мистического повествования

Приступая к культурно-историческому анализу религиозного текста следует предварительно прояснить ценностно-мыслительные и методологические установки, которыми, чаще всего неосознанно, руководствовался автор в ходе работы над своим произведением, а также те цели и задачи, которые он перед собой ставил.

В эпоху классической науки в XVIII–XIX веках ученые полагали, что от субъекта познания требуется максимальная объективность в регистрации эмпирических данных. Поэтому в ходе научной деятельности учёный должен был максимально самоустраниться. Еще в XVIII веке И. Кант (1724–1804) убедительно доказал изначальную активность субъекта в познавательном процессе. Однако ученые и большая часть философов этому важному обстоятельству не придавали существенного значения. Практически все наивно полагали, что им, наконец-то, удалось «схватить истину за бороду» и достигнуть достоверного знания в изучаемой области. А. Эйнштейн (1879–1955), разрабатывая теорию относительности, обнаружил, что результаты исследования в значительной степени зависят от положения наблюдателя. Философы науки XX века существенно прояснили важную роль социокультурной составляющей субъекта познания в эпистемологическом процессе.

Критики несостоятельности христианского религиозного знания не учитывают важную особенность субъекта религиозного повествования, для которого исходной жизненной основой являются не мирские ценностно-мыслительные устремления (желание прославиться, разбогатеть и др.), а строгий, абсолютно справедливый, непрерывно созерцающий тебя Бог. Это означает, что в ходе работы над текстом он ориентируется не столько на положительную оценку мирского человека, а на строгого и безусловно справедливого наблюдателя Бога. Для него самым строгим оценщиком всех его высказыва-

ний и всей работы является Бог. К тому же он ориентируется на очень взыскательного и требовательного искренне верующего читателя, для которого истинность мистического повествования имеет **жизненно важное значение**. Поэтому требования к достоверности повествования в сокровенном религиозном знании гораздо более строгие, чем у современных ученых, которые, в настоящее время большей частью устремляясь к получению прибыли, в конкурентной борьбе позволяют себе недостаточно справедливые и объективные рассуждения и оценки.

Глубоко верующий автор произведения верно знает, что Господь всегда бдит и обязательно накажет за никому не нужную фантазию. Для благочестивых авторов религиозного повествования мирские цели и интересы не имеют существенного значения. Архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан (1873–1940) был духовником царя Николая II и всей его семьи. Зная исповедальные откровения императора России, императрицы, их дочерей, он мог бы написать книгу и заработать кучу денег, приобрести большую популярность и существенно улучшить своё материальное положение в эмиграции. Благочестивый Феофан сохранял полное молчание. Надо полагать, что подобные мысли ему в принципе не могли прийти в голову.

Своеобразие субъекта религиозного повествования можно показать на следующем примере. Святитель Иона Киевский пишет, что «в 1885 г. пришла ко мне девица лет 50 или 60 из Черниговской губернии и попросила принять от нее и ее матери образ св. Николая, писанный на доске, который ее мать купила, когда была на богомолье у Почаевской Божьей Матери. Спустя много лет, с иконы стала сходить живопись и совсем сошла, осталась только грунтовка белая на доске. Однажды матери пришла мысль опустить доску в колодец, что они и сделали. Через некоторое время матери и дочери в одну и ту же ночь снится один сон. Приходит к ним старик очень благообразной наружности и говорит: «За что вы, госпожи, на меня прогневались, какое зло я вам сделал, что вы выбросили меня вон из своего двора и дома? Примите меня опять, не бросайте меня, старца». Сказав это, он пошел от нас. Через некоторое время они опять видели тот же сон и не могли понять, когда они выгнали старца. Раз в полдень входит к ним в хату старик, помолился и говорит: «Я опять к вам пришел, простите меня и смилуйтесь надо мною, примите меня опять к себе, не гоните меня, я желаю при вас жить – прошу вас, примите меня». Они ему говорят: «Старичок Божий, мы вас в первый раз видим, никогда вас не оскорбляли и не гнали ни из дома, ни со двора» А он отвечает: «А в криницу кого вы опустили, возьмите опять к себе». Сказав это, он стал невидим. Они пришли в ужас, побежали к кринице, вытащили доску и принесли домой. За 20 верст в другом селе несколько лет лежал больной человек. Ему во сне явился кто-то и сказал, чтобы он пришел к женщинам, у которых есть св. образ. Пусть он попросит священника отслужить молебен в их доме и чистою водою омыть тот образ, пусть даст выпить ему этой воды, и он выздоровеет. Когда священник, совершив молебен и омыв водой доску, хотел вытереть ее чистым полотенцем, вдруг все белое сошло, и под ним оказалась икона «святителя Христова Николая». Больной тотчас почувствовал себя здоровым и крепким. Были

видения во сне и другим больным. Священник много раз так делал и просил отдать св. икону в церковь, но они не смели, потому что боялись оскорбить того старца, который явился им наяву. Прошло несколько лет. Все больные глазами, головою и другими болезнями обращались к св. иконе и получали исцеление от воды, которою омывали св. икону. Вскоре пришла родственница и попросила благословить св. иконой выходявшую замуж сироту. Мать и дочь благословили сироту и отдали ей образ. Прошло 2 или 3 года, им они видели один и тот же сон. Тот же старик приходит к ним и говорит: «Вот вы опять прогнали меня, а мне какво? Куда вы меня отдали – не дом и не жилище христиан, а Содом и Гоморра, ад; и я вас прошу, возьмите меня ка себе». Но они не могли осмелиться просить обратно забрать св. икону. Прошло некоторое время, опять повторяется сон, и опять старик просит: «Возьмите, и возьмите непременно, я быть там не могу, возьмите меня к себе». Прошло некоторое время, явился святитель Николай почти явственно и говорит: «Возьмите, возьмите меня к себе, ибо я больше терпеть не могу». Они же говорили, что никак не могут приступить. Спустя неделю в том доме произошел пожар. Все сгорело. При разборе мусора обнаружили св. образ совершенно невредимым. Они забрали образ и с тех пор никому не давали. Однажды вдруг св. икона воссияла, и голос говорит от иконы: «В городе Киеве, в Свято-Троицком мужском монастыре, на горах, есть игумен Иона. Вы возьмите сей св. образ, несите туда и ему прямо в руки отдайте. Скажите ему все это, и он даст мне местечко и поставит меня, где я уже буду стоять всегда». Иона сообщает, что он, приняв от них св. икону, поставил ее в предельном св. алтаре на Горнем месте, на стене в раму вставил. Она и доселе там находится. Иеромонаху Иоанникию он велел записать все, что они ему расскажут, ничего не утаивая и не прибавляя. Старушка-девица также рассказала Ионе, что однажды священник решил проверить чудотворность иконы, полагая, что при ее повреждении она должна начать кровоточить. Он начал ковырять ножом по лику св. Николая. Из св. образа кровь не пошла. По возвращении на пороге своего дома он пал бездыханный. Заканчивая свое замечательное повествование, преподобный старец Иоанн пишет: «Образ святителя Николая на день праздника выносят на аналой и величают. Его выносят в раме и без рамы, как есть. Он для прославления св. имени Божия и великих славных чудес Божиих» [135, с. 216–223].

Как оценивать это повествование? С точки зрения упрощённого материалистического философско-научного подхода совершенно очевидно, что сие писание представляет собой вымысел, можно сказать, изошрённую фантазию весьма непросвещённых в достижениях продвинутой науки верующих, потому что такие чудеса в материальной действительности, упорядоченной и организованной причинно-следственными связями между объектами и явлениями, никоим образом не могут иметь места. Однако если мы обратимся к оценке субъектов повествования женщины и Ионы, то увидим, что они, воспринимая происшедшее с мистическим страхом и трепетом, не имели малейшей заинтересованности что-либо придумывать и добавлять от себя. Женщина в общении с почитаемым старцем никаких мирских целей не имела. Их беседа происходила как бы перед самым строгим судьей и наблюдателем Господом. Для

самих повествователей не было никого смысла что-либо выдумывать, потому что фантазия для них самих не имела никакой ценности, более того, была не только зловредна, но и опасна, ибо могла быть наказуема *Оттуда*. Все это даёт основание отнести это повествование к достоверному мистическому факту. Православные тексты обычно заканчиваются неформальным «Амѣнь» (др.-греч. ἀμήν, от ивр. אָמֵן, Амѣн – «верно», «да будет так»; лат. amen, Амен), что указывает на то, что автор перед Господом свидетельствует о его истинности.

Своеобразие религиозных текстов о мистических событиях выражается в том, что они обычно носят эмпирический характер. Авторы лишь сообщают о произошедшем мистическом событии, не пытаясь осмыслить природу мистического явления. Если обратиться к анализу выше приведенного повествования, то мы увидим его невероятную сложность. В нем переплетается мистика иконы (для учёных доски), странные явления св. Николая и его переживания (!) из-за недостойного отношения к его образу по недомыслию благочестивых женщин. Если мистическая составляющая свидетельства непросвещённой, но глубоко верующей женщины вызывает недоверие к её рассказу, то мистически обусловленные события (пожар, исцеления и др.), которые при желании были проверяемы, надо полагать, имели место. Святитель Иона Киевский этого не делал, потому что не сомневался в правдивом рассказе женщины. Подтверждением тому стало проявление чудотворности иконы, выставленной им в храме.

Никола́й Чудотво́рец; *Николай Узóдник*; *Николай Мирликийский*; *Святитель Николай* (греч. Ἅγιος Νικόλαος, святой Николай; ок. 270 – ок. 345), архиепископ Мир Ликийских (Византия), почитается как чудотворец, покровитель практически всех слоёв общества, но в основном детей. В 1087 году мощи святителя были перевезены в Италию и в настоящее время находятся в крипте базилики Св. Николая в городе Бари (Италия). В Московской Руси и Российской империи Николай Чудотворец занимал первое место среди святых (после Богоматери) по количеству посвящённых храмов и написанных икон. Он является одним из самых популярных святых среди верующих.

Прошу читателя быть снисходительным к моей попытке осмыслить эту замечательную историю. Почему икона Святого Николая стала чудотворной, и что это означает? Когда женщины купили эту икону, то она, будучи освящённой, ничем не отличалась от продаваемых других. Она стала таковой, благодаря благоговейному и трепетному отношению благочестивых женщин через нее к св. Николаю. Если бы икона стояла в доме для мебели, то на ней сохранились бы краски, может быть немного потемневшие. Но глубоко веровавшие женщины ежедневно многие годы во время молитвы целовали, душевно ласкали любимый образ, брали с собой в дорогу, чтобы почитаемый св. Николай был все время рядом. ***И он был рядом!*** Благодаря незамутнённой искренности веры женщин, поддерживаемой ежедневно многие годы, у них установилась непрерывная мистическая связь со Святым, который также многие годы покровительствовал и помогал им в жизни. Когда женщины по своему недомыслию опустили икону в колодец, эта сокровенная связь, благоприятная св. Николаю, прервалась. Почему они приняли такое, казалось, странное решение в

отношении дорогой сердцу иконы? Скорей всего, они решили, что любимая икона будет продолжать «работать» в колодце, освящая воду, которую они брали. Чтобы восстановить блаженную мистическую связь, святой Николай вынужден был явиться женщинам непосредственно. Таким образом, важнейшей особенностью субъекта повествования является до предела искреннее, благоговейно-трепетное отношение к Богу, Царству Небесному, где находятся Пресвятая Богородица, Апостолы, Святые и другие. Подлинная вера – это и есть до предела искреннее, благоговейно-трепетное отношение к Богу. Поэтому субъект религиозного повествования максимально стремится к *Правде* и *Истине*. Как будет показано ниже, такими были Евангелисты. Развивая это представление, имеются основания утверждать о возникновении обратной мистической связи с *Царством Небесным*. Тогда может идти речь о богодухновенности творения автора. У горе-«экспериментатора» священника благоговейного отношения к чудотворной иконе не было, за что он был сурово наказан. Такого отношения к Иисусу Христу у братьев протестантов-теологов не было, что позволяло им фантазировать в своих произведениях о книгах Нового Завета.

Важной особенностью субъекта религиозного повествования является повышенный интерес к мистическим событиям, которые он стремится описать с максимальной точностью, не допуская свои измышления и оценки. Такими были все авторы книг Нового Завета. Многие повествования мистических событий, по сути, представляют собой мистические факты. В многообразной религиозной литературе следует различать фантазеров, которые создают мифологические сказания, к подлинной религии не имеющие отношения, и авторов религиозного текста, стремящихся в своем повествовании к максимальной достоверности в описании мистических событий.

Особенности объекта религиозного повествования

В настоящее время современные науки и технологии развиваются настолько стремительно и успешно, что не видно каких-либо границ для их дальнейшего прогрессивного развития, хотя временные трудности роста ученые испытывают каждый день. То, что еще недавно, казалось, познать в принципе невозможно, а тем более сконструировать, лет через пять выходит в виде изящного гаджета с удивительными характеристиками. Когда в научных коллективах начинают «пробуксовывать» устоявшиеся теоретические представления, то нередко ученые, говорят, что принимаются все идеи, в том числе и «сумасшедшие», которые позволили бы по-новому посмотреть на предмет исследования и открыть перспективное направление работы.

Таким же образом следует рассуждать и в отношении божественной реальности. За многовековую историю христианства было множество мистических событий, которые могут рассматриваться как достоверные мистические факты. Разработанные христианскими теологами представления о Боге также являются собой более или менее удачные мыслительные конструкты, которые также предстают существенным упрощением и идеализацией трансцендент-

ной божественной реальности. Всякие рассуждения о природе трансцендентной божественной реальности представляют собой очередную попытку построения теоретического конструкта «Бога». При этом следует заметить, что среди всех теоретических объектов мыслительный конструкт «Бога» является самым сложным и построение его выступает наиболее трудным занятием.

Если потаенная божественная реальность существует, то, изучая последние кирпичики мироздания или физиологию живых организмов на уровне взаимодействия атомов и макромолекул, открывается возможность исследовать и строить продуктивные теоретические модели интегрирующих факторов, происходящих в живой и неживой природе, чего современным научным представлениям очень сильно не хватает. Принятие этой методологической установки существенно расширяет и обогащает научный поиск. Следует подчеркнуть, что при этом речь не идет о какой-либо религии или религиозных представлениях и верованиях. Исследование должно происходить в рамках обновлённого научного дискурса, от которого требуется продуктивность и эффективность. Почему нельзя гипотетически допустить существование неприродного интегрирующего фактора во Вселенной, в физиологии живых организмов и деятельности человеческого мозга, а затем проводить строгие научные исследования?

Однако рассмотрение мистически-метафизической божественной реальности лишь как теоретического мыслительного конструкта было бы существенно неполным, потому что не учитывало бы важные её особенности. Исходным в мистически-метафизическом построении мыслительного конструкта Бога должно быть утверждение трансцендентно-трансцендентальной природы Бога, которая определяет все Его атрибуты. Важнейшими атрибутами трансцендентного бытия Бога, которые определяют эпистемологические установки исследования, являются – *Бог есть Творец материального мира*, которым Он непрерывно управляет и поддерживает его системное состояние. Бог ничем не ограничен. Он может всё. *Бог есть надприродная реальность*. Когда Он включает деяние, то никакие природные законы не могут Ему помешать. Они прекращают свое действие и отключаются. *Бог есть совершенное разумно-добродетельное бытие*, вечная и абсолютная система отсчета разума и добродетели. К этому образцу благочестивый верующий должен быть устремлен каждый день своей жизни. Будучи вечным и вневременным, *Он есть живой Бог*, Который в режиме реального времени видит, слышит, знает все твои мысли и переживания. Каждый из нас, подобно букашке, на ладони у Господа, Который милосердно присматривает за нами и при необходимости помогает нам, хорошим мальчикам и девочкам, или наказывает за провинности.

Таким образом, при исследовании религиозных объектов следует опираться лишь на достоверные сведения, которые я называю мистическими фактами, и всемерно избегать мифологических повествований.

1.3. Научный факт, исторический факт и мистический факт

В 30-е годы XX в. логические позитивисты М. Шлик (1882–1936), Р. Карнап (1891–1970), К. Гемпель (1905–1997) и др. неопозитивисты приступили к анализу природы и структуры научного знания. Они исходили из того, что строгость и истинность научным теориям придает достоверный эмпирический базис, который представляет собой совокупность эмпирических фактов, полученных в результате экспериментов. Поскольку философия в своих абстрактно теоретических построениях не опиралась на строгие эмпирические знания, то они утверждали, что все философские высказывания бессмысленны. По мнению неопозитивистов, каждое теоретическое суждение должно быть верифицировано, т. е. иметь эмпирическое подтверждение. Под научными фактами они понимали протоколы наблюдения, в которых фиксируются результаты проведенных экспериментов. Будучи авторитетными математиками и формальными логиками, неопозитивисты построили слишком строгую модель научного знания и научной деятельности. В реальной жизни самой развитой в то время физической науки всё было гораздо сложнее. В научном исследовании далеко не каждое теоретическое утверждение проходило эмпирическую проверку. В начале 60-х годов неопозитивисты вынуждены были признать несоответствие своих философских воззрений реальному процессу генезиса научного знания. Представляется целесообразным в научном знании различать научный факт, исторический факт и мистический факт.

В 70-е годы XX века стало очевидным, что **научный факт** обладает более сложной природой. Не углубляясь в исследование этого вопроса, отметим лишь, что факт с необходимостью имеет две составляющие – эмпирическую информацию о процессах и явлениях в объективной действительности, полученную в результате экспериментов и наблюдений, и её теоретическое осмысление с точки зрения научной теории. По мере развития последней интерпретация факта может расширяться и углубляться.

Исторический факт обладает подобной структурой. Объективную его составляющую представляют описания реальных исторических событий, которые по возможности должны быть как можно более точными и полными. В концептуальную составляющую исторического факта входят неявно принятые автором повествования политические, военные, культурные и другие оценки и рассуждения. По мере развития исторической науки содержание исторического факта может существенно изменяться в интерпретационной части.

Мистический факт. В структуре религиозного знания представляется необходимым различать и учитывать теоретические теологические построения и фактический материал, который образуют описания реальных событий церковной истории и отдельных подвижников. Как и в других науках, теологические рассуждения должны основываться на строгом и тщательно проверенном эмпирическом материале религиозной жизни Церкви, что давно стало обыч-

ной практикой религиозного исследования. Своеобразие эмпирического базиса религиозного знания выражается в том, что он состоит из двух существенно различных фактических данных. Описания религиозной жизни верующих и церковных организаций в социально-политической и культурной жизни общества существенно не отличаются от таковых в исторических науках, потому что они основываются на исторических свидетельствах, исторических фактах. Вместе с тем своеобразие религиозного знания определяет наличие особого рода фактов, которые целесообразно называть мистическими, и их интерпретации.

Мистический факт описывает деяние сверхъестественной силы, называемой божественной, в материальной и социокультурной действительности. Поскольку с точки зрения научного дискурса подобные события невозможны, то ученые и протестантские теологи относят их к фантазиям недалеких верующих. Однако более углублённый научно-религиозный анализ позволяет существенно продвинуться в понимании мистически-метафизической природы религиозной реальности. Эпистемологическое исследование мистического факта открывает своеобразие его построения и познавательного значения. Подобно научному и историческому факту, в мистическом факте важную роль играет объективная составляющая, в которой описывается проявление мистического деяния в мирском бытии. При этом следует различать два их вида – индивидуальные, когда мистическое событие происходит в отношении отдельного благочестивого верующего, и интерсубъективные, когда очевидцами чудесного события становятся множество людей. Поскольку в религиозном сознании подобные мистические события (явление Богородицы, Ангелов, святых, чудесные исцеления, изгнание бесов и др.) имеют первостепенное жизненное значение, то к ним прилагаются повышенные по сравнению с научными требования, включая комплекс высших экзистенциальных переживаний. Другой составляющей мистического факта является описание чудесного свершения, которое служит основанием и причиной запечатленных мистических событий. В ходе моего исследования книг Нового Завета эти общие положения получают дальнейшее развитие и уточнение на показательных примерах из Евангелий и других письменных источников истории христианства.

Следует строго отличать мистические факты в религиозных текстах от мифологических фантазий поэтов и писателей, которые существенно влияли на мифологические представления и верования народов. Поэтому можно утверждать, что в древнегреческой мифологии и древнеиндийской «Махабхарате» мистических фактов нет. Как будет показано ниже, одной из центральных задач евангелистов было собрать, упорядочить и выстроить мистические факты деяний земной жизни Иисуса Христа, что придало их книгам столь качественный и достоверный характер.

Показательным примером мистического факта может служить деятельность Григория Чудотворца, в жизни которого мистические моменты играли определяющую роль. **Григóрий Чудотвóрец** (др.-греч. Γρηγόριος ὁ Θαυματουργός; «*бодрствующий, пробудившийся*»; ок. 213 – ок. 270/275) епископ Неокесарийский, святитель, богослов. Он восемь лет учился у пресвитера

Оригена и принял от него крещение. Существует предание, что во время молитвы ему явились Пресвятая Богородица с Иоанном Богословом и научили его праведно исповедовать Символ веры, который он записал. Символ святого Григория Неокесарийского был рассмотрен и одобрен Первым Вселенским Собором в 325 году.

Григорий, получив богословское и философское образование у самого Оригена, удалился в пустыню заниматься самым благим и приятным для него делом в ходе строгого подвижничества – непрерывной молитвой и суровой аскезой, непосредственным мистически-метафизическим общением с Господом. Однако до него дошли известия, что епископ Федим Амасийский прилагал все старания дать ему начальствование в церкви. Узнав об этом, Григорий попытался спрятаться, переходя из одной пустыни в другую. Испытавши все средства для достижения поставленной цели, Федим заочно назначил его епископом Неокесарии, которая в то время была практически языческой. Вынужденный принять епископское звание, Григорий попросил отсрочку для вступления в должность, надеясь получить мистическое откровение *Оттуда*. Вскоре ночью в видении ему явились Пресвятая Богородица и апостол Иоанн, которые кратко изложили ему тайну веры. Григорий записал откровение, текст которого сохранился, незамедлительно оставил пустынь и устремился в Неокесарию обустроивать Богу церковь. В это время умер неокесарийский епископ, и клирики обратились к епископу Назианскому Григорию (?–374), отцу Григория Богослова, дать им пастыря. Григорий Назианзин обратился с молитвой к Господу (текст молитвы сохранился). Во сне он услышал голос, повелевающий ему не избирать никого, кроме отшельника Григория. Когда Григорий Назианзин выразил недоумение, как он может найти обитателя гор, то голос повелел ему позвать клириков, войти в алтарь, помянуть имя Григория и назначить его епископом, даже если его там нет. Григорий Назианзин так и сделал. Ангел сообщил Григорию Чудотворцу о назначении его епископом Неокесарии и повелел ему пойти в Назианз получить благословение от Григория и потом направиться в свой город [112, с. 77–79].

С точки зрения традиционного научного мышления это повествование предстает сказочной историей. Подобная оценка представляет собой применение наработанных в естествознании достаточно упрощённых критериев верификации и истинности, которые рассматриваются как единственно возможные, при осмыслении существенно иной по своей природе мистической реальности. Методология современного научно-религиозного подхода позволяет сформулировать некоторые нормативы, которые дают основание утверждать достоверность рассматриваемой истории и подобных ей. Первоначально события развивались в головах двух Григориев. Эти видения и голоса были явлениями лишь их субъективного мира и даже им поначалу представлялись странными. Однако, поскольку они были мистическими людьми, т. е. придавали им объективный статус проявления высшей божественной воли, то они на основе этих мистических указаний смиренно совершали деяния и поступки в объективной социальной реальности. Оказалось, что независимые друг от друга видения вели Григориев к наперед заданному результату – епископству

Григория. Если обратиться к осмыслению экзистенциальной ситуации, которая имела место накануне и во время избрания отшельника Григория епископом, то окажется, что было достаточно много очевидцев среди клириков Назианза, которые свидетельствовали достоверность происходивших событий. Сохранились тексты молитв, которые являются носителями священной экзистенциальной реальности, которая имела место. Объективную составляющую этого повествования составляет исторический факт, содержание и происходившее событие было бы непонятным без мистической составляющей. Эту историю из жизни святого Григория описал святитель Григорий Нисский.

Таким образом, строго проверяемая объективная составляющая мистического факта является носителем его достоверности. В то время как мистическая его составляющая позволяет понять причину и содержание произошедшего мистического события.

1.4. Трехединая система христианского знания

Современное христианское знание представляет собой сложный комплекс трёх существенно различающихся видов знания, которые в совокупности воссоздают сущностную природу христианского вероучения. После *Вознесения* Иисуса Христа происходило становление и развитие христианского знания в трёх основных направлениях. Поэтому в структуре наработанного христианского знания представляется целесообразным выделить следующие составляющие: сокровенное знание книг Нового Завета, большой массив интерпретаций Священного Писания с помощью теоретических мыслительных конструктов, посредством которых происходило осмысление природы божественной реальности, а также особого рода мистически-метафизическое знание, которое существовало как сокровенное мистическое переживание непосредственной связи с Богом. Впоследствии подобное знание открывалось суровым монахам в ходе многолетнего строгого практического делания и другим. В православной литературе оно называется Боговедением.

Рассмотрение трёхсоставной структуры христианского знания позволяет продуктивно изучать его историческое развитие, выявлять своеобразие и особенности построения христианского вероучения на различных этапах генезиса Церкви и отдельных её школ и течений, а также показывать своеобразие христианского дискурса её деятелей и подвижников.

Мистическое знание-вѣдение Бога

Исторически первым развивалось *мистически-метафизическое знание-вѣдение-переживание Боговѣдения*, которое появилось у Апостолов в результате их преображения после *Вознесения* Иисуса Христа. Сущностную природу этого вида христианского знания выражает высказывание апостола Павла: «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно

знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор 8:2–3). Своеобразие *знания-вѣдения-переживания* выражается в том, что оно включает мистическую составляющую, пришедшую *Оттуда*. Примечательно, что это высказывание апостола Павла приводит Аврелий Августин в предисловии к своему фундаментальному труду «О Троице», по-видимому, полагая, божественный источник появления у него глубоких мыслей и идей. Показательным примером также может служить апостол Пётр, который, будучи малообразованным рыбаком, сразу же после преобразования в *Пятидесятницу* выступил с пламенной речью перед множеством людей, словно многоопытный профессиональный оратор. Нужно жить в Господе. В своей обыденной жизни нужно быть устремлённым в *Царство Небесное*, чтобы получить одарение Господа *знанием-вѣдением*. Если ты большую часть своего жизненного существования вынужден заниматься мирскими делами и заботами, то на приход такого рода знания рассчитывать не следует.

Сложность *знания-вѣдения* выражается в его двухсоставной, словесной и мистической, природе. В его различных проявлениях может преобладать та или иная сторона. Мистическая сторона *знания-вѣдения* есть переживание непосредственной связи с Господом, которую трудно передать словесно. Как будет показано ниже, практически всё христианское знание, которое апостол Павел излагал в своих Посланиях, было *знанием-вѣдением*, пришедшим, как он полагал, от Самого Иисуса Христа. Поэтому ему приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы привести его в надлежащую словесную форму.

Сокровенное *знание-вѣдение* «работает» только в режиме реального времени в экзистенциальной реальности священного переживания. Сокровенное *знание-вѣдение-переживание* появляется у подвижника-монаха, как манна небесная, после умерщвления плотских желаний и духовно-нравственного очищения своей души в ходе многолетней суровой аскезы и непрерывной молитвы. Оно есть подлинное *Откровение* Бога достойному служителю Церкви, которое может носить как временной характер (явление монаху Пресвятой Богородицы и даже Иисуса Христа), так и как бы непрерывное непосредственно-потоптаемое общение с Господом, когда благочестивый подвижник всем своим существом видит-знает присутствие Иисуса Христа в последних глубинах своей души, что Иисус совсем рядом, ближе всех и всего. Он ведет его по жизни. По мнению Иосифа Исихаста Афонского (1897–1959), «истинный монах должен быть занят день и ночь созерцанием Бога: ест ли он, спит ли, трудится или идет. Ибо Бог к нам ближе всех, так что мы можем постоянно беседовать с Ним. Потому что во взгляде твоём – Бог. В уме твоём – Бог. В слове, дыхании, еде, куда ни помотришь – везде Бог. В Нем живем и движемся. Он нас носит на Своем лоне» [141, с. 197]. Он утверждал: «Истинный монах – это произведение Святого Духа» [141, с. 196]. Поскольку для сурового монаха достижение последней остановки *Боговѣдения*, сокровенного переживания мистически-метафизической связи с Господом, было и есть самой главной жизненной целью, то ему не было интереса и желания сообщать его кому-либо в словесной форме. Поэтому с точки зрения внешнего наблюдателя представлялось, что в их христианском дискурсе теологическая составляющая практиче-

ски отсутствует, хотя жития святых сообщают, что они были весьма осведомлены о достижениях христианских богословов. Для внешних наблюдателей протестантских теологов (Гарнак, Тиллих и др.) строгая аскеза православных монахов представлялась никчемным занятием, вредным для здоровья.

В истории Христианской Церкви одним из первых достиг сокровенного *знания-ведения* мужественный первооткрыватель-монах Антоний (ок. 251–356), прозванный христианами «Великим». В IV в. движение монахов-отшельников в пустынях и горах Египта, Сирии и Палестины приобрело массовый характер. В ментальности христиан этого духовно-преобразовательного столетия этот род мистически-метафизического *знания-ведения* приобрел основополагающее значение. Поэтому главные теоретики-богословы этого столетия в истории христианства полагали первостепенной необходимостью пройти путь подлинного подвижничества сурового монаха-отшельника (Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Назианзин и др.). Внешним признаком того, что монах достиг последней остановки Боговедения, было появление у него чудесной способности прозорливости и исцеления людей, которые христианский подвижник обычно рассматривает как деяние в нём благодати Божией.

Священное знание книг Нового Завета

Эмпирический базис христианского знания составляют книги Старого и Нового Завета, в которых представлена дохристианская история, деяния Иисуса Христа и благовествование Апостолов после Его *Вознесения*. Поскольку тексты Старого Завета не предстают теологически нагруженными, то их следует отнести к преимущественно эмпирическим повествованиям древней иудейской истории. Эмпирическое основание христианского вероучения составляют синоптические Евангелия и «Деяния святых апостолов» (далее – «Деяния») Луки. Сокровенное знание этих книг задает исходную систему представлений христианского вероучения. Оно составляет первооснову, базис христианского вероучения. Из него непосредственно или опосредованно истекает всё, что имеется в христианском религиозном комплексе. Священное знание этих книг создает достаточно полную картину деяний и вероучения Иисуса Христа. На языке философии науки оно носит эмпирический характер, потому что оно представляет собой сложную систему взаимосвязанных исторических и мистических фактов при отсутствии их теологического осмысления.

На протяжении XIX–XX вв. протестантские теологи (Шаф, Гарнак, Бульман, Тиллих и др.) старались очистить христианское вероучение от устаревших домыслов и стереотипов на основе философско-научного дискурса того времени. В результате их трудоемкой работы они пришли к выводу, что практически все книги Нового Завета представляют собой художественную литературу. По их мнению, в них достоверных исторических сведений о земной жизни Иисуса Христа практически нет. Одной из главных задач настоящего исследования является обосновать и доказать средствами современного научно-

религиозного анализа достоверность повествований, содержащихся в книгах Нового Завета.

Представляется целесообразным уточнить статус богодухновенности книг Четвероевангелия. Согласно упрощённому пониманию богодухновенности, в ходе работы евангелистов Господь и Святой Дух мистически непосредственно направляли их благословенную деятельность (Иероним и др.). Из этого следует, что не столько ограниченные в своих воззрениях евангелисты, сколько божественная реальность (Господь и Святой Дух!) несут ответственность за достоверность изложения повествования, что представляется преувеличением. Покровительство божественной реальности на писательскую деятельность Матфея, Марка, Луки и Иоанна было сложным и опосредованным. Все евангелисты были глубоко верующими в Сына Бога Иисуса Христа, можно сказать, всегда были открыты Господу. При этом Матфей и Иоанн осуществляли апостольское служение. Поскольку в Евангелиях описываются события не гражданской, а священной истории, то эти книги содержат как повествовательную, так и мистическую (*знание-вѣдение*) составляющие. Однако это не даёт основания полагать Евангелия носителями абсолютно достоверного знания. Описываемая евангелистами священная реальность была гораздо сложнее, чем представленная в их повествованиях. Это уточняющее обстоятельство позволяет учитывать своеобразие евангельских книг в Священном Писании.

Система теологического знания

Третья составляющая христианского знания представляет собой систему развитого теоретического знания, которая получила название христианской теологии или богословия. Предназначением этого большого наработанного массива теологического знания является всесторонне осмыслить христианское вероучение и историческое его развитие.

С начала становления теологического знания во II веке первостепенную роль в его развитии играли церковные авторитеты, которые из-за безупречного служения Церкви приобрели священную харизму в глазах верующих. Первоначально таковыми почитались те, кто видел и слушал живых Апостолов, непосредственно переняв от них священное знание (Климент Римский ученик Петра и Варнавы; Поликарп Смирнский ученик Иоанна Богослова и др.), затем ученики последних, ставшие епископами наиболее авторитетных в христианском мире Александрийской, Антиохийской, Римской и других Церквей. В первой половине III в. наибольшее почитание среди епископов практически всех Христианских Церквей приобрел Ориген (ок. 185 – ок. 254), который был наибольшим знатоком как христианского вероучения, так и древнегреческой философии, которая в то время задавала высокие стандарты философского мышления, что позволяло глубже продвинуться в понимании священных текстов евангелистов и Апостолов.

В IV в. получило активное развитие монашеское движение в Египте, Сирии и Палестине. В этом же столетии наиболее глубоко мыслившие подвиж-

ники-богословы (Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Августин Блаженный и др.) создали основополагающую теоретическую конструкцию христианского знания, за что их называли «отцами церкви». С точки зрения современного научно-религиозного подхода в IV в. была создана парадигма христианского вероучения, которая была закреплена на Никейском (325 г.) и Константинопольском (381 г.) соборах и стала общепризнанной среди христиан. В последующем происходило дальнейшее совершенствование христианской парадигмы богословами восточной и западной традиций Христианской Церкви (Исаак Сирийский, Иоанн Дамаскин, Фома Аквинский и др.). В XIX в. богословы и исследователи трех ветвей христианства доработали и систематизировали накопленный материал теологического знания и в начале XX столетия в фундаментальных трудах представили практически завершенные модели истории христианства и его теологических построений. В XX в. большей частью уточнялись детали христианской теологии.

Массив интерпретаций священного знания, наработанный за две тысячи лет развития христианства, составляет основной объём в системе теологического знания. Во II–III вв. в ходе напряженной работы по установлению подлинных повествований о деяниях Иисуса Христа среди нарастающего множества апокрифических сказаний и их осмысления христианское знание носило преимущественно несистематизированный характер. После прекращения гонений в Римской империи в IV в. христианство получило возможность для всестороннего развития. В ходе интенсивного углубления и расширения христианского вероучения активно нарабатывался и совершенствовался концептуальный аппарат христианского знания, который составляли, как базовые, основополагающие теоретически конструкты «Бог», «Троица», «Логос» и др., так и мыслительные конструкты частного порядка «вера», «Откровение», «аскеза» и др. В начале V в. теологическое знание стало приобретать системный характер. По меркам современной философии науки уже в пятом столетии христианская теологическая наука вышла на теоретическую стадию развития, и в дальнейшем её поступательное развитие происходило на высоко развитой теоретической основе, которую естественные науки в то время не имели. Сложный процесс перехода на теоретическую стадию развития в естествознании происходил лишь в XVII в., т. е. на тысячу с лишним лет позже (!), когда в европейской науке приоритетное положение стали занимать экспериментальные и теоретические исследования (Г. Галилей, Р. Гук, И. Ньютон и др.) и философское их осмысление (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. Лейбниц и др.).

В истории постижения природы божественной реальности можно выделить по меньшей мере два главных периода – до первого Вселенского собора в Никее и после него. В первый допарадигмальный период теологической эпистемологии происходил сложный процесс осмысления природы Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа, и их взаимосвязи, который приводил к построению различных теологических моделей и подходов в оценке их бытия, служивших источником возникновения относительно самостоятельных организационных образований христианских общин (сект). В ходе жесткой борьбы между сектами происходило формирование церковной догматики. Догмат о Троице Ни-

кейского собора, уточненный на втором Константинопольском Вселенском соборе, установил теоретическую схему (парадигму) мыслительного конструкта «Троицы», которая существенно изменила теологическую эпистемологию христиан. С этого периода для богословов, тогда еще не разделенных на католическую и православную ветви, первостепенной задачей стало подобрать для общепринятого догмата о Троице самые достоверные и очевидные свидетельства-обоснования из Священного Писания. Догмат (мыслительный конструкт) о Троице является высшим достижением христианской мысли-веры с его многообразными праведными интерпретациями, религиозная истинность которого была подтверждена в многовековой религиозной практике истинно верующих католиков и православных.

Современный научно-религиозный подход убедительно показывает, что следует строго отличать объективно существующее божественное бытие от наработанных теологических представлений о ней. Все богословские построения о «Бог», «Троице», «Царстве Небесном» и другие являют собой более или менее проработанные мыслительные конструкты, которые предстают весьма упрощёнными моделями объективно существующего Бога. Поэтому вера современных индуистов, иудаистов, мусульман и христиан в полноту образа Бога, представленного в их Священных Писаниях, является грубой методологической и, соответственно, религиозной ошибкой. Бог лишь частично проявляется в, казалось, самых достоверных письменных сообщениях. В религиозной вере, теологии и эпистемологии следует исходить из предельно совершенной во всех Своих атрибутах разумно-добродетельной трансцендентно-трансцендентальной природы Бога, Который в большей или меньшей мере проявляется в мистическом общении с верующими, не открываясь во всей полноте Своих совершенств.

Таким образом, методология триединого христианского знания позволяет существенно продвинуться в более глубоком понимании христианских текстов, а также христианской истории и др.

1.5. Два типа метафизического знания: метафизика Логоса и метафизика Пути

В философии и христианской теологии целесообразно различать два типа метафизического знания, которые имеют существенно иную природу, предмет и задачи исследования, – западную и восточную метафизику.

Западная метафизика Логоса

В западной философии под метафизикой понимают основную науку, которая «должна постигать последнее основание всего сущего и наше знание о сущем» [67, с. 25]. «Метафизика объемлет решительно все, – пишет Э. Корет,

– что вообще «есть». Она охватывает чувственное и сверхчувственное, опытно данные вещи и их последние основания, следовательно, также первое и наивысшее, божественное бытие. Отсюда исходит напряженность между двумя аспектами метафизики. С одной стороны, она есть наука о сущем как сущем, т. е. всеобщее учение о бытии как совокупная наука, с другой – наука о божественном пра-основании всего сущего, следовательно, учение о Боге» [67, с. 13]. На протяжении всей истории развития предметом западной метафизики всегда было исследование предельных оснований всего сущего. Бог рассматривался как первопричина, сущностный и субстанциональный принцип этого же сущего.

Божественная реальность так или иначе изучалась лишь в аспекте ее обращенности к сотворенному мирозданию, т. е. осмысливалось движение от Бога к Миру. Это обстоятельство имело место даже тогда, когда предполагалось, что анализируется Бог как абсолютно чистое бытие. Обратимся к самым глубоким метафизикам западной философии. Трансцендентальное бытие Блага Платона представляет собой сущностную реальность «мира вещей». Бог как чистое мышление, который «мыслит сам себя и мысль его есть мышление о мышлении» Аристотеля по существу содержательно структурирован совокупностью чистых мыслительных форм, выделенными им категориями, которые сами по себе по своей природе есть мыслительные конструкты осмысления всего сущего. Если мы обратимся к метафизике Г. Гегеля, то увидим, что пространство чистого мышления на первой стадии развития Абсолютной идеи структурировано системой категорий диалектической логики, т. е. мыслительными конструктами осмысления материального бытия. По мнению И. Канта, за пределами чувственного мира находится область, которая «есть для нас пустое пространство» [64, с. 150]; «высочайшее существо само в себе для нас совершенно непостижимо и даже невысказуемо *определенным образом*». Поэтому метафизическое знание представляет собой перенесение на божество понятий о человеческом разуме [64, с. 148]. Исходя из этого, И. Кант заключает, что «метафизика в смысле науки доселе еще вовсе не существовала» [64, с. 161].

Таким образом, западная метафизика выражает одну из главных ценностно-мыслительных ориентаций западноевропейской культуры в целом, заложенную еще древними греками, на овладение проявленным форматизированным миром. Основная энергия европейского духа направлена на освоение всего сущего, извлечение и творение из него новых форм. Средоточием этого процесса стали наука и техника. Во второй половине XX столетия эта деятельность приобрела лавинообразный характер. Со времен метафизики Парменида накоплен большой массив развивающегося метафизического знания, которое включает периоды подъема и кризиса. Суть метафизики первого типа выражается в теоретическом освоении бытия как предельной реальности. Цель метафизического познания, по существу, сводится к созданию теоретической модели фундаментальной реальности, которой является Бог. В западной метафизике субъект познания рассматривается как активное существо в познава-

тельном процессе, от которого, однако, не требуется изменения своей природы для Богопознания.

Мировое господство западноевропейской культуры породило устойчивый стереотип об универсальности западной философии и соответственно западной метафизики. Поскольку западная метафизика является одной из наиболее развитых форм теоретического знания, преимущественно ориентированного на выявление рациональных оснований всего сущего, то целесообразно назвать её *метафизикой Логоса*, потому что её теоретический характер предполагает её рациональную нагруженность, замкнутость в пространстве Слова. Западная *метафизика Логоса* представляет собой развитую систему теоретического знания. Поэтому её обычно справедливо называют «теологией». Традиционно считается, что существует и даже может существовать только один, этот тип метафизического знания.

Восточная метафизика Пути

Система знания *метафизики Пути* включает три составляющие: теоретическую конструкцию Бога, технологию многотрудного практического делания (*Путь*) и мистически-метафизическое, сокровенное *знание-вѣдение* Бога. В *метафизике Логоса* католицизма возможность достижения знания третьей составляющей отрицается и замещается особого рода теоретическими построениями, которые называются «Откровением». В *метафизике Пути* эти три составляющие находятся в неразрывном единстве.

Теологическая составляющая в различных версиях *метафизики Пути* присутствует в разной степени. В индуизме она наиболее артикулирована преимущественно за счет пластически-созерцательных размышлений. В византийском и русском православии богословская деятельность не представляла такого интереса, как в католицизме, за что считалась представителями последнего теологически недоразвитой.

Практическая составляющая *метафизики Пути* (собственно *Путь*) представляет собой сложную технологию подведения подвижника к такому состоянию, когда открывается возможность *Боговедения*. Поэтому в сложном комплексе *метафизики Пути* эта составляющая имеет самое важное значение. В *метафизике Пути* практическое делание насыщено мистическим *вѣдением-переживанием*, действенность которого постоянно проверяется подвижником в ходе суровой аскезы. Целью сурового практического делания является всемерно освободиться от мирских привязанностей. Симеон Новый Богослов утверждал, что «грехи наши, как стена, стоят между нами и Богом и отделяют нас от Него» [136, II, с. 19]. Знаменитый исламский мистик аль-Газали говорил, что «мир – преграда перед Всевышним, и достичь Его можно, лишь убрав преграду» [2, с. 195]. В ходе практического делания (*Пути*) по мере нравственного совершенствования подвижника «стена грехов» истончается, разрушается. Вот почему в *метафизике Пути* нравственная составляющая имеет, пожалуй, самое важное значение.

Если в начале монашеского движения в христианстве монахи преимущественно занимались умерщвлением плоти, то впоследствии на первый план вышло нравственное борение. По мере продвижения подвижника по оси нравственного совершенствования сила мистического воздействия возрастает. Подвижник непосредственно чувствует на себе это восхитительное сокровенное воздействие. Христианские монахи-исихасты этот процесс называют вхождением в сердце Святого Духа, благодати Божьей. Для подвижника, принявшего мужественное решение войти в полный суровых испытаний поток *метафизики Пути*, главной и, по сути, единственной целью является достижение непосредственной, мистической связи с высшей, совершенной, трансцендентной божественной реальностью – *Боговедение*. Все остальное выступает в качестве средства, в том числе и теологические построения о бытии Бога.

Восточная *метафизика Пути* представлена в буддийской, индуистской, христианской (православие) и суфийской версиях. Знание этого важного обстоятельства открывает широкий простор для более глубокого прочтения и понимания практически всех текстов индуистских, буддистских, даосских, православных, суфийских, а также частично конфуцианских подвижников. Напротив, как показывают многочисленные исследования тех же письменных источников современными авторами, непонимание этого важного обстоятельства оставляет эти тексты для них в большой степени закрытыми.

Метафизика Пути зародилась в середине первого тысячелетия до н.э. в Индии (брахманизм, буддизм, джайнизм и др.) и Китае (даосизм). *Метафизика Православия* в христианстве и суфиев в исламе относятся также к *метафизике Пути*. Локомотивом метафизического духа Востока была Индия. В восточной метафизике всё подчинено проблеме Освобождения. Поэтому ее онтология и антропология служат теоретической основой для движения к основам мироздания, к Богу. Путь к Освобождению представляет собой процесс последовательного преодоления оболочек. Движение идет от манифестированной, форматизированной реальности в человеке и в мире в глубину непроявленной реальности. В восточной метафизике в качестве фундаментальной реальности рассматривается только Бог. Поэтому предметом последней является только Бог. В *метафизике Пути* непременным условием *Боговедения* становится кардинальное изменение природы субъекта. Для этого необходимо выйти из пространства внешнего мира физиологически (посредством поста, медитации, бдений, и др.) и психически (посредством покаяния, смирения и др.). Необходимо разрушить Я субъекта и достигнуть его перерождения. Поэтому в восточном Богопознании главную роль играет не мыслительная, спекулятивно-философская деятельность, а практика подвижника – *Путь*. В практической деятельности человека субъективная реальность и заданная объективная логика объективной реальности постоянно «соприкасаются». Субъективные представления коррелируются с логикой объективного мира, «подстраиваются» под нее. Так и в *метафизике Пути* в практике подвижника происходит непрерывная борьба по преодолению субъективности, непрерывный поиск той узкой тропинки, которая ведет к сокровенной и фундаментальной реальности всего сущего.

Буддистская версия метафизики Пути

Первоначально Будда, как первопроходец в истории *метафизики Пути*, стремился достигнуть мирского Освобождения посредством самой суровой аскезы. Когда он достиг Просветления, приоритетное место в его учении (Дхамме) заняли строгие требования духовно-нравственного совершенствования. Нравственное очищение Будда увязывал с йогической технологией медитации и прослеживал восхождение бхикшу по ступеням четырех дхьян. Когда монаху (бхикшу, исихасту, суфию) удастся разрушить, прорвать пелену «стен» мирских грехов, ему открывается сокровенное, мистически-метафизическое пространство божественного бытия, которое переживается как свет, совершенное блаженство, благоухание, как бы освобождение от своего собственного тела. Симеон Новый Богослов писал: «...всякий чистый сердцем в настоящей еще жизни узревает Бога» [136, II, с. 19]. Буддисты отрицали существование трансцендентной божественной реальности, но на высших ступенях медитации испытывали те же сокровенные переживания, дополняя их кармическими видениями. Нарботанное Буддой знание можно представить в виде сложной системы практического делания, которая составляет концептуальную сердцевину всех его сутт. Базовыми теоретическими моделями, определявшими своеобразие буддистской картины мира человека были: субъективно-экзистенциальная и дхармо-кармическая концепции природы человека, нравственная философия и сложная система практического делания (Путь).

Согласно вероучению Будды, очищенное от страстей, совершенное бытие моего-Я, в котором умерли все желания и привязанности, первично. Этот субъективный жизненный мир есть первичная реальность. Так было открыто субъективное измерение в жизненном мире человека. За две с лишним тысячи лет до европейцев Будда погрузил в субъективное пространство жизненного мира человека распавшийся на составляющие объективный материальный мир.

Православная метафизика Пути

Православная версия *метафизики Пути* является одной из наиболее развитых в восточной метафизике. В самом общем плане ценностно-мыслительные ориентации индийского йога и православного монаха совпадают, хотя их подвижнические практики существенно отличаются. Непременным условием достижения цели того и другого является освобождение от зависимости от внешнего мира. Основные усилия сосредотачиваются на духовном, нравственном очищении подвижника. В общих чертах совпадают и описания конечного состояния Просветления, Боговедения, которые выражаются в созерцании Света, переживании неизъяснимого душевного блаженства и др. Вместе с тем между этими двумя религиозными практиками имеются и существенные различия. Так, согласно Веданте, единение с Атманом возможно только при условии преодоления в себе всяких различий, ограничений собственного «Я». По мере продвижения в этом направлении подвижника происходит слияние с универсально Сущим, растворение в Нём. В Православии

также полагается одной из главных трудностей ставшего на *Путь* монаха преодоление жесткости требований своей Самости, беса гордыни, которая преодолевается посредством покаяния, смирения, любви к ближнему и т. д. Однако после смерти душа каждого верующего имеет свою судьбу. В этом смысле индивидуализм душ праведников вечен. Природа тематических пространств индийской и православной метафизик также существенно отличается. Для индийской метафизики в целом характерно трансцендирование к универсальности, к максимально большей абстракции. Православная метафизика преимущественно экзистенциальна. Продвижение к Спасению в Восточном христианстве в большой степени зависит от глубины переживания земной жизни Иисуса Христа и его учения, Богородицы, апостолов и др.

Восточная метафизика имеет экзистенциально-мистическую природу. Когда абстрагируются от ее экзистенциальной составляющей (Пути, практики подвижника) и ограничиваются анализом ее концептуальной части, тогда утрачивается потаенная, иррациональная, мистическая ее сторона, которая определяет *метафизику Пути*. Если цель западной метафизики по существу сводится к познанию Логоса мироздания, построения теоретической модели всего Сущего, то восточную метафизику направляет стремление войти в пространство предельной реальности, достичь Боговидения. В этом смысле интенциональность европейской метафизики имеет горизонтальную направленность, а восточной – вертикальную. Поэтому можно говорить о горизонтальной природе европейского духа в целом и вертикальной индийского, византийского и русского, направленность которого определяет восточная стратегия Спасения и *метафизика Пути*.

Два типа метафизики существенно различаются и по своим целям. Для метафизики первого типа основная задача сводится к построению философско-спекулятивной модели божественной реальности, ее обоснованию, мысленному слиянию с Богом. Л. С. Епифанович справедливо назвал этот тип метафизики «философской мистикой», «мистикой ума и отвлеченных созерцаний» [51, с. 28]. В то время как для метафизики другого типа все устремления связываются с вхождением в пространство божественной реальности посредством преодоления мыслительного восприятия, конечным результатом выступает непосредственное созерцание, Боговидение. Построение же теоретической модели божественного бытия и ее обоснование для *метафизики Пути* выступает в качестве подчиненной задачи после достижения Просветления. Само описание божественного бытия в *метафизике Пути* происходит через призму переживаний, впечатлений подвижника по мере его преображения, когда Бог приоткрывается ему.

Существенно отличаются и тексты западной и восточной метафизики. Произведения западных метафизиков обращены к разуму человека, носят преимущественно систематический характер, мыслительно нагружены. Труды восточных метафизиков обращены к тем, кто в Пути. Поэтому они носят преимущественно методический характер. Они в большей или меньшей степени воспроизводят ментальную реальность Пути. Поэтому требуют специфического состояния читателя. Для подвижника, решившего достичь Просветления,

они открывают и указывают трудную дорогу к заветной цели, пройденную знаменитыми предшественниками. Поэтому при изучении метафизических текстов читатель всегда должен осознавать, что его интерпретация неизбежно будет существенно отличаться от оригинала, если он будет рассматривать текст как специфическое знание, а свою деятельность как работу чисто лингвистического порядка. Его истолкование будет более адекватным, если он сам встанет на *Путь* к Освобождению, войдет в ментальное пространство *Пути*, потому что исследуемый текст является одновременно и знанием, и выражает состояние переживания борения подвижника. Особенно ярко это обстоятельство проявляется в православной метафизике. Когда исследователи, читающие тексты *метафизики Пути*, неосознанно руководствуясь методологическими установками *метафизики Логоса*, в большинстве случаев безуспешно пытаются выявить хоть какие-то теоретические положения подвижников. Чаще всего им приходится кормиться внешними малопродуктивными констатациями «монизм», «идеализм», «теизм» и т. п. При этом за границами их исследовательского интереса остается основной, самый ценный массив метафизического знания многотрудного практического делания.

Таким образом, христианское знание обладает сложной трехсоставной структурой, которую каждый христианин или исследователь христианства должен принимать во внимание. Из этой методологической установки следует, что лишь православные христиане, принимая трехсоставную природу христианского знания и отдавая предпочтение в своих верованиях *знанию-вѣдению*, обладают наибольшей полнотой христианских знаний и вероисповеданий. Католики, отрицая возможность достижения *знания-вѣдения-Откровения*, существенно ограничивают себя в теологическом познании и, самое главное, в мистически-метафизическом общении с Господом. Протестанты не только категорически отрицают существование сокровенного *знания-вѣдения*, но и большую часть священного знания Нового Завета, а также теологические построения католических и православных богословов, тем самым существенно сокращая массив исторических свидетельств (эмпирическую базу) для своей веры и теологических исследований. Поэтому столь обрезанная вера и знание протестантов больше похоже на рациональное осмысление Господа.

В разработанной мной концепции *метафизики Пути* эта сокровенная *экзистенциальная реальность-знание* есть последняя остановка, есть достижение предельной, самой последней жизненной цели для монаха, когда после преодоления труднейших испытаний в ходе многолетнего практического делания благочестивый подвижник, испытывая наивысшее духовно-нравственное блаженство, приближается к мистическому созерцанию Господа. В своей книге «*Метафизика Пути*» на материале сурового практического делания древнеиндийских брахманов и отшельников я детально изучил этот важный вопрос. Оказалось, что технологии достижения этого предельного состояния суровых индийских брахманов-риши и отшельников, православных монахов-исихастов, строгих суфиев в исламе, особенно в эпоху расцвета Арабского халифата, в большой степени совпадали, что дает основания рассуждать об особом рода мистически-метафизическом знании – *метафизике Пути*.

1.6. Сравнительный анализ православного и католического христианских дискурсов

Методология триединого христианского знания позволяет выявить существенные различия и единство католического и православного христианских жизненных миров.

Чем в самом общем плане отличается построение религиозного жизненного мира Отцов Церкви Афанасия Великого (ок. 295–373), Василия Великого (ок. 330–379), Григория Богослова (325–389) и Григория Назианзина (ок. 330–390) от влиятельнейшего теолога Католической церкви Аврелия Августина Иппонийского? Общим для всех деятелей и богословов Восточной и Западной Церквей было глубоко проникновенное знание Библии. Отцы Православной церкви, будучи знатоками античной философии, успешно разрабатывали теоретические воззрения христианского богословия. Вместе с тем, пройдя школу суровой аскезы, они проникались сокровенным *знанием-вѣдением*, которое способствовало более глубокому пониманию сущностной природы христианства. При этом в структуре их жизненного мира мистическое *знание-вѣдение* приобретало основополагающее значение, которое, как самое очевидное и достоверное знание, определяло глубину их теологических размышлений. Таким образом, у них получили большое развитие три составляющие христианского дискурса, что и сделало их непревзойденными умами и авторитетами в Православной церкви. Родоначальник западного монашеского движения Бенедикт Нурсийский (480?–547) и выдающийся Римский Папа Григорий I Великий (540–604) также были носителями целостного триединого христианского дискурса. Поэтому они столь близки ментальности православных христиан, вызывая у них уважение и почитание. Воззрения практически всех выдающихся богословов Православной церкви Максима Исповедника (580–662), Исаака Сирина (ок. 640 – ок. 700), Симеона Нового Богослова (949–1022) и др. имели ту же природу.

В своих трудах Аврелий Августин Блаженный (354–430) разрабатывал, по сути, закладывал стиль вероисповедания западноевропейского христианина, в котором отсутствовал экзистенциальный блок мистического *знания-вѣдения*. Большой частью с его подачи христиане Римско-католической церкви полагают, что сие сокровенное знание в принципе достигнуть невозможно. Воззрения Аврелия Августина, Ансельма Кентерберийского (1033–1109) и Фомы Аквинского (1225–1274) существенно различаются между собой. Однако, по указанной выше особенности построения их религиозного жизненного мира они предстают близкими родственниками, развивая западную теологию на свой манер. Среди католиков генерал францисканского ордена, кардинал Бонавентура (ок. 1218–1274) пользуется авторитетом мистического теолога. Однако его «мистика» представляет собой весьма своеобразную теоретическую конструкцию, не имеющую отношения к мистически-метафизическому переживанию *Боговедения*. Его методологические указания о пути достижения

последней остановки религиозного подвига подвижника представляют собой теоретические декларации, из которых становится вполне очевидным, что ему самому так и не открылся последний занавес. Основополагающее различие между католическим и православным христианским дискурсами (жизненными мирами!) выражается в том, что первый состоит лишь из глубокого *священного знания Библии* и рационалистического *теологического знания*, в то время как в православном дискурсе преобладают *священное знание Библии* и мистическое *знание-вѣдение*.

В православной ментальности является доминирующей двуединая система религиозного жизненного мира христианина, опирающаяся на священное *библейское знание* и *знание-вѣдение-переживание*, носителем образца которого для него выступают монахи, достигшие святости. Традицию строгого монашеского подвига в Православии задавали Пáвел Фивѣйский (ок. 228 – ок. 341), который считается первым монахом-отшельником, прожившим 91 год в аскетическом подвиге, основатель киновитного монашества Пахóмий Великий (ок. 292 – ок. 346), Антоний Великий и др. Христиане Киевской Руси унаследовали монашеский образец Константинопольского Православия в Киево-Печерском монастыре, монахи которого своим самоотверженными подвигами священного служения, можно сказать, даже превзошли своих учителей афонских монахов. Подобный тип монашеского служения Господу утвердился и получил дальнейшее развитие в Русской Православной церкви в Кирилло-Белозерском, Валаамском Спасо-Преображенском, Псково-Печерском, Спасо-Преображенском Соловецком и других монастырях, которые за многие века своего существования породили великое множество достигших святости христианских подвижников. Они составляют «*Святую Русь*», духовно-нравственное ядро древнерусской и русской культуры. Иеромонах Серафим Саровский (1759–1833), во Введѣнской Óптиной пúстыне иеросхимонах Амвросий (1812–1891), схиархимандрит Варсонофий (1845–1913) и многие другие достигшие святости при жизни монахи ежедневно помогали множеству людей, обращавшихся к ним за помощью и поддержкой, от царей и цариц, князей и княгинь до крестьян и рабочих. В этом смысле, можно сказать, что *они держали Русь*. При этом они богословской работой практически не занимались. Поэтому для внешних наблюдателей западных теологов и философов Русское Православие представлялось теологически недоразвитой религией, в которой они видели лишь обрядовую сторону. Даже в настоящее время собственное высокомерие и гордыня препятствует католически и протестантски ориентированным философам увидеть очевидный феномен *знания-вѣдения-переживания* у достойных монахов современной Греческой, Русской, Сербской и других Православных Церквей. Важно отметить, что этот тип знания является даже в настоящее время проверяемым. Достаточно пообщаться с ныне живущими достигшими состояния святости монахами, которые обычно обладают способностью прозорливости, а некоторые из них – чудесной способностью исцелять больных.

Удивительно то, что западные историки христианства не замечают и поэтому должным образом теоретически не оценивают и не осмысливают, что подобный (православный) тип благочестия в VI в. был достаточно распро-

страненным, можно сказать доминирующим на территориях нынешней Италии и юга Франции, о чем свидетельствуют авторитетные письменные источники. Так, Григорий Двоеслов, когда возглавил Римскую Церковь после почти двадцати лет строгой монашеской жизни, тосковал о созерцательной жизни в монастыре, настоятелем которого он был. Вместе с тем Григорий I Великий был глубоко мыслящим богословом. Поэтому он всегда вызывал почтение и уважение как западных, так и восточных христиан. Он написал книгу «Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души», в которой на богатом и достоверном материале описал подвиги служения достойных православных италийских монахов. По структуре жизненного мира Григорий I Великий был выдающимся православным монахом на троне *Pontifex Maximus* Католической церкви. Ярким тому подтверждением служит крещение англов, которое осуществляли по его поручению необычайной святости монахи в качестве епископов (Августин и др.) не огнём и мечом, как обычно принуждались к католической вере непокорные язычники, а образцом незамутненного религиозного служения Господу. Эту возвышенную историю убедительно описал Беда Достопочтенный (ок. 672–735) в своем труде «История англов». Святой епископ Григорий Турский (538/539–593/594) в книге «Житие отцов» описал благочестивые подвиги франкских монахов-отшельников, которые являлись близкородственными для суровых восточно-христианских монахов.

Одного из самых почитаемых религиозных деятелей в истории Римско-католической церкви, основателя нищенствующего ордена францисканцев (1209 г.) Франциска Ассизского по своему типу религиозного опыта в полной мере следует отнести к продвинутому восточному аскетическому монашеству. По своим требованиям к образу жизни он был близким родственником византийским монахам-исихастам. Поскольку в западном монашестве XIII в. традиции суровой восточной аскезы были давно утрачены, то ему пришлось проходить многотрудный путь практического делания самостоятельно, быть в определенном смысле самоучкой. Правда, ему в этом благословенном деле непосредственно помогали (*вели!*) Господь и Святой Дух. Примечательно то, что в важнейшем письменном источнике о жизни и деятельности великого западного христианского подвижника «Цветочки Святого Франциска Ассизского», который начал составляться в конце 50-х гг. XIII в., содержится описание непосредственного *ведения-переживания* Франциска божественной реальности, которое сопровождалось чудесными явлениями, а в «Зерцале совершенства», которое было написано по поручению Папы Григория IX образованным католиком Фомой Челанским в 1227–1229 гг. никаких мистических откровений благочестивого монаха не содержится, потому что деятельность уникального подвижника в истории Католической Церкви была истолкована (цензурирована) в рамках западной христианской парадигмы служения монашества.

Таким образом, православный христианский дискурс имеет целостную триединую структуру, в котором основополагающее значение имеет достижение Боговедения, *знания-ведения-переживания*. При этом богословская деятельность носит подчиненный характер. Определяющее значение в католическом христианском дискурсе имеет теологическая работа по дальнейшему

развитию христианского знания на основе более углублённого знания Священного Писания. При этом постулируется, что достижение Боговедения (*знания-вѣдения-переживания*) практически невозможно, что приводит католический жизненный мир к двусоставной природе. Вместе с тем, единство в теологических, библейских воззрениях, нравственных установках и других позволяет их рассматривать как взаимно дополняющими друг друга.

1.7. Основы религиозно-экзистенциального анализа

Представляется плодотворным применение экзистенциального подхода в культурно-историческом, в том числе и в религиозном исследовании. Применительно к социальной реальности можно говорить об особом роде экзистенциальной детерминации субъектов деятельности. В XX в. в философии экзистенциализма достаточно полно и глубоко была осмыслена природа экзистенциальной ситуации (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и др.), в которую погружен человек в процессе своей жизнедеятельности. *Тут-бытие*, в которое «заброшен» человек в любой момент своего существования, в значительной мере определяет его мысли и переживания, ведет, направляет его к выбору целей, постановке задач и совершению соответствующих действий.

Нередко в ходе изучения исторического прошлого мы попадаем в ситуацию, когда исторических свидетельств недостаточно или они почти отсутствуют. При этом нам известны в самом общем плане экзистенциальные ситуации, в которых пребывали главные герои нашего исследования. В ходе в большей или меньшей мере корректной и добросовестной реконструкции этих экзистенциальных ситуаций перед нами открываются перспективы исторического познания, которые проверяемы последующими деяниями субъектов исследования. В результате такой непростой мыслительно-конструктивной работы перед исследователем открывается гораздо более сложное пространство изучаемой исторической реальности. У него появляется возможность задавать те вопросы, которые ранее никто не осмеливался задавать, и получать ответы, которые существенно расширяют представления об историческом прошлом.

Подобную деятельность можно назвать экзистенциальным «мысленным экспериментом», в ходе которого открывается возможность получать вполне достоверные новые знания. При этом исследователь культурно-исторической реальности должен учитывать, что его рассуждения носят в большей или меньшей мере обоснованный гипотетический характер. В ходе работы над книгой «Трансцендентальное мышление Платона», я активно применял разработанную мной технологию экзистенциального анализа, что позволило существенно прояснить взаимоотношения молодого Платона с Сократом и его учениками, убелённого сединами главы Афинской академии с молодым Аристотелем и другие.

Начиная с Г. Галилея (1564–1642), ученые весьма успешно используют метод мысленного эксперимента, когда провести реальное экспериментирование не представляется возможным. Как известно, в ходе работы над теорией относительности А. Эйнштейн (1879–1955) активно его применял. Он помещал субъект наблюдения в некоторую с заданными физическими параметрами ситуацию. А затем с помощью известных физических знаний осуществлялся теоретический анализ ситуации, в результате которого восприятия субъекта становилось объяснимым и предсказуемым. В современной науке мысленный эксперимент заменяет гораздо более продуктивное, математически обоснованное компьютерное моделирование. Подобного рода научная деятельность основывается на представлениях об универсальных причинных связях, которые управляются системой динамических закономерностей, а в более сложных системах статистическими законами.

В ходе изучения книг Нового Завета экзистенциальный анализ открывает широкое пространство христианской истории, которое ранее практически не было предметом исследования. Первостепенное значение имеет прояснение жизненных отношений между Иисусом и Богородицей, Спасителем и Апостолами, а также экзистенциальный анализ страстей, крестной смерти, *Воскресения* и *Вознесения* Иисуса Христа. Поскольку Послания апостола Павла носят в большой степени исповедальный характер, то анализ их экзистенциальной составляющей является необходимым. Результаты этой непростой исследовательской работы будут показаны ниже.

Своеобразие экзистенциального анализа выражается в том, что его логику определяет развитие исследуемой жизненной ситуации. В то время как традиционный научный анализ определяют требования формальной логики. В моем исследовании экзистенциальный и научный анализ совместно эффективно работают. Продуктивность разрабатываемого мной экзистенциального научно-религиозного подхода будет показана в ходе настоящего исследования.

1.8. Методологический анализ философско-научного дискурса протестантских теологов

Цель этого раздела – показать существенную ограниченность протестантской парадигмы христианского вероучения, которая в настоящее время занимает видное место в библеистике и теологии.

Протестантская реформация Католической церкви как системная деструкция христианского религиозного дискурса

Представляется целесообразным первоначально отметить наиболее характерные особенности реформационного движения XVI–XVII вв., которые

показывают начало процесса духовно-нравственной деградации западноевропейской культуры. До XVI века Католическая церковь при всех издержках ее мирского существования задавала высокий стандарт духовной жизни западноевропейских христиан, в котором разумно-добродетельные представления и устремления имели доминирующее значение. Ведущим локомотивом реформационного движения стал происходивший из крестьян Мартин Лютер (1483–1546), исходными установками которого было разрушение Католической церкви в вероучении, религиозном обряде и организационной структуре. В письме он пишет: «Я совершенно уверен в том, что церковь не реформируется до тех пор, пока мы не избавимся от канонического закона, схоластической теологии и логики в том виде, в каком они преподаются сегодня, и заменим их чем-то иным» [166, с. 45]. С таким трудом наработанный массив теологического знания не признавался действительным и был отброшен. Священники должны были превратиться в учителей и наставников. Оправдание верой означало перенести культ из внешнего во внутренний, проводить богослужение не в ритуалах, а в умах и сердцах верующих.

В ходе систематических трансформаций католического вероучения разрушалась мистическая связь с Господом. В 1539 г. женатый ландграф Филипп Гессенский обратился к Лютеру, Меланхтону и Буцеру, чтобы они дали разрешение на второй брак, пригрозив обратиться к папе или императору. Дав клятву хранить в тайне вторую женитьбу, Лютер и Меланхтон санкционировали ее, признавая случившееся меньшим злом, чем жить в грехе. Это постыдное деяние главных деятелей реформационного движения в Германии показывает, что в их представлениях доминировали мирские цели и устремления. Иисус Христос пребывал на обочине их жизненного мира. В Германии городские власти и князья, воспользовавшись ослаблением церкви, установили власть городских советов, которые стали контролировать монастыри и приходы. Консистория, ранее состоявшая из кардиналов, подобно гражданскому учреждению, состояла из адвокатов и священников, назначенных правителем, занималась церковными делами.

Ульрих Цвингли (1484–1531) всемерно стремился к упрощению церкви. Он убрал из храмов органы и реликвии, продал картины, замазал фрески, снял алтарные украшения, в религиозных службах оставил только проповеди и молитвы, евхаристию рассматривал как воспоминание об искупительной жертве Иисуса Христа. Под громогласными лозунгами спасения личной верой в действительности доступ к Господу в религиозно-нравственном порыве верующего был предельно ограничен. Лютер и Цвингли не были религиозными подвижниками, потому что мирские жизненные интересы и устремления преобладали в их жизни. Лютер и Цвингли были далеки от следования заповеди апостола Павла «бегайте блуда». С. Цвейг отмечает, что «в то время как они, от природы здоровые нормальные люди, радуются своему здоровью и способности наслаждаться, в то время как Цвингли в первом же своем приходе оставляет внебрачного ребенка, а Лютер однажды шутя сказал: “Если не в духе жена, то сойдет и служанка”, в то время как они смело пьют, чревоугодни-

чают и веселятся, у Кальвина все чувственное подавлено или присутствует в виде неясного следа» [162, с. 240].

В душе адвоката Кальвина (1509–1564) христианского милосердия практически не было. «Эта фанатичная натура, – пишет Цвейг, – узкий железный лоб, сильный и к тому же беспощадный характер (“никогда в жизни не встречал более самонадеянного и наглого человека”, – говорил о нем мягкий, сдержанный Эразм), этот “романский Лютер” осуществлял принудительную диктаторскую власть над массами. Маленький, уродливый, с рыжей бородой и растрепанными волосами, он с церковной кафедры своим грохочущим голосом и безмерной яростью властной природы приводил чувства народа в лихорадочное смятение» [162, с. 220]. В Женеве через городской совет, который был под его контролем, он установил авторитарную церковную власть. Так, в 1550 г. магистраты распорядились, чтобы священник ежегодно навещал каждого прихожанина, чтобы убедиться в соблюдении им церковных правил. Стержнем кальвинистской морали было учение о предопределении, согласно которому человек призван не благодаря собственной добродетели, а только свободной воле Господа. Простота считалась главной богоугодной добродетелью. Кальвинисты отвергали все обряды, предпочитая просто молиться, отвергали знак креста во время крещения. «Приняв решение, он никогда не отступал. «Если он ударит, – сказал однажды его друг священник, – то нет шансов уцелеть» [161, с. 90]. О. Чедвик пишет: «Жестокость, которой проникнуты его работы, основана на убежденности в силе своих логических построений и силе разума, как в теоретических, так и в практических вопросах» [161, с. 91]. Строгий рациональный дискурс Кальвина имел весьма отдаленное отношение к христианскому мировосприятию, основанному на милосердии и любви к ближнему.

Борьбу против влияния католических священников в Англии возглавил король Генрих VIII. С его подачи в 1534 году парламент принял «Акт о супрематии», согласно которому, король объявлялся «верховным главой Английской Церкви». В результате Тюдоровской секуляризации Генрих VIII подчинил 376 монастырей и их земли.

Таким образом, в результате Реформации в XVI–XVII вв. в некатолических странах Западной Европы установилась парадигма эрзац-религии протестантизма, которая существенно упрощала не только религиозные верования и представления о добродетели, но и способствовала снижению духовности в жизни христиан. На место низвергнутого развитого католического теологического знания Лютер, Кальвин и другие ничего не могли предложить позитивного. Называя себя евангелистами, протестанты весьма поверхностно читали Евангелия, представляли деяния и поучения Иисуса Христа. Лютер в 20 лет впервые прочитал Библию! В дискурсе протестантских христиан преобладали мирские интересы обогащения и благополучия, средством достижения которых для них выступал Иисус Христос. По сути, реформационное движение в Западной Европе способствовало разрушению господствовавшего *Духа благочестия*, чтобы обеспечить развитие *Духа капитализма*, самой изощренной формы *Духа наживы*.

В XIX–XX вв. протестантские теологи Д. Штраус, А. Юлихер, А. Гарнак, Р. Бультман и другие развернули разрушительную работу по окончательному низвержению христианского вероучения. Так, А. Юлихер (1857–1938) в своей книге «Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора» утверждал: «Даже позднейшая церковь продолжала создавать в большом изобилии легенды со специальной целью в своем вкусе разукрасить чудесными красками детство и последние дни Сына Божия; в них не кроется ни единого зерна истинного предания» [106, т. 1, с. 181]. Исходной установкой высокомерных протестантских теологов было убеждение, что всё, написанное до них по христианскому вероучению, носит легендарный характер и поэтому должно быть отброшено. Рассмотрим основные их воззрения и оценки книг Нового Завета и образа Иисуса Христа.

Гарнак о недостоверности повествований синоптических Евангелий

Среди церковных историков немецкий лютеранский теолог Адольф фон Гарнак (1851–1930) считается одним из наиболее авторитетных исследователей. В труде «История догматов» (1889) ему удалось создать весьма проработанную версию становления и развития теологического знания, преимущественно католического, со II вплоть до XIX веков, а затем протестантского. В отличие от католических и православных историков Церкви, которые рассматривали сектантские движения как враждебные для Церкви Христовой, что так и было в её реальной жизни, Гарнак в своем исследовании руководствовался плодотворной методологической установкой, согласно которой все движения христианской мысли II–IV вв. представляли единый поток становления и развития базовых представлений христианского вероучения. Действительно, в этом мощном потоке мысли-веры благочестивых христиан выковывалось, оттачивалось и закалялось христианское теологическое знание, которое затем было закреплено в качестве жесткой парадигмы на Никейском и Константинопольском соборах.

Существенным недостатком этого основательного трактата немецкого теолога, определявшем его неполноту и ограниченность, стало неприятие мистически-метафизического *знания-вѣдения* суровых подвижников христианских монахов. Гарнак, не предприняв должных усилий, чтобы изучить и понять самое почитаемое аскетическое христианское движение в восточной и западной Церкви в III–VIII вв., весьма легкомысленно его не рассматривал и не принимал в расчет, полагая, что аскетизм в христианстве является пережитком устаревшей эллинистической мифологии. Из-за этого ему пришлось существенно деформировать поступательное развитие христианства, а мистически-метафизическое учение Православной церкви в Византии, России и др. высокомерно отбрасывать.

Гарнак находил следующее обоснование «фантастическому дискурсу» евангелистов. Он утверждал, что *Евангелие создавалось в такое время, когда чудеса, можно сказать, были делом почти обыденным* (выделено мною –

В. М.). Человек чувствовал себя всюду окруженным атмосферой чуда не только в религиозной среде... Не только вестники богов, но и маги, и кудесники владеют частью чудодейственных сил. Значение «чудес», таким образом, подало повод к нескончаемым прениям: то их ценили очень высоко и связывали с ядром религии, то о них отзывались пренебрежительно» [106, т. 1, с. 23]. Немецкий библеист строго расправлялся с весьма недалекими, по его мнению, авторами религиозных книг. При этом он, искажая историческую правду, существенно упрощал ментальность деятелей Христианской церкви в первые века ее развития, которые были знатоками античной философии, задававшей высокий уровень теоретического мышления. Следует также иметь в виду, что Гарнак, работая во второй половине XIX – начале XX вв., владел весьма упрощенным классическим типом научного мышления. В его время природа научного знания, критерии его научности и др. были в значительной степени не прояснены.

Гарнак полагал, что поскольку чудеса составляют незначительную составляющую Евангелий, то им не следует придавать какого-либо значения. «Очень замечательно то, – отмечает он, – что сам Христос не придавал своим чудесам того решающего значения, которое им придается уже евангелистом Марком и всеми другими... *Христос потому не мог сотворить чуда в Назарете, что люди там были неверующими*, – этот факт доказывает лишний раз, с какою осторожностью мы должны относиться к рассказам о чудесах и к какой сфере мы должны их отнести. *Из всего этого следует, что рассказы о чудесах не могут служить нам предлогом, чтобы отказаться от Евангелия... Вопрос о чуде очень незначителен в сравнении со всем остальным, что мы находим в Евангелии* (везде выделено мною – В. М.)» [106, т. 1, с. 25–26]. Античудесная устремленность мышления Гарнака приводила его к поверхностному прочтению евангельских текстов, деяний и высказываний Иисуса Христа.

Если отбросить описания чудесного рождения Иисуса, творимые Им чудеса, Его *Воскресение* и *Вознесение*, то в общем объеме Евангелий почти ничего не остается. Эта весьма небольшая часть евангельских текстов стала предметом исследования немецкого библеиста. Гарнак пишет об Иисусе Христе: «Как же нам написать историю Того, о развитии Которого мы ничего не знаем, из жизни Которого нам известны всего один или два года? Да; но как верно то, что наши источники дают слишком мало для “биографии”... Они богаты содержанием, так как они нам разъясняют три важных пункта; *они, во-первых, дают наглядную картину проповеди Христа, как в общих чертах, так и в применении к отдельным случаям*; они, во-вторых, рассказывают об исходе Его жизни в служении Его призванию; и, в-третьих, они описывают впечатление, произведенное Им на учеников и дошедшее через них до нас. Это, действительно, три важных, можно даже сказать, решающих пункта. А так как они для нас ясны, то мы получаем возможность дать характеристику Христа; или – выражаясь скромнее – наша попытка распознать, чего Он хотел, каким Он был и чем Он нам дорог, не будет безнадежна» [106, т. 1, с. 26–27].

Мирские мыслительные установки Гарнака приводили к тому, что жизненный путь Иисуса и Его человеческий образ для него представляли бóльший интерес, чем Его проповедь и деяния. Немецкий теолог так и не распознал, «чего Он хотел, каким Он был и чем Он нам дорог». В русле протестантского дискурса в Иисусе Христе не было ничего божественного. Он был выдающимся человеком, не лишенным, как и все мы, некоторых ограниченностей мышления и миропонимания. «Он о Своем отношении к Отцу или к миру, – пишет Гарнак, – нигде не заметно пережитых внутренних переворотов, нигде не видно следов отчаянной борьбы... Его жизнь прошла без внутренних катастроф, хотя, конечно, не без глубоких волнений, искушений и сомнений» [106, т. 1, с. 27–28]. По мнению Гарнака, поскольку у Иисуса не было раввинского образования, то Он не мог быть даже учителем [106, т. 1, с. 27]. Гарнак присоединялся к тем протестантским теологам, кто основателем христианского вероучения полагали не Иисуса Христа, а апостола Павла. Так, Гарнак утверждал, что «Ап. Павла без труда можно выставить вторым основателем и даже вообще основателем христианства» [106, т. 1, с. 105].

Протестантские теологи полагали, что с точки зрения философского и научного мышления XIX – начала XX вв., на который они опирались, стало очевидным, что Евангелия были написаны не ранее 60-х гг. I в. или даже во II в. А затем были неоднократно редактированы. Поэтому они утратили всякую ценность исторического документа. При наличии множества апокрифов, признанные Церковью тексты Нового Завета, приобрели лишь статус наиболее правдивых, но никак научно достоверных. Поэтому Юлихер уверенно утверждал, что «все трое, объединяемые, вследствие сходства их изложения, под именем Синоптиков, работали уже на основании письменного материала; то, что они нам предлагают, – это знание второго и третьего поколения после Иисуса. Ни одно из этих произведений не было закончено до разрушения Иерусалима в 70-м году. Павел в 60-м году еще не знал ни одного подобного Евангелия» [106, т. 1, с. 182].

Опубликованный в 1900 г. курс лекций О. Гарнака в книге «Сущность христианства» представляет дополнительный интерес, потому что дает возможность прояснить его базовые представления и установки в изучении сущности христианства. Для понимания христианского вероучения первостепенное значение имеет оценка текстов Нового Завета, прежде всего четырех Евангелий. Немецкий теолог пишет: «Конечно, и эти *Евангелия не представляют собой исторических сочинений*: они написаны не для того, чтобы просто передать, как что было; они служили “евангелизации”. Они написаны с целью возбудить веру в личность и миссию Иисуса Христа, и все описания Его речей и деяний с ссылками на Ветхий Завет служат этой цели. Несмотря на это, они могут служить и историческими источниками, тем более, что цель их не заимствована извне, а совпадает отчасти с намерениями Христа. *А что кроме этого приписывалось евангелистам в качестве основных и руководящих тенденций, это все оказалось несостоятельным...* Главным своим содержанием они еще принадлежат первой иудейской эпохе христианства, той непродолжительной эпохе, которую мы можем назвать палеонтологической. Мы

должны быть особенно благодарны истории, сохранившей для нас свидетельства из этого времени, хотя изложение и *запись первого и третьего Евангелия и относятся к более позднему времени* (везде выделено мною – В. М.). Критика ныне везде признает единственный в своем роде характер Евангелий» [106, т. 1, с. 20–21].

Для протестантских богословов, а также католических и православных, стало общим местом, что евангелисты писали свои книги не по горячим следам деяний Иисуса Христа, а в далеких 60-х гг. или даже по II в., когда исторические свидетельства о той знаменательной эпохе в значительной степени были утрачены, и евангельские повествования принимали характер литературных произведений. «В особенности они отличаются, – пишет Гарнак, – манерой рассказа от всего последующего сочинительства. Этот род литературы, образовавшийся отчасти из подражания рассказам о иудейских раввинах, отчасти из потребности в катехизации, – эта простая и, вместе с тем, выразительная форма изложения уже через несколько десятков лет не могла быть воспроизведена в полной чистоте. С переходом евангелизации на широкую греко-римскую почву она присвоила себе литературные формы греков, и стиль Евангелий стал ощущаться как нечто чуждое, но великое» [106, т. 1, с. 21]. Немецкий библиист полагал, что Лука писал свое творение в «эпоху Домициана» (81–96 гг.). При этом, по его мнению, евангелист в своей работе опирался большей частью на Евангелия от Марка и Матфея, а не на исторические свидетельства [106, т. 1, с. 21]. Поэтому Гарнак утверждал, что ценность Евангелий, как исторических письменных источников, не велика. Он полагал, что «Евангелия не дают нам истории развития Христа: они рассказывают только о Его деятельности» [106, т. 1, с. 26].

Таким образом, проведенное протестантскими теологами средствами философски-научного анализа исследование синоптических Евангелий, по их мнению, показало их недостоверность как письменных источников, что практически лишало эмпирической основы для изучения возникновения христианства. Как они полагали, написание Евангелий в конце I и даже во II веках неизбежно придавало книгам евангелистов художественный характер. Как будет показано ниже, более глубокое изучение Посланий апостола Павла и книги Марка «Деяния апостола Варнавы» убедительно показывает, что Павел и Варнава весьма ценили Евангелие от Матфея. Когда в 478 году на о. Кипр был найден сундук с мощами Варнавы, в нём также был обнаружен свиток Евангелия от Матфея, который был доставлен императору в Константинополь, где по нему читали ежегодно в Страстную пятницу. Только это свидетельство достоверного исторического факта разрушает все высокомерные построения незадачливых протестантских теологов.

Оценка Адольфом Юлихером образа Иисуса Христа

В протестантизме сложилась традиция рассматривать Иисуса Христа лишь как выдающегося человека, который своей проповеднической деятельностью и мученической смертью положил начало христианскому религиозно-

му учению. При этом протестантские теологи рассматривали чудеса, воскресение и вознесение проповедника Иисуса плодом легендарного мифологического мировосприятия евангелистов, которые для убедительности повествования не ограничивали себя в фантазировании. «Несмотря на все эти недостатки, – пишет Юлихер, – три Евангелия остаются ценным источником не только для истории общины, вложившей в них свой идеал Христа, но и, пожалуй, в еще более сильной степени, для истории Иисуса... *Иисуса Иоанна можно было бы считать за героя религиозной поэмы*; в Евангелиях синоптических авторы слишком усердно борются с материалом, *часто ими не понятым, часто совершенно им не поддающимся... Художественное произведение неведомого гения – эта фигура Иисуса – тотчас по своем возникновении снова превращается в обломки*. Лучшие силы свои Евангелисты отдают ведь как раз на то, чтобы спасти для потомства хоть какие-нибудь драгоценные осколки этого сокровища, вправляя их в подходящую раму. Нет, то очарование свежей жизни, что веет от образа Иисуса, даже в *лубочном изображении Синоптиков* (везде выделено мною – В. М.), смеется над всякой гипотезой, стремящейся низвести Иисуса до простого продукта религиозно-исторических факторов или даже до героя псевдоисторического романа» [106, т. 1, с. 185–186]. Исходной методологической установкой Юлихера и ему подобных теологов было отрицание достоверности синоптических Евангелий, которые они относили к художественной литературе, как «продукту фантазий» евангелистов. Горделивый Юлихер не понимал, что такой подход лишал его предмета философско-научного анализа, превращая его рассуждения в наукообразные домыслы.

При этом Юлихер, Гарнак и др. стремились на основе имеющегося весьма ненадежного, по их мнению, материала сконструировать объективный образ Иисуса из Назарета и его жизненный путь. Юлихер пишет: «Правда, немного мы знаем об этом Иисусе, недостаточно, чтобы набросать Его биографию, но достаточно, чтобы оценить Его. К счастью, то, что осталось нам *от Него*, ряд кратких, метких, основных изречений, образцов истинно народной речи – среди них выдаются хорошей передачей и числом притчи, – более важно, чем то, что нам сообщают о *Нем*» [106, т. 1, с. 186]. Юлихер безжалостно искромсал Евангелия как капусту, оставив лишь несколько изречений и притч как «образцов истинно народной речи».

У Юлихера получилась следующая «биография» Иисуса Христа. «Иисус происходил из маленького галилейского городка Назарета; перенесение места Его рождения Матфеем и Лукой в Вифлеем делается для того, чтобы буквально оправдать пророчество Михея, 5,1, что Мессия придет из Вифлеема. Он родился за несколько лет до начала нашей эры; ибо в 30 г. по Р. Хр. завершилось Его жизненное поприще, а, по еврейскому обычаю, Ему необходимо было иметь минимум 30 лет для общественного выступления. Ни Он, ни Его мать, ни Его назаретские земляки ничего не знают о Его сверхъестественном рождении, не говоря уже о Его бытии до рождения на небе; Он не считает Себя также за потомка Давида. *Занимался Иисус ремеслом* Своего отца Иосифа, который был плотником, новейшие писатели предпочитают говорить – архитектором, а люди с другими вкусами – земледельцем. Отец Его умер, по-

видимому, рано; в источниках мы встречаем лишь мать Его – *Марию и четырех братьев, глубоко огорченных поведением Иисуса, которое они считали безумием*. Вырос Иисус в истинно еврейской семье, древняя легенда о происхождении Его от Духа Святого имела гораздо более смысла, чем новейшие речи об Иисусе индоевропейской расы. *Иисус не получил высшего образования и вряд ли понимал по-гречески; недурно знал* Он Священное Писание своего народа, особенно псалмы и пророков; надо думать поэтому, что Он владел и древнееврейским языком, который уже давно не был разговорным языком иудеев; *все эти знания, однако, мог Он усвоить Себе и без школьного обучения*. Глубоко набожный дух вынес Он из родительского дома (везде выделено мною – В. М.); даже в Его семье не предчувствовали Его величия» [106, т. 1, с. 187]. Немецкий библеист настойчиво и последовательно стремился развенчать сложившийся священный образ Иисуса Христа, при этом желая показать, что Он, как личность, не имел даже особенных достоинств.

Юлихер отмечает «односторонность Иисуса». По его мнению, «он не обладал большими познаниями, чем другие галилеяне его сословия, в области политической экономии, истории, географии; социальных вопросов, хотя в Палестине того времени обеднение быстро росло... Иисус – не универсальный спаситель всего мира, Он велик в *одной* области и в полной мудрости никогда не переступает Он ее границ: новое, что его наполняет, ограничивается религией и этикой, точнее – оно состоит в единстве и того и другого. Иисус довел до конца онравствление религии и обеспечил нравственности движущие силы религии в полном объеме» [106, т. 1, с. 207].

В учении Иисуса о Боге Юлихер не увидел ничего принципиально нового по сравнению с ветхозаветными представлениями иудеев. Из его рассуждений следует, что, по существу, Иисус не достоин быть предметом исследования. В обмирщенной характеристике Иисуса немецким богословом Спаситель предстает ниже «великого Иоанна» [106, т. 1, с. 188]. По мнению немецкого теолога, Иисус, подобно всем людям, не обладал способностью прозорливости. Юлихер полагал, что повествования евангелистов о предсказаниях Иисуса о бедствиях еврейского народа и разрушении Иерусалима лишь свидетельствуют, что Евангелия писались после Иудейской войны [106, т. 1, с. 206–207]. Юлихер сожалеет, что «судьба не дала историческому Иисусу достигнуть полной гармонии». По его мнению, «для настоящего Мессии, Он должен быть идеалом человека «Царства Божьего», человека, в котором каждый диссонанс – следствие греха и нужды – распустился в величественной гармонии, в равновесии между блаженством и исполнением долга, между нравственными деяниями и религиозными наслаждениями. Судьба не дала историческому Иисусу достигнуть полной гармонии: не только радость неистощимой силы, частью поразительных успехов, не только непоколебимая вера в Бога, не только смелая решимость и трогательная любовь находят себе выражение в остатках его речей – до нас дошли и пессимистически-печальные, горько-суровые слова, сказанные им» [106, т. 1, с. 205]. «Рассказ о вознесении Воскресшего на сороковой день, – пишет немецкий библеист, – о котором повествуют лишь “Деяния апостолов”, есть только позднейшая попытка рационально объяснить от-

сутствие подобных же явлений в последующее время и очистить место на земле для деятельности Духа, Который сошел на верующих десять дней спустя, чтобы заменить Сына Божьего» [106, т. 1, с. 220].

Большую часть своей жизни Юлихер занимался развенчанием божественного образа Иисуса Христа и возвеличиванием апостола Павла в развитии христианства. Он не только не понимал вероучения Иисуса Христа, но и учения апостола Павла, потому что, как будет показано ниже, Апостол во всех своих Посланиях утверждал, что все свои знания он получил непосредственно от Спасителя. Мирской человек Юлихер не понимал, что надвигающаяся слепота была наказанием Господа за его полную научную слепоту и глухоту в области христианства.

Теологические мыслительные конструкты систематической теологии Пауля Тиллиха

Протестантский теолог П. Тиллих (1886–1965) в своем фундаментальном труде «Систематическая теология» (1951–1964) создал одну из самых глубоко продуманных теологических систем. Своеобразие теологического мышления немецкого богослова выражается в том, что оно основывалось на наиболее развитых философских представлениях феноменологии и экзистенциализма, а также науки того времени, что способствовало более глубокому осмыслению теологической проблематики.

Как и в сложившейся традиции протестантской теологии, Тиллих исходил из недостоверности книг Нового Завета. «Велся поиск фактов, – пишет автор «Систематической теологии», – стоящих за самими повествованиями (а в особенности тех фактов, которые относятся к Иисусу). Существовало упорное желание обнаружить реальность этого человека, Иисуса из Назарета, высвободив ее из-под пестрых напластований традиций почти таких же древних, как и сама реальность. Так начался поиск так называемого “исторического” Иисуса. Его мотивы были и религиозными, и научными одновременно... Однако эта попытка исторического критицизма обнаружить эмпирическую истину об Иисусе из Назарета, если рассматривать ее в свете ее базисной интенции, завершилась неудачей. Исторический Иисус (то есть тот Иисус, который скрывается за символами его восприятия как Христа) не только не появлялся, но с каждым новым шагом исследования отступал все дальше и дальше» [147, т. II, с. 377]. Вывод Тиллиха однозначен – «исторического Иисуса» в книгах Нового Завета нет.

По его мнению, причиной тому служит природа синоптических Евангелий. Тиллих пишет: «Причиной тому была природа самих источников. Сообщения об Иисусе из Назарета – это сообщения об Иисусе как о Христе и принадлежат они тем людям, которые восприняли его как Христа. Следовательно, если пытаться обнаружить реального Иисуса за образом Иисуса как Христа, то необходимо критически отделить те элементы, которые принадлежат фактической стороне события, от тех элементов, которые принадлежат воспринимающей стороне» [147, т. II, с. 378]. Развивая сложившуюся протестантскую тра-

дицию отрицания достоверности книг Нового Завета, Тиллих делает существенное методологическое уточнение.

Он различает реальную историю земной жизни Иисуса Христа и записанную евангелистами и Апостолами. Реальная история деяний и поучений Иисуса Христа нам не дана и недоступна. Выражаясь в терминах философии Канта, она есть вещь в себе. В книгах Нового Завета христианам дана лишь воспринимающая сторона евангелистов происходивших событий. Он утверждает: «Во всех своих аспектах Новый Завет является таким документом, в котором образ Иисуса как Христа является в его изначальной и базисной форме. Все остальные документы, начиная с писаний апостолов и кончая писаниями современных теологов, от этого изначального документа зависят. Новый Завет как таковой является составной частью того события, которое он документирует. Новый Завет представляет собой воспринимающую сторону этого события и в этом своем качестве является свидетельством его фактической стороны. Если это так, то можно сказать, что Новый Завет в его целостности является базисным документом того события, на котором зиждется христианская вера. В этом отношении разные части Нового Завета друг с другом согласуются. В других же отношениях имеются существенные различия. И все-таки все книги Нового Завета едины в утверждении, что Иисус – это Христос [147, т. II, с. 390–391]. С одной стороны, Тиллих признает базисное значение книг Нового Завета, как эмпирической основы для исследования первоначальной христианской истории, а с другой, – отрицая их достоверный характер, он ограничивает свое исследование анализом феноменальной, воспринимающей евангелистами стороны происходивших событий.

Размышляя в русле сложившейся традиции протестантской парадигмы, Тиллих отрицает чудесные деяния Иисуса Христа. «Одним из тех примеров, на которые часто ссылаются в этом контексте, – пишет немецкий богослов, – является трактовка новозаветных чудес. Когда исторический метод применяют к рассказам о чудесах, то при этом не исходят из предположения, что они совершились потому, что их приписывают тому, кого зовут Христом. Однако при этом не исходят и из того предположения, что они не совершились потому, что такого рода события вступили бы в противоречие с законами природы» [133, т. II, с. 379]. Согласно Тиллиху, чудесных деяний Иисуса Христа не могло быть в принципе. Это фантазии евангелистов, которые нельзя принимать в расчет.

Для рационалистически мыслившего Тиллиха христианское *знание-вѣдение* было *tabula rasa*. В своем труде «Систематическая теология» Тиллих последовательно и настойчиво стремился лишить всяких достоинств православных монахов, достигших святости. Он утверждал: «Термин «святой» толковалось искаженно и неверно; святость отождествлялась с религиозным или нравственным совершенством. Именно поэтому протестантизм в конце концов изъясил из теологии понятие святости и исключил из религии реальность святого. Однако святость – это не личное совершенство. Святые – это те личности, которые прозрачны для основания бытия, которое через них открывается. Святые – это те, кто способен войти в констелляцию откровения в качестве про-

водников. Их бытие может стать знаком-событием для других. Такова истина, стоящая за католической практикой требовать чудес от каждого святого» [147, т. I, с. 125]. Примечательно то, что Тиллих, казалось, понимал, что благодаря совершенству своих добродетелей монахам-исихастам открывалась сокровенная божественная реальность. Однако ограниченность протестантских религиозных воззрений толкала его безусловно добродетельных достигших святости монахов уравнивать с праведными протестантами, которые не имели представления о подлинной христианской добродетели и мистически-метафизическом Боговедении. Он продолжает: «Протестантизм не допускает различий между святым и обычным верующим. Всякий верующий свят постольку, поскольку он принадлежит к сообществу святых – к той новой реальности, которая священна в своем основании; а всякий святой является обычным верующим постольку, поскольку он принадлежит к числу тех, кто нуждается в прощении грехов. И все-таки даже и на этой основе верующий может стать проводником откровения для других и в *этом* смысле святым. Его вера и его любовь могут стать знаками-событиями для тех, кто охвачен их силой и их созидательностью. Проблема святости должна быть безусловно переосмыслена протестантской теологией» [147, т. I, с. 125]. Понимая несогласованность в своих размышлениях, Тиллих рекомендует протестантским богословам переосмыслить проблему святости.

Не понимая природы и мистики суровой аскезы православных монахов, Тиллих объявляет несостоятельность любой формы аскетизма. «Аскетические методы самоспасения, – пишет он, – оказываются несостоятельными в той мере, в какой они являются попытками добиться воссоединения с бесконечным посредством сознательных актов самоотрицания. Однако объекты вожделения в человеческой природе не исчезают актуально, но продолжают существовать в форме подавления. Поэтому зачастую они снова возникают в форме всепоглощающего воображения или в таких видоизменениях, как воля к поработению, фанатизм, садо-мазохистские наклонности или тяга к самоубийству... Аскетизм необходим в качестве одного из элементов жизненных процессов, однако в качестве попытки самоспасения аскетизм является опасным извращением и обречен на неудачу» [147, т. II, с. 359–360]. Тиллих был убежден, что освободиться от привязанностей к мирскому бытию невозможно. Поэтому он полагал аскетические деяния православных монахов опасным извращением, обреченными на неудачу. Однако, как мы знаем, начиная с Антония Великого, множество византийских, российских, украинских и других монахов достигали откровения Господа при жизни.

В теологии Тиллиха центральное место занимает учение о «предельной заботе», как сущности всякого религиозного верования. Немецкий философ-богослов утверждает: «Религиозная забота – предельна; она лишает все прочие заботы их предельной значимости и делает их лишь предварительными. Предельная забота ничем не обусловлена и не зависит ни от каких условий характера, желаний или обстоятельств. Безусловная забота является всеобъемлющей: никакая часть нашего существа или нашего мира не исключена из нее, и нет такого «места», куда бы можно было от нее убежать. Всеобъемлющая за-

бота бесконечна: нельзя ни отдохнуть, ни хотя бы на миг расслабиться перед лицом той религиозной заботы, которая предельна, безусловна, всеобъемлюща и бесконечна. Слово «забота» указывает на «экзистенциальный» характер религиозного опыта. Мы не можем адекватно говорить об «объекте религии» без одновременного упразднения характера объекта. То, что предельно, воспринимается лишь тогда, когда оно является предметом предельной заботы» [147, т. I, с. 19]. Для праведного верующего «Бог» предстает самым главным жизненным ориентиром, предельной его заботой. Без нее в жизни благочестивого верующего ничего не получится. Она выступает в качестве важнейшего средства, чтобы идти дальше, идти вперед в мистическом общении с Господом, в познании Его таинственной природы.

Расширительное толкование Тиллихом Бога как предельной заботы приводит его к тому, что мирские заботы, ставшие для человека предельными, по его мнению, приобретают характер божественных, что низводит Господа до мирского события. Он пишет: «“Бог” – это ответ на вопрос, имплицитно заключенный в конечности человека; этим именем названо то, что заботит человека предельно. Это вовсе не означает того, что прежде имеется сущее, именуемое Богом, а только потом – обращенное к человеку требование быть предельно им озабоченным. Это означает, что все, что только ни заботит человека предельно, становится для него богом и что, наоборот, человек может быть предельно озабочен только тем, что является для него богом. Выражение “быть предельно озабоченным” указывает на напряженность в человеческом опыте» [147, т. I, с. 208]. Предельной заботой может быть только Бог, как трансцендентная реальность, подстраиваясь под строгие нравственные требования Которой следует выстраивать свою повседневную жизнь.

Одним из исходных теоретических положений систематической теологии Пауля Тиллиха является представление о религиозном символе. По его мнению, «истинность религиозного символа не имеет ничего общего с истинностью тех эмпирических утверждений, которые в нем заключены, будь они физическими, психологическими или историческими. Религиозный символ обладает некоей истинностью только в том случае, если он адекватно выражает ту корреляцию откровения, в которой находится та или иная личность. Религиозный символ *истинен* в том случае, если он адекватно выражает корреляцию той или иной личности с окончательным откровением» [147, т. I, с. 234]. В истинной значимости религиозного символа Тиллих справедливо отмечает необходимость «адекватной корреляции» с «окончательным откровением». При этом он настаивает на адекватности корреляции религиозного символа в откровении, что является сильным преувеличением, которое не проявляется даже в его исследовании. Он пишет: «Религиозный символ может отмереть только в том случае, если отомрет та корреляция, адекватным выражением которой он является. Это происходит всякий раз, когда ситуация откровения изменяется и прежние символы устаревают. История религии вплоть до наших дней полна тех мертвых символов, которые были убиты не научной критикой предполагаемых суеверий, но именно религиозной критикой религии. Суждение о том, что религиозный символ *истинен*, тождественно суждению о том,

что истинно то откровение, адекватным выражением которого он является. Следует всегда иметь в виду этот двойственный смысл истинности символа. Символ *обладает* истиной: он адекватен тому откровению, которое выражает. Символ *является* истиной: он является выражением истинного откровения» [147, т. I, с. 234].

В теоретическом анализе символического христианского знания Тиллих справедливо настаивал на адекватности соответствия символа религиозному объекту, которое, по его мнению, носило большей частью рациональный характер. Тиллих полагал, что реальная история деяний и поучений Иисуса Христа закрыта для христиан. Она дана лишь в символическом описании евангелистов, которое он в своем фундаментальном труде весьма продуктивно теоретически осмыслил. Однако, было бы более эффективным изучать первоначальную историю христианства посредством мыслительных конструктов «мистический факт», «*знание-вѣдение*» и других концептуальных средств научно-религиозного анализа, которые позволяют более глубоко и полно исследовать священную реальность первоначального христианства.

В своем труде «Систематическая теология» Тиллих большей частью занимался созданием теологических теоретических конструктов христианских символов, которые должны были способствовать более глубокому пониманию христианского вероучения. Так, Тиллих разработал теоретический конструкт «откровение», который достаточно полно отображает природу этого явления в религиозной жизни верующего. Он пишет: «Откровение – это то особенное и необыкновенное проявление, которое снимает покров с чего-то, что было скрыто, причем само это проявление тоже совершается необыкновенно и по особенному... Откровение – это проявление того, что заботит нас предельно. Тайна, которая нам открыта, потому-то и является нашей предельной заботой, что она – основание нашего бытия. В истории религии события откровения всегда описывались как нечто такое, что потрясает, преображает, призывает и является предельно значимым. Они производны от божественных источников – от силы того, что священо и потому для нас безусловно» [147, т. I, с. 113, 115]. Он выделяет различные формы откровения, в частности, актуальное и окончательное откровение.

П. Тиллих не понимал природы, целей и смысла православного монашеского движения и стремился показать его несостоятельность. В ходе анализа экстаза как формы откровения он пишет: «“Экстаз” (буквально – “стояние за пределами самого себя”) указывает на такое состояние сознания, которое можно считать необычным в том смысле, что ум трансцендирует его обычную ситуацию. Экстаз – это не отрицание разума, но такое состояние ума, при котором разум оказывается вне себя, то есть вне пределов своей субъект-объектной структуры... Это именно то состояние, которого пытаются достичь мистики через аскезу и медитацию. Но мистикам известно, что и аскеза, и медитация – это всего лишь подготовка и что экстатическим опытом человек обязан исключительно проявлению тайны в ситуации откровения. Экстаз происходит только в том случае, если сознание охвачено тайной, то есть основанием бытия и смысла» [147, т. I, с. 116]. Тиллих полагал, что предельной це-

лью для религиозных аскетов являлось достижение экстаза как высшего духовного и душевного состояния. Он не мог допустить, что смысл и предназначение многотрудного практического делания для православных монахов заключались в достижении мистически-метафизической связи с Богом – Боговещения, которое сопровождалось неизъяснимыми переживаниями.

Немецкий теолог отмечает, что в момент совершения откровения «становится прозрачным основание бытия». Он пишет: «Только если история указывает на нечто за своими пределами в корреляции экстаза и знака-события – только тогда и совершается откровение. Только если группы личностей становятся прозрачными для основания бытия и смысла – только тогда и совершается откровение. Однако возникновение откровения непредсказуемо и не выводимо из качеств личностей, групп и событий. Это – историческая, социальная и личная судьба. Она подчиняется «направляющей созидательности» божественной жизни. Историческое откровение – это откровение не *в* истории, но *через* историю. Поскольку человек по сути своей историчен, всякое откровение совершается в истории даже и тогда, когда оно опосредовано камнем или деревом. Но сама по себе история становится откровением только в том случае, если особое событие или череда событий опытно воспринимаются в экстазе как чудо» [147, т. I, с. 124]. Тиллих теоретически описал основополагающую природу религиозного откровения глубоко и достаточно полно. Однако он не учитывал необходимые духовно-нравственные требования для достижения мужественным религиозным подвижником предельной цели – достижения Божественного Откровения. Подвижник должен был освободиться от мирских забот и привязанностей, чтобы ему приоткрылся смысл, точнее мистическое переживание, основания бытия. Ясно, что явление откровения непредсказуемо, потому что оно приходит *Оттуда* избранным, чистым душой и сердцем. «Откровение может осуществиться через всякого, – пишет Тиллих, – кто прозрачен для основания бытия. Пророк, даже и являясь проводником исторического откровения, не исключает наличия других людей как проводников откровения» [147, т. I, с. 124–125]. В полной мере духовно-нравственно прозрачными для Господа были и есть совсем немногие. Из достаточно многочисленного православного монашеского движения только немногие достигали последнего основания бытия Бога, Откровения Господа. Но в силу своей религиозной ограниченности Тиллих этого не знал.

Созданный Тиллихом мыслительный конструкт «мистическое» достаточно полно описывает важнейшую религиозную реальность. Он пишет: «“Мистическое” – это прежде всего такая категория, которая характеризует божественное как то, что присутствует в опыте. В этом смысле мистическое – это сердцевина всякой религии как религии... Мистицизм или “ощутимое присутствие Бога” – это сущностная для природы религии категория, и потому он не имеет ничего общего с самоспасением. Однако самоспасение выявляет себя в том случае, если человек пытается достичь воссоединения посредством телесных и умственных упражнений. Это характерно для почти всего восточного (а частично и для западного) мистицизма. В этом смысле мистицизм во многом (хотя и не полностью) представляет собой попытку самоспасения, которая

проявляется в стремлении трансцендировать все сферы конечного бытия для того, чтобы соединить конечное бытие с бесконечным. Однако и эта попытка (как и все прочие попытки самоспасения) оборачивается неудачей. Реальный союз мистика с Богом не достигается никогда. Но даже если бы он и был достигнут, это не преодолело бы отчуждения обычного существования. За моментами экстаза следует долго длящаяся “сухость души”, а всеобщая бедственность людей остается неизменной, поскольку условия существования остались незатронутыми» [147, т. II, с. 360]. Мистическое единение с Господом происходит не столько в результате «посредством телесных и умственных упражнений» подвижника, сколько по воле Бога. Строгое практическое делание подвижника по духовно-нравственному очищению своей души лишь подготавливает площадку для благословенного снисхождения Господа. Ограниченный протестантским христианским дискурсом Тиллих полагал, что достижение Боговедения невозможно. Действительно, в рамках весьма упрощенных и ограниченных протестантских верований это сокровенное событие представлялось невозможным. Религиозные массовые экзальтации верующих на многолюдных протестантских собраниях к подлинному откровению Господа не имеют никакого отношения.

Таким образом, Реформация XVI–XVII веков привела к существенному разрушению развитого комплекса Католической церкви в западноевропейских странах и формированию мирской версии христианства протестантизма, в которой от подлинного христианства практически ничего не осталось – даже Бога Иисуса Христа. Протестантские теологи, отрицая эмпирические знания книг Нового Завета, теоретические знания католической теологии и православного *знания-вѣдения*, реально занимались умозрительными построениями псевдохристианских моделей.

ГЛАВА 2

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

ТЕМАТИЧЕСКОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО

АНАЛИЗА

Представляется продуктивным использование в области религиозных исследований концептуальных средств тематического подхода. Тематический анализ, рассматривая духовную реальность как тематическое пространство, позволяет строить теоретические тематически структурированные модели культурных явлений, которые существенно упорядочивают культурологические представления. Применительно к настоящему исследованию тематический подход позволяет уточнить своеобразие как вероучения Иисуса Христа, так и христианских дискурсов апостолов Петра и Павла, а также Христианской Церкви апостольского периода развития.

2.1. Понятие ценностно-мыслительного пространства культуры

Комплексное понимание культуры предполагает рассматривать в диалектическом единстве трёх её составляющих: духовную компоненту, сферу коллективной и индивидуальной культуротворческой деятельности и материальный мир объективаций, результатов этой деятельности, совокупность различного рода артефактов. Представляется целесообразным рассматривать духовную культуру как ценностно-мыслительное пространство. Это позволяет её исследовать как развертывающуюся во времени, структурированную пространственную конфигурацию, которая образуется множеством элементарных теоретических объектов – тем.

Объективный мир духовной культуры представляет собой динамично развивающуюся систему со сложными вертикальными и горизонтальными связями, в которой можно выделить два слоя: отдельных культур и метакультурный. Основу культурного процесса составляет сложное противоречивое взаимодействие культур как целостных ментальных образований, которых насчитывается приблизительно столько, сколько имеется государств. Утверждение «приблизительно» связано с непрерывным характером культурно-

творческого процесса разложения старых и образования новых культур. Совпадение числа государств и культур обусловлено важной ролью государства в формировании пространства культуры. Основанием выделения такого множества культур служит специфика организации ценностно-мыслительного пространства каждой культуры, которое задаёт отличное от других восприятие мира, организацию собственного мира и направление его развёртывания.

Всякую религию можно рассматривать как тематически структурированное ментальное пространство, которое в ходе исторического развития претерпевает временами существенные изменения. При этом тематический анализ позволяет выявить своеобразие религиозных воззрений деятелей Церкви и её отдельных подразделений.

Ценностная нагруженность ментального пространства культуры

Для упорядочения многообразного материала культуры, а также религии, целесообразно использование аксиологического подхода. В процессе объективации смыслов происходит формирование своеобразной ценностной структуры, которая задаёт упорядоченное множество целей, идеалов, определяющих программы поведения людей, их мыслительные ориентации и в целом их мировосприятие. Поэтому всё многообразие продуктов культурной деятельности является результатом направляющего воздействия ценностной системы культуры. В конечном итоге, в своей основе культуры отличаются друг от друга ценностными системами. Понимание культуры как ценностно-мыслительного целого выступает важнейшей характеристикой понятия культуры. Ценностно-мыслительный критерий различения культур не является абсолютным, разделяющим культуры, подобно монадам, непроницаемой границей. Однако он является достаточным для уяснения отличия и единства сравниваемых культур, а также религий.

Обоснование ценностного мышления представлено в работах Ф. Ницше (1844–1900). Он убедительно показал ценностную окрашенность мира, в котором мы живём, а процесс развития культуры – как переоценку ценностей и тем самым совершил своеобразный переворот в философии. «Мир явлений, – пишет Ф. Ницше, – это мир, рассматриваемый с точки зрения ценностей: урегулированный и подобранный по ценностям, т. е. с точки зрения полезности в смысле сохранения и возвышения власти определённого зоологического вида» [86, с. 318]. «Сфера действия моральных оценок: они являются спутниками почти каждого чувственного впечатления. Мир благодаря этому является **окрашенным**. Мы вложили в него наши цели и ценности: мы накопили благодаря этому в себе колоссальную скрытую массу **силы**, но при **сравнении** ценностей обнаруживается, что ценными считались самые противоположные вещи, что существовало много таблиц благ (следовательно, ничего «ценного в себе») [86, с. 156]. «Вопрос о ценностях **фундаментальнее** вопроса о достоверности: последний приобретает серьёзное значение лишь при предположении, что разрешен вопрос о ценности» [86, с. 366]. Вполне очевидно, что в

этих высказываниях немецкий философ рассуждает о внеличной антропогенной реальности, которая нас окружает, и в которой мы живем. Вложение в эту реальность «наших целей и ценностей» – это процесс объективации смыслов как целей и ценностей, в результате чего эта сверхличностная реальность приобретает ценностно-мыслительный характер, становится ценностно «окрашенной». При этом она постоянно расширяется, наполняется объективированными ценностными смыслами. «Мир явлений» Ницше мы в полной мере можем истолковать как декодированный мир субъекта. Таким образом, Ф. Ницше открыл новое ценностное измерение объективно-субъективной реальности, в которой мы живем. В целом рассмотрение немецким философом в единстве сверхиндивидуальной реальности, загруженной нашими целями и ценностями, и ценностно окрашенного мира субъекта весьма близко к нашему представлению о культуре как промежуточной реальности ценностно-мыслительного пространства.

Метафизическую основу ценностной заданности мира культуры в философии Ф. Ницше составляет учение о воле к власти. «Все «задачи», «цели», «смысл» только формы выражения и метаморфозы одной и той же воли, которая присуща всякому процессу – воли к власти. Иметь стремление, цели, намерения, *волю* вообще, это то же самое, что желать стать сильнее, желать расти – и желать *также средств* для этих целей [86, с. 368]. «Ценность – это наивысшее количество власти, которое человек в состоянии усвоить» [86, с. 393]. Бытие он истолковывает как волю к власти. «Мышление в ценностях принадлежит к той действительности, – пишет М. Хайдеггер, – которая определена как воля к власти. Ценностная идея есть необходимая составная часть метафизики воли к власти» [159, с. 95]. По Ницше, действительное, определённое через волю к власти, каждый раз оказывается переплетением перспектив и полаганий ценности. Ценности в то же время являются условиями поддержания и наращивания власти. Поэтому воля к власти и полагание ценностей выступают как одно и то же [159, с. 100, 101].

Понятие же ценности раскрывается как значимое, стоящее, включающее в себя какую-то цель, как «смысл», «ради чего» всякого поступка, поведения и совершения. «Ценности» по своему существу есть «точки зрения» [159, с. 71, 79, 80, 98] – подчёркивает М. Хайдеггер мысль Ф. Ницше. «Все эти ценности, – утверждает Ф. Ницше, – рассматриваемые психологически, суть результаты определенных утилитарных перспектив, имеющих в виду поддержание и усиление идеи человеческой власти, что ложно *проецированы* нами в существо вещей. Это – всё та же *гиперболическая наивность* человека: полагать себя смыслом и мерой ценности вещей» [86, с. 35].

Таким образом, пространство культуры ценностно нагружено, составляет ценностное бытие. Ценностную нагруженность ментального пространства культуры создает множество объективаций в результате непрерывной «работы» «объективирующего духа», деятельности людей в материальном производстве, в системе межличностных коммуникаций, в научных и художественных произведениях. Мы живем в мире объективированных и объективируемых целей. Ф. Ницше впервые обнаружил атрибутивный характер ценностно-

го мировосприятия и убедительно показал, что становление культуры, особенно в её переломные периоды, осуществляется путём «переоценки ценностей». В эпохи преобразований происходит перепрограммирование «живого духа». Перед людьми ставятся новые цели и новые ценности, реализация которых приводит к разрушению старой и формированию новой системы объективаций, нового ценностно-мыслительного пространства.

Рассмотрение христианства как ценностно-мыслительного пространства позволяет выявить его существенные отличия от иных религий, в частности, ветхозаветного иудаизма, а также католицизма, православия и протестантизма.

2.2. Государство как механизм саморегуляции культуры

В системе культуры государство является одним из важнейших механизмов её саморегуляции, самоконструирования, который распределяет течение культурных потоков, в той или иной степени упорядочивает ценностно-мыслительное пространство культуры, пропагандируя одни идеалы и ценности и запрещая другие. Своеобразие государства как субъекта культурно-исторического процесса выражается в том, что оно имеет духовно-материально-деятельностную природу. Его материальную сторону образует институциональная инфраструктура в виде системы различного рода государственных организаций и учреждений, технические средства и другие. Ментальную составляющую государственного целого составляют идеологические, правовые, нравственные, религиозные и иные представления, которые упорядочивают, направляют деятельность субъектов государственного управления. Громоздкий государственный механизм приводят в движение люди (чиновники, военные, учителя и др.). Таким образом, государство представляет собой основной механизм регуляции процессов объективации и декодирования информационных потоков, обеспечивающих жизнедеятельность культуры как целостного образования.

Государство является необходимой предпосылкой и условием формирования и развития пространства культуры вообще. В то же время разрушение государства приводит к дезинтеграции пространства культуры, в конечном итоге к её гибели. Культуры отличаются друг от друга структурой ценностно-мыслительного пространства, которое задаёт ориентиры, программы всякого рода деятельности, особенности мировосприятия и другие. Наличие государства открывает возможность осуществления культурно-творческого процесса, который приводит к формированию своеобразного пространства культуры. Государственная граница очерчивает сферу регулируемых культурных процессов, локализует пространство культуры от ассимилирующего влияния других культур, устанавливает «мембрану», фильтрующую внешние, культурные воздействия, слабая проницаемость которой приводит к нарастанию культур-

ных различий между «мы» и «они». В этом смысле правомерно высказывание Г. Гегеля: «Во всемирной истории может быть речь только о таких народах, которые образуют государство» [35, с. 90].

Отсутствие же государственности препятствует генезису культуры, особенно формированию высокоразвитой, профессиональной культуры. Незавершенный характер развития украинской культуры был вызван отсутствием механизма государственной поддержки и защиты. В процессе развёртывания (середина XVII в.) пространство украинской культуры оказалось разорванным российско-польской границей, по обе стороны которой блокировалось формирование национальной профессиональной культуры и в то же время навязывались ценностно-мыслительные структуры польской и русской культур. В этом смысле государственная граница выполняет ту же функцию в становлении культуры, что и фактор географической изоляции в процессе видообразования. Именно формирование механизмов государственной регуляции знаменовало возникновение очагов древнейших культур Египта, Вавилона, Индии и других.

Как важнейшее интегрирующее, самоконструирующее средство, государство играет значительную роль в период развития, расцвета культуры. Оно обеспечивает развёртывание пространства культуры, стимулирует деятельность творческой элиты, преодоление его разрывов, конфликтного противостояния ценностных ориентаций субкультур, поддерживая развитие интегральных связей, утверждение общекультурных ценностей и идеалов.

Распад культуры и государства – два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса. С одной стороны, вырождение, разорванность пространства культуры приводит к разложению государства, к утрате координирующей, упорядочивающей функции; с другой – узкопартийные, максималистские решения правителей могут разбить сосуд культуры как духовной целостности на множество осколков.

Многовековая история христианства в полной мере показывает важнейшую значимость государства в жизнедеятельности Христианской Церкви, которое своими гонениями на христиан могло довести до её почти полного разрушения (власти Римской империи, СССР) или способствовать стремительному её возрождению и развитию (император Константин, современная Россия).

2.3. Онтологическое и феноменальное в культурологическом анализе ценностно- мыслительного пространства культуры

Ментальное пространство культуры имеет объективно-субъективную природу. Объективная ее составляющая имеет источником онтологическую по отношению к субъекту реальность, которая содержит бесчисленное множество объектов, их свойств, связей и отношений. Если кто-либо станет очевидцем

какого-либо культурно-исторического события, то его восприятие происходящего всегда будет фрагментарным, неполным. Мы смотрим на мир как онтологическую реальность, словно в замочную скважину или через глазок телекамеры оператора или камеру смартфона непосредственного свидетеля происшествия. Поэтому целесообразно различать онтологический слой объективного, непрерывно текущего культурно-исторического процесса и феноменальный слой декодированной в нашем сознании этой реальности.

Антропогенная онтологическая реальность культуры

Онтологический слой культуры как антропогенная реальность включает совокупную социально-политическую, экономическую, культурную деятельность людей, систему их коммуникаций, функционирование институциональной инфраструктуры, а также объективированную реальность, содержащихся в артефактах смыслов как результатов этой многоплановой деятельности. Это мир объективного и объективированного, непрерывно текущего культурно-исторического процесса, который представляет собой взаимосвязанное единство совокупной человеческой деятельности и объективированных смыслов как ее результатов. Культура как объективная реальность, с одной стороны, развивается посредством спонтанной деятельности людей. Мир культуры творят люди. С другой, онтологический слой культуры – это бесконечный мир людских объективаций. Поэтому культура как антропогенная реальность существенно отличается от природной среды как внекультурной, внеценностной реальности. Примечательно, что кризис современной мировой культуры выражается в том, что совокупная человеческая деятельность выражается не столько в преобразовании природной среды, сколько в её засорении отходами его жизнедеятельности.

Субъект имеет доступ лишь к небольшой части объективного слоя культуры. В подавляющем большинстве случаев он не является очевидцем тех или иных знаковых событий культурной жизни. В настоящее время они большей частью даны ему опосредованно, преимущественно через средства массовой информации, т. е. фрагментарно, в уже препарированном виде. Поэтому всякое описание объективного процесса сталкивается с проблемой адекватности, носит характер неполноты. В этом смысле для нас культура выступает в качестве трансцендентной реальности, которая никогда не получит адекватного осмысления. Она всегда лишь частично открывается нам в текстах и видеорядах. Исследования должны быть направлены на преодоление этого разрыва между объективным культурно-историческим процессом и его феноменальным описанием. При этом следует иметь в виду, что комплексное, максимально широкое изучение онтологического слоя культуры предполагает различение неживой и живой природы, антропогенной реальности совокупной человеческой деятельности и объективированных ее результатов, а также трансцендентной божественной реальности.

Утверждение объективного существования сферы духовной культуры как трансцендентного мира поднимает ряд сложных метафизических проблем,

связанных с осмыслением его соотношения с трансцендентным божественным миром. Очевидно, что это различные уровни трансцендентного мира. Универсальность божественного мира абсолютна, в то время как мир культуры ограничен сферой нашей планеты. Божественный мир вечен, мир культуры сотворён. Очевидна подчинённость, зависимость последнего от самодовлеющего бытия божественного мира. Перспективным является рассмотрение мироздания как упорядоченного множества пространств различных культур, среди которых исходным, фундаментальным, единственно универсальным выступает пространство божественной реальности. Бог, как исходная пространственная реальность, определяет все материальные и духовные объекты мироздания (они находятся в нем), обладает бесконечной энергией и духовной силой. Божественной реальности свойственна способность к структурированию, к тематизации всего сущего. Тематическое пространство божественной реальности есть ее бытие-для-нас. В христианстве тематическое пространство образуют Иисус Христос, Богородица, ангелы, рай и т. д. Очевидно, что в иных цивилизациях на других планетах тематическая структура божественной реальности будет иной. В ментальных пространствах культур тематические структуры религий представляют собой туннели перехода в пространство исходной онтологической реальности Бога.

В христианстве онтологическая божественная реальность – *Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух, Царство Небесное*, Которые для правоверных христиан, являясь предельной жизненной заботой и устремлением, остаются недостижимыми в силу Своей совершенной трансцендентально-трансцендентной природы.

Таким образом, методологическое значение выделения онтологического слоя культуры требует осознания существенного различия между культурой как объективированной реальностью и её субъективно-ограниченным восприятием. Следует, с одной стороны, в полной мере осознавать ограниченность и неполноту всякого описания этой реальности, а с другой, – стремиться к более полному и точному ее описанию.

Феноменальный слой культуры

Другой слой культуры можно назвать феноменальным, многообразие которого составляют декодированные в нашем сознании культурно-исторические события прошлого и настоящего, зафиксированные в письменных исторических, литературных источниках, произведениях искусства и пр. Весь этот разнообразный материал служит эмпирической основой философско-исторического, культурологического и научно-религиозного анализа. Феноменальный слой культуры – это декодированный мир субъекта. Он указывает на наличие более глубокого слоя культуры. Феноменальный слой позволяет выявить объективные ценностно-мыслительные структуры на том или ином этапе развития культуры.

В философско-историческом анализе важное место занимает феноменальное истолкование, которое всегда оказывается заданным системой коор-

динат ментального пространства современной автору культуры. При исследовании современной культуры культуролог оказывается погруженным в ментальное пространство культуры, непосредственно его переживает и воспринимает. Поэтому его тексты всегда будут нагружены ценностно-мыслительными устремлениями современной для исследователя эпохи. Нельзя выпрыгнуть из ментального пространства, в котором ты живешь, которое тебя ведет и, так или иначе, определяет исследовательскую деятельность. При этом следует учитывать субъективные устремления автора. В процессе изучения культурного прошлого или чуждой для исследователя культуры (т. е. ментального пространства с иной системой координат) задача феноменальной интерпретации значительно усложняется, поскольку культурно-историческое прошлое неизбежно подвергается трансформации из-за частичного наложения на него современных автору ценностно-мыслительных ориентаций.

Объективный поток культурно-исторического процесса включает бесконечное множество составляющих его субъектов и объектов и связей между ними. В то время как феноменальный слой знание-текст всегда представляет собой упрощенную, в определенном смысле идеализированную модель онтологической реальности. Методологическое значение понимания существенного различия бесконечно сложной объективной реальности хода мировой истории и ее концептуальным видением выражается в том, что исследователь всегда должен осознавать ограниченность и неполноту всякого описания исторической реальности, всякой теоретической конструкции. Следование этому методологическому требованию предостерегает от существенных ошибок в исследовании. Таким образом, онтологический и феноменальный слои являются необходимыми, диалектически взаимосвязанными составляющими понимания мирового культурно-исторического процесса, специфику и значение которых мы стремились обозначить.

Каждый благочестивый христианин должен верно знать, что все книги Нового Завета, все христианские тексты и его собственные христианские представления являются феноменальной реальностью христианского дискурса, объективная реальность которого в полной мере недостижима даже для самых праведных достигших святости монахов. Нас должна согревать мысль-переживание, что в зависимости от твоей искренности и силы христианских устремлений тебе удалось продвинуться к подлинному *Боговедению*.

2.4. Эмпирическое и теоретическое в философско-историческом знании

В философско-историческом знании, как и в естественнонаучном знании, можно выделить эмпирические и теоретические термины. Реально происходящие исторические события (речь Перикла, произнесенная в 430 г. до н.э., битва между римлянами и карфагенянами при Каннах, крещение князем Вла-

димиром Руси и т. д.) составляют онтологический слой объективно текущего культурно-исторического процесса. Описания этих событий Фидием, Титом Ливием, Нестором-летописцем и т. д. создают объективированный слой смыслов духовной культуры, в котором мы можем выделить эмпирические и теоретические термины (объекты). Согласно В. С. Степину, «эмпирические объекты представляют собой абстракции, фиксирующие признаки реальных предметов опыта. Они являются определенными схематизациями фрагментов реального мира» [144, с. 104]. В историко-гуманитарных текстах к ним относятся описания вооружения воинов, рельефа местности, городов, портретов исторических деятелей и других.

Мудрый философ науки Стёпин пишет: «Теоретические объекты, в отличие от эмпирических являются идеализациями, “логическими конструкциями действительности”. Они могут быть наделены не только признаками, которым соответствуют свойства и отношения реальных объектов, но и признаками, которыми не обладает ни один такой объект» [144, с. 104]. Понятия «добродетели», «справедливости», «красоты», «мужества» и другие представляют собой сложные мыслительные конструкты. К важнейшим характеристикам теоретических конструктов относятся: их идеализированный характер, способность выражать глубинные, сущностные отношения объективного мира, невыводимость из эмпирического опыта, заданность сверху и другие. Всякое описание исторического события всегда есть схематизация, идеализация реально происходившего события, какими бы многочисленными подробностями оно не обростало.

Теоретический уровень философско-исторического знания представляет собой совокупность теоретических конструктов, которые выявляют структуры сущностного порядка. Эти теоретические объекты упорядочивают, систематизируют культурно-эмпирический материал, формируют целостное видение культурно-исторической реальности. Создание какой-либо философско-исторической концепции есть достижение синтеза эмпирического и теоретического знания. Древние авторы стремились к наиболее полному и объективному описанию происходивших событий. Поэтому их тексты отличаются насыщенностью эмпирической информацией, которая сопровождается их религиозно-нравственной оценкой. Поэтому произведения древних повествователей представляют большой интерес в деле реконструкции исторического прошлого. Внимание современных исследователей концентрируется на проблеме понимания и объяснения социальной реальности. Поэтому их тексты более насыщены теоретическими терминами и соответственно более привлекательны для решения этих задач. Подобно тому, как нельзя говорить о «чистом языке наблюдения» в естественнонаучном знании, нет возможности утверждать самостоятельность эмпирического исторического и культурологического знания. Таким образом, любой исторический, литературный или религиозный памятник представляет собой единство эмпирического и теоретического. Однако для внешнего наблюдателя (например, современного исследователя) текст некоторой исторической эпохи выступает как нечто заданное, объективное, т. е. по существу как эмпирический материал. Анализируя текст, исследователь с

необходимостью вносит собственные теоретические допущения. На прежние отношения эмпирического и теоретического знания накладываются новые отношения. Текст становится двукратно теоретически нагруженным.

Какое-либо произведение (философское, религиозное, художественное и т. п.) как ценностно-мыслительное целое, транслируясь в системе культуры, включается в объективированное ценностно-мыслительное бытие и таким образом из субъективной приобретает статус объективной духовной реальности. Восприятие произведения (трагедии, романа, философского труда) есть трансформация объективной (объективированной) реальности в субъективную (декодированную). Между ними имеет место ценностно-смысловое единство, но всегда сохраняется дистанция неадекватности. Всякая героическая попытка мыслителя преодолеть дистанцию разрыва между этими реальностями лишь умножает смысловое многообразие, лишь запускает бесконечный циклический механизм объективации и декодирования.

По мере распространения и роста популярности некоторых идей, концепций (философских, естественнонаучных, религиозных и др.), художественных произведений происходят изменения в ценностно-мыслительном и языковом пространстве культуры. Так великие идеи и произведения «творят» эпохи. Когда они превращаются в символ, стереотип, шаблон, порождают множество подражаний, пародий, тогда их культурологическое значение максимально. Представители последующих эпох и других культур, как правило, называют эти идеи, концепции, произведения выразителями духа времени, поскольку они отражают существенные стороны соответствующего периода развития культуры.

Таким образом, границы между этими слоями ментального пространства культуры не являются чёткими и непроницаемыми. Напротив, они в значительной степени подвижны и неопределённы. Различение онтологического и феноменального, эмпирического и теоретического в научно-религиозном анализе не только целесообразно, но и необходимо, потому что позволяет избежать существенных методологических ошибок и иллюзий. В религиозном дискурсе сохраняют живучесть догматические традиции преувеличенной значимости религиозных представлений, как абсолютных истин.

2.5. Исходный и элементарный теоретические объекты тематического культурологического анализа

Эффективность теоретического исследования в большой степени определяется характером теоретического объекта, который представляет собой идеализированную теоретическую модель исследуемой реальности, образованную совокупностью исходных теоретических допущений, понятий, фундаменталь-

ных законов и других. В рамках настоящего философско-исторического подхода функцию исходного теоретического объекта выполняет понятие «ментального», или «ценностно-мыслительного пространства», которое структурируется множеством тем.

Целесообразность введения понятия «ментальное пространство» обусловлена важнейшим свойством культуры как объективной реальности: ее целостным, структурированным характером. Понятие «ценностно-мыслительного пространства культуры» предполагает его целостность, замкнутость, структурированность. Эти его характеристики формируют важные теоретические установки научно-религиозного и культурологического анализа. Производное понятие «субпространства культуры» дополняет исходное. Введение этого понятия позволяет зафиксировать неоднородность ментального пространства культуры, в котором имеются существенно отличающиеся по ценностно-мыслительным ориентациям области. Эмпирически они не наблюдаемы. Ценностно-тематическая природа субпространства определяет своеобразие его метрики и очерчивает его границы. Локализация подобного рода областей позволяет избежать в ходе анализа многих неточностей, необоснованных экстраполяций. Всякое культурологическое движение (например, возникновение религиозных сект, впоследствии ставших мировыми религиями) первоначально существует как субпространство, которое по мере своего развертывания превращается в господствующую ценностно-мыслительную структуру, низводя все иные на уровень локальных, субпространственных образований.

Чем отличается и как соотносится ценностно-мыслительное пространство и чувственно воспринимаемое пространство? И то, и другое носит идеальный характер, есть субъективный образ объективного мира. Очевидно, что они представляют собой два аспекта единого целого как две стороны медали. Поэтому провести между ними четкую границу различения практически невозможно. Однако следует уяснить функциональные, смысловые различия этих аспектов.

Согласно И. Канту, мир, в котором мы живем, представляет собой синтез двух автономных, структурирующих процессов рассудка и априорных форм чувственности пространства и времени. В результате наложения конструктивной понятийной структуры на чувственно воспринимаемую картинку возникает рационально нагруженное эмпирическое пространство. В этой духовной реальности целесообразно выделить ценностно-тематический аспект. Жизненное пространство, таким образом, представляет собой наложение друг на друга трех структурирующих пространственных конфигураций: чувственно воспринимаемой, рационально-понятийной и ценностно-мыслительной. Если чувственно воспринимаемая картинка *показывает*, что находится вокруг нас, а наложенная на этот эмпирический материал рационально-понятийная структура *дает понимание того*, что находится вокруг нас, то наложение ценностно-мыслительной структуры *задает систему целей*, приоритетов, предпочтений, определяющих движение в этом жизненном пространстве.

В марксистской философии активно разрабатывалось учение о практике, ее месте и роли в системе культуры. Своеобразие практики справедливо рас-

сма тривалось как двуединый процесс многообразной материальной деятельности, который сопровождается активной мыслительной деятельностью, обеспечивающей отражение, контроль и реализацию поставленных проектов, целей и задач. Поэтому культурный процесс следует рассматривать как двуединый процесс духовной и чувственно-предметной деятельности. Ментальная составляющая совокупной практической деятельности выражается в языке, который также представляет собой двоякую форму объективации исторически развивающейся практической деятельности народа и ценностно-мыслительного движения его *Духа*. В определенном смысле язык представляет собой кристаллизацию исторически развивающегося *Духа* и практической деятельности народа. Систему языка народа можно рассматривать как тематически структурированное его жизненное пространство.

Темы и доминирующие темы как ценностно-мыслительные конструкты

Темы рассматриваются как относительно обособленные, целостные, ценностно-мыслительные образования в большей или меньшей степени определяющие цели, идеалы, волевые устремления, ориентации людей. Обычно они выступают в форме чувственных образов или понятийных схем. Множество тем образует тематическое пространство культуры, которое обладает сложной структурой. В тематическом культурологическом анализе темы рассматриваются в качестве элементарных теоретических объектов. В процессе анализа какой-либо культуры всегда можно выделить конечное множество тем, отражающих с достаточной полнотой её тематическое пространство. Все темы можно разделить на две группы: исходные, фундаментальные и производные. Особенно важную роль играет первая группа тем.

Согласно тематическому подходу, во всякой культуре, на любом этапе ее развития можно выделить некоторое множество тем, выступающих в функции аксиом. Их аксиоматический характер выражается в том, что представители той или иной культуры эти темы-ценности принимают как очевидные истины, не требующее обоснования. Подобного рода темы называются нами доминирующими.

В ценностной системе культуры они выражают абсолютные ценности и предельные цели, бессознательно принимаемые большинством представителей этой культуры. Их доминирующий, основополагающий характер проявляется при обращении к культурно-историческому материалу (историческим, литературным и другим источникам) исследуемой культуры. В текстах они выступают в качестве фундаментальных принципов, исходных посылок. Так, в культуре Древней Греции доминирующими являются темы «свободы», «закона», «справедливости», «разума», «добродетели» «прекрасного»; в культуре Древнего Рима (особенно в республиканский период) – темы «свободы», «доблести», «закона», «славы»; в русской культуре – темы «царя», «России». Основополагающий характер доминирующих тем проявляется при описании критических ситуаций (в речах перед битвой, в клятвах и т. д.). Следует

предостеречь от упрощённого их истолкования. Как чрезвычайно широко транслируемые феномены культуры, эти темы обрастают множеством смыслов, своеобразным защитным поясом вокруг ядра. Поэтому вычленение содержания этих тем представляет достаточно сложную задачу. Однако можно с уверенностью утверждать, что разрушение этих тем-ценностей в системе культуры означает разрушение его ментального пространства, конец, «потерю лица». Следовательно, для уяснения специфики анализируемой культуры одной из главных становится задача по выявлению списка, содержания доминирующих тем и их отношений.

Определение функционального значения доминирующих тем также представляет собой достаточно сложную задачу. С одной стороны, доминирующие темы можно рассматривать как фундаментальные принципы, предельно абстрактные по содержанию. Доминирующие темы «рода», «эроса», «разума», «закона», «добродетели» предполагают оценку всего сущего с точки зрения родовых, эротических отношений, соответствия их законопорядку, разуму, добродетели и другим. Позитивная или негативная оценка того или иного события, явления культуры осуществляется посредством его соотнесения с доминирующими темами. Как фундаментальные принципы, доминирующие темы фиксируют конечный список абсолютных ценностей, предельных целей, которые задают систему отсчета и систему оценки всего сущего. Те темы, которые не входят в эту систему, выпадают из поля зрения, носят характер производных. Так, темы «разума» и «свободы» не были доминирующими в Московской Руси. В Московском государстве XIV–XVII вв. разум и свобода не выступали в качестве критериев оценки происходящих событий.

С другой стороны, доминирующие темы могут рассматриваться как оси координат, которые представляют собой достаточно сложные тематические структуры. Темы «рода», «добродетели», «закона» образуют тематические сети, выражающие сферы родовых, правовых, нравственных отношений и представлений. Подобно тому, как в эмпирическом пространстве ориентация происходит в длину, ширину и высоту, в ценностно-мыслительном пространстве (например, древнегреческой культуры) доминирующие темы «разума», «свободы», «закона», «добродетели» и «красоты» задают основные ориентиры. Эти доминирующие темы, начиная с VI в. до н. э., составляют систему координат, пять измерений ментального пространства культуры Древней Греции. При взаимодействии ментальных пространств различных культур их системы координат выступают в роли сита. В произведениях внешних наблюдателей других культур в полной мере проявляется фундаментальная тематическая структура ценностно-мыслительного пространства, носителем которой они являлись. Последняя служила системой отсчета в оценке другой культуры. При этом за порогом восприятия могут оказаться существенные особенности изучаемой культуры. Так, метафизическая устремленность византийского и русского православного духа, составлявшая сердцевину духовной культуры Византии и России оказалась вне поля восприятия западноевропейского не только наблюдателя, но и исследователя. Несовместимость систем координат различных культур определяет взаимную неадекватность, тенденциозность

восприятия друг друга. Поэтому европоцентризм – естественная установка западноевропейской культуры по отношению к другим культурам. Другой вопрос, что в силу ее доминирования эта установка подается как объективная и универсальная.

В научно-религиозном анализе становления и развития христианского дискурса представляется важным и актуальным выявление списка тем и отношений между ними, которые определяют ментальное пространство праведного христианина. Выполнение этой достаточно трудоёмкой работы позволило бы более полно представить жизненные миры различных религиозных конфессий, их единство и различия.

Фундаментальная тематическая структура

Доминирующие темы образуют устойчивые системы, которые я называю фундаментальными тематическими структурами (ФТС). ФТС можно рассматривать как ядро и как систему координат ментального пространства культуры. Совокупность доминирующих тем как фундаментальных принципов составляет ядро, сердцевину, генератор ценностно-мыслительного пространства культуры. Совокупность доминирующих тем образует систему универсалий, которые определяют содержание всех тем-ценностей и таким образом задаёт единую структуру ментального пространства культуры. Так, среди множества культур доклассовых обществ прошлого и настоящего можно выделить общую ФТС, состоящую из системы доминирующих тем «силы», «натуры», «рода», «эроса» и «ритуала». Очевидно также, что смысловое наполнение этих тем будет различаться в архаических культурах доклассовых обществ, в которых господствовало натуралистически-силовое мышление. В то же время будет сохраняться их инвариантное содержание. В своей совокупности они задают пять ценностно-мыслительных измерений тематического пространства архаической культуры. Это означает, что каждая тема, каждый элемент ментального пространства культуры имеет родо-натуралистически-эротически-силовой характер. Поэтому при изучении каждого ментального образования следует выявить натуралистическую, родовую, эротическую, силовую и ритуальную составляющие.

ФТС можно рассматривать и как систему координат, которая образуется совокупностью доминирующих тем как ее осей. Целостный характер ФТС как системы координат определяет целостный и замкнутый характер ментального пространства культуры. В отличие от евклидова пространства ценностно-мыслительное пространство всякой культуры замкнуто, имеет границу. Если метрика ментального пространства культуры, его структура практически неизвестна, однако в процессе жизнедеятельности мы научаемся ориентироваться в нем, то его границу мы определяем достаточно точно. При пересечении границы родного государства мы попадаем в ментальное пространство иной конфигурации.

Одна ФТС генерирует монолитное тематическое пространство архаической культуры. В последующий период цивилизованного развития рабовла-

дельческого, феодального и т. д. обществ тематические пространства культуры существенно усложняются, могут формироваться двумя и более ФТС. Это обстоятельство приводит к образованию субпространств, генерируемых каждой ФТС. Когда ценностно-тематические структуры различных ФТС существенно отличаются, возникают разрывы в ментальном пространстве культуры и как следствие – порождаются социально-политические, экономические, нравственные напряжения. Напротив, совместимость ФТС приводит к наложению субпространственных конфигураций, стабилизации ценностно-мыслительного пространства культуры.

Возможно возражение: выявление ФТС приводит к идеализации ментального пространства культуры. Действительно, при выделении ФТС необходимо соблюдать большую осторожность, чтобы не допустить как модернизации, так и идеализации тематического пространства культуры. При этом следует различать функции терминов «ФТС» и «тематического пространства» как теоретических объектов в культурологическом исследовании. Термин «тематическое пространство» обозначает сложную, неоднородную тематическую сеть, которая представляет собой систему ценностно-мыслительных ориентаций исследуемой культуры на том или ином этапе ее развития. Термин «ФТС» воспроизводит лишь исходную систему оценок, как мы характеризовали ранее, систему отсчета, определяет ценностно-мыслительную систему координат, в рамках которой с большей или меньшей полнотой происходит мыслительная деятельность. ФТС формирует идеалы, образцы, представляет собой лекало, с которым сознательно или бессознательно соотносят, сравнивают все явления культурной жизни. Понятия «ФТС» и «тематического пространства» представляют собой идеализированные объекты. Однако при построении ФТС потребность в идеализации выражена в значительно большей степени. Так, ФТС культуры классической Греции представляет собой идеализированный объект, подобный «материальной точке», «идеальному газу» и т. п. в физике, не может в принципе иметь места в действительности. При реконструкции же реальной жизни древних греков мы встречаем и жестокость, и безнравственность, и несправедливость, явления весьма далекие к идеалу. Между тем, греки события собственного жизненного мира, жизнь других народов соотносили со своей системой абсолютных ценностей (ФТС). В других культурах (например, в Древнем Китае) системы оценок (ФТС) были существенно иными.

В тематическом научно-религиозном анализе христианского вероучения первостепенное значение имеет выделение базовых тем христианского дискурса, которые задают систему основных ценностно-мыслительных устремлений верующих и составляют систему координат жизненного пространства благочестивых христиан.

2.6. Неоднородность ментального пространства культуры и своеобразие типов его «жизнедеятельности»

Неоднородность пространства культуры по «вертикали»

Обращение к культурно-историческому материалу показывает, что при проведении анализа ценностно-мыслительного пространства культуры следует учитывать его неоднородность по «вертикали». В истории культур переход к классовому обществу влечёт за собой расслоение синкретической архаической культуры и формирование, по меньшей мере, двух субкультур в единой культуре – официальной, профессиональной, господствующей и народной, субпространства которых нередко существенно различаются. В накладывающихся друг на друга и взаимодействующих слоях культуры усложняется пространственная структура культуры в целом.

В теоретической форме неоднородность ценностно-мыслительного пространства культуры по «вертикали» означает, что одна субпространственная конфигурация как бы надстраивается над другой, одна тематическая система определяет, трансформирует другую. Так, формирование ментального пространства культуры Киевской Руси можно представить в виде последовательного наслоения на пространство языческой земледельческой культуры древних славян сначала княжеско-дружинного, а затем христианского субпространств. Крещение Руси означает, что христианская тематическая система становится официально принятой системой отсчёта всех ценностей. Последующее распространение христианства в Киевской Руси есть процесс расширения, развёртывания пространства христианской субкультуры, наложение его на языческую ментальную систему. Поскольку «полное затмение» одной тематической системой другой практически недостижимо, то иерархически упорядоченное ментальное пространство культуры будет иметь неоднородный характер: две крайние, отличные тематические структуры и смешанную форму.

В развитом христианском обществе доминируют вертикальные ценностно-мыслительные устремления к Господу и Царству Небесному, которые определяют духовно-нравственное благочестие христиан.

Неоднородность пространства культуры по «горизонтали»

Этнические, природно-климатические различия, исторические обстоятельства приводят к формированию в рамках культуры относительно самостоятельных целостных образований, что позволяет говорить о неоднородности пространства культуры по «горизонтали», когда отношения между субпространствами в системе культуры основываются не на подчинении, вытеснении

одного другим, а на взаимовлиянии, интеграции при сохранении и укреплении целостности каждого. Примером неоднородности по «горизонтали» в современной украинской культуре может служить взаимодействие восточно-украинской, западно-украинской, донецкой, закарпатской и других ментальных образований.

Неоднородность культуры по «вертикали» и «горизонтали», с одной стороны, при неумелом государственном регулировании может привести к конфликтным противостояниям, разрывам ценностно-мыслительного пространства и, в конце концов, к гибели культуры. С другой стороны, продуманная культурная политика может эффективно использовать тематическое разнообразие для дальнейшего развития культуры, потому что богатство различий культуры повышает её внутреннюю устойчивость, вариабельность нахождения внутренних источников преодоления кризиса. Здесь уместна аналогия с генофондом популяции, разнообразие которого повышает устойчивость, приспособляемость популяции к изменяющейся среде.

На любом этапе развития христианство не является однородным образованием. Поэтому научно-религиозный анализ жизненного пространства Христианской Церкви по «вертикали» и «горизонтали» может способствовать более полной реконструкции её жизнедеятельности на различных этапах её развития и в различных регионах. Тематический анализ христианских воззрений по «вертикали» от религиозных верований простонародья до высших слоёв христианской элиты позволяет воссоздать более полную картину христианского жизненного мира на том или ином этапе его развития.

2.7. Метакультурный уровень ценностно-мыслительного пространства

В философско-историческом анализе следует различать культурный и метакультурные слои объекта исследования. Основным объектом тематического анализа являются культуры как целостные, ценностно-мыслительные пространственные образования (аргентинская, бельгийская, монгольская, нигерийская и другие культуры). Однако в культурологии нередко словом «культура» обозначаются объекты, существенно отличные от вышеназванных. Отличие этих объектов выражается в наличии метакультурного слоя как специфической ценностно-мыслительной суперпространственной надстройки. Выявление метакультурного слоя, уяснение его специфики, характера взаимосвязи с культурными образованиями способствовало бы преодолению имеющихся место неточностей и трудностей.

Возникновение метакультурного слоя обусловлено следующими обстоятельствами. Образование обширного государства, например, империи, в состав которого входит некоторое множество народов, в целях укрепления стабильного существования, вынуждено всячески стимулировать формирование

и развитие ментальных и институциональных структур надэтнического порядка, которые бы обеспечили интеграцию жизненного мира державы в единое целое. Примечательно, что подобного рода образования возникают лишь в осевое и постосевое время. Империи архаического периода (Ассирийская, Вавилонская), основанные на *Силе, Насилии и Страхе*, бесцеремонно устанавливали диктат воли народа-завоевателя над поработченными народами. Впервые в истории человечества становление метакультурного слоя имело место в Персидской империи в VI в. до н. э., которая изначально строилась как супердержавы, стремившаяся интегрировать в единое целое множество народов от Индии до Эфиопии. Отрывочные сведения хозяйственной, правовой, культурной жизни народов империи в полной мере свидетельствуют об этом.

К подобного рода объектам относятся ментальные пространства империй (Персидской, Римской, Византийской, Арабского халифата и т. д.), но не только. Так, тематическое пространство культуры Римской империи составляют субпространства культур Древнего Рима, Греции, Египта, Галлии и других как относительно замкнутых, целостных образований. Вместе с тем, в него входят тематические структуры экономического, политического, правового и прочего порядка как метакультурные образования, обеспечивающие метакультурную интеграцию ценностно-мыслительного пространства в единое целое. Введение понятия «метакультурного уровня» представляется целесообразным для фиксации того обстоятельства, что некоторое произведение (философское, литературное и т. д.) существует как бы в двух ментальных реальностях: с одной стороны, как порождение духа некоторой культуры, народа, а с другой – как явление межкультурное, инвариантное, космополитическое, совокупность смыслов, понятных всему сообществу. Примечательно, что метакультурный слой нередко выражается в специальном языке межкультурного общения. В эллинистический период таким языком был греческий, в настоящее время – английский. Неосознание этого обстоятельства создаёт иллюзию однородности тематического пространства. Поэтому при осуществлении реконструкции ценностно-мыслительного пространства культуры следует учитывать эти моменты. Воздействие некоторых метакультурных структур (экономических, политических, правовых) носит обязательный, целенаправленный характер. Влияние иных происходит стихийно, непосредственно, бессознательно. Аналогична и структура ценностно-мыслительного пространства Византийской империи.

Западноевропейская культура относится к феноменам метакультурного порядка. Как таковой в обычном смысле слова западноевропейской культуры не существует. Реально существует английская, итальянская, норвежская, французская и т. д. культуры как целостные пространственные образования. Достижения философов, писателей, музыкантов (Данте, Декарта, Гёте и других) есть, прежде всего, выражение национального духа (порождение и феномен национального ментального пространства культуры). Благодаря подобию тематических пространств отдельных культур Западной Европы, их тесным культурным связям (открытости ментальных пространств), выдающиеся явления культурной жизни отдельных культур быстро становятся всеобщим до-

стоянием (интерпретируются и таким образом трансформируют ментальные пространства других культур). При этом восприятие и значимость подобного рода произведений в различных западноевропейских культурах будут отличны. Поэтому термин «западноевропейская культура» фиксирует наличие некоторого общего, инвариантного ментального слоя (общего духа западноевропейских народов), который представляет собой некоторую абстракцию от отдельных ценностно-мыслительных пространств культур. Он формируется стихийно, произвольно, до недавнего времени был лишён императивного характера воздействия на культуры этого региона. Стремительные пагубные социально-экономические, политические и культурные процессы в Западной Европе в последние десятилетия приводят к разрушению метакультурного слоя западноевропейской культуры. Это приводит к гибели западноевропейской цивилизации на наших глазах.

Развёртывание пространства западноевропейской культуры как метакультурного образования во второй половине XX века приобрело планетарный характер. Выдающееся творение некоторой национальной культуры (азиатской, африканской, латиноамериканской и т. д.), ставшее элементом ментального суперпространства западноевропейской культуры, приобретало характер мирового достижения. В конце XX века информационная революция ещё более «разомкнула» ценностно-мыслительные пространства культур. Ещё в начале XX века О. Шпенглер утверждал, что культуры представляют собой замкнутые, несоизмеримые миры. Раньше всякое творение, ставшее элементом метакультурного суперпространства, было выражением качества высшей пробы, формировалось как интегральное единство высших достижений человеческого духа. В настоящее время мы являемся свидетелями, как стремительно саморазрушается западноевропейская культура. Обваливаются базовые темы-ценности и тематические структуры, разрушается ценностно-мыслительное пространство западноевропейской культуры в целом, европейцы теряют своё высокодуховное лицо.

В бассейне Средиземноморья в конце IV в. до н.э. после завоевательных походов Александра Македонского происходил интенсивный рост метакультурного слоя, когда интернализация культурных древнегреческих достижений приобрела значительный характер. Сферы относительно замкнутых миров отдельных культур открылись для более широкого культурного взаимодействия. Безусловно, процессы культурного обмена имели место и раньше. Известно вавилонское и египетское влияние на развитие греческой философии и науки, творчески её переосмыслившей. Однако, в результате деятельности философов, учёных, литераторов, скульпторов и других эллинизация Западного и Восточного Средиземноморья привела к формированию слоя «универсалий», общих образов, идеалов, ценностно-мыслительных структур и понятийных систем. Появился Дух эллинизма, который как бы надстраивался над духом отдельного народа, создавал ощущение гражданства цивилизованного человечества. Школы платоников, стоиков и других, развитие литературы расширили и закрепили процесс становления метакультурного слоя эпохи эллинизма. Образование Римской империи привело к существенной трансформации су-

перпространственных ментальных структур. Генезис христианства в период Римской империи сразу заявил себя как надкультурное, наднациональное явление, как метакультурное явление средиземноморского масштаба. Именно в этот период впервые возникает один из наиболее устойчивых фантомов западноевропейской цивилизации, служащий неуничтожимым источником европоцентристского снобизма – экстраполяция универсалий западноевропейского масштаба на человечество в целом.

Эпохи рыцарства, Ренессанса, великих географических открытий, экспансионистское развёртывание западноевропейских культур Нового времени восстановили и в значительной степени расширили метакультурный слой ментального пространства культуры, который по мере ассимиляции культурных достижений Востока из общеевропейского превращался во всемирный, оставаясь западноевропейски ценностно-мыслительно нагруженным. Эпохи Возрождения, Реформации, Барокко, Классицизма, Просвещения представляли собой последовательность культурных движений, которые охватывали всё большее число культурных регионов, обеспечивая им культурное развитие. Важную роль в интернализации тематического пространства сыграло развитие науки. Общая структура метакультурного уровня эпохи Нового времени претерпела существенные изменения.

Формирование и развитие метакультурного или слоя мировой культуры происходило по мере интернализации высших достижений отдельных культур, которые как бы отрываясь от национальной почвы, их породившей, приобретали статус образцов, качество универсальности, наиболее развитых форм самосознания уже общечеловеческого *Духа*. В этом новом качестве универсальных образцов они, с одной стороны, способствовали углублению самосознания в отдельных культурах, с другой – приобщению их к духовной системе мировой цивилизации.

Таким образом, ментальное пространство всякой культуры является неоднородным. Жизненный мир каждого человека складывается из совокупности относительно самостоятельных ментальных субпространств (в семье, на работе и др.), некоторые из которых могут быть между собой несовместимыми. Поэтому в деле стабилизации жизненного мира человека, его комплексного жизненного пространства, достаточно актуальной становится проблема соизмеримости его локальных миров. Каждый из этих миров может иметь свои правила игры, ценности, нормы морали и т. д. Стоит ли унифицировать, приводить к одному основанию и таким образом разрушать их границы, выводить на одну сцену всех действующих лиц? Одним из распространённых мелодраматических сюжетов в литературе, кинематографе является разоблачение одного из таких миров (например, внебрачной связи), что приводит к драматическим последствиям, разрушению жизненных миров главных героев или их гибели.

В научно-религиозном анализе следует учитывать область применения некоторого обобщения, когда некоторому частному представлению придается универсальное значение. Ни одна из существующих религий не может претендовать на статус единственно правильной. Каждая из религий представляет

собой в большей или меньшей мере удачную ценностно-мыслительную модель божественной реальности и систему мистических с ней отношений.

2.8. Экзистенциальный и рефлексивный типы функционирования ментального пространства культуры

В процессе сознательной, целенаправленной деятельности людей, преследующих конкретные цели и интересы, формируется духовная целостность – ментальное пространство культуры, которое по мере становления всё более выступает как автономная самоорганизующаяся система, в свою очередь упорядочивающая, структурирующая ориентации и поведение индивидов и их сообществ. Поэтому специфику пространства культуры, особенности его функционирования и организации определяют механизмы его саморегуляции. Потребность в самоорганизации для поддержания единства и целостности пространства культуры, обеспечения его дальнейшего развёртывания вызывает необходимость в самоосмыслении, рефлексии как внутреннем механизме саморегуляции. Вместе с тем, в различных культурах прошлого и настоящего механизмы самоорганизации и рефлексивная деятельность выражены неодинаково, что позволяет различать культуры рефлексивные, трансцендирующие, устремлённые за пределы здесь-бытия. В культурах этого типа возникает и неуклонно расширяется интенсивная работа по самоконструированию, самоосмыслению, самообоснованию, обеспечивающая динамику развития, преодоления разрывов ментального пространства; и культуры экзистенциальные, естественно пребывающие в здесь-бытии, «сжигающие» в нём жизненную энергию, в которых внутренние механизмы гармонизации, балансировки, модернизации ментального пространства должного развития не получили.

Экзистенциальная культура

Своеобразие экзистенциального типа функционирования культуры в значительной степени обусловлено характером процессов объективации и декодирования. До овладения технологиями по созданию орудий труда и товаров из железа возможности материального производства были весьма ограниченными. Жизненный мир архаического человека составляли предметы преимущественно недолговечного пользования. Это обстоятельство приводило к тому, что жизненное пространство архаических культур было нединамичным, имело слабо выраженную способность к развитию. Письменность использовалась большей частью в режиме регистрации и сохранения наиболее важной информации. Этот тип бытия ментального пространства культуры был и уходит своими корнями в архаический период мировой истории. Конституирующим принципом, определяющим своеобразие ценностно-мыслительного про-

странства культуры, является бытие-в-настоящем, здесь-бытие. Если обратиться к анализу чистых форм этого типа ментальности (всех культур до осевого времени), то мы обнаружим, что в них были существенно редуцированы проекции в прошлое и будущее. Основные ценностно-мыслительные ориентации очерчивались горизонтом настоящего. Прошлое (события «мифологического времени», первотворения и первопредков) воспринималось как средство осмысления настоящего, вплетённое в настоящее, как его неотъемлемый элемент, раскрывавший смысл и значимость настоящего. Архитектурные сооружения (в том числе древние) формировали пространство здесь-бытия. Архаическая поэзия (песни, гимны, пеаны и т. д.), различного рода записи, фиксирующие исторические события, были ориентированы воспеть, запечатлеть настоящий момент. Их последовательное наложение, а также эпические произведения создают историческую перспективу в прошлое. Однако они не формировали целевую установку на реконструкцию исторического прошлого. Поэтому необратимый бег исторического времени уносил в небытие прошлого основной массив информации по мере смены поколений. В этом смысле дописьменные цивилизации, а также культуры скотоводческих народов можно рассматривать как экзистенциальные культуры. К такому типу бытия ментального пространства относятся культуры, в которых способы хранения и передачи информации посредством письменности были в значительной степени локализованы и не получили развития.

Своеобразие ментального пространства экзистенциального типа выражается также в том, что оно носит нединамичный, консервативный характер, ориентировано на традицию. С точки зрения субъекта, погруженного в эту ценностно-мыслительную реальность, оно представляет собой самодовлеющее, заданное бытие, в котором господствовали стихийно сложившиеся надличностные механизмы саморегуляции (обычаи, обряды, законы). Обычно подобному бытию приписывался сакральный и поэтому неотвратимый характер. Потребности строительства сложных ирригационных сооружений, больших дворцовых и храмовых комплексов, развитие астрологических и математических знаний служили очагами зарождения рациональности, рефлексивной деятельности.

Рефлексивная культура

В осевое время возникает принципиально новый тип функционирования культуры как целостного образования. Возникновение философии в культурах осевых народов, комплексные социально-экономические трансформации в VII–V вв. до н.э. привели к формированию теоретической, рефлексивной установки, которая в свою очередь вызвала преобразование ментального пространства культуры. Бог, человек и природа, т. е. три основные реальности, стали объектом рационального познания. Начался процесс выделения человека в целом и познающего субъекта, в частности, из синкретической реальности здесь-бытия и осознание своего отчуждения. Созерцающий мыслитель встал на позицию внешнего наблюдателя этих реальностей. Не углубляясь в анализ

различий теоретического осмысления действительности в Древней Индии, Китае и Греции, достаточно констатировать наличие теоретического освоения этих реальностей. Последнее привело к становлению ментального пространства культуры рефлексивного типа, суть которого выражалась в развёртывании деятельности по самоотражению, самоосмыслению, самоконструированию. Таким образом, формировалось ценностно-мыслительное пространство как система принципиально иного, высшего типа. Оно выходило за границы *здесь-бытия*. Неотъемлемыми его составляющими становились проекции в прошлое (в результате деятельности историков различных областей) и будущее (в ходе нарастающей преобразовательной деятельности, реализации планов, устремлённости к достижению идеалов). Интенсивная теоретическая деятельность приводила к тому, что тематическое пространство культуры становилось преимущественно теоретически нагруженным, за исключением субпространства народной культуры, фольклора.

Пространство рефлексивной культуры отличается более чёткой и ясной очерченностью, расчленённостью, в частности, выражается в росте специализации и профессионализма, развитии законотворчества, фиксирующего социально-правовые границы. В структуре такого типа культуры возникает необходимость в наличии и воспроизводстве духовной элиты (политиков-правителей, философов, историков, юристов, литераторов и т. д., т. е. профессионалов-интеллектуалов, поддерживающих и совершенствующих функционирование системы культуры), без которой она практически не может существовать. Поэтому в рефлексивных культурах всегда имеет место культ образованности, сословная незамкнутость (культуры Древней Греции, Рима, Китая, Византии), позволяющие осуществлять подготовку и селекцию профессионалов-интеллектуалов.

Наличие специалистов (теологов, учёных, литераторов и т. д.) и системы их постоянного воспроизводства обеспечивает дальнейшее развёртывание ценностно-мыслительного пространства, выход на новые рубежи, прорыв устоявшихся тематических структур пространства культуры и создание новой конфигурации. Культура приобретает всё более поступательное развитие, цикл размыкается и распрямляется. При этом удаётся смягчить кризисные периоды, осуществить более плавный переход от разрывающейся, распадающейся тематической структуры к другой, более сбалансированной. Важнейшими признаками рефлексивной культуры являются: интенсивная работа самообоснования, самообновления, трансцендирование во всех направлениях, осмысление собственных перспектив. Внешним выражением этих процессов выступает развитие философии, прочные философские традиции. Наиболее ярким примером рефлексивной культуры выступает западноевропейская культура, начиная с культуры классической Греции и республиканского Рима. Рефлексивная деятельность формирует пространство культуры как отличное от других, обособленное духовное целое. Развитое профессиональное искусство, философия, литература создают «лицо» культуры, её ценностно-мыслительную уникальность. В культуре возникает устойчивая рефлексивная установка: постоянная обращённость духа на самого себя, вечное звучание вопроса «Кто

Я?», «Куда мы идём?» В экзистенциальных культурах рефлексивная установка практически отсутствует.

Применительно к истории развития некоторой культуры можно выделить две стадии: стадию экзистенциального развития и зрелости, ступень систематической рефлексивной деятельности. Несмотря на размытую границу перехода от одной стадии к другой, это два принципиально различных способа функционирования ментального пространства культуры. Если в экзистенциальных культурах ценностно-мыслительное пространство есть результат непосредственного коллективного творчества, то в рефлексивных – преимущественно индивидуального. Так, культуры Древней Греции, Индии и Китая приобретают рефлексивный характер в период осевого времени. Поэтому следует принимать во внимание в культурологическом анализе существенное различие культур, в которых рефлексивная деятельность не получила развития, и культур рефлексивных. При этом в рефлексивных культурах теоретическая деятельность может быть более напряжённой, интенсивной или ослабевать, затухать. В настоящем разделе очерчены лишь контуры самой общей теоретической модели тематического пространства культуры.

Достоинством тематического подхода является отсутствие наперёд заданной, навязываемой теоретической схемы, определяющей смысл и направление развития культуры и мирового культурно-исторического процесса. Мы не можем утверждать существование конечной цели, пункта «Омега», универсальной закономерности, предопределяющей ход и развитие отдельной культуры и мировой цивилизации. Повороты в истории отдельной или мировой культуры в целом могут быть самые неожиданные. Поэтому культурологическое исследование должно опираться исключительно на культурно-исторический материал изучаемой культуры, а не на «априорно» заданные теоретические схемы, тенденциозно его препарирующие в угоду субъективным интересам автора.

Основу тематического культурологического анализа составляет задача выделения списка тем, уяснения их содержания, субординации и связей между ними. Эффективность тематического культурологического анализа в деле реконструкции ментального пространства изучаемой культуры определяется тем, что теоретическое осмысление преимущественно задаётся культурно-историческим материалом (совокупностью письменных источников), а не теоретическими установками исследователя. Текст навязывает свою волю философу истории или культурологу, вынуждает его мыслить в языке множества письменных источников культуры, в терминах (темах) изучаемой культурной эпохи. Уяснение смыслового содержания тем и связей между ними по существу означает погружение исследователя в ценностно-мыслительное пространство культуры, которое будет ему задавать правила движения в нём. М. Блок обращает внимание на необходимость усвоения словаря изучаемой эпохи с целью более адекватной её реконструкции. «Документы стремятся навязать нам свою терминологию, – подчеркивает М. Блок, – если историк к ним прислушивается, он пишет всякий раз под диктовку другой эпохи. Но сам-то он естественно, мыслит категориями своего времени, а значит, и сло-

вами этого времени» [175, с. 90]. Язык эпохи задаёт смысловую сеть мыслительного бытия эпохи. Примечательно, что при изучении текстов культуры (в том числе и наиболее теоретически нагруженных авторскими позициями философских, литературных и других памятников) просматривается единообразие, инвариантность тематических структур. Степень успеха в исследовании определяется степенью корректности семантической работы культуролога. Безусловно, элиминировать ценностно-мыслительные приоритеты исследователя никогда не удастся. Однако в тематическом анализе, по крайней мере, формируется фундаментальная методологическая установка, согласно которой логика материала должна детерминировать логику исследователя, разрушать его культуро-центристскую установку.

Тематический подход формирует достаточно продуктивную исследовательскую программу, реализация которой открывает возможность систематического анализа ментальных пространств отдельных культур, культурных регионов, культурно-исторического процесса в целом и, таким образом, позволяет глубже понять единство и своеобразие отдельных культур, хода мирового культурно-исторического развития. Что различает, например, культуры западноевропейского региона (немецкую, французскую, шведскую и др.) и что даёт основание для их объединения (как и культуры Австралии, Канады и США) в единое целое – культуры Запада? Единство этих культур обеспечивает общая фундаментальная тематическая структура их ментальных пространств, которая образует единую ценностно-мыслительную систему координат культур Запада. Различия же между ними в тематическом содержании тематических структур локального порядка формируют пёструю картину множества культур. Открытый характер этих культур, многовековые связи между ними привели к любопытной диалектике процессов интеграции и дифференциации. С одной стороны, регулярно возникающие «волны» культурных движений, распространявшиеся по ментальным пространствам культур (Возрождение, Барокко, Классицизм, Просвещение и т. д.), очагами которых являлись английская, итальянская, немецкая, французская и другие культуры, приводили к взаимному наложению тематических структур, способствовали формированию общего духа (метакультурного слоя) этих культур. С другой стороны, тематические структуры этих движений трансформировались, преломлялись в тематическом пространстве заимствующей культуры и наряду с протекающими собственными культурологическими процессами приводили к формированию своеобразной пространственной конфигурации культуры (австрийской, венгерской, испанской и др.). Систематические исследования в этом направлении позволили бы существенно продвинуться также в осмыслении африканского, исламского, латиноамериканского и других культурных регионов. Таким образом, в рамках тематического культурологического анализа открывается перспективное направление исследований по выявлению ценностно-мыслительных оснований различных культур и эпох. Выделение ФТС какой-либо культуры и прослеживание ее исторического развития в определенном смысле решает эту проблему.

Таким образом, пространственно-тематический подход представляется достаточно эффективным для философско-исторического анализа. Рассмотрение культуры как ментального пространства, в котором имеют место субпространственные конфигурации, открывает возможности для плодотворных мыслительных операций с этой теоретической моделью. Тематический анализ позволяет представить пространственные и субпространственные образования как структурированные целые. Но особенно эффективной представляется идея доминирующих тем, образующих фундаментальные тематические структуры или системы координат. Их анализ открывает возможность выявить как ценностно-мыслительные основания культуры, так и ее ментальные границы. Идеи тематического культурологического анализа будут служить нам основными установками для проведения настоящего исследования. В настоящем исследовании эффективность тематического подхода в научно-религиозном анализе становления раннего христианства будет показана ниже.

ГЛАВА 3

ВРЕМЕННАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ НАПИСАНИЯ СИНОПТИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ

3.1. Методологический анализ временной последовательности написания синоптических Евангелий

В современной литературе на основе известных письменных источников об апостольском периоде развития христианства, казалось, исследовано практически всё. При этом роль Евангелий в начальный период распространения христианства в 40–50-е годы сильно недооценивается, что существенно упрощает картину первых двадцати лет генезиса христианства. Современные богословы и исследователи трех христианских ветвей почти единодушно утверждают, что синоптические Евангелия были написаны в начале 60-х гг. или даже позже. Матфей писал для евреев, Марк – для римлян, Лука – для греков.

Подобное представление хронологии написания синоптических Евангелий сложилось с незапамятных времен истории христианства. Так, Евсевий Кесарийский (258/65–339/40) в «Церковной истории» пишет: «Матфей дал евреям Евангелие, написанное на их родном языке, как раз в то время, когда Петр и Павел проповедовали в Риме и основывали Церковь. После их смерти Марк, ученик и переводчик Петра, передал нам записанную им проповедь Петра. Лука, спутник Павла, поместил в книге Евангелие, им проповеданное. Затем Иоанн, ученик Господа, возлежавший у Него на груди, написал Евангелие, живя в Азии, в Эфесе» (III, 8, 3–4). В подтверждение своих слов он приводит авторитетное мнение Климента Александрийского (ок. 50 – ок. 215), которое основывается на знании христианских преданий. «В этих же книгах, – пишет церковный историк, – Климент приводит предания древних пресвитеров о порядке Евангелий: «Первыми написаны Евангелия, где есть родословные. Евангелие от Марка возникло при таких обстоятельствах: Петр, будучи в Риме и проповедуя Христово учение, излагал, исполнившись Духа, то, что содержится в Евангелии. Слушавшие – а их было много – убедили Марка, как давнего Петрова спутника, помнившего всё, что тот говорил, записать его слова. Марк так и сделал и вручил это Евангелие просившим. Петр, узнав об этом, не запретил Марку, но и не поощрил его. Иоанн, последний, видя, что те Еван-

гелия возвещают земные дела Христа, написал, побуждаемый учениками и вдохновленный Духом, Евангелие духовное». Вот что сообщает Климент» (VI, 14, 5–7). В книге III Евсевий поместил важное свидетельство пресвитера Климента: «Марк был переводчиком Петра; он точно записал все, что запомнил из сказанного и содеянного Господом, но не по порядку, ибо сам не слышал Господа и не ходил с Ним. Позднее он сопровождал Петра, который учил, как того требовали обстоятельства, и не собирался слова Христа располагать в порядке. Марк ничуть не погрешил, записывая все так, как он запомнил; заботился он только о том, чтобы ничего не пропустить и не передать неверно». Так говорит Папий о Марке; о Матфее он сообщает следующее: «Матфей записал беседы Иисуса по-еврейски, переводил их кто как мог» (III, 39, 15–16).

Приступая к изучению Нового Завета следует разрешить первостепенной важности задачу о времени написания синоптических Евангелий, от решения которой зависит характер последующей экзегетической работы и её результаты. Казалось, в настоящее время вопрос о времени написания Евангелий достаточно изучен и не вызывает больших трудностей. Во «Всемирной энциклопедии: христианство» (2004) читаем: «Место и время Евангелия от Иоанна также точно не определены. Многие ученые предполагают, что оно появилось в Эфесе на полуострове Малая Азия около 100 года... Время и место написания книги (Евангелия от Луки – *В. М.*) точно неизвестны; одни относят время ее создания к 63–70 годам н.э.; другие называют более позднюю дату... Это самое краткое и самое раннее из четырех Евангелий (Евангелие от Марка – *В. М.*) предположительно написано в последние десять лет перед разрушением Иерусалима в 70 году н.э... Евангелие (Евангелие от Матфея – *В. М.*), которое было написано на греческом языке, вероятно, после 70 года н.э.» [33, с. 217, 218]. Протестантский историк церкви Ф. Шафф (1819–1893) пишет: «Синоптические евангелия, несомненно, были написаны до 70 г. по Р. Х.». «Первым, вероятно, появилось Евангелие от Матфея на еврейском языке, – утверждает немецко-американский историк Церкви, – потом Евангелие от Марка; Лука и Иоанн, должно быть, написали свои евангелия примерно в одно и то же время. Если Книга Деяний, которая неожиданно обрывается на истории о римском заключении Павла (61–63 г.), была написана еще при жизни Апостола, то третье евангелие, которое Лука называет своей “первой книгой” (Деян 1:1), вероятно, было написано не позднее 65 или 64 г. по Р.Х. Возможно, Лука работал над ним в Кесарии, где было больше всего возможностей для сбора материала, в период с 58 по 60 г., во время заключения Павла, – но закончено оно было, по всей видимости, лишь несколько лет спустя». По его мнению, «Иоанн носил свое евангелие в сердце и памяти много лет и постепенно перенес его на бумагу уже в преклонном возрасте, между 80 и 100 г. по Р.Х.».

Если исходить из написания синоптических Евангелий после 60-х гг. и даже позже, что среди библеистов является весьма распространённым мнением, то их природа, как письменных источников, существенно изменяется. Из достоверных письменных источников важнейшей священной для христиан эпохи они превращаются в литературные произведения, в которых с точки

зрения требований научно-религиозного анализа становится весьма непростым занятием обнаружить достоверные сведения, на что указывали протестантские теологи XIX–XX вв.

Ущербность подобных воззрений проявляется в полной мере, если задать всего два вопроса (а их без труда можно задать больше). Как возможно написать эти книги, насыщенные в описаниях происходивших событий с великим множеством деталей, через 30 лет (!) в отдаленном Риме? Если относительно Матфея, поскольку он был среди ближайших учеников Иисуса, и непосредственно видел и слышал Учителя, с большими натяжками можно допустить, что феноменальная память позволила ему качественно выполнить свою работу. То применительно к Марку и Луке подобное допущение не представляется возможным. При этом полнота повествований в Евангелии от Луки предстает достоверным свидетельством очевидцев. Второй вопрос для сторонников подобных взглядов представляется убийственно-разрушительным. Получается, что младохристиане (так я буду называть самых первых новообращенных в веру Иисуса Христа) 30 лет (!) жили среди слухов и умудрялись в такой неопределенной религиозной ситуации веровать в Спасителя, о Котором они практически ничего не могли сказать с полной уверенностью. **Тридцать лет христианство существовало в зыбкой вербальной реальности?!**

Если использовать экзистенциальный научно-религиозный подход применительно к миссионерской деятельности апостола Павла, то вполне определенно приоткрываются примечательные обстоятельства его отношений с евреями и греками во время его миссионерских путешествий. Допустим, что Павел вступает на девственную религиозную почву в городах Антиохии, Эфесе и др., в которых мирно сосуществовали устоявшиеся религиозные верования просвещённых евреев и греков. Павел, бия себя кулаком в грудь, исступленно начинает утверждать, что их вера, многие века подтверждавшая для них свою правду, неправильна, что был выдающийся благочестивый проповедник Иисус из Назарета, совершивший множество исцелений, Который по навету злобных иудейских первосвященников был распят римскими властями на кресте и через три дня воскрес, что Иисус был Сыном Бога, а, по сути, Богом. Всякий вдумчивый еврей или грек прежде всего задаст ему вопрос – чем ты подтвердишь все сказанное? Павел мог лишь сказать, что существует 12 ближайших учеников Иисуса, которые слышали, видели Его, а также опустевший гроб после Его воскресения, что ему самому явился Иисус Христос и т. д. Скорей всего, при всех стараниях Павла, ему не удалось бы добиться успеха. Опираясь на методологию экзистенциального мысленного эксперимента, представляется возможным реконструировать в принципиальных моментах экзистенциальную реальность миссионерской деятельности апостола Павла. Согласно письменному источнику «Деяния Варнавы», который считается апокрифом, но по своему характеру достоверного повествования имеет достаточные основания быть 25-й книгой Нового Завета, апостол Павел задействовал книгу Матфея в своем благовествовании.

Хронологическая логистика написания синоптических Евангелий

Всего 12 апостолов в ходе организации первых христианских общин начали процесс формирования Христианской Церкви. Поскольку общего понимания христианского вероучения не было, то проповеди *Благой вести* Иисуса Христа каждого из них отличались друг от друга. В речах апостола Петра, Стефана и Филиппа, запечатленных в «Деяниях», в этот период преобладала ветхозаветная история и *Воскресение* Иисуса Христа. В их проповедях иудейская ментальность доминировала, а христианского духовно-нравственного дискурса почти не было.

В этот период у новообращенных христиан не было целостных представлений ни о Спасителе, ни о Его учении и деяниях. Они жили среди слухов об Иисусе Христе, в которых было трудно отличить правдивые свидетельства от вымыслов. В это время начал возрастать массив письменных источников, в которых описывались отдельные деяния Иисуса Христа, Его поучения, излагались детские годы юного Иисуса и др. С каждым годом картина христианских представлений усложнялась, становилась более неоднородной и противоречивой. Христианская мысль пребывала преимущественно в изменчивой вербальной реальности.

Первым необходимость исправления неблагоприятной ситуации в христианских общинах осознал апостол Матфей, который решил написать книгу о деяниях Иисуса Христа, построенную только на достоверных свидетельствах. Следовало донести до младохристиан подлинный образ Иисуса Христа и его учение. Надо полагать, Матфей завершил свою трудоемкую и ответственную работу в середине 40-х годов. Поскольку Евангелие от Матфея было написано на арамейском языке, то оно имело хождение преимущественно среди христиан-евреев, выполняя роль христианского Священного Писания. В своей миссионерской деятельности апостолы Варнава и Павел его активно задействовали.

Апостол Петр также понимал первостепенную значимость повествования о деяниях и учении Иисуса Христа. Поэтому он поручил написать Евангелие своему возлюбленному ученику Марку на греческом языке для язычников, обещая ему всяческую поддержку. По-видимому, Марк закончил свою книгу в середине 50-х годов, и апостол Пётр мог использовать Евангелие от Марка в своих проповедях в Малой Азии, а затем в Риме. Когда Лука узнал историю непорочного зачатия Иисуса и другие обстоятельства деяний Спасителя, он, имея перед собой Евангелия Матфея и Марка, решил их дополнить своим Евангелием, работу над которым он завершил в конце 50-х годов. Такая выстраивается логистика создания синоптических Евангелий. Важным было то, что христиане получили христианское Писание и Закон христианской жизни. Теперь они верно знали подлинный образ Иисуса Христа, Его земной жизненный путь и учение. Благовествование Апостолов и новообращенного Павла приобрело более глубокий и плодотворный характер.

Мою версию определенно подтверждают творения выдающихся византийских богословов и экзегетов Феофилакта Болгарского (Охридского) (1055–

1107) и Евфимия Зигабена († после 1118 г.), взгляды которых высокомерные и горделивые протестантские исследователи XIX в. даже не рассматривали. Правильнее сказать, что я в своем экзистенциальном анализе нахожу опору в их рассуждениях. Знаменитый византийский богослов Феофилакт Болгарский писал: «Матфей прежде всех написал Евангелие на еврейском языке для уверовавших евреев, спустя восемь лет по вознесении Христовом. С еврейского же языка на греческий перевел его, как носится слух, Иоанн. Марк, по наставлению Петра, написал Евангелие спустя десять лет по вознесении; Лука по прошествии пятнадцати, а Иоанн по прошествии тридцати двух лет. Говорят, что ему, по смерти прежних Евангелистов, представлены были, по его требованию, Евангелия, дабы рассмотреть их и сказать, правильно ли они написаны, и Иоанн, так как он получил большую благодать истины, дополнил, что в них было опущено, и о том, о чем они сказали кратко, написал в своем Евангелии пространнее» [157, с. 3]. По его авторитетному мнению, первым написал Евангелие Матфей, а за ним свои творения создали Марк и Лука, что соответствует их последовательности в Новом Завете. Важным является указание Феофилакта на время их создания 40-е годы, что определенно показывает, что работа по осмыслению божественного образа Иисуса началась вскоре после Его *Вознесения*. Видный знаток истории христианской Церкви Евфимий Зигабен о временной последовательности создания Евангелий придерживался тех же взглядов: «Первым Матфей написал находящееся теперь у нас под руками Евангелие спустя 8 лет после Вознесения на небо Иисуса Христа. Написал же он его для уверовавших из иудеев, как мы выше сказали, воспользовавшись обычным тогда еврейским языком; после оно было переведено и на греческий язык. Иоанн, как говорят, перевел его с еврейского языка на греческий. Марк написал Евангелие спустя десять лет после Вознесения, наученный Петром; Лука – спустя пятнадцать лет; Иоанн же, по преимуществу богословствующий, спустя тридцать два года» [157, с. 4].

В период наивысшего духовного развития византийской культуры в XI–XII вв. до разрушения хищными крестоносцами Константинополя (1204 г.) общим представлением была последовательность написания Евангелий 8–12–15–32 гг., что в полной мере отображало сложный и многоплановый процесс становления и распространения христианства, их востребованность, трудность их написания и их великую значимость. Воззрения византийских богословов и экзегетов XI–XII вв. представляются более проработанными и убедительными. Их христологические построения основывались на более богатых письменных источниках и веками передаваемых преданиях, которые неизвестны современным исследователям. С точки зрения современного научного дискурса определяющим является то, что византийская концепция исторической последовательности создания Евангелий содержит в себе гораздо меньше трудностей и противоречий, чем современная, и поэтому гораздо более предпочтительна.

Методологические особенности евангельских текстов

Матфей, Марк и Лука, как субъекты религиозного повествования, были всемерно устремлены к достижению *Правды* и *Истины* в своих книгах, которая придавала значимость их нелёгкого труда. Написанные в 40–50-е годы и получившие распространение в христианских общинах, Евангелия были необходимыми и активными «сподвижниками» Апостолов в деле распространения христианской веры. Эти книги выполняли важную роль исторического документа (*достоверного знания!*), потому что содержащиеся в них многочисленные исторические привязки (имена, названия городов и др.) выполняли функцию своеобразных верификаторов, которые в 40–50-е годы **были проверяемы (!)**.

Евреи, несмотря на происходившие катаклизмы мировой и собственной истории, цепко сидевшие на своих прижитых местах многие столетия, были весьма (даже очень!) подвижны, непрерывно поддерживали живую связь между собой на уровне «кто, где и как живет». Поэтому древнееврейский жизненный мир в раздробленном Израильском государстве в I в. был жизненно целостным и динамично изменяющимся образованием. Всё, что сообщалось в синоптических Евангелиях, с большими или меньшими трудностями было проверяемо, потому что еще были живы люди-очевидцы совершенных Иисусом чудесных деяний. Это знали Матфей, Марк и Лука. С этой целью они для повышения достоверности своего повествования всемерно старались вставлять проверенные, надежные верификаторы, которые делали их книгу для современников достоверным историческим документом.

Если принять неубедительную версию, согласно которой Марк и Лука написали свои Евангелия в 60-е годы, то достоверность их повествования практически утрачивалась, потому что для евреев после разрушительных событий 60-х гг., тем более для греков и римлян, книги синоптических Евангелий становились в значительной степени мифологическими повествованиями. Подтверждением тому может служить весьма аргументированная критика Евангелий платоника Цельса (2-я пол. II в.) с точки зрения развитого философско-научного дискурса, рассуждения которого приводит Ориген в произведении «Правдивое слово» («Истинное учение»). Оригену пришлось потрудиться, чтобы показать несостоятельность возражений Цельса против христианства.

Следует также иметь в виду, что Четвероевангелие составляют самоцензурированные тексты, потому что евангелисты не допускали в свои книги негативные и злобредные сказания об Иисусе и Деве Марии, которые были весьма распространены среди евреев. Справедливо полагая их слухами, они предпочитали в своих творениях о них умалчивать.

Для Апостолов и их сподвижников в 40–60-е годы все устремления и деяния были подчинены развитию и укреплению Христианской Церкви. При этом каждый из них, всячески наращивая в себе миролюбие и смирение, мирским целям и отношениям придавал второстепенное значение. Поэтому евангелисты, работая над своими творениями самостоятельно, не чурались прочи-

тать Евангелие своего предшественника и соответственно скорректировать свой текст. Поэтому синоптические Евангелия представляют собой сбалансированное единое целое. Если бы этого творческого взаимодействия между евангелистами не было, то мы имели бы скучные повторы одних и тех же событий. В описаниях евангелистов одни и те же деяния Иисуса Христа сопровождаются важными уточнениями и дополнениями, раскрывающими более сложную природу происходившего.

Таким образом, имеются достаточные основания полагать написание синоптических Евангелий в 40–50-е годы, появление которых в христианских общинах способствовало значительному укреплению и развитию христианской веры. Эти три книги, по сути, составляли Писание и Закон христианского вероучения. Без них христианский дискурс вплоть до 60–70-х гг. представлял бы аморфное образование, содержащее множество ошибочных представлений.

Евсевий Кесарийский как субъект исторического познания о Евангелиях

Подобных требований придерживался Евсевий Кесарийский в ходе работы над книгой «Церковная история» (323/325 гг.). Он пишет: «Я поставил себе задачей описать следующие события: преемство святых апостолов; то, что произошло от времен Спасителя нашего и до наших дней; какие и сколь важные дела совершены были, по сказаниям, в Церкви: кто стоял во главе наиболее известных церковных кругов и со славой руководил ими; кто в каждом поколении – устно или письменно – защищал слово Божие; имена, нрав и время тех, кто, жаждая новизны, дошли до пределов заблуждения и, вводя лжеименное знание (гнозис), как лютые волки, беспощадно расхищали стадо Христово; также то, что произошло со всем иудейским племенем сразу же после их заговора против Спасителя нашего; когда и каким образом язычники подняли войну против слова Божия, какую великую борьбу в свое время вели за него мученики, претерпевшие пытки и пролившие свою кровь; затем современные нам свидетельства и благостное милосердие Спасителя нашего ко всем нам» (I, 1, 1–2).

Подобно Матфею, Марку и Луке, Евсевий всемерно стремился реконструировать достоверную историю Христианской Церкви, выбирая из множества письменных источников, по его мнению, правдивые свидетельства. Церковный историк пишет: «Я начну не иначе, как с изложения Божественного Домостроительства, основание которому положено Господом нашим Иисусом Христом. Сразу, однако, прошу я у людей благожелательных снисхождения к своей работе: я сознаюсь, что осуществить это обещание в совершенстве и полноте свыше моих сил, ибо я первый берусь сейчас за такое повествование и вступаю как бы на нехоженую и непроторенную дорогу. Молю Бога быть мне путеводителем и силу Христа содействовать мне в работе, потому что не мог я найти никаких следов от людей, шедших до меня по той же дороге, если не считать самых что ни на есть мелких рассказов, в которых всякий по-своему оставил частичное повествование о пройденном им отрезке времени: словно

вдалеке высоко поднятые факелы были голоса людей; словно откуда-то сверху со сторожевой вышки нам кричат и указывают, где следует идти и как направлять ход рассказа, не блуждая и в безопасности. Все, что в их там и сям рассеянных воспоминаниях я сочту полезным для поставленной себе цели, я соберу; словно на лугу духовном, я, как цветы, подбираю у старых писателей нужные мне сведения и стараюсь представить их в историческом повествовании как нечто цельное. Я буду рад сохранить память о преемстве если и не всех, то наиболее известных апостолов Спасителя нашего в Церквах славных и посейчас не забытых» (I, 1, 2–4). Как мы видим, в полной мере понимая трудности, которые ему предстояло преодолеть в ходе работы над книгой, Евсевий всячески стремился к достоверности своего повествования. «Я считаю эту работу своей насущнейшей задачей, – пишет он, – потому что, насколько я знаю, ни один из церковных писателей до сих пор не потрудился такое предпринять. Надеюсь, что моя работа будет очень полезна тем, кто внимательно прислушивается к поучительным урокам истории. Я уже раньше дал в своей “Хронике” краткий очерк событий, подробный рассказ о которых намерен дать сейчас» (I, 1, 5–6). «Изложение мое начнется, как я уже сказал, с Домостроительства Христова и объяснения Его природы: по глубине и силе она выше человеческого понимания. Собирающийся писать историю Церкви обязан начать с того часа, когда Христос – от Него удостоились мы получить и свое имя – положил основание своему Домостроительству, более Божественному, чем это кажется многим» (I, 1, 7–8). Евсевия Кесарийского в многотрудной работе вело только стремление к *Правде* и *Истине* повествования. Евсевий верно знал, что он пишет свой труд перед лицом Господа.

Когда христиан IV века захлестнуло море различного рода апокрифической литературы, Евсевий видел и знал живую потребность в знании достоверной церковной истории. Он пишет: «Недавно я был в Галатии, в Анкире, и застал местную Церковь почти оглохшей от этих новых, как они говорят, пророчеств, вернее, как будет показано, лжепророчеств. Я по возможности, с помощью Божией, много дней рассуждал в Церкви об этих людях и о предложенных мне вопросах. Церковь ликовала и укреплялась в истине – противники в это время были отброшены; враги опечалились» (V, 16, 4).

Лишь высокомерно ограниченные исследователи, приклеив ярлык Матфею, Марку, Луке, Евсевию Кесарийскому и другим «мифологически мысливших» авторов повествований, могли рассматривать их произведения фантазиями. Евангелисты написали книги, которые с благоговением читали многие столетия миллионы людей европейского континента, Северной и Южной Америки, Азии и Африки. Небольшая кучка интеллектуалов, возомнив себя самыми умными, приняли большинство людей своих предшественников за наивных и недалёких читателей Евангелий.

3.2. Евангелисты Матфей, Марк и Лука как субъекты исторического исследования

Методологическая оценка авторов синоптических Евангелий как субъектов повествования

Многие библеисты XIX–XX вв., сами того не замечая, совершали грубую методологическую ошибку, накладывая на изучаемый материал нормы и требования научного дискурса того времени (Гарнак, Юлихер, Бультман, Тиллих и др.). Поэтому, встречая противоречия и нестыковки при сопоставлении Евангелий, они приходили к негативным оценкам этих произведений с точки зрения их достоверности как исторических свидетельств. Так, лютеранский теолог Р. Бультман (1884–1976) во Введении к своей работе «Иисус» писал, что «я не считаю, что о жизни и личности Иисуса мы фактически ничего больше узнать не сможем, поскольку этим не интересовались христианские источники, которые, помимо всего прочего, весьма отрывочны и заросли легендарными подробностями, и поскольку других источников об Иисусе не существует» [167, с. 6]. Во времена Советского Союза эти сложности евангельских текстов давали основание в атеистической пропаганде утверждать, что Иисуса, как исторического лица, вообще не существовало.

Матфей, Марк и Лука в своем изучении деяний Иисуса Христа были поставлены в эпистемологическую ситуацию подобную той, в которой пребывал великий древнегреческий историк Фукидид, который в своем исследовании пелопонесской войны стремился опираться на собственные свидетельства и очевидцев событий, которых он опрашивал. Апостолы Матфей и Иоанн были свидетелями основных событий земной жизни Иисуса Христа, Его *Воскресения* и *Вознесения*. Они видели Иисуса Христа, непосредственно с Ним общались, слушали Его поучения. По сути, **авторы Евангелий создавали Закон христианского вероучения!** От четырех евангелистов зависело, каким будут видеть верующие Спасителя. Каждый из них верно знал свою великую ответственность в главном деле своей жизни. Поэтому следовало собирать материал для своей книги главным образом в ходе трудоемкой работы опроса очевидцев, видевших и слышавших Иисуса из Назарета, а затем проверять, сопоставлять, систематизировать накопленные сведения. При этом если историческое исследование Фукидида вело строгое научное требование стремиться к достижению достоверности знаний, то евангелистов принуждал быть максимально правдивыми уникальный «объект исследования» – *Богочеловек Иисус Христос*. Религиозные установки евангелистов категорически не допускали что-либо приукрашивать, добавлять от себя (Фукидид умел мастерски писать речи исторических лиц на основе имеющегося материала). В их повествованиях нужны были предельная искренность и *Правда*.

Когда Матфей, Марк и Лука собирали сведения для своих творений, то главной целью для них было показать, кем в действительности был Иисус. Во

время работы над книгой для каждого из них это было далеко непростой задачей. Для них основной интерес представляли мистическая и проповедническая составляющие деятельности Иисуса, которые в полной мере подтверждали бы Его божественную природу. При этом они целеустремленно искали у непосредственных свидетелей и очевидцев, которые могли бы им сообщить новые свидетельства и детали деяний и высказываний Иисуса. Евангелисту не было смысла адекватно воспроизводить известный христианам материал своего предшественника. Поэтому для современного исследователя новые, порой противоречивые писания евангелиста, должны представлять важными дополнительными свидетельствами в описании более сложной экзистенциальной реальности, в пространстве которой происходили священные деяния Иисуса. Таким образом, неувязки и несоответствия евангельских текстов выступают не их недостатками, а, напротив, их достоинствами, стимулировавшими более углубленное исследование. Не нужно забывать, что ту священную экзистенциальную реальность, которую евангелисты с благоговейным трепетом пытались воспроизвести, была значительно сложнее и многообразнее.

Апостольское служение Матфея

Лéвий Матфéй (*ивр.* Матитьяху, Мата́й – «дар Яхве»), брат апостола Иакова Алфеева (Мк 2:14), был одним из двенадцати апостолов (Мк 3:18; Лк 6:45; Деян 1:13). Матфей прежде был мытарем, или сборщиком налогов в Капернауме, а значит, знал греческий и еврейский языки, и умел вести записи. Услышав призыв Иисуса: «Иди за Мной» (Мф 9:9), он оставил свою должность и пошел за Спасителем. Иисус посетил дом Матфея, где разделил трапезу с его друзьями – такими же, как и хозяин, мытарями и грешниками. Матфей сопровождал Учителя, внимал Его поучениям, видел многочисленные Его чудесные деяния, был свидетелем страданий, смерти, *Воскресения* Спасителя и Его *Вознесения* на небо. После *Вознесения* Иисуса Христа и сошествия Святого Духа на Апостолов, Матфей проповедовал Евангелие сначала в Иерусалиме и его окрестностях, а затем в Палестине. Исследователи полагают, что объектом миссионерской деятельности Матфея стали народы Персии, Мидии, а также люди, населявшие долину реки Евфрат. Для религиозной проповеди это были одни из самых сложных регионов, потому что ему противостояли самые стойкие в своей вере вавилонские иудеи и персы-зороастрийцы. Отсутствие сведений о жестких столкновениях на религиозной почве в этом регионе позволяет заключить, что Матфей действовал взвешенно и осторожно в деле распространения и утверждения *Благой вести* Иисуса Христа. При этом возникает непростой вопрос – что проповедовал Матфей? Поскольку единого христианского вероучения в то время не существовало, то, надо полагать, его благовестование носило преимущественно иудео-христианский характер, в котором новое христианское мышление и благочестие рассматривались в качестве продолжения иудейского образа жизни и обряда. По-видимому, он шел в русле проповеднической деятельности апостолов Иакова и Петра. Согласно древнейшим преданиям, он умер своей смертью, но в более поздних историях его

изображают мучеником. По одним источникам, он проповедовал в Эфиопии, где и был замучен ок. 60 года; по другим, он был казнён за проповедь христианства в малоазийском городе Иераполис.

Предание о вавилонских волхвах, бегстве Иосифа и Марии с Младенцем в Египет и избииении младенцев, которое имеется только в Евангелии от Матфея, показывает, что он записал его на вавилонских землях. Таким образом, главным вкладом апостола Матфея в становление и развитие христианства стало его Евангелие, написанное на арамейском языке, которое донесло до младохристиан и верующих последующих поколений подлинное религиозно-нравственное учение Иисуса Христа, и стало в 30–50-е годы христианским Священным Писанием.

Какую роль сыграл евангелист Марк в проповеди Благой вести Иисуса Христа?

О деяниях евангелиста **Марка**, признанного святым, известно достаточно много. Вместе с тем, на мой взгляд, его вклад в становлении и развитии христианства в I в. весьма недооценивается, потому что его плодотворная деятельность большей частью рассматривается как вспомогательная, в качестве надежного помощника апостолов Петра и Павла, будто он во время служения преимущественно был в «подтанцовке» великих деятелей Церкви. Марк, родом иудей из священнического колена Левиина. Он первоначально носил имя Иоанна. После крещения принял имя Марк. Он был из числа 70-ти учеников Иисуса Христа и являлся очевидцем некоторых событий из жизни Учителя. В своем Евангелии в повествовании об аресте Иисуса Христа в Гефсиманском саду он упоминает юношу, который в то время, как все ученики Господа оставили Его, один следовал за Учителем, обернувшись полотном по нагому телу, но, будучи схвачен воинами, оставил в руках их полотно и бежал от них (Мк 14:51–52). Христиане вполне обоснованно полагают, что это был Марк. Отсюда следует, что он был очевидцем ареста Учителя. Книга Деяний святых Апостолов свидетельствует, что мать Марка Мария имела в Иерусалиме свой дом, в котором нашел пристанище апостол Петр после чудесного изведения из темницы Ангелом (Деян 12:1–12). После *Вознесения* Иисуса Христа, во время гонения на христиан, этот дом служил местом молитвенных собраний для многих верующих и убежищем для Апостолов, т. е. своеобразным центром Христианской Церкви в Иерусалиме в самом начале её существования! Поэтому Марк в доме своей матери имел возможность постоянно находиться в общении с христианами, участвуя в их молитвенных собраниях, и сблизиться с самими Апостолами. Он вошел в особенно близкое общение с апостолом Петром, питавшим к нему отеческую любовь и расположение, как видно это из его слов в послании, в котором он называет Марка «сын мой» (1 Пет 5:13).

Марку доводился дядей апостол Варнава, по происхождению левит, родом с острова Кипр. Через него Марк сделался известным и апостолу Павлу. Марк сопровождал Павла и Варнаву в их первом миссионерском путешествии 45–49 гг. Вместе с Павлом и Варнавой Марк был в приморском городе Селев-

кии, отсюда отплыл на остров Кипр и прошел его с востока на запад от Саламина до Пафа. Но прибыв в город Пергию, Марк оставил апостолов Павла и Варнаву и возвратился в Иерусалим в дом своей матери. По прибытии в Иерусалим, Марк присоединился к апостолу Петру и в скором времени отправился вместе с ним для проповеди Евангелия в Рим. В это время в Риме уже были верующие христиане. Апостол Петр при содействии Марка еще более распространил и утвердил Церковь Христову в Риме, обратив ко Христу множество людей как из иудеев, так и язычников, из которых около 3000 мужей приняли крещение.

После трудов в Риме Марк по повелению апостола Петра отправился для проповеди Евангелия в город Аквилею, расположенный на северном берегу Адриатического моря. В этом богатом городе, называвшемся вторым Римом, Марк основал Церковь; он посетил с проповедью Евангелия и другие места по берегу Адриатического моря. Затем, по распоряжению апостола Петра, Марк отправился для проповеди Евангелия в Египет. Как свидетельствует патриарх Александрийский Евтихий (877–940), это было на девятом году царствования Клавдия, т. е. около 49 года. По свидетельству церковного историка Евсевия Кесарийского, когда Марк первый прибыл в Египет и начал проповедь Евангелие, то при самом начале его проповеди уверовало во Христа великое множество мужей и жен. В самой Александрии, главном городе Египта, Марк основал Церковь и был первым ее епископом. Благоустроив затем Церкви в Александрии и смежных с нею городах рукоположением к ним епископов и прочих клириков. В Египте святой Марк пробыл до восьмого года царствования Нерона (до 61 г.).

Затем Марк снова соединился с Павлом и вступил в число сотрудников его во время пребывания апостола в темнице в Риме. В своем Послании к Колоссянам апостол Павел называет Марка одним из немногих сотрудников своих для Царствие Божиего, бывших для него в это время утешением (Кол 4:10–11). Как видно из того же послания, Марк, по распоряжению апостола Павла отправился в Малую Азию, во фригийский город Колоссы, для противодействия лжеучителям, прельщавшим колосских христиан. В Риме Марк был свидетелем мученической кончины великих апостолов Христовых Петра и Павла, после чего Марк снова отправился в Египет для благоустройства основанной им Церкви.

Он посетил многие внутренние страны Африки, был в Ливии, Марморике, Киренаике и в Пентаполе. О страданиях и мученической кончине Марка повествует блаженный Симеон Метафраст (IX в.). Евангелист Марк во время своего пребывания в Киринии, городе Пентаполийском, получил повеление от Духа Святого идти оттуда для проповеди Евангелия в Александрию. Известив об этом братию, он отплыл из Киринии в Александрию. О смерти Марка известно, что неистовая толпа язычников извлекла апостола из темницы и повлекла его по улицам города. Марк не вынес таких страданий и вскоре скончался, благодаря Бога и молясь к Нему: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой!» Произошло это 25 апреля 68 года.

Из выше изложенного перед нами предстает образ одного из самых деятельных и успешных служителей Христианской Церкви в I в. Христианские предания сообщают, что Марк был на 10 лет младше Иисуса, т. е. в том благодатном возрасте, когда в молодом человеке закладывались основные духовные и нравственные принципы и жизненные программы. И в этот момент он встретил в своей жизни Иисуса из Назарета. Со всем пылом своего молодого возраста он внимал каждому Его слову, восхищался каждым движением своего Учителя, следовал за Ним по пятам. После мученической смерти Иисуса Христа, Его *Воскресения* и *Вознесения* Марк жил преимущественно в жизненном мире христианских представлений и переживаний. Этому способствовал дом его матери Марии, который, надо полагать, стал одним из значимых помещений иерусалимской христианской общины.

В деле реконструкции жизненного мира Марка важную роль сыграло пожелание любимого им апостола Петра написать книгу о деяниях Иисуса Христа, что, надо полагать, было для него не только важным заданием, но и основным на тот момент внутренним жизненным порывом. Поэтому он включился в работу со всем пылом и энергией своего возраста. Следовало быть максимально искренним, правдивым в своих повествованиях, убрав свои предпочтения и отношения к описываемым событиям. Методологическая трудность для работы Марка заключалась в том, что подобного опыта исследовательской деятельности, который можно было бы позаимствовать у предшествовавших историков, не было. Если научный дискурс греческих и римских историков определяли мирские установки логической строгости и обоснованности, достоверности и др., то мистическое мироощущение Марка хождения перед Господом в значительной степени повышали ответственность и требовательность в его работе над книгой в достижении *Правды* и *Истины* в повествовании.

Из текста Евангелия от Марка просматриваются следующие священно-экзистенциальные установки его автора, которые предопределили отбор, последовательность изложения материала и характер его подачи. Чтобы показать ни с кем несравнимые достоинства Иисуса, для Марка прежде всего было важно описать Его отношения с глубоко почитаемым не только христианами Иоанном Крестителем. Затем следовало на множестве наиболее ярких, невиданных ранее примерах чудесного исцеления, совершенных Иисусом, показать Его могучую мистическую силу, равную божественной. Следовало также раскрыть суть вероучения Учителя из Назарета. Однако самым главным для Марка было воссоздание картины деяний Иисуса во время Песах, завершившейся Его распятием, а затем *Воскресением*. В соответствии со своими знаниями и по отеческим подсказкам Петра и других Апостолов он активно собирал материал по всей Иудее, Галилее и Палестине, тщательно записывая каждое чудесное исцеление или изгнание бесов, которое становилось ему известным. Скорей всего, он прошел по местам деяний Иисуса Христа. Поэтому Марку удалось завершить свою уникальную книгу в начале или середине 50-х годов, что иначе как великим духовно-нравственным подвигом не назовешь.

Вскоре среди иерусалимских христиан появился Павел, который был ранее известен как свирепый пёс фарисеев Савл, жаждавший крови миролюбивых и смиренных христиан. Однако, когда стало известно о его обращении в христианскую веру в Дамаске, Марк стал его верным другом и сподвижником. Около 48 г. признанный апостолом Павел, Марк и его дядя Варнава образовали могучую команду для религиозно-благочестивого христианского «завоевания» сирийского и греческого населения. Павел и Марк были приблизительно одногодками. Однако, в отличие от Павла, Марк видел и слышал Иисуса Христа. Им было под сорок. Павел, Варнава и Марк образовали непревзойденную «коммандос», которой в вопросах веры и религии не было равных, что позволило им успешно проводить миссионерскую деятельность среди как иудейских общин, так и греков на обширных территориях Малой Азии, Греции, Кипра.

В конце 50-х годов апостол Петр и Марк двинулись с проповедью христианского учения в сердце Римской империи – Рим. Поскольку за спиной у Марка уже был богатый опыт миссионерской деятельности, и, надо полагать, знание греческого и латинского языков, то в упряжке проповедников христианства Петр и Марк были двумя коренниками, мудрый, убеленный сединами Апостол и многоопытный, полный духовно-нравственных сил его духовный сын. В это же время под благословением Петра в жизни пятидесятилетнего Марка происходит важный перелом. Он успешно решает сложнейшую задачу – организацию и обустройство христианской Церкви сначала во «втором Риме» городе Аквилее, а затем в сердце Египта Александрии, став первым её епископом. Организация христианских общин в Египте требовала от Марка много различного рода усилий. Ему удалось создать важнейший центр христианского мира. С древнейших времен и по настоящее время Александрийская церковь является одной из самых почитаемых среди христиан. После мученической смерти апостолов Петра и Павла в Риме, Марк возвратился в Египет для дальнейшего обустройства основанной им Церкви, которая стремительно разрасталась и укреплялась по всему Египетскому государству. Он организовал работу и сам принимал активное участие в миссионерской деятельности в Ливии, Марморике, Киренаике и в Пентаполе. Этот напряженный, насыщенный событиями последний период жизни Марка был прерван его мученической смертью в 68 году.

В середине 60-х гг. Иерусалимская и Римская церкви, как организующие центры христианского мира, были практически разрушены. К этому времени почти все Апостолы завершили свое служение Церкви и ушли в мир иной. Благодаря целеустремленной и плодотворной работе Марка северная Африка стала одним из наиболее развивающимся регионом во всем христианском мире, центром которого стала Александрия. Для управления таким большим христианским «хозяйством», Марку пришлось писать достаточно много посланий и поручений, без чего слаженное управление сложной системой христианских общин было бы невозможно. К сожалению, они до нас не дошли, может быть потому, что их актуальность ограничивалась решением преиму-

щественно скоротечных проблем христианской жизни, знание которых имело бы для нас немалый интерес.

Включая экзистенциальный анализ, можно достаточно уверенно, хотя и гипотетически, рассуждать о своеобразии христианского дискурса евангелиста и епископа Марка. Среди всех христианских деятелей апостольского периода уникальность Марка выражалась в том, что ему, как любимцу апостола Петра и надежному посланнику апостола Павла, приходилось совмещать иудео-христианский дискурс первого и ново христианскую ментальность второго. Из скудных исторических известий мы знаем, что он вызывал глубокое уважение обоих. Его активная и успешная миссионерская деятельность на просторах Римской империи среди преимущественно нееврейского населения позволяет заключить, что в его проповеди павловская христианская парадигма преобладала.

Таким образом, Марк был одним из активнейших и успешных деятелей Христианской Церкви апостольского периода, который по масштабам миссионерской деятельности может быть сопоставлен с Апостолами. Он был самостоятельным христианским мыслителем и активным проповедником христианского вероучения, за что его почитали и даже любили апостолы Петр и Павел, многочисленные ново христиане. Но главным его христианским подвигом было его Евангелие, которое открывает нам доступ к подлинному Иисус Христу.

В 829 году мощи святого Марка были вывезены из Александрии в Венецию, где для них был выстроен Собор Святого Марка. Святой Марк считается покровителем Венеции. Символом святого Марка является крылатый лев.

Евангелист Лука – первый историк и художник в Христианской Церкви

Евангелист **Лука́**, уроженец Антиохии Сирийской, апостол из 70-ти, сподвижник святого апостола Павла (Фил 1:24; 2 Тим 4:10), врач из просвещенной греческой среды. Лука был язычником по рождению. Мы ничего не знаем о его национальности и происхождении. Вероятно, он был сирийцем из Антиохии и одним из первых обращенных в христианство неевреев. В пользу этого предположения свидетельствует то, что Лука сообщает достаточно много сведений об антиохийской церкви (Деян 11:19–30; 13:1–3; 15:1–3, 22–35). Примечательно, что он связывает с этим городом происхождение слова «христиане» (Деян 11:26). Впервые упоминается Лука в Троаде в качестве спутника Павла, когда апостол отправляется во второе миссионерское путешествие, чтобы принести *Благовест* Иисуса Христа в Грецию. Именно с этого важного момента Лука начинает использовать местоимение первого лица множественного числа «мы» (Деян 16:10). Лука сопровождал Апостола до Филипп и, судя по всему, остался в этом городе, когда Павел и Сила направились в Коринф, и возглавил только что основанную общину, – в этом месте местоимение «мы» сменяется местоимением «они» (Деян 17:1). Со времени этого непростого миссионерского путешествия они были неразлучны. Когда Павла

оставили все сотрудники, Лука продолжал делить с ним все трудности миссионерского подвига (2 Тим 4:10). Семь лет спустя Лука вновь присоединился к Апостолу, когда тот посетил Филиппы, в последний раз направляясь в Иерусалим и проведя неделю в Троаде (Деян 20:5–6). С этого момента в повествовании Луки вновь появляется местоимение «мы». Он находился рядом с Павлом или неподалеку от него в Иерусалиме и на протяжении двух лет в Кесарии, сопровождал его в опасном путешествии в Рим, которое в точности описал, и оставался с Апостолом до конца его первого римского заключения, описанием которого завершил свое «Деяние». Последнее упоминание о евангелисте мы находим в послании Павла, которое апостол написал незадолго до мученической кончины: «Один Лука со мною» (2 Тим 4:10).

После мученической кончины первоверховных Апостолов Лука покинул Рим и с проповедью прошел Ахаию, Ливию, Египет и Фиваиду. В городе Фивы он мученически окончил земной путь. Лука дожил до восьмидесяти четырех лет, трудился в нескольких странах, нарисовал портреты Девы Марии и апостолов Петра и Павла и был распят на оливковом дереве в Греции. Мощи евангелиста, вместе с мощами апостола Андрея, были перевезены из ахейского города Патры в Константинополь, в храм Святых Апостолов. В настоящее время мощи святого Луки покоятся в базилике Святой Иустины в Падуе (Италия). Символом евангелиста Луки является крылатый телец, держащий Евангелие.

Из этой исторической справки жизненного пути евангелиста Луки перед нами предстает исторически обоснованный образ одного из главных деятелей христианства I в. Как и в отношении Марка, мы видим, что выдающийся служитель Христианской Церкви рассматривается преимущественно на вторых ролях, в «подтанцовке» апостола Павла. Многие христиане наивно полагают, что Лука написал Евангелие в 60-е гг. в Риме. Якобы некий знатный антиохийский христианин Феофил просил Луку написать о житии Спасителя, и апостол Павел благословил его на подвиг евангелиста.

В оценке образа Луки прежде всего следует отметить его высоко развитое историческое мышление, которым в должной мере не обладал никто из христиан, вплоть до Апостолов. Не будучи евреем, он сумел органически войти в ментальное пространство еврейской культуры и достаточно глубоко его осмыслить. Вместе с тем ему удалось сохранить методологическую установку внешнего наблюдателя. Одной из главных жизненных целей для него стало – запечатлеть все виденное и услышанное. Он начал собирать материал для своего Евангелия. Вступив в непосредственное общение с Пресвятой Богородицей, Лука запечатлел для христиан всех последующих поколений образ Матери Бога Сына. Существует предание, согласно которому Пресвятая Богородица, увидев свой образ в изображении Луки, воскликнула: «Благодать Родившегося от Меня и Моя с этими иконами да пребудет». Авторитет Луки, как художника, возрос настолько, что ему позировали даже наиболее авторитетные апостолы Петр и Павел.

В религиозном служении одним из главных показателей достижения духовно-нравственного совершенства является усмирение в себе гордыни и

установление в сердце душевного покоя глубокого смирения, что для самых продвинутых мыслителей-подвижников в осевое время было непростой задачей. Судя по дошедшим до нас сведениям, гордыня переполняла сердца Заратустры, Конфуция, Лао-цзы, иудейских пророков. Лишь в более поздних сутках просматривается достижение Буддой подлинного смирения. По текстам Четвероевангелия определенно видно, что их авторы добились смиренного бытия в своем сердце. В «Деяниях» задачи повествования принуждали Луку писать «мы», чтобы отметить, что он был непосредственным очевидцем и участником происходившего. Евангелие от Иоанна вызывает дополнительный интерес следить за тем, как Апостол всячески старался не показать себя в повествованиях, где он был не только очевидцем, но и непосредственным участником происходивших событий. Именно отсутствие глубоко запрятанной гордыни в подсознании, достижение подлинного смирения служило важнейшим методологическим условием, способствовавшим избавиться от субъективных пристрастий и столь объективно изложить сложный религиозно-мистический материал.

Это обстоятельство особенно важно отметить, потому что иудаистское вероисповедание со времен Моисея стимулировало развитие у правоверных иудеев непомерно развитой гордыни, как представителей «богоизбранного народа». Великое смирение Иисуса Христа, Апостолов, младохристиан – это кардинальный духовно-нравственный прорыв в ментальном пространстве древнееврейской культуры. Так, глубокое смирение Марка и Луки способствовало значительной недооценке их деятельности и роли в истории первых десятилетий становления и развития Христианской Церкви, что привело к утвердившемуся представлению их лишь как надежных помощников апостолов Петра и Павла. Однако, когда начались преследования христиан не только воинствующими иудеями, но и всеокрушающей машиной Римской империи, на первых ролях христианского движения стали Марк и Лука. В это время почти все учителя-апостолы мученической смертью завершили свою подвижническую деятельность. Сообщается, что после мученического подвига в Риме Петра и Павла евангелист Лука поехал проповедовать христианское учение в Египет и Ливию. Затем он вернулся в родную обитель греческий мир – Ахаию, Фивы, где принял мученическую смерть за веру. Трудно представить, насколько более обедненными были бы у нас знания о раннем христианстве, если бы Лука не написал свои «Деяния».

Экзистенциальный подход позволяет достаточно обоснованно реконструировать жизненный мир Луки, который предстает впечатляющим. Лука не был доморощенным лекарем-знахарем. Для исследователя сердечное величание Павлом Луки «врачом возлюбленным» (Кол 4:14) говорит о многом. Грек или сириец Лука профессионально владел весьма непростыми медицинскими познаниями, которые в Древней Греции к тому времени имели длительную историю, начиная от Пифагора, Эмпедокла, Аристотеля, Гиппократ и др. Это означает, что он обладал развитым научным мышлением. Профессиональное владение искусством живописи очевидно свидетельствует о его развитом пластически-созерцательном мировосприятии. В Книгах Евангелие и Деяния Лу-

ка предстает как глубоко мыслящий историк. Лучше него никто не знал историю Христианской Церкви апостольского периода. Эти важнейшие составляющие его дискурса наполняли и приводило в единое целое самое развитое на то время христианское вероучение апостола Павла. Эти рассуждения позволяют заключить, что в апостольский период развития Христианской Церкви Лука был уникальным христианским деятелем.

Таким образом, перед нами предстает Лука как один из крупнейших деятелей Христианской Церкви апостольского периода. Немногих даже среди Апостолов можно поставить выше его по заслугам служения в деле становления и развития христианства в Римской империи в I в. Но главными достижениями для младохристиан и правоверных верующих последующих поколений были его Евангелие и Деяния. В своем Евангелии он не только дополнил и подтвердил Закон христианской веры, изложенный в Евангелии от Матфея, но и, как будет показано ниже, возродил и превознес святой образ Девы Марии, который до него существенно недооценивался среди христиан, а вне христианских общин значительно дискредитировался. Если бы исторически мыслящий Лука не написал Деяния, то у нас были бы значительно упрощенными и неопределенными представления о развитии Христианской Церкви в первые годы после *Вознесения* Иисуса Христа. К тому же он, как художник, оставил христианам живописные образы Пресвятой Богородицы и апостолов Петра и Павла.

Таким образом, евангелисты Матфей, Марк и Лука были видными деятелями Христианской Церкви апостольского периода и глубокими мыслителями. Такая оценка евангелистов дает основание изучать их знаменитые *Книги* как достоверные письменные источники. Они не были поверхностными, мифологически мыслящими фантазерами в своих выдающихся *Книгах*, которыми их подают братья теологи-протестанты на основе своего высокомерного философско-научного дискурса.

ГЛАВА 4

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯНИЙ И УЧЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА

4.1. Кем был Иисус Христос в повествованиях Марка, Матфея и Луки?

Если освободиться от общепринятого представления, что «Иисус Христос был Богом», которое предопределяет наперед заданное прочтение и осмысление евангельских текстов, то перед взором исследователя повествования евангелистов предстанут с неожиданной стороны. В Евангелиях называют Иисуса «Сыном Божиим», «Сыном Человеческим» и «Иисусом Христом». Рассмотрим смысловую нагрузку каждого из этих имен.

Иисус из Назарета – Сын Божий

Первоначально рассмотрим случаи упоминания «Сына Божия» в «Евангелии от Марка». Читаем первый стих книги евангелиста: «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия» (Мк 1:1). В самом начале своего труда Марк показывает, что его Евангелие предназначено описать деяния Иисуса Христа – Сына Божия. Однако дальнейшее смысловое употребление «Сына Божия» в его творении будет не таким ясным и прозрачным, потому что в нем мы не встретим каких-либо намеков на Его рождение путем непорочного зачатия.

Замечательно то, что Иисус не называл себя «Сыном Божьим», величая себя преимущественно «Сыном Человеческим». А кто и сколько раз в повествовании Марка называл Иисуса «Сыном Божьим»? Когда я задал себе такой вопрос и пересмотрел текст, то получил неожиданный ответ. Как известно, Сам Бог два раза назвал Иисуса «Сыном». В момент нисхождения Святого Духа во время крещения Иисуса в водах Иордана Господь громогласно подтвердил неразрывную связь с «возлюбленным Сыном» (Мк 1:11). В другой раз во время Преображения Иисуса Христа на Фаворе Бог Отец обратился к присутствовавшим апостолам Петру, Иакову и Иоанну: «Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте» (Мк 9:7). Матфей (Мф 3:17; 17:5) и Лука (Лк 3:21–22; 9:34–35) практически воспроизводят, т. е. подтверждают, свидетельство Марка. Согласно Евангелию от Марка получается, что после крещения Иисус в себе носил тайное знание, что Он Сын Божий, и никому не говорил об этом.

А кто еще называл Иисуса «Сыном Божиим»? Бесы! Читаем свидетельства, которые приводит Марк, а также Матфей и Лука. «И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним и кричали: Ты Сын Божий. Но Он строго запрещал им, чтобы не делали Его известным» (Мк 3:11–12). Когда Иисус освободил от бесов вышедшего из гробов человека, одержимого нечистым духом, тот, «вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? заклинаю Тебя Богом, не мучь меня! Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека» (Мк 8:28–29). Два подобных эпизода приводит Матфей (Мф 4:1–3; 8:28–29) и три Лука (Лк 4:33–34; 8:26–29). Анализ своеобразной природы бесовской реальности предстоит еще впереди. Замечу только, что протестантские теологи наивно полагают, что бесовские деяния – это фантазии суеверных католиков и православных.

Множество зловредных деяний бесов против благочестивых монахов, описанных в православной литературе, я рассматриваю как достоверные свидетельства (мистические факты), однако теоретически неосмысленные. Особенность бытия сатаны выражается в том, что оно отличается знанием как могущественной силы божественной реальности, так и природы социального бытия и, самое главное, реальным и непрерывным взаимодействием с ними. В мирском бытии бесы стремятся захватить первенствующее значение. Поэтому повествования Марка, Матфея и Луки о сокрушительной божественной силе Иисуса Христа в отношении несметного полчища бесов выступают подлинными свидетельствами происходившего. Из выше изложенного следует, что бесы знали и в полной мере чувствовали на себе могущественную силу божественной благодати Иисуса, которую Он демонстрировал среди правоверных иудеев и фарисеев.

В Евангелиях от Матфея и Луки содержатся свидетельства о потаенном характере знания, что Иисус является Сыном Бога. Читаем «Евангелие от Матфея»: «Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение. Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф 11:25–27). Иисус на протяжении своей проповеднической деятельности носил в глубине Своего сердца и мысли, что Он Сын Божий. Об этом Он никому не мог сказать, потому что люди не поймут, принизят эту **великую Истину**. Описывая ключевой момент заседания синедриона первосвященников, Матфей пишет: «Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Мф 26:63–64). Даже в этот самый значимый момент земного жизненного пути Иисус подал Себя как «Сына Человеческого».

Узнав от Самой Пресвятой Богородицы о непорочном зачатии Иисуса, только Лука мог повествовать, что божественная миссия Иисуса началась с Его непорочного зачатия. Как и Матфей, Лука утверждает великую тайну Иисуса. В *главе 10* он пишет: «И, обратившись к ученикам, сказал: все предано

Мне Отцем Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Лк 10:22). Иисус имел непрерывную мистически-метафизическую связь с Всевышним и переживал откровенно-сокровенное единство с Ним.

Таким образом, в синоптических Евангелиях имя «Сын Божий», являясь сущностным выражением божественной природы Иисуса Христа, в период Его земной жизни не афишируется, не предстаёт расхожим. При этом, как будет показано ниже, Апостолы, не зная о непорочном зачатии Иисуса, рассматривали Его как Сына Бога, имеющего непосредственную связь с Богом Отцом.

«Иисус Христос»

Во времена деяний Иисуса Христа в полуразрушенном Израильском государстве среди иудеев усиливались ожидания прихода Мессии, который должен был спасти еврейский народ от углублявшихся жизненных трудностей. Поэтому не столько проповеди Иисуса из Назарета, сколько Его массовые чудесные исцеления пострадавших евреев позволяли видеть в Нём приход подлинного Спасителя – Христа. Бесы это верно знали, что отмечает Марк в *1-й главе*: «И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос» (Мк 1:34). Лука пишет: «Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: Ты Христос, Сын Божий. А Он запрещал им сказывать, что они знают, что Он Христос» (Лк 4:41). Бесы, отождествляя Иисуса с Мессией и Сыном Божьим, верно знали объединяющую эти имена их божественную природу.

В христианской литературе нередко не проводится два существенно различных смысловых толкований слова «Христос» («Мессия», «Спаситель»). Первосвященники, фарисеи и книжники, Понтий Пилат и злобствующая народная толпа исходили из мирского понимания слова «Христос», отождествляя его с Царем Иудейским, который должен спасти еврейский народ от угнетения и тяжелой жизни. Поэтому они рассматривали проповедника Иисуса из Назарета высокомерным выскочкой, который строил коварные планы взойти на трон царя Израильского государства. О подобной оценке Иисуса Христа практически всеми иудеями свидетельствуют все евангелисты. Марк пишет, как, стоя у распятия Иисуса Христа, «первосвященники с книжниками, насмехаясь, говорили друг другу: других спасал, а Себя не может спасти. Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем. И распятые с Ним поносили Его» (Мк 15:31–32). Иисус Христос не претендовал на мирскую власть или славу. Иисус был Господом божественного *Царства Небесного*. Этой сверхразумной Истины никто понять и принять не мог. Поэтому следует строго различать мирское понимание имени Иисуса «Христос», которое было общепринятым среди евреев и первосвященников, и подлинный смысл имени «Христос» как обозначение Его сокровенного, божественного бытия.

Иисус – «Сын Человеческий»

В Ветхом Завете выражение «**Сын Человеческий**» (*ивр.* бен-адам; *арам.* бар-энаш) встречается 107 раз, из которых в Книге Иезекииля употребляется применительно к пророку 93 раза. В Книге пророка Иезекииля Господь поддерживал и укреплял благочестивого пророка, называя его «Сыном Человеческим». Иезекииль пишет: «И дух поднял меня, и взял меня. И шел я в огорчении, с встревоженным духом; и рука Господня была крепко на мне... По прошествии же семи дней было ко мне слово Господне: сын человеческий! Я поставил тебя стражем дому Израилеву, и ты будешь слушать слово из уст Моих, и будешь вразумлять их от Меня» (Иез 3:14, 16–17). Господь духовно и физически поддерживал пророка, Своей рукой крепко держал Иезекииля.

В Евангелиях выражение «**Сын Человеческий**» встречается 52 раза. Иисус Христос в общении со своими учениками и другими называл себя «Сын Человеческий». Лука пишет: «Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Лк 9:56). Матфей приводит такое признание Иисуса: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф 18:11). Иисус пришел в этот мир и всё делает, **чтобы спасать**. Марк отметил важное признание Иисуса: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк 10:45). Когда в Израильском государстве и древнееврейском обществе всё большее развитие получали насилие и разрушительные процессы, и практически никто из иудейских деятелей не утруждал себя созидательной и добродетельной деятельностью, только Иисус Христос совершал благодеяния пострадавшим людям. Только Он был носителем милосердия и добра, действительно Сыном Человеческим.

Иисус имел высшее духовно-нравственное превосходство в погрязшем в чувственных страстях древнееврейском социуме. Поэтому Он утверждал: «Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи» (Мк 2:10; Мф 9:6). Это подтверждает Лука: «Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи» (Лк 5:24). Иисус Христос, как носитель Царства Божьего, возвышался над какими-либо древнееврейскими представлениями и обычаями. Ничто не могло Его ограничить в излечении больных людей независимо от их национальности. Поэтому, когда фарисеи упрекали Иисуса в чудодейственном излечении больного в субботу, Он указывал: «Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мк 2:28). Не претендуя на трон царя Иудейского, Иисус Христос был господином всего происходящего. Носитель совершенной благодати Иисус Христос был Сыном Человеческим для всех людей и народов. Во время Его земной жизни никто этого понять не мог.

Иисус прозорливо ведал, что впереди Его ожидает главное событие, и Ему, как Сыну Человеческому, предстоит совершить главное деяние. «Сказал также ученикам: придут дни, когда пожелаете видеть хотя один из дней Сына Человеческого, и не увидите; и скажут вам: вот, здесь, или: вот, там, – не ходите и не гоняйтесь, ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой. Но

прежде надлежит Ему много пострадать и быть отвержену родом сим» (Лк 17:23–25). Иисус Христос прозревал конец Своей земной жизни в деталях. «Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что будет с Ним: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет» (Мк 10:32–34). Древнееврейское общество не приняло *Благовест* Сына Человеческого. Крестная смерть, Его *Воскресение* и *Вознесение* положили начало невиданному в истории человечества движению самоотверженных христианских подвижников, которые многие столетия возвышали народы, принявшие в свое сердце благовествование Иисуса Христа.

Таким образом, в самоименовании Иисуса «Сын Человеческий» просматривается двоякий смысл. С одной стороны, перед иудеями Он предстал как пророк, подобный Иезекиилю, которого поддерживал Господь. Другой более глубокий потаённый смысл указывал на божественность Иисуса Христа Сына Бога.

Тема «Отца Моего Небесного»

В Евангелии от Матфея важное значение имеют обращения Иисуса к «Отцу Моему Небесному». Из записанных Матфеем высказываний Учителя следует, что Иисус мыслил и провозглашал волю Отца Небесного превыше всего. Он пишет: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф 7:21). Иисус утверждал, что Он проповедует не мирскую мораль, а небесное благочестие от Самого Бога. Иисус говорил, «кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф 12:50). В основе благовествования Иисуса Христа лежало универсальное милосердие ко всем людям. Иисус говорил: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф 18:35). В отличие от иудейского мыслительного конструкта «Бога Вседержителя» христианский Бог Отец был носителем милосердного отношения ко всему существу.

Вместе с тем Иисус подчеркивал глубинное сущностное родство с Богом Отцом. Иисус Христос говорил: «Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф 10:32–33). При этом сокровенная связь между Отцом и Сыном была потаённой, не для чужих мирских глаз. Мистически-метафизическое воссоединение с Богом Отцом Иисус прозорливо провидел в *Царстве Небесном* после Своей земной жизни. Он говорил, что «приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его» (Мф 16:27). Бог Сын, Иисус Христос, Сын Человеческий – всё воссоединится в Господе в *Царстве Небесном*.

4.2. Экзистенциальный анализ рождества Младенца Иисуса

О роли письменных источников в религиозной жизни младохристиан в середине I века

Многие христиане и даже исследователи явно, как протестантские теологи, или неосознанно весьма упрощённо представляют религиозную жизнь первых христиан середины I века, которые якобы блаженно веровали в Иисуса Христа в вербальном общении с периодически проповедовавшими Апостолами и между собой, не располагая достоверными письменными источниками – синоптическими Евангелиями. В действительности религиозная жизнь младохристиан была гораздо более сложной и многообразной. Для просвещённых христиан неутолимым религиозным устремлением было как можно больше узнать об Иисусе Христе, Его проповеди, рождении, деталях Его жизни и др. Поэтому, надо полагать, в начале 40-х годов начал нарастать вал письменных источников, повествовавших о жизни и учении Иисуса Христа, среди которых наибольшее почитание вызывало Евангелие от апостола Матфея, которое представало свидетельством достоверного первоисточника. Однако, в ситуации религиозной неопределённости Евангелие от Матфея предоставляло далеко неполную картину жизни Учителя, которую всячески стремились восполнить подвижники христиане, которые всемерно стремились получить важные сведения не только о земной жизни Иисуса Христа, но и о Его матери Марии, Иосифе и других.

Христианская традиция сформировала достаточно упрощённое и несправедливое отношение к письменным источникам, названным апокрифами, которые якобы были написаны лживыми авторами зловредных литературных памятников. В действительности бóльшая часть авторов так называемых апокрифов имела благородные устремления расширить и углубить представления о земной жизни Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и др. При этом они не столько фантазировали, сколько, также как евангелисты, кропотливо собирали материал из различных слухов и письменных сказаний. Однако если Матфей, Марк и Лука допускали в свои книги только достоверные свидетельства очевидцев, то авторы апокрифов не были столь критичны в своей работе с имеющимся материалом и включали милые уму и сердцу сказочные истории. Они не стыдились заимствовать, по их мнению, достоверные повествования других авторов, создавая своего рода компиляции. При этом их работа в значительной степени носила бескорыстный характер, поскольку они по давней еврейской традиции скрывались под именами известных христианских деятелей. Поэтому апокрифы весьма помогают в деле экзистенциальной реконструкции многоплановой картины происходившего, более полно её представить.

Экзистенциальный анализ непорочного зачатия Иисуса

Марк начал свое повествование с описания деятельности Иоанна Крестителя. А что было раньше? Где, когда родился Иисус, которого христиане называли Христом? Для христиан евреев это были не праздные вопросы, а, можно сказать, имевшие первостепенное значение. Если обратиться к экзистенциальной реконструкции представлений младохристиан об Иисусе Христе в первые десятилетия после Его *Вознесения*, то открывается непривычная картина происходившего. Начнем исследование с, казалось, странного вопроса. Почему Марк в своем Евангелии не написал о непорочном зачатии Младенца Иисуса, Его рождении и др.? Трудно, почти невозможно представить, чтобы Марк ничего не знал о земной жизни Иисуса Христа до Его крещения. Тогда почему он ничего не написал об этом в своем Евангелии?

Надо полагать, Марк не знал о непорочном зачатии Младенца Иисуса, а распространенные среди евреев зловредные версии рождения Иисуса он принять не мог. В действительности история рождения Иисуса представляется очень сложной, и практически экзистенциально не изученной и не осмысленной в христианской литературе. Я попытаюсь экзистенциально реконструировать её в самых общих, принципиальных моментах. В апокрифе, якобы написанном евангелистом Матфеем, «Книга о рождестве блаженнейшей Марии и детстве Спасителя» (далее – «О рождестве») читаем описания совершенной чистоты Девы Марии: «Мария была предметом удивления для всего народа, ибо, когда Ей было три года, Она ходила степенно и так всецело отдавалась восхвалению Господа, что все были охвачены изумлением и восхищением. Она не походила на младенца, но казалась уже взрослой и исполненной лет, так Она возносила моления, с прилежанием и постоянством. Лицо Ее блистало как снег, так что с трудом можно было смотреть на Ее лицо. Она прилежно занималась рукодельными работами из шерсти, и все, чего взрослые женщины не могли сделать, Она показывала им, будучи еще в таком нежном возрасте. Она поставила себе за правило предаваться молитве от утра до третьего часа и заниматься ручными работами от третьего часа до девятого. И после девятого часа Она не переставала молиться, пока ангел Господень не являлся Ей, и Она получала пищу из рук его, дабы более и более преуспевать в любви Божией... Никто никогда не слышал от Нее дурного слова, никто никогда не видел Ее в гневе. Все речи Ее были исполнены милосердия, и истина исходила из уст Ее. Она всегда была занята молитвой или размышлением о Законе Божием» (IV). С детских лет Мария отличалась безупречной нравственной и душевной чистотой. Поэтому среди благочестивых девушек Господь избрал её для в высшей степени значимого служения.

Когда Мария стояла у колодца, ангел Господень явился Ей и сказал: «Блаженна Ты, Мария, ибо Господь уготовил жилище Себе в духе Твоем. Вот придет свет с неба, дабы обитать в Тебе и через Тебя засиять в целом мире». И на третий день, когда Она пряла пурпур руками Своими, явился Ей юноша, красоту которого невозможно описать. Увидев его, Мария была охвачена страхом и стала дрожать, и он сказал Ей: «Не бойся ничего, Мария; Ты обрела

милость у Бога. Вот Ты зачнешь и родишь Царя, царство Которого будет не только над всей землей, но и над небесами и будет царствовать во веки веков. Аминь» (IX). Получается, что зачатие произошло от посланного Богом юноши, т. е. не мыслилось непорочным от Бога. Эта версия воспроизводится в Евангелии Псевдо-Матфея, что дает основание допустить написание этих книг до Евангелия от Луки. Авторы этих книг стремились преодолеть досадное молчание Матфея и Марка по исключительно важному вопросу зачатия Иисуса. Чтобы повысить значимость своей книги, её автор спрятался за именем авторитетного евангелиста Матфея. Возможно это были первые версии благочестивого противостояния зловерным наветам и оскорблениям Пресвятой Богородицы.

Читаем продолжение этой истории в главе XII: «После того случилось, что прошел слух, будто Мария была беременна. И Иосиф был взят служителями храма и приведен к первосвященнику, который начал, вместе с священниками, осыпать его упреками, говоря: «Зачем обманул ты брак Девы, настолько достойной восхищения, что ангел Божий вскормил Ее, как голубицу, в храме Божиим, Которая никогда не хотела взглянуть на мужчину и была так чудесно наставлена в законе Божиим? Если бы ты не сделал насилия, Она осталась бы Девой донине». И Иосиф сотворил клятву, что никогда не прикасался к Ней. Первосвященник Авиафар сказал ему: «Жив Господь! Мы дадим тебе пить воду свидетельства Господня, и грех твой проявится сейчас же». Тогда собрался весь народ израильский, и бесчисленно было множество его. И Мария была приведена в храм Господень. Священники и близкие Ее и родственники плакали и говорили: «Признайся священникам в грехе Твоем, Ты, Которая была как голубка в храме Божиим и получала пищу свою из рук ангелов». И Иосиф был призван, чтобы подняться к жертвеннику, и ему дали пить воду свидетельства Господня. Когда человек виновный выпивал ее, после того как он семь раз обходил вокруг жертвенника Господня, на лице его проявлялся какой-нибудь знак. Когда Иосиф выпил спокойно и обошел вокруг жертвенника Господня, никакого знака греха не показалось на лице его. Тогда священники, и служители храма, и все присутствовавшие оправдали его, говоря: «Счастлив ты, ибо ты не признан виновным!» И, позвав Марию, они сказали Ей: «Ты, какое извинение можешь Ты принести, или какой больший знак может проявиться в Тебе, когда зачатие чрева Твоего свидетельствует о Твоей вине? Так как Иосиф оправдан, – мы требуем, чтобы Ты открыла: кто тот, кто обманул Тебя? Ибо лучше Тебе признанием сохранить Свою жизнь, чем если гнев Божий проявится каким-нибудь знаком на лице Твоем и сделает явным Твой позор». Тогда Мария ответила без страха: «Если была во Мне какая-нибудь скверна или какая-нибудь нечистая плоть, то пусть Бог накажет Меня перед всем народом, дабы Я послужила примером кары за ложь». И Она смело подошла к жертвеннику Господа, и Она выпила воду свидетельства, и обошла семь раз вокруг жертвенника, и не оказалось на Ней никакого пятна. И когда весь народ был поражен удивлением и недоумением, видя Ее беременность, и что никакого знака не проявилось на лице Ее, разные речи стали распространяться в народе. Одни превозносили Ее святость, другие обвиняли Ее и пока-

зывали дурное расположение к Ней. Тогда Мария, видя, что подозрения народа не вполне рассеялись, сказала громким голосом, который все услышали: «Жив Господь Бог сил, пред Которым Я стою! Я свидетельствую, что Я никогда не знала и не должна знать мужа, ибо от детства Моего Я приняла в душе Моей твердое решение и Я дала обет Богу Моему посвятить девство Мое Тому, Кто Меня создал, и на Него Я кладу упование Мое, жить только для Него, и Он сохранит Меня от всякой нечистоты, пока Я жива!» Тогда все обняли Ее, прося простить им дурные подозрения. И весь народ, священники и девицы проводили Ее домой, предаваясь веселью, восклицая и говоря Ей: «Благословенно Имя Господне, ибо Он засвидетельствовал святость Твою всему народу израильскому» (XII).

В христианской официальной традиции Католической и Православной Церквей правоверным христианам подаётся приукрашенная картина детства Иисуса и всеобщего почитания Богородицы, которого в действительной Их жизни не было. В древнееврейском обществе жизнь людей была на виду. Появление растущего животика у безусловно благочестивой девушки Марии было неординарным событием и вызвало всеобщий интерес не только у жителей Назарета, но и далеко за его пределами. Добавляет реализма в выше приведенном повествовании то, что ни Иосиф, ни Мария не говорили, каким образом все это произошло, потому что никто не поверил бы в непорочное зачатие Младенца. После совершённого ритуала Иосиф и Мария как будто оправдались перед строгой еврейской общественностью. Однако беременность Марии была налицо, и сомнения в Её благочестии среди иудеев продолжали существовать.

Это был крест Девы Марии, который она мужественно и смиренно несла всю Свою жизнь. Не столь важно, насколько приведенная выше история является правдивой. Важно, что нечто подобное обязательно должно было быть. Следует отметить, что в контексте развития раннего христианства апокриф «О рождении», Евангелие Псевдо-Матфея и другие выполняли важную позитивную роль в деле защиты образа Пресвятой Богородицы от клеветнических нападок противников христианства.

Римский философ-платоник второй половины II века Цельс, друг императора Марка Аврелия, в своем труде «Правдивое слово» обрушился с системной критикой христианского вероучения. Самый глубокий греческий философ и богослов первой половины III века Ориген в 249 году написал обширный трактат в защиту христианства «Против Цельса». Поскольку творение Цельса до нас не дошло, то о его содержании мы можем судить по множеству цитат из его труда, которые приводил Ориген в своем произведении. Ориген пишет: «Но возвратимся к тому, что Цельс влагает в уста иудея, именно, к утверждению, что мать Иисуса была изгнана своим мужем-плотником после того, как была изобличена в нарушении супружеской верности и родила от какого-то солдата, по имени Пантеры. Посмотрим, не в ослеплении ли они сочинили всю эту басню о деве, ...не выдумали ли они все это затем только, чтобы опровергнуть необычайность зачатия от Духа Святого?» [88, с. 446]. Надо полагать, приведенная Цельсом версия рождения Иисуса была распространенной не

только среди иудеев, но и противников христианства, которая происходила с начала I века.

Важно, что все это (и гораздо больше) знали Марк и Матфей, но в своих Евангелиях об этом они не писали. То, что в своих книгах они практически не писали о Матери Марии, косвенно указывает, что они не знали о непорочном зачатии Иисуса Христа. Поскольку Марк писал свою книгу под бдительным контролем своего духовного отца апостола Петра, который вполне очевидно помогал ему в многотрудной работе, то отсюда следует, что и он придерживался тех же воззрений. И это вполне понятно и объяснимо, потому что с точки зрения экзистенциального подхода Иисус Христос не мог и никогда не говорил своим ученикам, что Он был рожден путем непорочного зачатия Святым Духом. Он лишь указывал на своё происхождение от Бога Отца, которое рассматривалось евангелистами и, по-видимому, Апостолами как результат Его духовного преобразования после крещения в водах Иордана. Дотошный в своей непростой работе Матфей смог лишь сообщить о рождении Младенца от Святого Духа. Не лишено основания допустить, что это сообщение было поздней вставкой.

Таким образом, экзистенциальный анализ рождества Иисуса показывает, что до появления Евангелия от Луки приблизительно в середине 50-х годов даже Апостолы не знали о непорочном зачатии Девы Марии. Поэтому Матфей тянул родословную Учителя по линии Иосифа, а Лука от Адама по родословию Марии. А Марк о рождестве и детстве Иисуса вынужден был хранить молчание.

Матфей о родословной Иисуса Христа

Для младохристиан вопрос о родословной Иисуса Христа прояснился, когда в христианских общинах появилось Евангелие от Матфея. Матфей начал свое повествование с этого важного знания для каждого еврея в оценке соплеменника – «родословия Иисуса Христа» по мужской линии Иосифа, мужа Марии, род которого происходил от сына Давида. При этом Матфей отмечал: «Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов» (Мф 1:17). Этим сообщением, казалось, Матфей закрыл исключительно важный для иудейской ментальности вопрос о родословии Иисуса Христа, потому что евреи трепетно относились к своим предкам и внимательно отслеживали своё происхождение. Сведения родословного происхождения для них были подобны паспортным данным, которые давали общее представление о человеке.

Ментальность древних иудеев в значительной мере была обращена в прошлое, которое для них в определённом смысле было более важным, чем настоящее, потому что основные события в многовековой истории еврейского народа в значительной степени определяли мировосприятие и деятельность иудеев в настоящем. Поэтому они тщательно отслеживали и бережно сохраняли традиции как на национальном уровне, прежде всего Закон Моисея, так и

на семейном – наследственное продвижение своего рода из глубины веков. В книге «О древности еврейского народа» Иосиф Флавий существенно проясняет этот вопрос. Он пишет, что иудеи «не только с самого начала приставили к этому делу лучших и всецело преданных служению Богу людей, но и позаботились о чистоте и несмешанности священнического рода. Ведь всякому причастному к священству должно производить потомство от женщины из своего рода и не взирать ни на ее богатство, ни на какие другие преимущества, но со всей тщательностью исследовать ее родословную, с тем чтобы установить преемственность по архивным записям и на основании многочисленных доказательств убедиться в ее непрерывности. И так поступаем мы не только в самой Иудее, но повсюду, где только существуют у нашего народа колонии, везде в точности исполняются для священников правила о браках, – я имею в виду живущих в Египте, Вавилоне или в каких-то других местах, где проживают представители священнического рода, рассеянные по различным частям ойкумены. Они составляют и отсылают в Иерусалим списки родственников и их предков со стороны отца, а также тех, кто это засвидетельствовал. Если же бывает война, как это уже случалось не раз – при вторжении в страну Антиоха Епифана, Помпея Магна и Квинтилия Вара, и в особенности уже в наше время, – то оставшиеся в живых священники заново составляют списки на основании древних архивных записей и удостоверяют по ним уцелевших женщин. Ибо с теми из них, которые побывали в плену, они уже не сочетаются браком, предполагая зачастую случающееся у них смешение с иноплеменниками. А самым главным доказательством нашей тщательности в этом вопросе является то, что на протяжении двух тысяч лет все первосвященники у нас поименно заносились в списки от отца к сыну. Если же кто-то из них позволяет себе отступить от указанных предписаний, ему не разрешается ни приступать к жертвоприношениям, ни участвовать в других священнодействиях» [62, с. 467; I, 7]. Поскольку отслеживание родословной каждого иудея относилось к важной обязанности священнослужителей, то правоверный еврей мыслил себя не столько самостоятельной личностью, сколько представителем рода, колена Израилева. Если родословие еврея было неизвестно, то нельзя было сказать, кто он такой.

Представляется важным утверждение Иосифа Флавия о том, что бережное сохранение родословных традиций не ограничивалось территорией Израильского государства, но в той же мере распространялось на все диаспоры Средиземноморья, и не только. Это обстоятельство имело решающее значение в деле интеграции еврейского народа, казалось, весьма раздробленного, в единое целое. С культурологической точки зрения это означает, что в I в. древнееврейская культура представляла собой сложную целостную систему, состоявшую из Израильского государства и множества еврейских общин в диаспорах.

Матфей о рождении Младенца Иисуса

Повествование Матфея о рождении Младенца Иисуса состоит из двух частей. Читаем 8 последних стихов *1-й главы*: «Рождество Иисуса Христа было

так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго. Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог. Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал Ее. [Как] наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус» (Мф 1:18–25). Из этого повествования Матфея для правоверных младохристиан было неясно важнейшее событие христианской истории – каким образом произошло зачатие Младенца? Во сне Ангел сообщил Иосифу, что все нормально, что Мария зачала от Святого Духа, и пребывавший в недоумении благочестивый муж смиренно подчинился сказанному. Однако, совершенно очевидно, что все младохристиане (и даже, надо полагать, Апостолы!) пребывали в таинственном неведении, как все *Это* произошло? Поскольку в этом повествовании не сообщается о деяниях, мыслях и переживаниях Девы Марии, то возникает вопрос об источнике этого свидетельства для Матфея.

Экзистенциальный подход дает основание сделать важное предположение – непорочное зачатие было великой тайной Марии и Иосифа, о которой они никому не говорили. С точки зрения мирского мировосприятия священная история непорочного зачатия Сына Божьего была настолько невероятной, что Мать Мария о ней не могла рассказать даже повзрослевшему Сыну. Возможно, священная тайна рождения открылась Иисусу лишь после крещения в водах Иордана, когда у Иисуса появилась божественная способность прозорливости. Для Иисуса Христа стало всё прозрачным – потаённое прошлое, настоящее и будущее. Лишь тогда Он узнал, что действительно является Сыном Бога не только по Духу, но и по рождению. Исходя из выше изложенного в деле экзистенциальной реконструкции жизненного пути Иисуса, Девы Марии и Иосифа, следует, безусловно, учитывать, что для внешнего достаточно злобного и завистливого окружения история рождения Иисуса была однозначно безнравственной. Это означает, что Иисус и Мария, сохраняя незамутнённую святость, жили в обстановке враждебных сплетен, насмешек и бездоказательных обвинений.

В начале второй главы Матфей повествует историю рождения Иисуса, лишь косвенно связанную с предыдущей. В ней он достаточно красочно описывает события, связанные с рождением Иисуса в Вифлееме в предсмертные дни царя Ирода, приходом волхвов, бегством Иосифа и Марии с Младенцем в Египет и их возвращением после смерти Ирода в землю Израилеву (Мф 2:1–23). Благодаря Матфею, все христиане знают, что именно с этого периода начиналась священная история христианства. Вместе с тем экзистенциальный анализ жизненных ситуаций, в которых пребывали Ирод в Иерусалиме и Мария и Иосиф в Вифлееме, порождает множество трудностей. Если обратиться

к анализу экзистенциальной ситуации рождения Иисуса по версии Матфея, то сразу же у старика Иосифа и совсем юной, лишь недавно родившей девушки Марии должны были бы возникнуть большие жизненные трудности. Путь в Египет был неблизким по пустынной местности, по которой, как известно, Моисей сорок лет водил еврейский народ. Нетрудно представить, что бы они пережили в пути с Младенцем на руках, который требовал бережного домашнего ухода. А затем в самом Египте даже непродолжительное проживание без наличия достаточных средств к существованию для старика и девушки с Младенцем было бы весьма тягостным.

К тому же у царя Ирода I в предсмертных телесных и душевных муках были совсем другие заботы, и рождение какого-то младенца, который лет через 30 мог бы претендовать на трон царя Иудеи, для него не могло представлять никакого интереса. Конец жизненного пути Ирода Великого был ужасным. Иосиф Флавий в своем фундаментальном труде «Иудейская война» пишет: «Болезнь Ирода все более и более ухудшалась, так как она застигла его в старости и горе. Он был уже близок к семидесятилетнему возрасту, а семейные несчастья до того омрачили его дух, что и в здоровом состоянии он ни в чем не находил для себя отрады. Сознание, что Антипатр еще жив, усугубляло его болезнь; однако он не хотел разделаться с ним на скорую руку, а решил подождать до своего выздоровления для того, чтобы казнить его самым формальным образом. В эти тяжелые дни он должен был еще пережить народное восстание. ...болезнь охватила все его тело и в отдельных частях его причиняла ему самые разнообразные страдания. Лихорадка не была так сильна, но на всей поверхности кожи он испытывал невыносимый зуд, а в заднепроходной кишке – постоянные боли; на ногах у него образовались отеки, как у людей, одержимых водобоязнью, на животе – воспаление, а в срамной области – гниющая язва, которая плодила червей. Ко всему этому наступали припадки одышки, лишавшие его возможности лежать, и судороги во всех членах» (I. 33. 1, 2, 5).

Как совместить ужасы семейных баталий и тяготы продолжительной болезни Ирода с историей об избииении младенцев, которую до нас донес евангелист Матфей? Когда после смерти Ирода в Израильском государстве стали нарастать политический и социально-экономический кризис, среди иудеев стали набирать силу мечты и устремления к лучшей жизни, которые они связывали с приходом подлинного царя – Мессии. Подобные настроения приобрели жизненно важное значение к началу проповеднической деятельности Иисуса, когда все более обострялся социально-политический и экономический кризис в Израильском мало управляемом государстве.

Если обратиться к анализу экзистенциальной ситуации, в которой пребывал умирающий Ирод, то его желание устроить массовое убийство младенцев из-за того, что лет через тридцать один из них объявит себя Мессией, представляется нелепым и поэтому невозможным. Ирод жил в режиме экстремального реального времени, лихорадочно решая текущие задачи и дела, когда Смерть с косой стояла у его изголовья, и мыслить и опасаться далекого будущего было для него глубоко чуждым занятием. Дворец всего опасавшегося

царя Ирода не был проходным двором, куда могли пойти простые ходоки, назвавшие себя волхвами, с весьма странным и сомнительным сообщением о рождении Младенца, будущего Спасителя, которого они сами еще не видели – все это трудно принять за достоверное повествование. Экзистенциальный анализ предсмертного периода жизни царя Ирода убедительно показывает, что повествование евангелиста Матфея о рождении Младенца носит легендарный характер, которое убедительно показывает, насколько сильно и настойчиво евангелист искал материал о рождении Иисуса Христа. Экзистенциальные нестыковки в описании Матфея «рождения Младенца» не дают основания отнести его к мистическим фактам.

Повествование Матфея о рождении Младенца я бы назвал «легендарным мистицизмом», потому что не было движущейся звезды, волхвов с востока, злобного Ирода, избияния младенцев, бегства Иосифа и Марии с Младенцем в Египет. В красивой легендарной истории, по-видимому, ходившей среди христиан, проживавших в Междуречье, и записанной Матфеем, провозглашается **вселенское событие** рождения Младенца. Представляется необходимым подчеркнуть, что изложенная Матфеем весьма почитаемая католиками и православными история рождения Иисуса является не плодом его фантазии. Следуя строгим требованиям евангельского дискурса, Матфей принял это популярное предание среди христиан за достоверное и добросовестно записал его.

Мистический реализм Луки в описании рождения Сына Божия

В начале своего Евангелия Лука помещает небольшое предисловие в несколько стихов. Он пишет: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк 1:1–4). В одном предложении Луке удалось сообщить ценнейшие сведения, которые не найдешь в других новозаветных книгах. Он указывает, что в то время, как он приступил к работе над Евангелием, христианам были «**совершенно известны**» события деяний Иисуса Христа. Это означает, что книги Матфея и Марка почитались и активно изучались в многочисленных христианских общинах. Мудрый Лука также отмечает, что имеющиеся знания являются достоверными, потому что они основываются на свидетельствах «**бывших с самого начала очевидцев**» и «**служителей Слова**». Под последними следует разуметь Апостолов (!). Замечательно то, что в этой, казалось, достаточно известной истории деяний Иисуса Христа Лука посчитал необходимым копать глубже. Шутник Бультман утверждал, что книги евангелистов представляют собой мифологические повествования. Мудрый Лука в своей нелегкой работе стремился достигнуть «**твердого основания**». Замечательно то, что он в своем Евангелии полагал сообщить нечто важное, что еще не было известно. Как мы знаем, это ему в полной мере удалось.

Евангелие от Луки потребовало существенно пересмотреть, казалось, уже сложившиеся и устоявшиеся представления об Иисусе Христе. Естественно, возникает вопрос – каким образом не еврей Лука смог добыть такое первостепенной важности знание? Основанием для такого утверждения служат высказывания евангелиста «Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк 2:19, 51). Лука не мог сказать, что Пресвятая Богородица поведала ему сокровенную историю, но он определённо указывал, что только Она была носительницей этого в высшей степени сокровенного знания. Если это было действительно так, то упоминание о бегстве в Египет указывает на легендарный характер подобных сообщений Матфея.

Вполне очевидно, что всю эту историю евангелисту и художнику Луке рассказала сама Пресвятая Богородица, может быть тогда, когда он писал Её образ. Из весьма отрывочных сведений о жизни Богородицы и Луки мы верно знаем, что он написал Её образ, который понравился Деве Марии. Это позволяет с большой долей уверенности предположить, что Богородица и Лука продолжительное время общались. Надо полагать, тогда Дева Мария поведала сокровенную тайну вызвавшего у Неё доверие пытливого евангелиста-художника, который к тому же, как врач, по-видимому, помогал в лечении Её престарелого тела. Анализ экзистенциальной ситуации взаимоотношений Пресвятой Богородицы и Луки, которые, по-видимому, имели место в конце 40-х годов, когда Она прозорливо усматривала приближающееся окончание Её жизненного пути, позволяет предположить, что Дева Мария только тогда решила открыть великую тайну рождения Иисуса. Ведь со времен деяний Её Сына не только в Иудее среди противников христиан ходили омерзительные слухи о том, что отцом Иисуса был вовсе не старец Иосиф, а другой молодец.

Если прорабатывать экзистенциальное исследование в этом направлении, то получается, что Пресвятая Богородица большую часть Своей жизни прожила среди злорадных иудеев опозоренной женщиной, согрешившей с римским легионером. Может быть, так думали, но не говорили прямо, даже ученики Иисуса. Поэтому Дева Мария не говорила Апостолам, что Она всю жизнь была девственницей и каким образом Она родила Своего Младенца, потому что для них это сообщение выглядело бы неубедительным и достаточно жалким оправданием Своих неблагоприятных деяний в юности. Я также допускаю, что поскольку вся жизнь с младенчества Пресвятой Марии проходила под постоянной опекой Всевышнего, то Ей или Голос, или Ангел запретил кому-либо сообщать о непорочном зачатии Младенца. Получается, что Евангелие от Луки, помимо всего другого, стало в высшей степени значимым текстом в деле реабилитации безупречной святости Девы Марии.

Завершая экзистенциальный анализ этой первостепенной важности проблемы, следует задать последний, самый важный вопрос. А юный Иисус знал о Своем рождении путем непорочного зачатия от Самого Бога, ставшего Ему Отцом? Попытаемся погрузиться в жизненную ситуацию мальчика Иисуса, когда Ему соседские мальчишки, тыкая пальцем, кричали, что Он незаконно-рожденный. Как Его мать Мария могла сказать, что Он рожден от Самого Бога путем непорочного зачатия? Тем более, этого Она не могла сказать Ему и в

последующем. Для меня немаловажно мыслить, что Она думала о Его дальнейшей судьбе. Что будет с Ним дальше? Для чего все это произошло по воле Всевышнего? Вполне очевидно, что промысел Божий для Нее был покрыт тайной. Лишь в момент крещения Иисусу открылось, что Он «возлюбленный Сын Божий», т. е. самый близкий и непосредственно покровительствуемый Господом. По-видимому, о Своем непорочном зачатии Он ранее не подозревал. Действительно, с этого момента всемогущая и безграничная божественная сила Иисуса Христа стала проявляться в полной мере и во всех отношениях. Однако является не простым вопросом, как Он относился к своей Матери, не зная о Своем непорочном зачатии на протяжении Своей земной жизни до крещения? Из этого можно заключить, что отношения между Марией и Иисусом были не такими простыми и безоблачными, как об этом рассуждают христиане, хотя, безусловно, они были благостными.

Только Луке Пресвятая Богородица сообщила некоторые моменты дальнейшей истории. Евангелист пишет: «И когда они совершили все по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет. Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем» (Лк 2:39–40). Одним стихом 40 Лука описал все детство Иисуса. Благодать Божия открыто не проявлялась в Нем, как об этом повествуется в апокрифе «Евангелие детства от Фомы». Святой Дух потаённо вел Иисуса по жизни, и это было главным.

По сравнению с Матфеем евангелист Лука более основательно и подробно изучил самое начало жизни не только Иисуса, но и Иоанна, прозванного Крестителем. Читаем священный текст Евангелия от Луки: «Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета. Оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно. У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных» (Лк 1:5–7). Лука упоминает не Ирода Великого, а Ирода Антипу, его сына от одной из его жен, самаритянки Малтаки, которому Август вместо царского титула присвоил звание этнарха («правитель этноса»). Я опускаю рассмотрение известной истории, связанной с рождением Иоанна (Лк 1:8–25).

Луке удалось добыть исключительно важный материал для христиан всех времен и народов о благовещении, непорочном зачатии девы Марии и рождестве Иисуса. Читаем благословенный текст Евангелия: «В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ:

Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк 1:26–35). Это сокровенное знание могла сообщить Луке только сама Пресвятая Богородица.

Высшая степень значимости описываемых евангелистом событий выражается в активном участии в них архангела Гавриила. В повествовании Луки перед нами предстает незамутнённой чистоты образ юной девушки Марии, которую избрал Господь для свершения великого деяния в истории человечества. Блаженный Иероним (335–419/420) в письме к Евстохии «О хранении девства» проникновенно написал: «Представь себе блаженную Марию, которая была так непорочна, что удостоилась быть Матерью Господа» [23, с. 88]. Действительно, среди многих девушек, отличавшихся духовно-нравственным целомудрием, Всевышний избрал самую достойную – деву Марию.

Реалистическое описание рождества Младенца создает впечатление, будто евангелист Лука был очевидцем сакральной истории. Он пишет: «...и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице. В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение! Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь. И, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях. Увидев же, рассказали о том, что было возвещено им о Младенце Сем. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи. А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем. И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за все то, что слышали и видели, как им сказано было» (Лк 2:7–20).

Повествование автора Евангелия во 2-й главе я бы назвал «мистическим реализмом», в котором удивительным образом совмещается лаконично выписанная мирская картинка с мистическим действием. Включая экзистенциальный подход, можно попытаться представить картину, как девушка (*Дева!*), окруженная заботой мужа старика, рождает Младенца в совершенно непригодном месте. В предельной простоте жизненной ситуации проявляется её неизъяснимое величие. При этом мирскую составляющую действия всё время непосредственно сопровождала, вела и оберегала мистическая божественная сила в лице Ангела, который раскрыл пастухам сакральное значение свершившегося события. Своим предельно реалистическим описанием Лука как бы утверждал, что всё было не совсем так, как сообщал Матфей. Вместе с тем Лука определённо подтверждал обстоятельства рождения Младенца в Вифлееме. Поэтому для христиан непреложно сохраняется самое главное знание – Младенец Иисус родился в Вифлееме. Священную картину основополагающе-

го события для христиан проникновенно воспроизвел Лука. При этом он как бы уточнял и детализировал повествование Матфея.

Мистически реалистическое повествование Луки позволяет продолжить важную для христиан проникновенную историю. Читаем её продолжение: «По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали Ему имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве. А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу, и чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных» (Лк 2:21–24). **Сакральная история творилась в благоговейной тишине под покровительством Святого Духа.** Иосиф и Мария в страхе никуда не бежали. Напротив, они, переполненные благоговейными чувствами и мыслями, пришли в Иерусалим для совершения необходимых по нормам иудаизма религиозных обрядов.

Сопровождавшая происходившее мистика была не показная вселенского масштаба, но она была не менее значимой и гораздо более проникновенной. Читаем далее: «Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И пришел он по вдохновению в храм. И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля. Иосиф же и Матерь Его дивились сказанному о Нем. И благословил их Симеон и сказал Марии, Матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий» (Лк 2:25–34).

Прозорливое свидетельство Симеона было дополнительным свидетельством божественной природы Младенца Иисуса. «Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь. И она в то время, подойдя, славил Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лк 2:36–38). Указание Лукой деталей родословной Анны-пророчицы для иудеев первой половины I в. было аналогично указанию ее паспортных данных, что делало сообщение евангелиста подобием исторического факта. По нормам научного дискурса Лука четко зарегистрировал имевшее место важнейшее событие христианской истории.

Когда Лука завершил описание рождения Младенца Иисуса, перед ним встала сложная проблема Его родословия, потому что добротное выстроенное Матфеем движение рода по мужской линии от Иосифа теряло свое значение. Луке пришлось проделать непростую работу, отслеживая наследственно родовые связи по линии Матери Марии. Отметим, что, сидя в Риме, это весьма

трудоемкое дело совершить было в принципе невозможно. Если Матфей, ориентируясь на еврейского читателя, начинал родословие Иисуса Христа от Авраама, то глобально исторически мысливший Лука решил вести родословие Спасителя с самого начала человеческой истории от Адама. Однако, как показал Евсевий Кесарийский, для Матфея и Луки составление родословия Иисуса Христа было не таким простым занятием. Он пишет: «Так как евангелисты Матфей и Лука передают родословную Христа по-разному, то *немало верующих считает, что они противоречат одна другой, и каждый, не зная истины, из всех сил старается придумать объяснение этих мест* (выделено мною – В. М.). Приведем сообщение о них, дошедшее до нас в письме к Аристиду, где недавно упомянутый нами Африкан пишет о согласовании евангельских родословных. Опровергнув мнения остальных, как надуманные и ошибочные, он передает в таких словах слышанную им историю. «Имена поколений в Израиле исчисляли или по природе, или по закону: по природе, когда имелось преемство законных сыновей; по закону, когда по смерти бездетного брата его брат своему чаду давал имя умершего. Тогда не было еще ясной надежды на воскресение и будущее обетование считали заодно со смертным воскресением: имя умершего должно было сохраниться навеки. Поэтому из лиц, упоминаемых в этом родословии, некоторые были законными наследниками своих отцов по природе, другие же рождены были одними отцами, а по имени принадлежали иным. Упоминали же тех и других: и действительных отцов, и тех, кто были как бы отцами. Таким образом, ни то, ни другое Евангелие не ошибается, исчисляя имена по природе и по закону. Потомки Соломона и Нафана до того переплелись между собой вследствие “воскрешения” бездетных, вторых браков и “восстановления семени”, что одни и те же лица справедливо могли считаться детьми; и мнимых, и действительных их отцов. Оба повествования совершенно правильны и доходят до Иосифа путем извилистым, но верным» (I, 7, 1–4).

К сложности древнееврейской системы исчисления родословия, по словам церковного историка, добавилась реальная трудность, вызванная неблагоприятной деятельностью царя Ирода I. «До сих пор в архивах хранились родословные и еврейские, и древних прозелитов, – пишет автор «Церковной истории», – например Ахиора Аммонитянина и Руфи Моавитянки, а также выходцев из Египта, породнившихся с евреями. Ирод, у которого не было ничего общего с народом израильским, в досаде на свое низкое происхождение, велел сжечь списки родов, думая, что он покажется знатным, если никто не сможет по народной записи возвести свой род или к патриархам, или к прозелитам, или к так называемым гиорам – чужестранцам, породнившимся с евреями. Только немногие, хранившие память о своем роде, сберегли свои частные родословные, или запомнив имена предков, или имея их списки. Они гордились тем, что сохранили память о своем благородстве. В их числе были и вышеупомянутые деспосины – их называют так по причине их родства с семьей Спасителя. Уроженцы иудейских селений – Назарета и Кохабы, они разбрелись по остальному краю и составили упомянутую родословную на основании “Книги Дней”, как могли» (I, 7, 13–14). Из этого сообщения следует, что свои-

ми излишне решительными действиями в политической борьбе царь Ирод I существенно порушил древнееврейскую историю, восстановить которую на индивидуальном уровне во многих отношениях оказалось невозможно.

Почему евангелисты не написали о детских годах Иисуса?

Я попытаюсь средствами экзистенциального анализа осмыслить этот исключительно важный для христиан вопрос. Совершенно очевидно, что различного рода устных и письменных сказаний о детстве Иисуса среди иудеев ходило достаточно много, которые носили двойственный характер. С одной стороны, описывались чудесные деяния Иисуса чуть ли не с младенчества, с другой, – указывалось, что Он незаконнорожденный. Поэтому требовательные к правдивости повествования Марк, Матфей и Лука не использовали в своих Евангелиях этот недоброкачественный материал.

По-видимому, среди назаретян и не только гуляла версия о внебрачном рождении Иисуса. Косвенно это предположение подтверждает полное молчание Пресвятой Богородицы по этому вопросу. Казалось, евангелистам было проще всего обратиться к Матери Иисуса и получить богатейший материал из первых рук. Надо полагать, когда Лука писал образ Девы Марии, Она ему рассказала историю непорочного зачатия и рождения Младенца и лишь одну историю о 12-летнем Иисусе. Если это представление близко к происходившему, то беспримерное мужество, духовно-нравственная чистота и высота Пресвятой Богородицы не могут не восхищать. По-видимому, *Там* повелели Деве Марии хранить молчание, что Она смиренно делала.

Лука приводит один яркий и глубокий по смыслу эпизод детства Иисуса: «Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем. Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк 2:41–52). Из этого повествования следует, что в 12 лет Иисус знал о Его непорочном зачатии и при этом был «в повиновении» у Иосифа и Марии. Высказывание «И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем» показывает, что эту замечательную историю Луке сообщила Сама Пресвятая Богородица.

Таким образом, экзистенциальный анализ письменных источников, повествующих о Деве Марии и рождении Младенца, показывает гораздо более сложную историю происходившего, чем она подается библеистами. В деле восстановления исторической *Правды* о юной Деве Марии и рождении Иисуса выдающуюся роль сыграло повествование Луки в Евангелии.

4.3. Кем был Иоанн Креститель?

Образ Иоанна Крестителя

Вопрос о деяниях Иоанна Крестителя и его месте в иудаизме и в становлении христианства в первой половине I в. представляет большой интерес. В тридцатилетнем возрасте Иоанн и Иисус, будучи одногодками, неожиданно появились и ярко засверкали в социуме Израиля в начале 30-х гг. I века. Не одно столетие христиане задают себе вопрос: где они были и что делали до этого времени? Марк, Матфей и Лука дружно пишут – все началось с чистого листа, с крещения Иоанном Иисуса Христа.

В чём заключается своеобразие Иоанна Крестителя среди иудейских религиозных деятелей в один из важнейших исторических периодов еврейского народа в первой половине I века? Среди иудаистских подвижников Иоанн был суровым аскетом, достигшим подлинной духовно-нравственной чистоты и святости. Чистотой своего религиозно-нравственного подвига он снискал уважение и почитание у современников, разобщенных по социальным и религиозным группам. В последующем в иудаистской традиции никто не пошел по пути его строгой аскезы, хотя из повествования Иосифа Флавия и Филона Александрийского ессеи и терапевты были ему близкими духовно-нравственными родственниками. Его можно назвать провозвестником восточно-христианского монашеского движения. В самом начале своего творения Марк дает следующую характеристику Иоанну Крестителю и главному делу его жизни: «Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов. И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне, и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои. Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед» (Мк 1:4–6). Сообщение Марка о том, что, совершая нелегкий путь через пустыню к месту крещения в реке Иордан, к благочестивому Иоанну приходила для нравственного очищения «вся страна Иудейская и Иерусалимляне», показывает всенародное его почитание. Требование Иоанна Крестителя покаяться указывало на то, что евреи живут неправильно, греховно. А как жить правильно, чтобы спастись? Следует отметить великое смирение праведного Иоанна, которому большая популярность среди евреев могла вскружить голову и взрастить непомерную гордыню. Он же смиренно утверждал, что он подготавливает лишь духовно-нравственную площадку для Того, Кто укажет иудеям подлинный путь к спасению.

Своим новообращенным Иоанн Креститель говорил, что «я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» (Мк 1:8). В то время в иудаистском вероучении важное место занимало учение о «духе». Иудеи верили в существование таинственной реальности «духа», природа которого в то время была лишена нравственных оценок. Представление о Святом Духе стало основополагающим лишь в христианском вероучении, который мыслился как мистическая разумно-добродетельная реальность – благодать. В III в. христианские богословы (Ориген и др.) будут всячески стараться прояснить природу этой сокровенной составляющей божественной реальности.

Матфей делает существенное уточнение, утверждая, что Иоанн для усиления священного чувства евреев провозглашал, что идущий за ним будет крестить не только Святым Духом, но и огнем. Иоанн говорил: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф 3:11–12). Сообщение о крещении огнем, скорее всего, было важной находкой в розыскной деятельности Матфея. Иоанн Креститель тернистой тропой аскезы шел к высокой христианской морали, но еще не поднялся на её вершину.

Лука существенно расширил повествование об Иоанне Крестителе. Он пишет: «Иоанн приходившему креститься от него народу говорил: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. И спрашивал его народ: что же нам делать? Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же. Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что нам делать? Он отвечал им: ничего не требуйте более определенного вам. Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем. Когда же народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он, – Иоанн всем отвечал: я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым. Многое и другое благовествовал он народу, поучая его» (Лк 3:7–18).

Иоанн Креститель проповедовал и крестил евреев поблизости от изолированно проживавших общин ессеев, которые также придавали большое значение нравственному развитию верующих. Это дает основание полагать, что он начинал свою религиозную жизнь среди ессеев. Однако, если ессеи были носителями изоляционистского иудаистского дискурса, то Иоанн Креститель стоял у истоков универсального христианского разумно-добродетельного мышления, для которого системой отсчета были не обряд и жертва, а высокая мораль. Он призывал евреев всех слоев населения покаяться, по сути, отка-

заться от прежней морали и образа жизни и посредством крещения преобразиться к новой жизни, к подлинному благочестию, носителем которого будет ожидаемый им Спаситель.

Иоанн Креститель прозревал, что он был **послан**, чтобы **всё началось**. Главной задачей, смыслом его подвижнической жизни было нравственно подготовить правоверных евреев к встрече с Мессией, ему предназначено крестить самого Сына Бога.

Крещение Иисуса в водах Иордана

Если исходить из того, что Бог Иисус Христос пришел к Иоанну принять крещение, то совершение обрядового действия в реке Иордан приобретало бы достаточно формальный характер, потому что оно не могло привести к существенному изменению божественной природы Иисуса, а лишь засвидетельствовало, что Он является Сыном Бога. Однако все евангелисты крещению Иисуса придавали исключительно важное значение.

Мощная духовная сила вела строгого подвижника Иоанна к чему-то таинственно-сокровенному. В жизненном религиозном пространстве еврейского народа витали ожидания прихода Спасителя – Мессии, Который спасет иудеев от безысходной жизни. Прозорливому аскету Иоанну было не только видение, но и прямое указание, что он должен встретить Спасителя еврейского народа. Более того, он должен был крестить Его (!), и таким образом открыть Ему путь к благовествованию. Нам, отягченным мирскими заботами, трудно представить сокровенные переживания и ожидания Иоанна Крестителя.

И вот наконец-то свершилось! Марк пишет: «И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна» (Мк 1:9). Иоанн, проявляя проникновенную прозорливость, ясно увидел – это Он, Тот, все ради Кого. Это ключевое событие в истории христианства Матфей описывает наиболее подробно: «Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн допускает Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф 3:13–17). Согласно Матфею, не зная в лицо Иисуса Христа, суровый аскет Иоанн в подошедшем молодом человеке мистическим образом усмотрел Сына Бога, и, пребывая в священном трепете, совершил очистительный обряд. При этом метафизическая реальность Божия Царства отверзлась и Голос был обращен к Иисусу и Иоанну.

Экзистенциальное осмысление этого священного события приводит к весьма неожиданному результату. В замкнутом, потаённом, священном пространстве экзистенциальной реальности крещения принимали участие лишь Иисус и Иоанн. Евангелисты не сообщают о каком-либо публичном резонансе

этого эпохального события. Не было всеобщего восторга присутствовавших в отношении наконец-то появившегося долгожданного Мессии, и дружного движения за Ним правоверных иудеев после Его крещения. Иоанн Креститель громогласно не заявлял, что он дождался Того и крестил Его. После совершения крещения Иисус ушел в одиночестве, без каких-либо восхвалений и поддержки!

Следует ли из этого, что, несмотря на большие усилия, Иоанн Креститель не смог подготовить духовно-нравственную площадку для прихода Спасителя, и его деяния были в значительной степени напрасными? Поскольку свершилось самое главное дело жизни Иоанна Крестителя, то непонятно, что он делал в последующие дни, потому что после явления Иисуса Христа его подготовительная работа теряла прежнее значение.

В чём же был смысл крещения Иисуса – одного из ключевых событий в истории христианства и, можно сказать, западноевропейской цивилизации? Во время крещения Иисуса в водах Иордана произошло божественное преобразование Его человеческой природы, когда на Него снизошла божественная благодать. До этого момента Иисус не творил чудеса, потому что у Него не было такой способности. Божественная природа Иисуса Христа в полной мере проявлялась в чудесном исцелении больных, в изгнании бесов, которые явно и потаённо управляли множеством евреев, в чудесной власти над природными процессами и в абсолютной прозорливости, когда для Него были прозрачны все явления человеческой жизни, как на индивидуальном, так и на историческом уровнях в прошлом, настоящем и будущем. Ни Моисей, ни Илия, ни пророки такими способностями не обладали. Никто в мировой истории человечества божественными способностями Иисуса Христа не обладал, что дает основание нехристианам рассуждать о фантазиях правоверных христиан. Как будет показано ниже, существует множество свидетельств в истории Православной церкви, которые дают достаточные основания считать их мистическими фактами, когда достигшие святости монахи обладали теми или иными способностями, но в значительно меньшей степени.

Таким образом, сошествие Святого Духа на Иисуса во время крещения преобразило Его человеческую природу, наделив божественными способностями.

Чудесное явление белого голубя

В истории Христианской Церкви приводятся описания появления в важнейшие моменты христианских событий голубя, казалось, из глубины голубого неба, которые я называю «мистическими фактами». В «Церковной истории» Евсевий Кесарийский приводит примечательное описание избрания Фабиана епископом Римским. Он пишет, что «преемником Понтиана, бывшего шесть лет епископом Римским, стал Антерот, а после Антерота, несшего свое служение только месяц, – Фабиан. Рассказывают, что Фабиан, после кончины Антерота, вместе с другими переселился из деревни в Рим и здесь, по Божией небесной милости, стал епископом совершенно чудесным образом. Когда все

братья собрались для выбора будущего епископа, то большинству приходил на ум кто-либо из славных, известных мужей. О Фабиане, здесь находившемся, и мысли ни у кого не было. Вдруг сверху слетает голубь и садится ему на голову – так Дух Святой, в виде голубя, сошел на Спасителя. Тут весь народ в одном порыве, словно по внушению Духа Божия, единодушно возгласил «достойн» и немедленно посадил его на епископскую кафедру» (VI, 29, 1–4). Факт этого чудесного события в истории Католической церкви запечатлен от 10 января 236 года.

Современные историки к подобным описаниям обычно относятся снисходительно, называя их легендарными. Я полагаю, что подобное свидетельство Евсевия более достоверным, чем описание какой-либо важной битвы, число участников которой обычно значительно завышается. Участниками важнейшего события избрания Римского епископа Фабиана (ок. 200–250) было множество просвещённых римских граждан, которые затем бережно хранили в своем сердце чудесное знамение Святого Духа. Когда Евсевий записывал это свидетельство через несколько десятков лет, были живы многие очевидцы, которые служили своеобразными верификаторами описанного христианским историком события. В отличие от гражданской истории, где политические, личные и др. интересы подталкивают к приукрашиванию или очернению исторических событий, в делах веры самым главным является историческая правда, особенно, если она носит мистический характер. Как показала дальнейшая история, казалось, странное избрание Фабиана епископом Римским было верным и оправданным делом. За 14 лет праведного служения он успел много сделать для Римской церкви. Во время гонений при римском императоре Деции (249–251) он одним из первых погиб мученической смертью за веру 20 января 250 года. Он был усечен мечем и затем причислен к священномученикам Церкви.

В «Житии Иоанна Златоуста» приводится описание избрания его в пресвитеры, которое, по моему мнению, является достоверным. Престол Антиохийской церкви занимал Флавиан (381–404), когда ему во время ночной молитвы явился Ангел Господень и сказал: «Завтра иди в монастырь, в котором пребывает угодник Божий Иоанн, приведи его оттуда в город и поставь его в пресвитера, ибо он – избранный сосуд Божий, и Бог желает обратить через него многих к истинной вере. В то же самое время Ангел явился святому Иоанну, когда он, по обычаю своему, совершал в келии ночные молитвы, и повелел ему идти с Флавианом в город и принять от него посвящение... На другой день, утром, совершено было посвящение Иоанна в пресвитера; когда патриарх возложил свою руку на главу его, внезапно появился белый, сияющий голубь, который летал над головой святого Иоанна. Патриарх Флавиан и все, находившиеся в храме ужаснулись и долго дивились. Слух о сем чуде прошел по всей Антиохии, Сирии и окрестным городам» [57, с. 244]. С точки зрения требований строгой науки явление Ангела Флавиану и Иоанну следует относить к особенностям психики того и другого. Однако достоверность выше приведенной истории придают объективные деяния главных участников этой истории, которые независимо друг от друга согласованно пришли в назначен-

ное время для совершения обряда, и множества людей, ставших свидетелями чудесного события, для которых подлинность произошедшего была в высшей степени значимой. Меня удивляет устаревший устойчивый стереотип исторического мышления, когда подобные описания квалифицируются как фантазии мифологически мысливших верующих, а весьма неубедительные описания событий летописцев или других авторов, не имевших в своих методологических установках, как субъектов повествования, строгого внешнего наблюдателя, принимаются за достоверное свидетельство.

Иоанн в темнице

Когда Иоанн сидел в темнице и, прозревая свою скорую кончину, он захотел убедиться – совершил ли он главное дело своей жизни? Он «послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Мф 11:2–3). Иоанну важно было знать, действительно ли он крестил Спасителя, приход Которого с таким нетерпением ожидал еврейский народ, потому что ему не доходили известия о триумфальном шествии Иисуса, как Мессии, в Израильском государстве. «И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф 11:4–6). Этими словами Иисус Христос хотел поддержать и успокоить блаженного Иоанна Крестителя, страдавшего в темнице, что Иоанн всё сделал правильно. Однако в действительности получалось, что озабоченность Иоанна была оправданной, потому что победоносного шествия Иисуса Христа в Израильском государстве не было. Иудеи с восторгом принимали чудесные исцеления Иисуса, но сторонников Его вероучения было немного. Слава целителя мимолётна и скоротечна. *Благая весть* Иисуса Христа не приводила к массовому духовно-нравственному преображению евреев. Напротив, у истовых иудеев, фарисеев и книжников она вызывала злобу и ненависть.

Матфей сообщает важную оценку, которую дал Иисус Христос, деяниям Иоанна Крестителя. В *11-й главе* он пишет: «Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: се, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его. От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его, ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна... Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее» (Мф 11:9–13, 18–19). Своим ученикам и слушателям Иисус Христос дал твердую оценку смиренному Иоанну Крестителю и его деяниям – Иоанн был более достойным любого пророка. Еврейская женщина не рождала большего религиозного подвижника, чем он. При этом, чтобы подчеркнуть совершенную

метафизическую *природу Царства Небесного*, Иисус Христос сказал, что *Там* он будет самым меньшим.

Чтобы освободиться от привязанностей к мирскому бытию, христианские монахи, как и Иоанн Креститель, занимаются суровой аскезой, подготавливая свою душу к духовно-нравственному общению с Господом. Иисусу, обладавшему божественной благодатью, не было необходимости прибегать к крайнему воздержанию. Лука практически повторил описание Матфея, посвященное Иоанну Крестителю, и тем самым подтвердил его достоверность (Лк 7:26–28). Впоследствии, когда Иисус Христос будет являться достигшим святости монахам, то среди сопровождавших Его будет и Иоанн Креститель.

Завершая исследование образа и деяний Иоанна Крестителя, обратимся к весьма примечательному фрагменту из труда Иосифа Флавия «Иудейские древности», в котором он высказался об иудейском подвижнике. В книге XVIII он пишет: «Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убиение Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более, что души их заранее уже успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души. Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в окопах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и там казнен. Иудеи же были убеждены, что войско Ирода погибло лишь в наказание за эту казнь, так как Предвечный желал проучить Ирода» (XVIII. 5. 2). Свидетельство Иосифа Флавия о политических причинах убиения Иоанна Крестителя служит убедительным подтверждением историчности личности выдающегося древнееврейского религиозного деятеля. Для христиан важно, что оценка авторитетного древнееврейского историка деятельности Иоанна Крестителя в принципиальных, главных моментах практически совпадает с более подробно описанной в Евангелиях.

4.4. Божественное и человеческое в деяниях Иисуса Христа

В повествованиях евангелистов земной путь Иисуса Христа составляют описания наиболее важных Его деяний, которые являются предметом тематического и экзистенциального анализа в этом разделе.

Что проповедовал Иисус Христос?

Согласно повествованиям евангелистов, главным в благовествовании Иисуса Христа была проповедь о *Царстве Божием*. Матфей пишет: «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф 4:23). Лука свидетельствует более определенно: «Он сказал им: и другим городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан» (Лк 4:43). Из этого следует, что первоочередной целью земной жизни Иисуса Христа было утверждение веры в существование *Царства Небесного* как предельного жизненного устремления для человека. Иисус говорил, что «наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» (Лк 12:31). «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф 6:33). *Царство Божие* в жизни человека является последней остановкой. Там находится спасение и подлинное и высшее блаженство.

Иисус Христос утверждал, *Царство Божие* приблизилось. Читаем Евангелие от Марка: «После же того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк 1:14–15). Матфей пишет: «С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4:17). Как возможно совершенному трансцендентному *Царству Божию* приблизиться к мирскому бытию? Оказалось, что *Царство Небесное* было здесь, совсем рядом (!), потому что Иисус Христос был *Его* носителем. Этого весьма ограниченные люди, слушавшие и окружавшие Его, не понимали. В этом смысле названия Иисуса «Богом», «Сыном Бога», «Богочеловеком» неточно отображают эту исходную священную экзистенциальную реальность. Главный смысл в понимании природы Иисуса Христа выражается в том, что Он был носителем совершенной божественной реальности *Царства Небесного*.

Что представляет собой *Царство Божие*, и как в Него войти? И тут возникают трудности для понимания Его природы даже с точки зрения современной философии. В пояснении природы *Царства Небесного* непросвещенным иудеям Иисус Христос использовал различные притчи, которые и современному философски мыслящему читателю не добавляют ясности. Марк пишет: «И сказал: чему уподобим Царствие Божие? или какую притчею изобразим его? Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные» (Мк 4:30–32). Читаем Евангелие от Луки: «Он же сказал: чему подобно Царствие Божие? и чему уподоблю его? Оно подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его. Еще сказал: чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Лк 13:18–21). Когда ученики Иисуса признались, что им непонятны приводимые Им притчи, то Он сказал,

что «вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах» (Мк 4:11). Ученики не понимали, что *Царство Божие*, как совершенная разумно-добродетельная реальность, было совсем рядом, в речах и деяниях Учителя, когда Он сидел рядом с ними. Не нужно было никаких слов. Нужно было только верить, впустив в свое сердце Его божественную благодать.

Если рассматривать *Царство Небесное* как трансцендентно-трансцендентальное пространство, то во время земной жизни Иисуса Христа Его заполняли совершенное бытие *Бога* и *Святого Духа*. После *Вознесения* в *Нем* пребывает *Иисус Христос*. После мученической смерти в *Нем* пребывает Иоанн Креститель. Иисус говорил, что «многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф 8:11–12). Там пребывают все достигшие святости праведники! Это метафизическое представление является самым значимым, можно сказать, радикальным прорывом в *Благой вестии* Иисуса Христа. После смерти *Туда* может попасть душа каждого праведника! ***Царство Небесное открыто для всех!*** Ни в иудаизме, ни в исламе такого представления не существует, потому что *Царство Божие*, по мнению иудаистов и мусульман, заполняет только Бог. Иисус заповедовал своим ученикам: «Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Лк 22:29–30).

Теологическое осмысление этого концептуального прорыва Иисуса Христа приводит к коренному переосмыслению жизненного мира верующего христианина, для которого земная жизнь служит лишь подготовительным этапом, открывающим возможность попадания души в *Царство Небесное*. Все выступает в качестве средства. Только *Царство Божие* является абсолютной целью. Лука сообщает: «Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной» (Лк 18:29–30).

Что нужно делать в мирской жизни, чтобы после смерти твоя душа вознеслась в *Царство Божие*? Нужно жить, чтобы системой отсчета твоих мыслей, представлений, устремлений и других была воля Бога. Иисус Христос говорил: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф 7:21). От христианина в мирской жизни требуется абсолютная духовно-нравственная чистота. Иисус Христос говорил: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Мк 10:15), (Лк 18:17). Лишь достигшие святости православные монахи мужественно выполняли это требование Спасителя в полном объёме.

В благовествовании Иисуса Христа основная битва переносилась во внутренний мир человека, в его духовно-нравственные представления и устремления. Это было странным и непонятным для слушавших Его евреев, привыкших жить преимущественно во внешней реальности соблюдения требований иудейского обряда. Иисус «сказал им: вы выказываете себя правед-

никами пред людьми, но Бог знает сердца ваши, ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом. Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него» (Лк 16:15–16). Для христиан одной из важнейших аксиом жизнедеятельности стало то, что для Господа жизненные миры правоверных прозрачны. Он всегда бдит и отслеживает все твои мысли и представления в режиме реального времени. От Него ты не можешь спрятать свои потаенные мысли и желания. «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:20–21).

Концептуальное ядро учения Иисуса Христа о *Царстве Божием* служит матрицей в осмыслении *Его Благой вести* и в оценке вероучений апостолов Петра, Иоанна и Павла.

Зачем Святой Дух возвел Иисуса в пустыню на сорок дней?

Почему Святой Дух после крещения «*немедленно*» повел Иисуса в пустыню? Марк пишет: «Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню. И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему» (Мк 1:12–13). Если Иисус Сын Бога, то, казалось, в столь суровом сорокадневном испытании не было необходимости. Уточняя детали, эту историю более полно изложил Матфей: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4:1–4). Крещение в водах Иордана открыло Иисусу непосредственную связь с Богом «Сына возлюбленного» и великое предназначение. Следовало в Нем укрепить божественную природу Сына Божьего, что возможно было совершить только посредством суровой аскезы (сорокадневный пост в пустыне!) и сильной непрерывной молитвы, во время которой мистическое *ведение-знание-переживание* связи с Богом Отцом даже на мгновение не прерывалось, а только углублялось и укреплялось. Все эти великие подвиги Иисуса происходили под опекой Святого Духа, который окутывал Его Своей заботой. Лишь на 40-й день, когда, как показалось сатане, Иисус был изможден и ослаблен, «взалкал», он смог подступиться к Нему с дьявольскими искушениями, устроив Сыну Божию своеобразный экзамен.

Нет необходимости приводить фрагмент с коварными предложениями сатаны из Евангелия от Матфея. Важны ответы Иисуса, которые провозглашают основные принципы отношения к Господу:

- «человек будет жить всяким словом, исходящим из уст Божиих»;
- «не искушай Господа Бога твоего»;
- «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Правоверный христианин должен всеми силами стремиться жить в Боге и смиренно следовать Его воле. Православные монахи, непрерывно творя днем

и во время ночных бдений Иисусову молитву, смиренно выполняли наказ Иисуса Христа. «Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф 4:11). Лука воспроизвел эту историю, при этом отметив: «И возвратился Иисус в силе духа в Галилею» (Лк 4:1–14).

Почему в синоптических Евангелиях Иисус Христос молился, а в Евангелии от Иоанна нет?

Если Иисус Христос, как Сын Бога, имел равно ипостасную природу с Богом Отцом, то Ему не было необходимости просить о чем-либо или благодарить Всевышнего за что-либо. О чем мог просить Бог Сын у Самого Себя? Убеленный сединами апостол Иоанн, развивая представления о божественной природе Иисуса Христа, в своем Евангелии не отмечал молитвы Спасителя. В последний день земной жизни Иисуса перед арестом Иоанн приводит не молитву, а, по сути, Его речь к Богу Отцу о том, что Он совершил.

Из синоптических Евангелий выстраивается более сложный жизненный образ Иисуса Христа, согласно которому, после крещения в водах Иордана Он стал человеком, обладавшим божественными способностями (***божественной благодатью!***) в полном объеме. Поэтому для Него совершение молитвы было не только необходимо, но и было первейшей потребностью, потому что, надо полагать, она приносила Ему самое большое душевно мистическое наслаждение переживанием непосредственной связи с *Царством Небесным*. При этом совершенно очевидно, что степень того высшего экстатического состояния, которое достигали самые достойные святые монахи, не может быть сравнимо с сокровенными переживаниями Иисуса Христа. Ясно, что молитва Иисуса Христа существенно отличалась от молитвы даже самых достойных, достигших святости христианских подвижников. В молитве Иисус Христос непосредственно входил в сокровенное пространство *Божия Царства*, был *Там*, как у себя дома. В то время как самые суровые и благочестивые православные монахи-исихасты, великие мастера Иисусовой молитвы, по их словам, испытывали вхождение в сердце Святого Духа и достигали высшего мистически-метафизического блаженства, совершенных видений и переживаний. Исходя из этих представлений и следовавших из них методологических установок приступим к анализу текстов Марка, Матфея и Луки.

Авторы синоптических Евангелий единодушно отмечают, что Иисус придерживался строгой молитвы. Марк пишет, что после крещения, когда Иисус исцелил многих страдавших различными болезнями, изгнал многих бесов, «утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился» (Мк 1:34–35). Что сделал Иисус Христос, накормив хлебами страждущих слушателей? Он «отпустив их, пошел на гору помолиться» (Мк 6:46). Этот эпизод Матфей описывает более детально. Он пишет: «И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один» (Мф 14:22–23). Из этого повествования евангелиста следует, что в тот момент Иисус придавал необходи-

мости молитвы первостепенное значение. Иисус «принудил учеников войти в лодку и отправиться», а Сам «взошел на гору помолиться наедине», хотя, казалось, из мирских соображений проще было бы отправиться с учениками и помолиться позже на другом берегу. **Нет! Молитву Всевышнему следовало совершить сейчас в уединении!** А затем Иисусу пришлось идти во воде не для демонстрации своих божественных способностей, а потому, что ранее Ему нужно было совершить главное на тот момент дело – молитву Всевышнему! Примечательно, что в описании подобного эпизода апостол Иоанн старался избежать упоминания о молитве Иисуса. Он пишет: «Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю и, войдя в лодку, отправились на ту сторону моря, в Капернаум. Становилось темно, а Иисус не приходил к ним» (Ин 6:17). Лука также подтверждает молитвенные устремления Иисуса Христа. Он пишет, что «Он уходил в пустынные места и молился» (Лк 5:16). Когда фарисеи напрягались, как известить Иисуса, Лука пишет: «В те дни взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу» (Лк 6:12). **Иисус Христос молился всю ночь!** Посредством глубокой и непрерывной молитвы Иисус Христос пребывал в мистически-метафизическом общении с *Царством Небесным*, испытывая ни с чем высшее душевное блаженство. Это мы верно знаем из описаний опыта делания Иисусовой молитвы монахов, достигших святости, хотя, совершенно очевидно, что молитва последних была весьма далека по своей духовной силе до высокой и совершенной молитвы Иисуса Христа.

Для нас исключительно важное значение имеют поучения Иисуса Христа о том, как правильно делать молитву. Евангелист Марк приводит важный совет Иисуса Христа для всех христиан последующих поколений: «Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам. И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Мк 11:24–26). Чтобы обратиться к Богу, следует подготовить себя душевно и нравственно, наполнить себя миролюбием и благочестием. Тогда у тебя появится возможность с открытым сердцем быть услышанным Господом.

В повествовании Матфея наставления Иисуса Христа приобретают характер основных требований для правильного совершения молитвы. Читаем знаменитый фрагмент: «И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и

сила и слава во веки. Аминь. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф 6:5–15). Чтобы молитва была предельно искренней, шла из самого сердца, она должна быть тайной. Нужно изо всех сил стараться, чтобы твои душевные силы не расплывались различными посторонними помыслами и переживаниями. Ты должен очистить горную дорогу к Господу, чтобы Он услышал тебя, окаянного, принял и приласкал. Как свидетельствует история христианства, это сделать удавалось немногим. Очень трудно отключиться от забот мирской жизни. Высокомерные иудаисты не вняли совету Иисуса Христа и продолжают молиться прилюдно на улицах, пребывая под давлением мирской социальной реальности, которая затуманивает движение их душевных переживаний к Господу. В такой молитве больше показной демонстрации, чем искреннего порыва к Богу. Такую молитву Иисус Христос назвал «лицемерной».

Матфей подарил христианам свидетельство подлинной молитвы Иисуса Христа. Читаем: «Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение. Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть. Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф 11:25–30). В этой молитве самым важным было, что Иисус Христос мыслил свою связь с Богом Отцом тайной, сознание которой, казалось, должно было способствовать непомерному росту у Него гордыни как Сына Бога. Напротив, Он призывает учиться у Него быть «кротким и смиренным сердцем». Как мы знаем, для подлинного христианина сие есть первое и самое главное жизненное требование. Если удастся добиться глубокого смирения, тогда все получится. Без достижения подлинного смирения в сердце на длительный успех в мирской жизни рассчитывать невозможно. Иисус Христос указывал, что Благо, которое Он принес людям легко. Мы знаем, что для принявших его в свое сердце оно очищает, возвышает и спасает душу.

Матфей так описывает последнюю молитву Иисуса Христа перед арестом в Гефсиманском саду. Он пишет: «Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. И, оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово» (Мф 26:38–44). Сын Божий Иисус смиренно предавал Себя всемогущей и праведной воле Бога Отца. Евангелист Лука при этом добавляет: «Явился же Ему Ангел с небес и

укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю. Встав от молитвы, Он пришел к ученикам, и нашел их спящими от печали и сказал им: что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Лк 22:43–46).

Таким образом, в земном пути Иисуса Христа молитва имела первостепенное значение, потому что во время молитвы Он входил в блаженное пространство *Царства Божьего*. В священном жизненном мире Сына Человеческого ничего не было выше молитвы. Поэтому Он ее предпочитал всем другим делам. Молитва Иисуса Христа была тайной, в сокровенной тишине.

Православие – это прежде всего молитва

Православные христиане строго следуют молитвенным поучениям Иисуса Христа. Особенно преуспели в умном делании молитвы православные монахи, для которых молитва стала главным средством восхождения ума к Господу и сокровенного общения с Ним. Евагрий пишет: «Молитва есть восхождение ума к Богу» [48, с. 81]. Иоáнн Кронштáдтский (1829–1908) говорил: «Молитва – это жизнь моей души, без молитвы я не могу быть» [130, с. 5].

Непременным условием мистического, разумно-добродетельного общения с Господом, чтобы Он услышал тебя, окаяннoго, является самоустранение во время молитвы от пут мирской жизни. Многоопытный подвижник Евагрий поучал: «Ум становится сильным тогда, когда во время молитвы он не представляет в воображении ничего из принадлежащего миру сему» [48, с. 107]. По мере душевного освобождения от забот и привязанностей мирской жизни в душе нарастает искренность вопрошания к Господу. «Если желаешь молиться в духе, – утверждает Евагрий, – не тащи вверх ничего плотского, и тогда не будет облака, затмевающего очи твои во время молитвы» [48, с. 90]. «Блажен ум, который, предаваясь молитве без развлечения, всегда приобретает все большую любовь к Богу. Блажен ум, который во время молитвы становится нематериальным и отрешенным от всего вещественного. Блажен ум, который во время молитвы стяжал совершенное нечувствие» [48, с. 90].

В православном богословии центральное место занимает учение о молитвенном делании, позволяющем достигнуть последних глубин сокровенного общения с Господом. Схиархимандрит Па́йсий (Па́йсий Нямецкий, в миру Пётр Иванович Величкóвский; 1722–1794) поучал: «Умная молитва есть могущественное оружие, которым подвижник побеждает невидимых врагов своих» [113, с. 185]. Исаак Си́рин так описывает сокровенную экзистенциальную реальность чистой молитвы: «...все виды и роды молитвы имеют пределом чистую молитву... Когда достигнута чистота молитвенная и даже внутренняя, тогда ум, как скоро преступит этот предел, не будет уже иметь ни дерзновения на молитву и молитвенное движение, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошения, ни вожделения... И посему-то после чистой молитвы нет иной молитвы... Потому и подвиг в сей молитве. А за сим пределом будет уже изумление, а не молитва, потому что все молитвенное прекращается, наступает же некое созерцание; и не молитвою молится ум» [85, с. 98–99; сл. 16]. «Призна-

ком бесстрастия является то, – пишет Евагрий, – что ум начинает зреть собственное сияние, пребывает безмолвным в отношении к призракам сновидений и безмятежно взирает на все вещи» [48, с. 107].

Авва Антоний рассказал, как, войдя в пещеру преподобного Павла Фивейского, он «увидел святого стоящим на коленях с простертыми вверх руками и вверх же обращенным лицом. Думая, что он жив и молится, стал вместе с ним на молитву и Антоний. Прошел час, и, так как от святого Павла не было слышно ни слов, ни вздохов молитвенных, блаженный Антоний подошел к нему ближе и, увидев, что он уже мертв, понял, что тело святого мужа и по смерти воздает поклонение Богу, перед Лицом Которого все живо» [57, с. 89]. Блаженная смерть во время молитвы в Господе, Который принял чистую душу монаха в *Царство Небесное*.

Преображение Господне

В синоптических Евангелиях одним из наиболее значимых повествований являются описания евангелистов *Преображения* Господа Иисуса Христа, в котором в полной мере проявилась Его божественная природа. Читаем Евангелие от Марка: «И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом. При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии. Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе. И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте. И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса. Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Мк 9:2–9). Беседа Иисуса с Илией и Моисеем показывает, что Он пребывал в мистическом пространстве *Царства Небесного*. Голос Всевышнего в обращении к Петру, Иакову и Иоанну называл Иисуса «Сыном возлюбленным». Описание Матфея происходившего мистического откровения на Фаворе практически совпадает с повествованием Марка (Мф 17:1–9).

Повествование Луки *Преображения Господня* отличается важными деталями, которые указывают, что он опирался на другие источники (не через шесть, а «дней через восемь») (Лк 6:28). Лука уточняет, что *Преображение* Иисуса Христа произошло после молитвы, а не произвольно, как бы спонтанно. Сила Иисусовой молитвы вызвала сакральное действие. Затем Ему явились Моисей и Илия (Лк 6:29–30). Луке удалось прояснить, о чем говорили Иисус, Моисей и Илия. Оказывается, они, прозорливые, обсуждали ключевое событие новозаветной истории – предстоявший мученический исход Иисуса в Иерусалиме. Эта важная деталь показывает, что деяния Иисуса Христа являлись органическим порождением и продолжением многовековой истории еврейского народа, его *Духа* и культурной традиции. При этом ученики Иисуса

были «отягчены сном» (Лк 6:32). По-видимому, после крещения Иисус Христос во время молитвы достигал *Преображения* неоднократно, в частности, во время пребывания в пустыне, потому что эта мистически-метафизическая реальность была предельной и наиболее полной и глубокой формой Его священно-сокровенного общения с *Царством Небесным*, представителем которого были не только Бог Отец, но и Илия и Моисей. Описанное евангелистами *Преображение Господне* было наглядной демонстрацией Иисуса своим ближайшим ученикам Петру, Иакову и Иоанну Своей непосредственной связи с *Царством Божиим*.

Иисус Христос и храм в Иерусалиме

Храм в Иерусалиме представлял собой сосредоточие иудаистского Духа. В нем в концентрированном виде собрались все самые главные устремления древних иудеев. Иисус пришел в Иерусалим, и что он в нем обнаружил? Читаем версию евангелиста Марка: «Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников» (Мк 11:15–17). Иисус увидел, что в самом священном месте Израиля господствует не *Дух благочестия*, а *Дух наживы*, и все евреи, в том числе первосвященники, полагали это непотребство нормальным делом. Поучая своих соплеменников, что храм – это дом молитвы, самых сокровенных переживаний верующего, Иисус изгнал меновщиков и различного рода продавцов.

Обратимся к свидетельству Иоанна Богослова, который был непосредственным очевидцем происходившего: «Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли. При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по дому Твоем снедает Меня. На это Иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела Своего. Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус» (Ин 2:13–22). Добавление Иоанна, что в храме торговали даже волами и овцами, которые со своими неотъемлемыми испражнениями превращали священное место в обыкновенный базар, существенно изменяют картину происходившего. Неужели так это было? Это показательное обстоятельство не отметили ни Марк, ни Матфей, ни Лука.

После Ассирийского и Вавилонского пленения восстановленный Храм в Иерусалиме стал духовным центром не только для евреев Иудейского госу-

дарства, но и для многочисленных общин еврейской диаспоры. В книге «О древности иудейского народа» Иосиф Флавий описывает требования соблюдения чистоты в Храме. Он утверждал, что *«все, кто видел здание нашего храма, знают его устройство и его постоянную безупречную чистоту и святость»*. С четырех сторон он был окружен портиками, из которых каждый, согласно закону, имел собственную стражу. К внешнему портику подходить было позволено всем, в том числе и чужеземцам. Не допускались туда только женщины во время месячных очищений. Ко второму портику подходили только евреи и их жены, если только были ритуально чисты. К третьему – знатные евреи мужеского пола, прошедшие обряд очищения. К четвертому – только священники, одетые в священнические одежды, а в Святая Святых – только первосвященники также в соответствующем облачении. Порядок благочестия был настолько строг, что для священников было положено особое время, чтобы войти в храм. Тем, кто совершал жертвоприношения, надлежало приходить рано утром с открытием храма и уходить в полдень, перед его закрытием. Кроме того, *в храм не разрешалось вносить никаких сосудов. Внутри находился только жертвенник, престол, кадилница и светильник – все, что предписано законом. Никакие посторонние или какие-то иные тайные священнодействия там не совершались, и не устраивались внутри никакие трапезы. Все прежде сказанное может быть с очевидностью засвидетельствовано всем народом, и можно также привести доказательства из действительных событий* (везде выделено мною – В. М.). Ведь хотя и существует четыре разряда священнослужителей, и каждый из них составляет более пяти тысяч человек, обязанности служения в храме они, однако, исполняют отдельно друг от друга в установленные дни, и когда заканчивают одни, совершать жертвоприношения приходят им на смену другие. Собравшись в храме в середине дня, они принимают от своих предшественников ключи и священные сосуды по счету, при этом они не приносят с собой ничего, что имеет отношение к еде или питью. Равным образом не позволено приступать с этими предметами и к жертвеннику, за исключением того, что предназначено к жертвоприношению» [62, с. 516–517; II, 8]. Из свидетельства выдающегося древнееврейского историка следует, что доступ в Храм был весьма ограничен. Туда не могли провести не только «волов, овец и голубей», но и пройти менялы и множество «слепых и хромых».

Описывая Храм, в книге «Иудейская война» Иосиф Флавий отмечает: «Внешний вид храма представлял все, что только могло восхищать глаз и душу. Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами, он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи. Чужим, прибывавшим на поклонение в Иерусалим, он издали казался покрытым снегом, ибо там, где он не был позолочен, он был ослепительно бел. Вершина его была снабжена золотыми заостренными спицами для того, чтобы птица не могла садиться на храм и загрязнять его... Храм вместе с жертвенником были обведены изящной, сделанной из красивых камней решеткой около локтя вышины, которая отделяла священников от мирян. Гное-точивым и прокаженным был воспрещен вход в город вообще; женщинам же

не позволялось входить в храм во время их месячного очищения, но и когда они были чисты, им запрещалось переступить вышеозначенную границу. Мужчины, когда они не были вполне чисты, не должны были входить во внутренний двор, точно так же, как и священники в подобных случаях. Лица, происходившие из священнического рода, которые вследствие какого-либо телесного недостатка не могли совершать священную службу, находились внутри решетки возле физически безупречных и получали также части жертв, принадлежавших им ввиду их родового происхождения, но носили простую одежду, ибо только участвовавшие в службе должны были носить священное облачение. У жертвенника и в храме служили только чистые и безупречные священники, одетые в виссон; из благоговения к своим священным обязанностям они в особенности воздерживались от употребления вина для того, чтобы не нарушить какого-нибудь обряда. С ними всходил первосвященник, но не всякий раз, а только по субботам, новолуниям, годичным праздникам и если совершалось какое-нибудь всенародное празднество» [63, с. 339; V. 5, 6–7]. Из выше приведенного повествования древнееврейского историка следует, что требования к физической чистоте служителей Храма, можно сказать, были образцовыми.

Тогда как совместить существенно различные описания деяний иудеев в храме Иосифа Флавия и евангелистов? При этом повествование древнееврейского историка представляется более достоверным и поэтому предпочтительным. Ясно, что никаких «волов, овец и голубей», о которых писал Иоанн, внутри храма быть не могло, как и менял, слепых и хромых. Все это могло иметь место на площадке перед храмом. Если Иисус разгонял менял на этих базарных территориях, то утрачивался священный смысл Его деяний. У правоверных иудаистов претензии незаконнорожденного Иисуса из провинциального города Назарета на владычество в Храме Иерусалима, Его разговоры о разрушении главной святыни всех евреев и восстановлении Храма в три дня были для них странными, неприемлемыми и могли вызвать только негодование и гнев.

Правда Иисуса Христа выражалась в том, что в жизни правоверных иудеев господствующее положение занимал *Дух наживы*, который подлежал разрушению и возвращению *Духа благочестия*, носителем которого был Спаситель. Наблюдая происходившую мирскую жизнь у храмового комплекса в Иерусалиме, Иисус прозревал после Его *Воскресения* и *Вознесения* строительство нового подлинно благочестивого *Храма* в сердцах первых христиан. При этом через непродолжительное время не только Храм в Иерусалиме, но и сложившийся образ мысли и жизни еврейского народа будут разрушены, и начнется совсем другая еврейская история. Иудейская ментальность Иосифа Флавия позволяла ему видеть и описывать внешнее благочестие иудеев, которое выражалось в строгом соблюдении обрядов. Иисус Христос справедливо указывал на недостаточное развитие у правоверных иудеев *Духа благочестия*.

Почему фарисеи смертельно ненавидели Иисуса Христа?

В процессе религиозно-духовных поисков и перестроек в древнееврейской культуре в начале I в. на первый план вышли три секты – фарисеев, саддукеев и ессеев. По свидетельству Иосифа Флавия, последние были более многочисленные, хотя и жили обособленно от древнееврейского общества и государства. Секта саддукеев объединяла священников и наиболее состоятельные слои древнееврейского общества. **Фарисеи** (*ивр.* перушим, прушим; «отделившиеся») придерживались иудаистской парадигмы Ездры, согласно которой, националистические и изоляционистские умонастроения имели приоритетное значение. Фарисеи были книжниками, признанными знатоками древнееврейской истории, Закона Моисея и преданий еврейского народа, неукоснительно следовать которым они призывали правоверных иудеев.

По своим религиозным воззрениям фарисеи были обращены в архаическое прошлое еврейского народа, запечатлённое в Пятикнижии. Поэтому они, придерживаясь древних, весьма упрощённых представлений о природе еврейского Бога, были яростными противниками какого-либо религиозного, духовно-нравственного и культурного развития в еврейском обществе. По сути, фарисеи сводили религиозное общение с Богом к строгому исполнению обряда. Для правоверных иудеев фарисеи составляли духовную элиту древнееврейского общества. Они задавали высший стандарт и образец религиозной веры и служения. В книге «Иудейская война» Иосиф Флавий пишет: «Из двух первенствующих сект фарисеи слынут точнейшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставят все в зависимость от Бога и судьбы и учат, что хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, но что и в этом участвует предопределение судьбы... Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя объединёнными силами, стремятся к общему благу» (II, 8, 14).

И тут появился проповедник Иисус из захолустного в Галилее городка Назарета, который поразил и восхитил еврейское население своими чудодейственными исцелениями и изгнанием бесов, а также весьма удивил и насторожил горделивых фарисеев. Они решили тщательно присмотреться к Иисусу и изучить Его учение и деяния. «Случилось Ему в субботу придти в дом одного из начальников фарисейских вкушать хлеба, и они наблюдали за Ним» (Лк 14:1). По меркам традиционной иудейской веры и обряда Он вел Себя весьма странно. Фарисеи были просвещёнными носителями иудаистской ментальности. Для них деяния и проповеди Иисуса из Назарета были слишком необычными, в которых они первоначально не видели опасной крамолы. Поэтому фарисеи внимательно изучали проповедника Иисуса и по сообщениям евангелистов были самыми внимательными Его слушателями и наблюдателями.

Иисус Христос был носителем и проповедником совершенной милосердной морали, которая была чужда строгим иудаистам фарисеям, признававшим только архаическую моисееву мораль. После того, как Иисус призвал сборщика пошлин Матфея, тот пригласил Его в свой дом. Матфей отметил в своём Евангелии: «И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники при-

шли и возлегли с Ним и учениками Его. Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф 9:11–13). Этот эпизод также отмечают Марк и Лука (Мк 7:1–13), (Лк 5:29–39). Если традиционная религиозная мораль фарисеев предназначалась для избранных, чистых правоверных иудеев, то высокая мораль Иисуса Христа была обращена ко всем людям независимо от их социального положения и национальной принадлежности.

Для фарисеев традиционный обряд имел абсолютное значение, следование которому даже в мелочах должно было быть неукоснительным. Для них строгое исполнение Закона было превыше всего. При этом доброе, милосердное отношение к соплеменникам в фарисейских воззрениях отходило на второй план и терялось в мирских делах и заботах. Когда Иисус Христос чудесным образом исцелил калеку в субботу, то Его великое благо для неизлечимо больного человека вызвало у фарисеев только яростное негодование. По сообщению Луки, Иисус Христос «сказал им: Сын Человеческий есть господин и субботы. Случилось же и в другую субботу войти Ему в синагогу и учить. Там был человек, у которого правая рука была сухая. Книжники же и фарисеи наблюдали за Ним, не исцелит ли в субботу, чтобы найти обвинение против Него. Но Он, зная помышления их, сказал человеку, имеющему сухую руку: встань и выступи на середину. И он встал и выступил. Тогда сказал им Иисус: спрошу Я вас: что должно делать в субботу? добро, или зло? спасти душу, или погубить? Они молчали. И, посмотрев на всех их, сказал тому человеку: протяни руку твою. Он так и сделал; и стала рука его здорова, как другая. Они же пришли в бешенство и говорили между собою, что бы им сделать с Иисусом» (Лк 6:5–11). Прозорливый Иисус Христос, зная злобное отношение наблюдавших за Ним фарисеев, совершил благое дело для многие годы страдавшего больного человека, чем намеренно показал абсолютную значимость милосердия и любви к ближнему. Религиозная мораль Сына Человеческого была радикальным прорывом в ментальном пространстве древнееврейской культуры I века, который был не доступен пониманию фарисеев.

Подобную историю описывает апостол Иоанн, когда Иисус Христос у Овечьих ворот купальни исцелил больного человека, находившегося в болезни тридцать восемь лет, после чего этот человек «пошел и объявил Иудеям, что исцеливший его есть Иисус». «И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу. Иисус же говорил им: Отец Мой доныне делает, и Я делаю. И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу» (Ин 5:16–18).

Деяния и поучения Иисуса из Назарета низводили с пьедестала фарисеев, привыкших считать себя блюстителями обряда, нравственности и учителями еврейского народа. Их ненависти к Назарянину не было предела. Евангелист Матфей в поучительной речи Иисуса Христа, обращенной к фарисеям и всем ортодоксально настроенным иудеям, отмечает: «Горе вам, книжники и фари-

сеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас. Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен. Безумные и слепые! что больше: золото, или храм, освящающий золото?.. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Мф 23:13–17, 25–39).

По сравнению с высокой моралью Иисуса Христа горделивые фарисеи скользили по поверхности человеческого существования. Их верования были ориентированы преимущественно на внешнюю сторону исповедания. В ней не было глубины сокровенного религиозного чувства и переживания. В их религиозной демонстрации всё было показным. Иисус призывал всех обратиться к подлинному, глубокому религиозному переживанию сокровенной связи с Богом. Поэтому Он высокомерных фарисеев справедливо называл «безумными и слепыми», потому что они не знали и не понимали подлинного общения с Господом. Отметим, что в самом начале Своей обличительной речи Иисус указал, что фарисеям закрыт доступ к спасению – в *Царство Небесное*.

В своей проповеди подлинной религиозной веры Иисус Христос последовательно показывал негативные стороны священной для евреев истории – неприятие и преследования самых выдающихся сынов еврейского народа пророков. Матфей передает слова Иисуса Христа: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избili пророков; дополняйте же меру отцов ваших. Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну? Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей. Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!» (Мф 23:13–17, 25–39). В

религиозных верованиях книжников и фарисеев господствовали очищенные от негативных деяний ортодоксальных иудеев прошлого представления в отношении пророков, которые мужественно способствовали дальнейшему духовно-нравственному развитию древнееврейского общества нередко ценою своей жизни. Иисус Христос совершал еще более радикальный религиозно-нравственный прорыв в верованиях евреев, который традиционно мыслившие фарисеи ни понять, ни принять не могли. Поэтому Он говорил, что «всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится; оставьте их: они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф 15:13–14).

В отличие от книжников и фарисеев Иисус Христос утверждал, что в религиозном исповедании следует прилагать усилия освободиться от мирских связей и отношений и стремиться быть предельно искренним с Богом. Матфей пишет: «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твоё, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф 6:16–18). Ортодоксальные иудеи, свято соблюдая обряд, отдавали предпочтение формальным отношениям с Всевышним.

Со времен Иисуса Христа мы знаем, что Господь видит искренние милосердные деяния и слышит в молитве открытые сердца правоверных христиан. Сын Человеческий утверждал: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17:20–21). Лука приводит предостережение Иисуса Христа Своим ученикам. «И когда слушал весь народ, Он сказал ученикам Своим: остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежания на пиршествах, которые поедают дома вдов и лицемерно долго молятся; они примут тем большее осуждение» (Лк 20:45–47).

Одним из наиболее очевидных проявлений божественной благодати Иисуса Христа было изгнание вездесущих бесов, которые по мере Его приближения массово устремлялись в бегство. Первосвященники, книжники и фарисеи не могли принять благодатную природу Иисуса из Назарета, и поэтому они навязывали Назорею образ носителя зла. Матфей пишет: «А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского. И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф 9:34–35). Не зная подлинной природы бесовской реальности, которая проявилась только во время деяний Иисуса Христа, фарисеи многочисленные изгнания бесов и исцеления приписывали бесовской способности Спасителя. Сатана и его бесовское войско стоит на страже сохранения чувственно-вождеющего образа жизни, в котором *Добыча*, *Сила*, *Насилие*, *Эрос* и *Страх* имеют определяющее значение. Поэтому благодатные деяния Иисуса Христа вызвали яростное сопротивление бесовских полчищ, для которых большего врага, чем Сын Человеческий, не было. Фарисеям этого понять было невозможно.

По мере умножения благодеяний Иисуса Христа среди первосвященников, саддукеев и фарисеев ненависть к Нему только нарастала. Матфей пишет: «Фарисеи же, выйдя, имели совещание против Него, как бы погубить Его. Но Иисус, узнав, удалился оттуда» (Мф 12:14). Иоанн Богослов отмечает, что злобные настроения первосвященников и фарисеев схватить и погубить Иисуса усиливались, когда среди еврейского населения начали распространяться слухи, что Он и есть Мессия. «И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его. Многие же из народа уверовали в Него и говорили: когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил? слышали фарисеи такие толки о Нем в народе, и послали фарисеи и первосвященники служителей – схватить Его. Иисус же сказал им: еще недолго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня» (Ин 7:30–33).

Таким образом, основу противостояния Иисуса Христа и фарисеев составляла несовместимость двух существенно различных дискурсов – нового христианского мышления, морали и образа жизни, которые были носителями милосердия и высокой духовности, и устаревшим архаическим мировосприятием, отдававшим предпочтение внешним проявлениям религиозности, преимущественно традиционному обряду. Будучи не в состоянии противостоять *Благой вести* Сына Человеческого, фарисеи стремились физически устранить своего непобедимого противника.

4.5. Божественная мистическая сила Иисуса Христа

Иисус Христос обладал бесконечной мощью мистической божественной силы, которая проявлялась в многочисленных исцелениях больных и искалеченных людей, чудесном воздействии на природные процессы, безграничной властью над бесами и абсолютным ведением прошлого, настоящего и будущего. Своими многочисленными чудодейственными деяниями проповедник Иисус вызывал страх и священный трепет у евреев, которые не могли понять природу Его мистической силы. Никто в многовековой истории еврейского народа, ни Моисей, ни пророки, в таком многообразном изобилии ничего подобного не совершал. Поэтому первосвященникам, фарисеям и книжникам, и простому люду было трудно понять и соотнести деятельность Иисуса к сложившимся иудейским представлениям. При этом признать в проповеднике Иисусе из Назарета Бога для развитого мистического чувства иудеев было слишком трудно. Рассмотрим различные чудодейственные деяния Иисуса Христа, которые представлены в четырех Евангелиях. Предметом исследования в этом разделе будет потаённая мистическая составляющая Богочеловека Иисуса Христа, которая имела столь яркое проявление в Его деяниях.

Безграничная власть Иисуса Христа над бесовским царством

Иисус впервые проявил мощь своей мистической силы в Капернауме, куда Он пришел в сопровождении своих первых учеников братьев Симона и Андрея, и братьев Зеведеевых Иакова и Иоанна. Марк пишет, что «вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил. И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники. В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него. И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему? И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее» (Мк 1:21–28). В святом месте, в синагоге, под мистическим воздействием божественной благодати Иисуса Христа из, казалось, нормального правоверного иудея вдруг с криками выскочил бес. Окружающие не видели беса, только слышали. А Иисус разговаривал с ним как с человеческим существом. Присутствовавшие при произошедшем не могли не испытать жуткий страх. Примечательно то, что «сражение» между божественной благодатью Иисуса и духом нечистым происходило на невидимой для людей площадке, отголоски которой и бегство нечистой силы они могли лишь слышать. Из этого повествования следует, что в пространство жизненного мира Иисуса Христа помимо чувственно воспринимаемой реальности входила особого рода благодатная реальность, которые в жизненном бытии Спасителя совмещались в режиме реального времени.

Лука, подтверждая свидетельство Марка, добавляет: «Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: Ты Христос, Сын Божий. А Он запрещал им сказывать, что они знают, что Он Христос. (Лк 4:33–37, 41). Как отмечалось выше, бесовское полчище видело, знало, более того, в полной мере чувствовало на себе, мощную силу божественной благодати Иисуса. Поэтому они истошно кричали: «**Ты Христос, Сын Божий!**» Знаменательно то, что не высоко нравственное учение Иисуса, а его мистическая сила делала Его знаменитым среди евреев. «И весь город собрался к дверям. И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос» (Мк 1:33–34). Как мы видим, смиренный Иисус старался скрывать, что Он Христос от *Царства Небесного*.

В оценке богочеловеческой природы Иисуса Христа христианин должен подходить не только абстрактно теоретически, рассматривая Его, как Слово, и Его прорывные религиозно-нравственные заповеди, и наставления, но и экзистенциально, учитывать живую мистическую силу Его благодати, что наполняет твою веру глубокими религиозными чувствами и переживаниями. Правоверный христианин исходит из двойственной природы мирского бытия, которую не учитывает современный научный дискурс, ограничивая себя лишь строго фиксируемыми эмпирическими данными материального мира. Вместе

с тем в чувственно-предметной реальности существует потаённая сторона, существование которой приблизительно в конце VII в. до н.э. обнаружили древнеиндийские брахманы и отшельники. Эта весьма примечательная история будет рассмотрена ниже. Существует потаённая злобная натуралистически-силовая составляющая мирского бытия, которая господствует в животном мире, определенно доминировала среди людей до VI в. до н.э. и, надо полагать, в настоящее время правит миром. Брахманы и отшельники эту вредоносную реальность называли миром злых духов, колдунов и ужасных ракшасов. В христианстве эту чувственно невидимую реальность называют миром сатаны и бесов, на которую божественная природа Иисуса Христа действовала подобно мощному электромагнитному и рентгеновскому излучению.

В борьбе с нечистой силой преимущество Иисуса Христа было настолько сокрушительным, что всемогущие злые духи сдавались Ему без сопротивления. Сила божественной благодати в Нем была безгранична. При этом казалось, что Он не прикладывал никаких видимых усилий. Лука пишет: «Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах. Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, – потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее; и, придя к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый. И просил Его весь народ Гадаринской окрестности удалиться от них, потому что они объаты были великим страхом. Он вошел в лодку и возвратился. Человек же, из которого вышли бесы, просил Его, чтобы быть с Ним. Но Иисус отпустил его, сказав: возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог. Он пошел и проповедывал по всему городу, что сотворил ему Иисус» (Лк 8:27–39). Об этой истории сообщал и Марк (Мк 5:2–13).

Повествования Луки и Марка примечательны для анализа своеобразной мистической ситуации. Бес, который управлял человеком, вышедшим из гробов, обладал большой физической силой. Однако только при виде Иисуса он «прибежал и поклонился Ему». При этом он видел и знал подлинную божественную природу Иисуса, что Он «Сын Бога Всевышнего». Примечательно, что бес, крайне болезненно испытывал мощь мистической благодатной силы Иисуса, искал спасения у Бога («заклинаю Тебя Богом, не мучь меня!»). А затем бесы, по воле Иисуса вселившись в свиней, фактически самоликвидировались. Из этого повествования следует, что совершенная благодать Иисуса

Христа воздействовала на низменные чувственно-вожделеющие силы настолько мощно, что те всячески стремились избежать ее разрушительного для них действия.

Матфей и Марк приводят примечательную историю исцеления Иисусом бесноватого отрока. Марк пишет: «И привели его к Нему. Как скоро бесноватый увидел Его, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену. И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства; и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию. Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал. И как вошел Иисус в дом, ученики Его спрашивали Его наедине: почему мы не могли изгнать его? И сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк 9:20–29). По-видимому, мальчик болел эпилепсией, а отец «лечил» любимого сына от бесов. Важно то, что Иисус излечил его. После слов учеников Матфей уточняет высказывание Учителя: «Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас; сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф 17:19–21). Мощной божественной благодати Иисуса было достаточно, чтобы сокрушать самые могучие бесовские силы, которые вселялись в беззащитных людей. Такими способностями Его ученики не обладали. Самым главным в поучении Иисуса Христа было то, что для освобождения от вредоносной бесовской силы важна праведная вера человека в благословенную благодать, которую следует всемерно укреплять и развивать в себе молитвой и постом. Тогда благочестивому человеку зловредные бесы будут не страшны.

Почему так много бесов прижились среди правоверных иудеев, которые под воздействием благодати Иисуса Христа толпами покидали свои уютные жилища? Древнееврейская религия того времени, ограниченная внешним исполнением обряда, не способствовала развитию внутреннего высоко нравственного благочестия, на чем настаивал Иисус. Как мы знаем, высокая христианская мораль, молитва, крестное знамение служат надежной защитой против вредоносных бесов. В настоящее время сатана торжествует, потому что большая часть населения планеты находится под его контролем. Наличие прижившегося беса в человеке не обязательно проявляется лишь в формах крайнего помешательства. Нередко он тихо и незаметно живет в человеке. Однако мгновенно реагирует даже на размышления и разговоры о вере своего подопечного, не позволяя ему религиозных устремлений. Поэтому бывает, когда человек, полагая, что он действует свободно и самостоятельно, в действительности он оказывается зависимым и под контролем внешней силы.

Первосвященники, книжники и фарисеи, внимательно наблюдая за множеством чудесных исцелений Иисуса, среди которых были в высшей степени показательные, никак не могли понять удивительную природу Его способности. Принять то, что Он Сын Бога обладает божественной благодатью, они категорически не могли. Подобные мысли им даже в голову не могли прийти. Кто Он? Матфей пишет: «Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского. Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его? И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют? Посему они будут вам судьями. Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царствие Божие» (Мф 12:24–28). Для книжников и фарисеев единственным объяснением чудесной способности Иисуса из Назарета была Его таинственная связь с сатаной. Отсюда напрашивается вывод, что бес изгоняет бесов, что очевидно абсурдно. Иоанн пишет: «Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его? Другие говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым?» (Ин 10:20–21). Этот мыслительный ступор приводил их в бешенство и вызывал лютую ненависть к благодеяниям Иисуса, что Он прозорливо видел и знал их злобные замыслы убить Его.

Лука практически подтвердил выше приведенный разговор Иисуса с фарисеями, при этом дополняя важным суждением Иисуса Христа о деятельности бесов после их изгнания из тела своей жертвы. Лука пишет: «Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие. Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает... Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убраным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого. Когда же Он говорил это, одна женщина, возвысив голос из народа, сказала Ему: блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие! А Он сказал: блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его» (Лк 11:20, 23–28). Совершенная духовно-нравственная реальность *Царства Божия*, носителем которой был Иисус Христос, действовала сокрушительной силой на зловредную чувственно-вождеющую бесовскую реальность. Освободившись от злых духов, человек должен жить в праведном жизненном мире. В противном случае в него могут вселиться еще более злые бесы.

Бесовские твари настолько многочисленны и вездесущи, что ты не можешь быть уверен, что в тебе, казалось, благополучном и добродетельном, не сидит пара бесов, которые, насмехаясь над тобой высокомерным дурачком, управляют твоими зловредными мыслями и поступками. В ходе своей проповеднической деятельности Иисус Христос изгонял из людей полчища бесов. В *главе 8* Лука пишет: «После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые жен-

щины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим» (Лк 8:1–3). По свидетельству Луки, из благочестивой Марии Магдалины выскочило семь бесов, а также другие добродетельные женщины, благодаря Иисусу, освободились от нечистой силы.

Духовно-нравственное христианское благочестие несовместимо с натуралистически-силовой бесовской реальностью. В Иудее и Галилее Иисус Христос начал борьбу с могущественным бесовским царством, господствовавшим в провинциях обширной Римской империи. С этого времени и до наших дней противоборство между этими реальностями не затихало ни на мгновение. За две тысячи лет существования христианского мира смертельная битва между этими противоборствующими жизненными мирами, как на социокультурном, так и на индивидуальном уровнях, проходила с переменным успехом, когда та или иная сторона получала преобладание. В настоящее время бесовское царство сатаны торжествует в мировом масштабе, а правоверные христиане и мусульмане в полном окружении могущественными бесовскими силами ведут тяжелые оборонительные бои.

Чудодейственная исцеляющая сила Иисуса Христа

Чудодейственная сила Иисуса была настолько мощной и необычной, что достаточно было лишь коснуться Его тела, и человек исцелялся от мучительной болезни, преследовавшей его многие годы. Марк пишет: «Ибо многих Он исцелил, так что имевшие язвы бросались к Нему, чтобы коснуться Его. И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним и кричали: Ты Сын Божий. Но Он строго запрещал им, чтобы не делали Его известным» (Мк 3:10–12). «Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет, много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние, – услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его, ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни. В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?.. Женщина в страхе и трепете, зная, что с нею произошло, подошла, пала пред Ним и сказала Ему всю истину. Он же сказал ей: дочь! вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей» (Мк 5:25–30, 33–34). Это исцеление женщины отмечает и Матфей (Мф 9:20–22). Как мы видим, Иисус Христос остро чувствовал силу своей божественной благодати, которая во время исцеления как бы истекала, убывала. Как обычно, Он благодарил дочь за её искреннюю веру.

Мощная благодать в Иисусе Христе была настолько велика, что, казалось, не было необходимости в дополнительной помощи от страждущего, в виде его веры. По-видимому, в ходе исцеления Иисус Христос видел, знал и чувствовал целительную взаимосвязь исходящего из Него Святого Духа и встречного

движения искренней и подлинной веры страдающего от болезни. Тогда происходил благостный и благоприятный эффект исцеления. Надо полагать, благодать Иисуса Христа не была подобием мощного физического поля, которое физически благотворно воздействовало на страдавших от болезней людей, восстанавливая их здоровье. Совершенная духовно-нравственная сила Иисуса Христа была настолько всемогущественная, что приобретала характер благотворной физической силы. Чтобы чудодейственная благодать Спасителя не встречала сопротивления грешного тела, Спаситель указывал подопечным искренне веровать – открыться на встречном душевном движении.

Лука приводит такой случай: «В одной из синагог учил Он в субботу. Там была женщина, восемнадцать лет имевшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться. Иисус, увидев ее, подзвал и сказал ей: женщина! ты освобождаешься от недуга твоего. И возложил на нее руки, и она тотчас выпрямилась и стала славить Бога. При этом начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний. Господь сказал ему в ответ: лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить? сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний? И когда говорил Он это, все противившиеся Ему стыдились; и весь народ радовался о всех славных делах Его» (Лк 13:10–17). В этой истории проявилась ущербная нравственная ограниченность начальника синагоги, для которого формальное соблюдение субботы имело основополагающее значение, а чудо исцеления много лет страдавшей женщины для него было мало значимым.

При чудодейственном исцелении больных и калечных Иисус Христос «применял» различные «технологии». Иногда Он представлял в качестве необычного лекаря, хотя, надо полагать, в Его таинственных манипуляциях не было необходимости, потому что исходившей из Него божественной благодати было подвластно всё. Марк пишет: «Привели к Нему глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку. Иисус, отведя его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, воззрев на небо, вздохнул и сказал ему: «эффафа», то есть: отверзись. И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто. И повелел им не сказывать никому. Но сколько Он ни запрещал им, они еще более разглашали. И чрезвычайно дивились, и говорили: все хорошо делает, – и глухих делает слышащими, и немых – говорящими» (Мк 7:32–37). Почему Иисус Христос обычно велел людям «не сказывать никому» о Его благодеяниях, хотя слухи о них разлетались по всему Израильскому государству и далеко за его пределы? Первостепенным для Иисуса Христа было милосердие и творение добра исстрадавшимся людям, а не громкая мирская слава.

В другом случае было достаточно наложения рук, чтобы очистить больного от проказы! «Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, умилосердившись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу,

очистись. После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист. И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его и сказал ему: смотри, никому ничего не говори, но пойдя, покажись священнику и принеси за очищение твое, что повелел Моисей, во свидетельство им. А он, выйдя, начал провозглашать и рассказывать о происшедшем, так что Иисус не мог уже явно войти в город, но находился вне, в местах пустынных. И приходили к Нему отовсюду» (Мк 1:40–45). Подобным образом Иисус Христос вернул зрение слепому. «Приходит в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья. Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелил и стал видеть все ясно. И послал его домой, сказав: не заходи в селение и не рассказывай никому в селении» (Мк 8:22–26).

Действие мистической исцеляющей силы Иисуса Христа происходило независимо от расстояния между Ним и больным. После того, когда к Иисусу обратился сотник с просьбой вылечить его слугу, Он сказал «сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час. Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, и коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им. Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных» (Мф 8:13–16). Примечательно то, что веровал сотник в божественную власть Иисуса, а лечению подвергался его слуга. Подобную историю сообщил апостол Иоанн: «Итак Иисус опять пришел в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино. В Капернауме был некоторый царедворец, у которого сын был болен. Он, услышав, что Иисус пришел из Иудеи в Галилею, пришел к Нему и просил Его придти и исцелить сына его, который был при смерти. Иисус сказал ему: вы не веруете, если не увидите знамений и чудес. Царедворец говорит Ему: Господи! приди, пока не умер сын мой. Иисус говорит ему: пойдя, сын твой здоров. Он поверил слову, которое сказал ему Иисус, и пошел. На дороге встретили его слуги его и сказали: сын твой здоров. Он спросил у них: в котором часу стало ему легче? Ему сказали: вчера в седьмом часу горячка оставила его. Из этого отец узнал, что это был тот час, в который Иисус сказал ему: сын твой здоров, и уверовал сам и весь дом его. Это второе чудо сотворил Иисус, возвратившись из Иудеи в Галилею. (Ин 4:46–54).

Матфей, дополняя Марка, приводит найденные им показательные примеры великой целительной силы Иисуса Христа, а также он стремился обобщить и очертить территориальные пределы роста Его влияния и славы. В 4-й главе он пишет: «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (Мф 4:23–25). По свидетельству Матфея, слава об уникальном и необычном целителе

Иисусе распространялась стремительно. Он начал чудодейственные исцеления всех, кто к нему обращался в Галилее, многие из которых имели неизлечимые болезни. Но слухи о деяниях Иисуса множились и быстро разносились не только по городам и селениям Израиля, но и Сирии и финикийских городов. «Когда же сошел Он с горы, за Ним последовало множество народа. И вот подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистишься. И он тотчас очистился от проказы» (Мф 8:1–3). Популярность среди множества людей Иисусу Христу приносила не столько Его религиозно-нравственная проповедь, заповеди и наставления, которые иудеи большей частью не понимали, сколько Его целительная деятельность. «Перейдя оттуда, пришел Иисус к морю Галилейскому и, взойдя на гору, сел там. И приступило к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими, увечных здоровыми, хромых ходящими и слепых видящими; и прославлял Бога Израилева (Мф 15:29–31). Надо полагать, обобщающие выводы в несколько стихов стоили Матфею многих трудов кропотливой работы.

Лука в своем Евангелии подтверждает сообщение Матфея о широкой известности проповедника Иисуса. При этом он отмечает, что «весь народ» поражала исцелявшая всех неведомая сила, которая исходила из Него. Евангелист пишет: «И, сойдя с ними, стал Он на ровном месте, и множество учеников Его, и много народа из всей Иудеи и Иерусалима и приморских мест Тирских и Сидонских, которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих, также и страждущие от нечистых духов; и исцелялись. И весь народ искал прикоснуться к Нему, потому что от Него исходила сила и исцеляла всех» (Лк 6:17–19). «В один день, когда Он учил, и сидели тут фарисеи и законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи и Иудеи и из Иерусалима, и сила Господня являлась в исцелении больных, – вот, принесли некоторые на постели человека, который был расслаблен, и старались внести его в дом и положить перед Иисусом; и, не найдя, где пронести его за многолюдством, влезли на верх дома и сквозь кровлю спустили его с постелью на средину пред Иисуса. И Он, видя веру их, сказал человеку тому: прощаются тебе грехи твои» (Лк 5:17–20). В своих повествованиях евангелисты нередко отмечали присутствие книжников и фарисеев во время исцелений и проповедей Иисуса Христа, внимательно изучавших Его деяния.

Указание евангелистами регионов, названий поселений, где Иисус Христос излечивал всем известных больных и калечных людей, имело исключительно важное значение в деле укрепления правдивости повествований синоптических Евангелий. Когда в 40–50-е годы младохристиане, даже не будучи очевидцами описываемых событий, со священным трепетом в душе читали эти книги, они могли получить подтверждения их подлинности от своих родственников, друзей и знакомых, которые знали выздоровевших людей. Читаем Евангелие от Матфея: «И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа. И вот, двое слепых, сидевшие у дороги, услышав, что

Иисус идет мимо, начали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов! Народ же заставлял их молчать; но они еще громче стали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов! Иисус, остановившись, подозвал их и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы открылись глаза наши. Иисус же, умилосердившись, прикоснулся к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним» (Мф 20:29–34). «Когда же подходил Он к Иерихону, один слепой сидел у дороги, прося милостыни, и, услышав, что мимо него проходит народ, спросил: что это такое? Ему сказали, что Иисус Назорей идет. Тогда он закричал: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Шедшие впереди заставляли его молчать; но он еще громче кричал: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус, остановившись, велел привести его к Себе: и, когда тот подошел к Нему, спросил его: чего ты хочешь от Меня? Он сказал: Господи! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Ним, славя Бога; и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу (Лк 18:35–43).

В большой степени значимым и показательным является отношение интеллектуальной элиты древнееврейского общества фарисеев к невиданным в древнееврейской истории чудесным исцелениям Иисуса из Назарета. Они больше всех знали, что ничего подобного не было в истории еврейского народа. Поэтому для фарисеев был непростым вопрос об оценке происходившего. При этом они большей частью были очевидцами, казалось, невероятных исцелений Иисуса, действительность которых отрицать было невозможно. Марк пишет: «И пришел опять в синагогу; там был человек, имевший иссохшую руку. И наблюдали за Ним, не исцелит ли его в субботу, чтобы обвинить Его. Он же говорит человеку, имевшему иссохшую руку: стань на средину. А им говорит: должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? Но они молчали. И, возрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою. Он протянул, и стала рука его здорова, как другая» (Мк 3:1–5). Иисус на глазах истово верующих иудеев в синагоге, казалось, непринужденно излечил не пораненный пальчик или головную боль, а иссохшую руку! Это исцеление Иисуса Христа подтверждает Лука (Лк 6:7–11). В этой напряженной экзистенциальной ситуации проявляется подлинность религиозной веры и морали. Какие ценности являются приоритетными – добродетельное благодеяние или строгое исполнение обряда?

Самые сильные исцеления Иисуса Христа – оживление умерших

Впечатляющую историю оживления девушки описал Марк в 5-й главе. Приходит к Иисусу один из начальников синагоги, по имени Иаир, и падает к ногам Его и усиленно просит помочь его дочери, которая была при смерти. Иисус пошел с ним. За Ним следовало множество народа, и теснили Его (Мк 5:22–24). Марк приводит имя начальника синагоги, что по нормам научного дискурса было важным уточняющим обстоятельством, потому что Евангелие от Марка могли прочитать (и читали!) иудеи, знавшие Иаира. «Когда Он еще

говорил сие, приходят от начальника синагоги и говорят: дочь твоя умерла; что еще утруждаешь Учителя? Но Иисус, услышав сии слова, тотчас говорит начальнику синагоги: не бойся, только веруй. И не позволил никому следовать за Собою, кроме Петра, Иакова и Иоанна, брата Иакова. Приходит в дом начальника синагоги и видит смятение и плачущих и вопиющих громко. И, войдя, говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит. И смеялись над Ним. Но Он, выслав всех, берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним и входит туда, где девица лежала. И, взяв девицу за руку, говорит ей: «талифа куми», что значит: девица, тебе говорю, встань. И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати. Видевшие пришли в великое изумление» (Мк 5:35–42). Такое проникновенное повествование исцеления девушки написать в Риме было невозможно. Это выдающееся исцеление Иисуса Христа воспроизвел в своей книге Лука (Лк 8:40–55).

Как это возможно с точки зрения современной науки, когда у умершего начался процесс самораспада на клеточном и макромолекулярном уровне, а сложнейшая система головного мозга уже не подлежит восстановлению, возродить весь этот многоуровневый комплекс? Согласно Евангелию от Марка, оживление сына Иаира произошло мгновенно, что для современных ученых означает, что все сложнейшие системы человеческого организма заработали как часовой механизм. Как это возможно? С точки зрения современной науки это невозможно ни при каких обстоятельствах, и поэтому эти сказки евангелистов нельзя принимать серьезно. Вместе с тем история науки убедительно показывает ограниченность научного дискурса на любом этапе развития науки. Сколько революционных открытий ученых, приводивших к разрушению существовавших весьма ограниченных научных представлений, первоначально отбрасывались и даже приводили к преследованию их авторов. Методологическое предостережение выражается в том, что следует быть предельно осторожным в научных оценках и заключениях, **ничего не отбрасывать с порога**. Любую гипотезу, в том числе и мистическую, следует принять к неспешной разработке. В результате может открыться, что, казалось, незыблемые фундаментальные научные представления были весьма ограниченными. Если за тёмной материей и тёмной энергией существует особого рода божественная реальность, которая **может всё** без каких-либо ограничений, то, получается, что базовые законы мироздания находят обоснование в ней.

Сила божественной благодати Иисуса была бесконечна. Он, подобно Богу-Отцу, мог сделать всё, что пожелал бы. Совершив великое чудо, Он не требовал восхвалений и божественных почестей. Будто после обыденного дела Иисус «строго приказал им, чтобы никто об этом не знал, и сказал, чтобы дали ей есть» (Мк 5:43).

Другой случай приводит евангелист Лука в *7-й главе*: «После сего Иисус пошел в город, называемый Наин; и с Ним шли многие из учеников Его и множество народа. Когда же Он приблизился к городским воротам, тут выносили умершего, единственного сына у матери, а она была вдова; и много народа шло с нею из города. Увидев ее, Господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь. И, подойдя, прикоснулся к одру; несшие остановились, и Он сказал:

юноша! тебе говорю, встань! Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его. И всех объял страх, и славили Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой. Такое мнение о Нем распространилось по всей Иудее и по всей окрестности» (Лк 7:11–17). Указание на город Наин, в котором произошло описываемое Лукой событие, давало читателям середины I в. возможность проверки его достоверности. Замечательно то, что, по свидетельству евангелистов, чудодейственные исцеления Иисуса Христа вызывали у присутствовавших не столько восхищение и восторг, сколько жуткий страх от яркого проявления мистической мощи божественной силы, очевидцами которого они стали.

Самое противоречащее современной науке оживление умершего Лазаря приводит в своем Евангелии апостол Иоанн, непосредственным очевидцем которого, по-видимому, он был. При всей евангельской простоте описания он воспроизвел впечатляющую картину происходившего. Читаем текст с некоторыми сокращениями: «Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее. Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими. Сестры послали сказать Ему: Господи! вот, кого Ты любишь, болен. Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий. Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря... После этого сказал ученикам: пойдём опять в Иудею. Ученики сказали Ему: Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда? ...говорит им потом: Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет... Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер» (Ин 11:1–5, 7–8, 11–12, 14). Надо полагать, оживление Лазаря Сыном Божьим произвело настолько сильное впечатление на молодого Иоанна, что оно сохранилось в его памяти в деталях разговоров и переживаний Учителя в глубокой старости, когда он работал над своим Евангелием.

«Иисус, придя, нашел, что он уже четыре дня в гробе. ...Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир» (Ин 11:17, 21–27). Иисус Христос был носителем и проповедником подлинной реальности во всех отношениях, подлинной жизни («воскресения и жизни»), но никто даже из самых приближенных ему людей не могли этого понять, принять и уверовать. Даже те, кто говорили, что веруют в Него.

Апостол Иоанн, наиболее настойчиво и последовательно проводивший идею божественной природы Сына Бога в своем Евангелии, в истории оживления Лазаря показал Его наиболее человеческим, эмоционально переживавшим смерть близкого Ему человека. Иоанн отметил, что «Иисус прослезился. Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его» (Ин 11:35–36). Казалось, не

было необходимости Иисусу в проявлении искренних сильных чувств, когда Он знал, что в один момент оживит благочестивого Лазаря. «Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию? Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня. Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет. Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него. А некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус. (Ин 11:38–46). Среди всех исцелений для Иисуса Христа оживление Лазаря было самым сложным. Если ранее во всех случаях изгнания бесов и многочисленных исцелений мистическая мощь божественной благодати, носителем которой Он был, действовала как бы автоматически. То в истории с Лазарем от Него потребовались особенно большие и напряженные усилия, о которых мы можем судить по Его благодарению Бога-Отца.

Мистическая власть Иисуса Христа над силами природы

Иисус Христос не стремился к показному проявлению Своих могучих способностей по воздействию на природные явления, что, несомненно, способствовало бы Его прославлению как Сына Бога. Спаситель творил чудеса в природе лишь в силу возникшей необходимости, при этом проявляя высшую степень смирения.

Иоанн пишет, что на третий день после крещения «был брак в Кане Галилейской, и Мать Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как не доставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Мать Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, – а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, – тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подаст сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его (Ин 2:1–11). Последний стих показывает достоверность приведенной истории, очевидцем которой был Иоанн. Надо полагать, что брак в Кане Галилейской происходил на третий день после сорокадневного поста и выхода Иисуса из пустыни. В чудесном превращении

воды в прекрасное вино больше всего восхищает высшая степень смирения Иисуса. Если бы Иисус был мирским человеком, то в возникшей ситуации он бы демонстративно сделал магические пассы фокусника, и, когда на радость всех присутствовавших вода превратилась в вино, он принимал бы поздравления и восхваления.

Однако в этом замечательном повествовании наибольший интерес вызывает не столько чудесное превращение воды в вино, сколько предельно скупые детали взаимоотношений Пресвятой Богородицы и Сына Бога. Если до крещения Иисус не знал о Своем непорочном зачатии, потому что Дева Мария, сохраняя предельную святость и смирение, об этом Ему не говорила, да и не могла сказать, то, когда после крещения у Иисуса появились божественные способности в полном объёме, то у Него открылся дар абсолютной прозорливости – неограниченное знание прошлого, настоящего и будущего. Ему вдруг открылась тайна обстоятельств Его собственного рождения. Если моя версия верна, то непременно должна была произойти встреча Матери Марии и Бога Сына, во время которой должно было ещё более укрепиться священное родство Их душ. Из описания брака в Кане мы видим потаённо доверительные отношения между Девой Марией и Иисусом Христом, что является косвенным подтверждением моей гипотезы – накануне произошла встреча совсем другого Иисуса с Матерью, сохранявшей Свою девственную святость и смирение.

Представляет значительный интерес история кормления Иисусом Христом тысяч людей несколькими хлебами. Марк так описывает, как Иисус пятью хлебами и двумя рыбами накормил пять тысяч человек: «Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали им; и две рыбы разделил на всех. И ели все, и насытились. И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов. Было же евших хлебы около пяти тысяч мужей» (Мк 6:41–44). Это чудо-кормление пяти тысяч мужей пятью хлебами и двумя рыбами, после чего набрали 12 полных коробов хлеба, подтверждают в своих Евангелиях Лука (Лк 9:12–17) и Иоанн (Ин 6:8–14). По свидетельству Марка, подобная история чудо-кормления повторилась. В *8-й главе* он пишет: «В те дни, когда собралось весьма много народа и нечего было им есть, Иисус, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть. Если неевшими отпущу их в дома их, ослабнут в дороге, ибо некоторые из них пришли издалека. Ученики Его отвечали Ему: откуда мог бы кто взять здесь в пустыне хлебов, чтобы накормить их? И спросил их: сколько у вас хлебов? Они сказали: семь. Тогда велел народу возлечь на землю; и, взяв семь хлебов и воздав благодарение, преломил и дал ученикам Своим, чтобы они раздали; и они раздали народу. Было у них и немного рыбок: благословив, Он велел раздать и их. И ели, и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин. Евших же было около четырех тысяч. И отпустил их» (Мк 8:1–9). Это чудо-кормление Иисуса описал также Матфей (Мф 15:32–38). По-видимому, Марк и Матфей опирались на различные источники свидетельства истории чудо-кормления семью хлебами. Это обстоятельство способствует повышению степени достоверности их повествования.

Поскольку очевидцами описанной выше истории было слишком много людей, то она никак не могла быть фантазией евангелистов. Тогда возникает вопрос: как было возможно совершение этого чудо-кормления? Обычно в христианской литературе эта история подается лишь как мистическое событие. Бог всемогущий. Он всё может. Его деяния не подлежат обсуждению. В своей работе я стараюсь осмыслить мистический факт с точки зрения современного научно- религиозного дискурса. Если для Бога всё возможно, то проще было бы, чтобы хлебы, подобно манне небесной, упали в руки возлежавших тысяч людей. Однако, как мы видим, Иисусом Христом был задействован таинственный механизм, который только внешне представляется простым. Что послужило началом чудесного процесса кормления? Иисус Христос, «воззрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим». Мистическая связь Иисуса с Богом Отцом была непосредственной и непрерывной. Достаточно было Сыну Бога «воззреть на небо», чтобы снизошел в мирское бытие божественный механизм творения из ничего, в результате чего произошло чудесное совмещение естественной реальности (пять хлебов) и божественного творения. Когда Иисус Христос «благословил и преломил хлебы», то Он таким образом запустил процесс чудесного творения. Примечательно то, что далее Иисус не принимал участия в происходившем чуде, предоставив механическое его исполнение «ученикам Своим». Много в природной истории и истории человечества происходило как бы из ничего, что требует тщательного исследования.

Рассмотрим воздействие Иисуса Христа на природные процессы, возникшие в силу необходимости. Обратимся к Евангелию от Марка: «Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону. И они, отпустив народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки. И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою. А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им: что вы так боязливый? как у вас нет веры? И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?» (Мк 4:35–41). Своих учеников Иисус поразил тем, что Он мог без каких-либо усилий управлять властными силами природы. В Евангелиях от Матфея (Мф 8:23–27) и Луки (Лк 8:23–25) мы находим подтверждение этого чудесного события. Разночтения в текстах указывают, что они использовали различные свидетельства, что существенно повышает правдивость их повествования.

С чудесными историями Иисуса Христа связано описание Его «левитации», когда проявилась Его телесная независимость законам притяжения, которые являются определяющими в материальном мире. Наиболее полно эту историю излагает Матфей: «И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус

тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? И, когда вошли они в лодку, ветер утих. Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий» (Мф 14:23–33). Эту историю подтверждает Марк, опираясь на свои источники (Мк. 6:48–53), а также, как очевидец, апостол Иоанн (Ин 6:16–21). Эта замечательная история показывает не столько необычайную способность Иисуса ходить по воде, сколько проявляет уникальную природу Его телесности. Внешне Его тело не отличалось от телесного склада других людей. Однако, по-видимому, в Его теле функционировала совсем другая «физиология».

Луке удалось раздобыть свидетельство о чудодейственном деянии Иисуса Христа. Он пишет: «Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Геннисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, выйдя из них, вымывали сети. Войдя в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега и, сев, учил народ из лодки. Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась. И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть. Увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных; также и Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону. И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков. И, вытащив обе лодки на берег, оставили все и последовали за Ним (Лк 5:1–11). Трудно найти научнообразную гипотезу для объяснения, казалось, обыденного чудесного деяния Иисуса, которое привело Петра и испытанных рыбаков в ужас. Получается, что в этом случае проявилась организующая и управляющая сила благодати Иисуса, которая загнала рыбу в сети.

Абсолютная прозорливость Иисуса Христа

Своеобразие мистики Иисуса Христа выражается в Его абсолютной прозорливости в настоящем и будущем существовании, проявления которой отмечали все евангелисты. Для Него все потаенное, тайно скрываемое и даже ещё не свершившееся было прозрачно. Подобно Богу, Иисус прозревал всё. Это означает, что Он как бы пребывал в двух существенно различных экзистенциальных реальностях – поверхностной мирской и потаённой, о существовании которой мы, чувственно-предметно ограниченные люди, можем только предполагать. При этом прозорливость Иисуса Христа проявлялась как

в отношении Самого Себя, так и на культурно-историческом уровне (судьба Иерусалима), а также в отношении отдельных людей (Своих учеников, фарисеев). Иисусу непосредственно было открыто прошлое, потаённое настоящее (мысли, замыслы собеседника, его прошлое и дальнейшая его судьба) и будущее всего сущего. **Для Иисуса Христа всё было прозрачно!** Если мы живем в пределах индивидуально ограниченного прошлого и настоящего, то Иисус Христос в земной жизни пребывал в режиме реального времени в трех измерениях прошлого, настоящего и будущего, пространства которых были ничем не ограничены. Он видел и знал всё. Те, кто был рядом с Ним или общался с Ним, этого не знали и не могли бы понять. Современный читатель или исследователь Нового Завета должен всё время учитывать эту особенность жизненного мира Сына Бога, которую нам, ограниченным чувственностью мирским людям, трудно представить и понять. Как будет показано ниже, после Иисуса Христа прозорливость стала важным показателем достижения святости православного монаха.

В Евангелиях от Марка, Матфея и Луки содержится, можно сказать, комплексное пророчество Иисуса Христа о печальной судьбе Иерусалима, еврейского народа и др. При чтении Евангелий складывается впечатление, будто Иисус стремился передать словами прозорливые видения будущего. Поскольку это пророчество Иисус произнес своим ученикам, когда выходил из храма, то это свидетельство могло исходить только от учеников, среди которых, надо полагать, был Матфей. Поэтому его повествование предстает более полным и достоверным. Я буду его рассматривать как базовое. Скорей всего, это важное знание Марк записал со слов апостола Петра. Повествования пророчества Иисуса Христа в трёх Евангелиях отличаются друг от друга в деталях, что свидетельствует о независимой работе каждого евангелиста. При этом, вполне очевидно, что Лука, тщательно изучив тексты Матфея и Марка, не копировал описания своих предшественников, а искал своеобразные уточнения.

Матфей пишет: «И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания! «Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф 24:1–2). Нам трудно понять, как в жизненном мире Иисуса совмещались непосредственно воспринимаемая обустроенная социальная реальность и яркие картины ее разрушения в будущем. «Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века? Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят» (Мф 24:3–5). Марк сообщает, что Иисус Христос сделал это предостережение лишь Петру, Иакову, Иоанну и Андрею (Мк 13:3–6). Предостережение Иисуса об опасности прельщения ложными учителями и спасителями было больше обращено к последующим поколениям христиан, чем к апостолам, которые, общаясь с Ним, ни на кого не могли променять своего божественного Учителя.

В шумной жизни большого города Иерусалима, когда казалось, ничто не предвещает беды, Сын Человеческий прозревал в недалеком будущем великие разрушения, бедствия и смерть. Читаем Евангелие от Матфея: «Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это – начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь; претерпевший же до конца спасется» (Мф 24:6–13). Лука уточняет картину разрушения Иерусалима: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него, потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей: и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (Лк 21:20–24). Когда евангелисты писали свои Евангелия в 40–50-е годы, даже тогда эти слова Иисуса Христа, надо полагать, казались странными. С одной стороны, Сын Бога сказывал о ближайшей ужасающей перспективе для еврейского народа, что и случилось в надвигавшейся войне с римлянами, а с другой – Он говорил о будущей мировой истории, в частности, о событиях в первой половине XXI в. что нас ожидает в ближайшем будущем?

Если бы один из самых авторитетных философов науки XX века К. Поппер (1902–1994) использовал свою методологию научного познания применительно к рассматриваемому пророчеству Иисуса Христа, то он бы сказал, что проповедник Иисус из Назарета сделал в высшей степени рискованное предсказание, которое в полной мере подтвердилось. Когда Иисус Христос с переменным успехом проповедовал Благоую весть в Израильском государстве, даже Его ближайшие ученики не доходили до понимания глубокого смысла Его вероучения. Он прозревал всемирно историческое значение Его *Благой вести*, хотя путь ее распространения будет сопряжен с преодолением жестоких насилий и преследований. Матфей пишет: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф 24:14). Марк приводит важное пожелание Учителя Своим возлюбленным ученикам, высшую значимость которого они поймут после *Вознесения* Иисуса Христа по время своей проповеднической деятельности. Неоперившиеся птенцы Иисуса Христа, Его ученики, не подозревали, что им предстоит мужественное служение. Зная будущую историю, милосердный Иисус подготавливал своих духовных детей: «И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие. Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой» (Мк 13:10–11). Действительно, сразу же после *Вознесения* Иисуса Христа малообразованный

апостол Петр, подобно великому оратору и мудрецу, обратится с речью к иудеям. Иисус ясно прозревал жизнь Своих учеников, которым придется претерпеть жестокие испытания и преследования за проповедь *Благой вести* Иисуса Христа. Лука пишет: «Итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам. Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; и будете ненавидимы всеми за имя Мое, но и волос с головы вашей не пропадет, – терпением вашим спасайте души ваши» (Лк 21:14–19).

Ничего не подозревавшим ученикам Иисус Христос говорил о втором пришествии Сына Человеческого: «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все сие будет; небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Мф 24:29–35). Когда земной путь Иисуса Христа подходил к завершению, Он верно знал, что самое главное впереди – Его *Благая весть* будет прокладывать основную духовно-нравственную магистраль развития человечества.

Когда произойдет второе пришествие Иисуса Христа и наступит конец Света? Для христиан это самая большая тайна в истории человечества. Сын Человеческий говорил: «О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец. Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время. ...бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте. (Мк 13:32–33, 35). Неужели мировая история имеет свой конец? Происходившие в последние годы различного рода катаклизмы показывают, будто всё к этому идет, потому что интенсивность негативных природных, экономических и культурно-исторических процессов нарастает в мировом масштабе. А бодрствовать нужно всегда, потому что не знаешь, когда закончится твой жизненный путь. Нужно стараться, чтобы твоя душа в духовно-нравственном отношении была готова для путешествия *Туда*.

Иисус Христос прозревал Свое существование в *Царстве Небесном*. «Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19:28). Совершенное пространство *Царства Небесного* не замкнуто бытием Святой Троицы. Оно имеет способность к расширению для достигших святости христианских подвижников. Первоначально таковыми были Иоанн Креститель и Апостолы. «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и

все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Мф 25:31–32). *Царство Божие* открыто для всех достигших святости служителей Церкви.

Своеобразие жизненного мира Иисуса в режиме реального времени выразилось в том, что Его, чем бы Он ни занимался, постоянно точила забота о приближающемся окончании Его земной жизни. Поэтому эта навязчивая мысль-переживание время от времени прорывалась наружу и проявлялась в рассуждениях среди Своих учеников. Так, «во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма опечалились» (Мф 17:22–23). «Когда были они на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что будет с Ним: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет» (Мк 10:32–34). В своих Евангелиях Матфей (Мф 20:17–19) и Лука (Лк 18:31–34) также сообщают об этих пророческих суждениях Иисуса Христа, которые для Апостолов были странными и непонятными. Поэтому они каждый раз печалились, но боялись спрашивать Учителя. Лука пишет: «Он сказал ученикам Своим: вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие. Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись. (Лк 9:43–45).

Таким образом, повествования евангелистов указывают на сложное построение пространства жизненного мира Иисуса Христа, которое составляли в режиме реального времени, казалось, несовместимые реальности – чувственно-воспринимаемое материальное бытие, причудливый мир бесов и совершенное трансцендентно-трансцендентальное *Царство Небесное*. К этому следует добавить Его прозорливую способность, для которой было открыто в полном объеме прошлое, настоящее и будущее, как на общеисторическом, так и на индивидуальном (каждого встречного!) уровнях. Нам с ограниченными способностями людям невозможно представить столь сложное совмещение всех этих реальностей в единое целое жизненного мира Иисуса Христа. Как после очевидного совмещения этих реальностей возможно Спасителя не называть Богом? Чудесные деяния Иисуса Христа в полной мере подтверждают, что Он Сын Бога, Который мог совершить любые благодеяния. Поскольку для евангелистов эти мистические события были особенно важны и значимы, то при их описании они стремились к максимальной точности повествования, которые, по сути, представляют собой собрания мистических фактов. Те, кто рассуждает о фантазиях недалеких мифологически мыслящих евангелистов, показывают, что их высокомерные установки приводят к поверхностному изучению евангельских текстов.

4.6. Мистические деяния православных монахов

Целью этого раздела является показать, что в истории Христианской Церкви изгнание бесов, чудесные исцеления были достаточно многочисленными. Описания многих из них можно рассматривать как мистические факты. Протестантские теологи и исследователи-атеисты категорически не принимают и отбрасывают мистические деяния Иисуса Христа, называя их вымыслами недалеких евангелистов, потому что с точки зрения их упрощённых философско-научных представлений подобные явления никогда не могут иметь место ни в природе, ни в деятельности человека.

С точки зрения современной философии и методологии науки мироздание представляет собой значительно более сложную систему, чем мы о ней думаем, опираясь на самые развитые научные теории. Неограниченный устаревшими материалистическими философскими установками современный научный дискурс вполне может включать религиозную эпистемологию, в рамках которой могут разрабатываться продуктивные мыслительные конструкты «Бога», «веры», «мистической связи» и другие.

В истории Византийской и, особенно, Русской православных церковью существует много письменных источников, которые дают достаточно надёжный материал для исследования мистической реальности. Я буду использовать лишь некоторые наиболее показательные мистические факты для научно-религиозного анализа.

Божественные чудесные деяния в природе, запечатленные в истории христианства

Проявления чуда в природе, запечатленные в много вековой христианской истории, обычно происходили в критической ситуации, когда требовалось божественное вмешательство для спасения или помощи благоверным христианам. В «Церковной истории» Евсевий Кесарийский пишет: «Рассказывают, что брат его, кесарь Марк Аврелий, перед сражением с германцами и сарматами оказался в безвыходном положении, так как войско его обессилело от жажды. Воины так называемого Мелитинского легиона с верой, которая с того времени и доныне поддерживала их в сражениях с неприятелем, опустились, по нашему молитвенному обыкновению, на колени и обратились с мольбой к Богу. Зрелище для врагов было удивительное, но то, что, по рассказу, постигло их тут же, было еще удивительнее: страшная гроза обратила врагов в бегство и погубила их; ливень, хлынувший на воззавших к Богу, восстановил силы всего войска, бывшего на краю гибели. Рассказ об этом есть и у писателей, далеких от нашей веры, но излагающих те же события; есть и у наших. Историки со стороны признают чудо, но, в нашей вере ничего не понимая, отрицают, что оно произошло по нашим молитвам. Наши, сроднившиеся с истиной, передают факты просто и бесхитростно. Один из них, Аполлинарий, говорит, что легион, по молитве которого произошло чудо, получил от импера-

тора наименование, которое по-латыни означает “молниеносный”. Свидетельствует об этом и почтенный Тертуллиан, обратившийся к римскому сенату с Апологией нашей веры, уже упомянутой. Он передает этот рассказ, подтверждая его доказательствами более сильными и убедительными; по его словам, до сих пор ходят письма Марка, императора весьма разумного, в которых он свидетельствует, что его войско в Германии почти погибло без воды и спаслось молитвами христиан» (V, 5, 1–6). Из этого повествования следует, что мистический факт стал историческим фактом древнеримской истории, достоверность которого признали противники христианского вероучения император и сенаторы.

Показательную историю из недавнего советского прошлого сообщил ныне митрополит Пáвел (в миру Георгий Васильевич Пономарев) архиерей Русской православной церкви, митрополит Крутицкий и Коломенский, патриарший наместник Московской митрополии, постоянный член Священного синода с 15 апреля 2021 года. В 1988 г. в Псково-Печерском монастыре, насельником которого был архимандрит Иоанн (Крестьянкин) Собор старцев принял решение построить на Святой горе, в пределах монастыря, деревянный храм в честь собора Псково-Печерских святых. Когда осенью 1989 г. приступили к работе и возвели сруб храма, но уже в декабре приехала представительная делегация из Москвы, которую прежде всего интересовала Святая гора. Когда Павел сообщил архимандриту Иоанну о прибытии нежданной проверки из Москвы, тот встал на молитву. Павел сообщает, что «минут через 20–25 небо заволочло тучами и пошел такой крупный снег, что в 10 метрах ничего не было видно», и члены комиссии вынуждены были отказаться от посещения Святой горы [115, с. 34–36].

Жестокие битвы монахов с бесами

Задачей этого раздела является показать, что своеобразный мир бесовской реальности не только существует, но и попытаться прояснить особенности его природы. При этом я буду держать мысль о том, что Иисус Христос зловредную бесовскую реальность видел и знал в полном объеме и всей своей благодатной мощью воздействовал на неё. Богатый материал для исследования сатанинского мира предоставляет «Киево-Печерский патерик» (1406 г.), мистические свидетельства которого я полагаю достоверными.

Инок Киево-Печерского монастыря Матфей Прозорливый († ок. 1088 г.) обладал способностью видеть бесовскую реальность. «Этот блаженный старец, – сообщается в «Киево-Печерском патерике», – стоя однажды в церкви на своем месте и охватив взором всю братию, которая стояла по всем сторонам и пела, увидел беса, который обходил их в образе воина; он на воскрилии риз своих носил липкие цветы, и, кладя на цветок что-то злое, бросал его на кого-нибудь. И, если цветок приставал к кому-нибудь из поющей братии, в том после малого стояния расслабевало внимание и, найдя себе какой-нибудь предлог, он выходил из церкви и шел в келию, где спал, не возвращаясь больше в церковь на пение. Если же бросал на кого, но цветок не приставал, тот стоял

крепко на пении, пока не отпевали утреню, и тогда отправлялся в свою келию. Видев это, старец рассказал о том братии, и все остерегались выходить из церкви». Из этого повествования следует, что даже, казалось, в духовно-нравственно очищенном пространстве Киево-Печерского монастыря бесы гуляли, как по бульвару, и брали власть над каждым монахом, временно давшим слабину в подвижничестве. Для Матфея Прозорливого видение двойственности мирского бытия, состоявшего из чувственно воспринимаемой и бесовской реальностей, было обычным делом.

Другой эпизод, описываемый в Патерике, показывает, что у Матфея Прозорливого взаимоотношения с бесами носили невраждебный характер, потому что его защита святости христианского подвига была для них непреодолима, а он не стремился всячески их изгонять. Читаем Патерик: «Однажды он вышел и сел под церковным биллом, желая немного уснуть, потому что келия его была далеко от церкви. И он увидал, что большая толпа идет от монастырских ворот и, присмотревшись, увидал одного беса, с гордостью сидящего на свинье, и множество других, идущих вокруг него. И спросил их старец: “Куда вы идете?” Бес, сидящий на свинье, отвечал: “За Михаилом Тоболковичем”. Старец же, осенив себя крестом, пошел в келию – уже был рассвет дня – и, уразумев видение, сказал ученику своему: “Пойди спросить, в келии ли Михаил”. Тот пошел спросить, и ему отвечали: “Сегодня после утрени он вышел за монастырскую ограду”» [65, с. 149]. Из этого повествования следует, что Матфей мог общаться с бесами, как с людьми.

Читаем замечательное описание проникновенного наблюдения Матфея: «При Никоне было Матфею такое видение. Однажды, стоя за утреней, он поднял глаза, желая видеть игумена, блаженного Никона, и увидел осла, стоящего на игуменском месте; он понял, что игумен не пришел к утрени, и рассказал ему о том. Игумен, приняв это откровение как наказание, много каялся, и с тех пор, отлагая не только лень, но и всякое нужное монастырское дело, старался прежде всех приходить в церковь, так что после этого вразумления он скорее достиг блаженной святости» [65, с. 150]. Примечательным является то, что в священном пространстве храма, да еще на месте отсутствовавшего игумена восседал шутник бес.

Совсем другая, гораздо более жестокая битва с бесами складывалась у преподобного затворника Киево-Печерского монастыря Исаакия († 1090 г.). Он был родом Торопчанин, по жизни в миру купец, был богат. Решившись быть иноком, он раздал все имение свое нуждающимся и монастырям, пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося принять его в чин иноческий. Преподобный Антоний, провидя, что добродетельная жизнь его будет равноангельна и совершенно достойна ангельского образа, исполнил его просьбу. «Тогда преподобный отец наш Исаакий, став иноком, принял жестокий образ жизни. Ему казалось недостаточным одеваться во власяницу, и он велел купить себе козла и содрать мех, и покрыл свою власяницу той кожей, еще сырой и мокрой, и она высохла на его теле. Потом в одном пещерном проходе он затворил себя в малой келии, протяжением в четыре локтя, и тут молился Богу со слезами. Его пищей была одна просфора, и то через день, и воду он пил ме-

рой. Это приносил ему преподобный Антоний и подавал ему в окно столь малое, что едва проходила рука. Он никогда не ложился, но, сидя, ненадолго засыпал, и в таком образе жизни провел семь лет, не выходя из келии» [65, с. 185]. Как мы видим, в суровом монашеском практическом делании Исаакий был строгим и мужественным монахом.

Он не подозревал, какое изощрённое по своей жестокости испытание приготовили ему бесы. «Однажды, когда настал вечер, он начал по обыкновению класть поклоны и петь до полночи псалмы. Утрудившись, он погасил свечу и сел на своем месте. И вот внезапно засиял в пещере яркий свет, как от солнца, невыносимый для глаз, и пришли к нему два беса в образе прекрасных юношей; лица их сияли как солнце, и они сказали ему: “Исаакий, мы ангелы, а вот идет к тебе Христос с прочими ангелами”. Встав, Исаакий увидел множество бесов, лица которых светились как солнце. Один из них сиял ярче всех, и от лица его исходили лучи, и сказали они святому: “Исаакий, это Христос, припади и поклонись ему”. Исаакий, не поняв действия бесовского, и не вспомнив, что нужно оградить себя крестным знаменем, поклонился ему, как Христу. Бесы тогда подняли громкий крик и вопили: “Ты наш, Исаакий”. И, посадив его, они стали сами садиться около него, и вся келия и весь проход пещерный были полны бесов. И сказал один из бесов, мнимый Христос: “Возьмите дудки, тимпаны и гусли и ударяйте. Пусть Исаакий пляшет для нас”. И тотчас ударили в дудки, тимпаны и гусли, и, взяв Исаакия, стали с ним скакать и плясать много часов и, обессилив его, оставили едва живым и, надругавшись так над ним, исчезли. На следующий день, когда пришло время вкушения хлеба, преподобный Антоний пришел по обычаю к оконцу и сказал: “Благослови, отче Исаакие” – и не было ответа. Много раз он повторял это, но его не услышали, и ответа не было. Тогда он сказал себе: “Не преставился ли он уже?” И послал в монастырь за преподобным Феодосием и за братией. Братия пришла и откопала там, где был загражден вход и взяла Исаакия, думая, что он мертв. Вынесши его, положили его пред пещерой, и тогда увидели, что он жив. И сказал игумен, преподобный Феодосий: “Воистину, это случилось с ним от бесовского действия”. Его положили на одр, и святой Антоний служил ему. Удивительно то, что в продолжение двух лет не вкусил он ни хлеба, ни воды, никакой другой пищи – и оставался жив, лежа немым и глухим. Преподобный же Феодосий творил над ним молитву день и ночь, и, наконец, на третий год Исаакий заговорил, и просил, чтоб его поставили на ноги, и начал ходить как дитя, но не заботился о том, чтоб идти в церковь, так что едва силой принесли его, и так начал он понемногу ходить в церковь; потом начал ходить в трапезу, где сажали его отдельно от братии, и клали пред ним хлеб, но он не хотел брать его. Братия клала ему в руку, но преподобный Феодосий говорил: “Положите перед ним хлеб и не кладите ему в руки, чтоб он сам ел” – и целую неделю не позволял класть ему хлеб в руки. Он, глядя на других, стал понемногу вкушать хлеба и научился есть. И так избавил его преподобный Феодосий от козней дьявола и от прелести его... Иногда на блаженного видениями бесовскими было такое страхование, что они в ночи приходили к нему, как толпа людей, с мотыгами и заступами, говоря: “Раскопаем эту пещеру и за-

роем его здесь”. Другие говорили: “Выйди, Исаакий, тебя хотят зарыть”. А он говорил им: “Если бы вы были люди, то ходили бы во дни, вы же – тьма и во тьме ходите”. Тогда, как и во всех мечтаниях, знаменовал он себя крестом, и бесы исчезали. Иногда же они устрашали его в образе медведей или львов, или других диких зверей, иногда ползли к нему, как змеи, как жабы, мыши и всякие гады; но ничего не могли сделать ему, и говорили: “Исаакий, ты победил нас”. Он же отвечал: “И вы победили меня, явившись в образе Иисуса Христа и ангелов, будучи недостойны такого сана. Но теперь хорошо делаете, являясь в образе зверей и скотов, змей и гадов, потому что и сами вы скверны”. И с тех пор не было ему никаких досаждений от бесов после трехлетней с ними борьбы, по втором поселении в пещере, как сам он поведал. И потом начал он снова еще более крепкое житие; имел еще большее воздержание, пощение и бдение. И среди таких подвигов приспел конец жизни его и он разболелся в пещере. Братия отнесла его, больного, в монастырь, где он проболел до восьми дней и в добром исповедании отошел верным путем к Богу. Игумен же – уже Иоанн – и вся братия, опрятав тело его, погребли честно со святыми отцами в пещере» [65, с. 185–189]. Я собрал достаточно много материала о борьбе православных монахов с бесами со времен Антония Великого, но такого случая, чтобы бесы принимали облик Иисуса Христа и сопровождавших Его ангелов, я не встречал.

В непрерывно происходящем сражении отборного войска Христова монахов с бесовским скопищем прослеживается следующая закономерность – чем более успешно подвижник продвигается по *Пути* освобождения от мирской зависимости в душевном и телесном отношениях, совершенствуя свое духовно-нравственное благочестие, тем его битва с бесами приобретает всё более ожесточенный характер. Ведь главной задачей полчищ сатаны является строго держать многочисленное население людей планеты в чувственно-вождедеющей зависимости. В настоящее время могущественная рать сатаны празднует ошеломляющую победу всемирного масштаба над существующим человечеством, пространство завоеваний и власти которой над душами людей стремительно расширяется и укрепляется. Остались лишь небольшие очаги сопротивления благочестивых людей, которые попрятались по своим кельям, пещерам и норам, и тихо и незаметно вымирают, как динозавры.

Коварство романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» выражается в том, что один из главных героев романа сатана-Воланд предстает добрым и благочестивым наблюдателем зловердной советской действительности, оценивая последнюю с точки зрения высокой морали, чего не может быть в принципе. Романист также мастерски подает бесовскую свиту Воланда, изображая ее носителями правды и справедливости. Но наиболее удачно он показал могучую и несокрушимую бесовскую силу, для которой в мирском бытии не существует никаких преград. Бесам всё позволено, и законы естественных наук им не указ. Досужие исследователи христианства стараются держать Господа в строгом подчинении законам физики, химии, биологии и др. При нарушении Богом жестко ими установленных природных законов они сразу же Его «увольняют», утверждая невозможность Его существования.

У Никиты Печёрского Затворника († 1108 г.), ставшего впоследствии епископом Новгородским, что является дополнительным подтверждением правдивости истории, произошло удивительное сражение с бесами. Он «начал просить игумена благословить ему подвизаться наедине, войдя в затвор. Игумен препятствовал этому, говоря: “Чадо, нет тебе пользы, будучи юным, сидеть в праздности. Лучше тебе будет остаться с братией и работать на неё, и ты не лишишься награды своей”... Никита же никак не мог послушаться слов игумена, не мог подавить в себе великого рвения к затворническому житию, и сделал то, что замыслил. Затворился, крепко заградил дверь, и пребывал наедине, в молитве, не выходя. Но уже через несколько дней не избежал он дьявольских сетей. Во время пения своего, услышал он голос, молящийся вместе с ним и обонял несказанное благоухание. И, прельстившись этим, сказал себе: “Если б не был это ангел, то он не молился бы со мной, и не было бы здесь обоняния Святого Духа”. И начал он прилежно молиться, говоря: “Господи, явись мне сам, чтоб я увидел тебя!” Тогда был к нему голос: “Не явлюсь я тебе, потому что ты юн, чтоб ты не ниспал, превознесишь”. Затворник же со слезами сказал: “Не прельщусь я, потому что игумен научил меня не внимать прелести бесовской; я сделаю все то, что ты велишь!” Тогда душегубительный змей, получив власть над ним, сказал: “Невозможно человеку, находящемуся в теле, видеть меня. Но я посылаю ангела моего, чтоб он был с тобой, а ты твори волю его”. И пред ним стал бес в образе ангела. Никита же пал ниц и поклонился ему, как ангелу, и сказал ему бес: “С этих пор ты уже больше не молись, но читай книги, и так ты будешь беседовать с Богом, – и подавай полезные слова приходящим к тебе. Я же всегда буду молить Творца всех о спасении твоём”. Поверив этим словам, еще больше прельстился затворник, и уже больше не молился, но прилежал чтению книг и видел постоянно беса, молящегося о нем, и радовался, думая, что ангел творит за него молитву. Много он беседовал с приходящими к нему, из Писаний, о пользе души» [65, с. 125]. Из этого повествования следует, что, бесы, поняв, что суровых Киево-Печерских черноризцев дерзкой атакой и грубой силой победить невозможно, решили с большим актерским мастерством осуществить свои зловерные замыслы, передевшись в христианские одежды. Казалось, что в жизни напористого и усердного молодого инок Никиты всё идет по благоприятному христианскому сценарию, чему можно было только радоваться. В действительности, его жизненный мир все более приобретал разрушительный характер, потому что самым главным в жизни православного христианина является молитва, силу которой надо всячески стремиться наращивать и таким образом приближаться к Господу. Никита, внешне делая успехи в изучении Писания, все более отдалялся от Бога, что бесам и нужно было.

Прелестными обольщениями бесы хитроумно все более затягивали ничего не подозревавшего Никиту в свои зловерные сети. Для этого они наделили молодого инок способностью прозорливости, которая для черноризцев является очевидным показателем святости подвижника. Даром прозорливости Господь наделяет лишь немногих достойных монахов, за многие годы прошедших многотрудный *Путь* суровых испытаний монашеского подвига.

«Начал он и пророчествовать, – сообщается в «Киево-Печерском патерике», – и шла о нем великая слава, так что все дивились, как сбываются слова его. Однажды послал он к князю Изяславу, говоря: “Сегодня в Заволочьи убит князь Глеб Святославич. Скорей пошли сына своего Святополка на престол Новгородский”. И как он сказал, так и случилось – через несколько дней пришла весть об убиении князя Глеба. И оттого еще сильнее прослыл он за пророка, и много слушали его князь и бояре. Если бес и не знает того, что будет; но, что сделал он сам, или чему научил злых людей, убить или украсть, то он может указать; также, когда приходили к затворнику за словом утешения, тогда бес, мнимый ангел, рассказывал ему все случившееся с ними, а он пророчествовал, и так сбывалось. Никто не мог состязаться с ним в книгах Ветхого Завета, ибо он знал наизусть Бытие, Исход, Левит, Числа, Судей, Царств и все пророчества по порядку, и хорошо знал все еврейские книги, евангельских же и апостольских святых книг, преданных нам благодатью, чтоб исправиться и утвердиться нам никогда не хотел видеть, или слышать, не только что читать, и не позволял беседовать с собой из Нового завета. Потому все понимали, что он прельщен врагом» [65, с. 126]. Пророчество об убиении почитаемого киевского князя Глеба Святославича в глазах монахов и киевлян много стоило и значительно возвышало и прославляло Киево-Печерского монашеского «вундеркинда». Отметим, что эта история свидетельствует о прозорливой способности бесов, которым открыта реальность будущего. При этом юное дарование Киево-Печерского монастыря наизусть знало Пятикнижие Моисея и другие книги Ветхого Завета!

Казалось, почтенные черноризцы Киево-Печерского монастыря игумен Иоанн, Матфей прозорливый, Григорий чудотворец и др. должны были только радоваться подвигам монашеского побратима. Однако испытанные борцы с бесовским воинством забили тревогу, потому что все «подвиги» Никиты происходили не на площадке христианского служения. Более того, он определенно избегал благословенных одежд христианского вероучения. «Встревоженные тем, пришли к прельщенному преподобные отцы Никон игумен, Иоанн, который был после него игуменом, Пимен постник, Исаия, который был епископом Ростовским, Матфей прозорливый, Исаакий, затворник пещерный, Агапит врач, Григорий чудотворец, Николай, который был епископом Тмутараканским, Нестор летописец, Григорий, творец канонов, Феоктист, который был епископом Черниговским, Онисифор прозорливый. Все они, сияющие добродетелями, придя, сотворили молитву к Богу о Никите и отогнали от него беса, так что он больше не видал его. Выведя его из пещеры, они просили его сказать им что-нибудь из Ветхого Завета; он же клялся, что не читал никогда тех книг, которые прежде знал наизусть. А не знал он ни одного слова, потому что едва был обучен грамоте. Тогда, придя в себя молитвами преподобных отцов, он исповедал великий свой грех и горько оплакивал его, и принял на себя великое воздержание и послушание, начав чистое и смиренное житие, так что он превзошел всех добродетелью. Человеколюбивый же Господь, видя такое подвижничество блаженного и не презирая прежних его добродетелей, – к которым приучал он себя в юности, – принял его истинное покаяние» [65, с. 126–

127]. Общими усилиями Киево-Печерским черноризцам удалось спасти свое монашеское дарование от бесовского зловредного влияния, которому было суждено стать шестым епископом Новгородским (1096–1108), одной из самых значимых епархий Киевской митрополии.

В житии Лаврентия затворника (1130-е – 1184/1194), впоследствии епископа Түровского, Нестор Летописец повествует примечательную историю изгнания из человека беса, которая предоставляет важный материал для исследования природы бесовской реальности. Он пишет: «Лаврентий, испросив прощение, ушел в монастырь святого великомученика Димитрия, который создан был князем Изяславом, и там иночествовал в затворе. Начал он жить подвижнически, и прилагать великое тщание о спасении своем, со всяким днем предпринимая все большие труды, умерщвляя все страсти похотей голодом воздержания; и посекая их мечем духовным, то есть голосом молитвы, а разженные стрелы лукавого угашая водой слез. И так благодатью Божией не только сам был предохранен от уязвления бесовского, но получил от вседаровитого Бога дар исцелять чудотворно различные язвы и недуги в людях и изгонять бесов. К этому блаженному, между прочим, приведен был однажды для исцеления из Киева *человек, одержимый бесом, лютым и сильным*, так что дерево, которое с трудом несли десять человек, он поднимал и забрасывал один. Блаженный же затворник, желая, чтоб была прославлена благодать духовного его отечества, то есть Печерского святого монастыря, повелел вести туда этого человека. Тогда бесноватый стал вопить: “К кому посылаешь меня, я не смею и приблизиться к пещере, ради святых, положенных в ней. *В монастыре есть 30 живущих черноризцев, которых я боюсь, с прочими я веду борьбу*”. Когда он исповедал это о благодати Печерского святого монастыря, снова приказал блаженный силой влачить его туда, чтоб то, что он сказал, было доказано. Провожатые, зная, что бесноватый никогда не бывал в Печерском монастыре и никого не знает в нем, спросили его, – “Кто те, кого ты боишься?” – *всех братьев было тогда в монастыре 118. Бесноватый перечел по имени тридцать и сказал: “Эти все могут меня изгнать единым словом*”. И сказали опять ведущие: “Мы хотим затворить тебя в пещере”. Он же отвечал: “Какая мне польза бороться с мертвыми? Ибо те имеют теперь большее дерзновение молиться Богу о своих черноризцах и приходящих к ним. Но, если хотите видеть борьбу мою, ведите меня в монастырь, ибо, кроме тридцати (как я сказал), могу бороться со всеми прочими”. *И начал показывать он силу свою, говоря по-еврейски, потом по-римски, и по-гречески, и всеми языками, которых тот человек никогда и не слышал*, так что ведущие его сильно устрашились, дивясь изменениям языка его и разногласию. Прежде чем войти им в монастырь, нечистый тот дух покинул человека, и исцелевший стал понимать все. Сопровождавшие его в радости вошли в святую чудотворную Печерскую церковь, чтоб воздать хвалу Богу. Узнав об этом, игумен со всей братией пришел туда же в церковь, и *исцелевший не знал ни игумена, и ни одного из тех тридцати, кого он назвал, беснуясь* (везде выделено мною – В. М.). Тогда спросили его: “Кто исцелил тебя?” Он же, смотря на чудотворную икону Пресвятой Богородицы, сказал: “С ней встретили нас святые отцы, трид-

цать числом, и так я исцелился”. Имена всех из них он помнил, в лицо же не знал ни одного. Тогда все вместе воздали славу Богу и Его Пречистой Матери и блаженным Его угодникам» [65, с. 127–128]. Описанное выше изгнание обладавшего могучей физической силой беса из человека напоминает чудесное исцеление, которое совершил Иисус Христос. Однако Патерик дарит исследователю весьма важные детали для исследования своеобразной природы бесовской реальности. Оказывается, возвышенное бытие Печерских монахов они знали и чувствовали в полном объеме, по именам достигших святости монахов! Они вещали устами человека, своей жертвы. Для бесов благочестивая сила Иисуса Христа в достигших святости черноризцев была болезненна, а с начинающими строгими монахами можно было побороться.

Монах Киево-Печерского монастыря девственник Иоанн, названный Многострадальным († 1160 г.), о своей борьбе с бесами рассказывает: «Когда пришел я в этот святой Печерский монастырь, начал трудиться по чину святого ангельского иноческого образа, много вытерпел я, томимый позывами на блуд, и не знаю, чего не выстрадал я ради моего спасения. Два дня, иногда же и три проводил без еды, часто и всю неделю ничего не вкушал, морил себя лютой жаждой, бодрствовал все ночи и в таком злострадании провел три года, но и там не нашел покоя. Пошел я в пещеру, где положен преподобный отец наш Антоний, и пребывал у гроба его в молитве день и ночь. И слышал я глас преподобного ко мне: “Иоанн, нужно тебе затвориться здесь в пещере, чтоб невидением и молчанием прекратилась брань, и Господь поможет тебе молитвами преподобных Своих”. Итак, с того часа затворился я в этом тесном и скорбном месте, где нахожусь теперь уже тридцатый год. И только очень недавно нашел я покой, а все те годы боролся со страстями и телесными помыслами. И, живя жестокой жизнью, сперва несколько лет только постом и бдением удручал тело свое. Наконец, не зная, что делать, и не в состоянии терпеть плотской брани, задумал я жить нагим и возложить тяжелую броню на свое тело, и с тех пор доныне бываю я изнеможен холодом и грызущим железом. Но когда и всего этого не было достаточно, сделал я другую вещь: выкопал глубокую яму до груди моей. И, когда подошли дни святого великого поста, я вошел в яму и всего себя засыпал землей, так что свободными у меня были только руки и голова, и так, угнетаемый землей, провел я весь пост, не мог двигать ни единым суставом, но и так не прекратились плотские стремления и разжение тела. Кроме того, враг диавол страшал меня, желая прогнать меня оттуда, и я испытал всю силу коварства его: ноги мои в яме стали перегорать, так что жилы в них скорчились, и кости трескались, пламя доходило уже до утробы моей, и члены мои горели. Я же не обращал внимания на лютую боль, но радовался душой, что она сохраняет меня чистым от скверны. Я предпочитал ради Господа сгореть в том огне, чем выйти из ямы посрамленный бесами. И в то же время видел я страшного и лютого змея, дышащего пламенем и опаляющего меня искрами, и хотящего проглотить меня, и он делал это много дней, чтоб прогнать меня. Когда же наступила светоносная ночь Воскресения Христова, внезапно напал на меня лютый змей и поглотил пастью своей голову мою и руки, и были опалены волосы на голове моей и бороде, как ты ви-

дишь меня. И я, находясь в гортани того змея, возопил из глубины моего сердца: «Господи Боже, Спасе мой, векую ты оставил меня, ущебри меня, Владыко, так как Ты один Человеколюбец, спаси меня грешного, единый Безгрешный, избави меня от скверны беззакония моего, чтоб не увязнуть навеки в сети лукавого. Избавь меня от поглощения этим врагом. Ибо как лев рыкает он, хотя поглотить меня. Воздвигни силу Твою и приди спасти меня, блесни молнией Твоей и изгони его, чтоб исчез от лица Твоего!» Когда же окончил я молитву, вдруг блеснул свет Божественный как молния, и исчез тот лютый зверь, и благодатью Божией не видел его больше донныне. Услышал я тогда и глас Господень ко мне: «Иоанн, Иоанн! Это была тебе помощь, далее будь внимателен к себе, чтоб не пострадать горше в будущем веке»» [65, с. 138–141]. Повествование о мужественном стремлении монаха к достижению последней остановки Боговедения не может не восхищать. То, что творили Киево-Печерские монахи в XI–XII вв. по умерщвлению плотских желаний было беспрецедентным опытом в истории христианства. Таких строгих аскетических подвигов не совершали суровые монахи пустынь Египта, Палестины, Сирии, ни в горах Афона. Трудно представить, как в «светоносная ночь Воскресения Христова» «лютый змей и поглотил пастью» голову в высшей степени мужественного и благочестивого монаха Иоанна. А какое мистически-метафизическое блаженство он испытал, когда «блеснул свет Божественный как молния»! Нам, избалованным и расслабленным благами современной жизни, подобное предельное религиозно-нравственного переживания понять не дано.

В своем Дневнике монахиня Надежда так описывает общение с бесами духовного ее отца архимандрита Афиногена (1881–1979): «Я ушла по делам; батюшка был один в келье. Когда я вернулась, батюшка говорит: “Почему ты так долго ходила? Меня чуть бес не задавил. Пришел весь голый, высоченный – как взял меня в свои объятия, прижал к себе и не пускает. Я ему говорю: “Ты чего делаешь окаянный?” – а он меня все жмет. Затем я стал просить Господа, говорю: “Господи! Помоги мне”. И бес вмиг исчез. Вот такое мне было без тебя”... Я снова ушла. Батюшка лежал в постели. Когда я вернулась, он говорит: “Снова бес приходил с зажженным факелом. Только хотел на меня бросить, как тут Василий Великий явился. Факел сразу погас, и святитель говорит бесу: “Чего ты тут делаешь? Не смей касаться моего друга”. И бес сразу исчез. А Василий Великий сказал мне: “С тех пор, как нарекли тебе мое имя, не бойся – я всегда с тобой и охраняю тебя везде”» [153, с. 157]. Бес материализовался в громилу и пытался задушить достигшего святости подвижника! В этом повествовании привлекает внимание то, что из *Царства Небесного* за праведными христианами наблюдает не только Господь, но и святые (Василий Великий), которые всегда готовы прийти на помощь в нужный момент.

Из этих повествований о борьбе с бесами православных монахов следует, что практически все мы, мирские люди, находимся в бóльшей или меньшей мере под контролем бесовской реальности, которая умело провоцирует нас к чувственным удовольствиям и страстям. И это не метафора для осуждения людей, стремящихся к получению радостей в этой скоротечной жизни. Могучая сила бесовской реальности проявляется в полной мере, когда христиан-

ский подвижник добивается умерщвления мирских желаний, открывая себе доступ к Господу. Тогда бесы включаются в работу по полной программе, и без могущественной поддержки *Оттуда* монаху было бы не спастись. Однако всемогущая сила божественной благодати несопоставима с бесовской. Достаточно крестного знамения и молитвы, и бесы сразу же отступают.

Чудесные исцеления православных монахов

Из многочисленных чудесных исцелений в истории Византийской и Русской Церквей я приведу лишь наиболее показательные и, на мой взгляд, очевидно достоверные. Из многих чудесных исцелений, которые совершал достигший святости Иоанн Златоуст, я приведу одно из наиболее примечательных. «Одна женщина, по имени Христина, будучи кровоточива, умолила своего мужа отвести ее к святому Иоанну. Посадив жену на осла, муж отправился к монастырю и оставил ее перед монастырскими воротами, а сам вошел к святому и стал умолять исцелить его жену от ее немощи. Святой сказал этому человеку:

– Скажи своей жене, чтобы она изменила свой злой нрав и перестала быть жестокой в обращении с рабами... И пусть она позаботится о своей душе, раздавая милостыню нищим и не оставляя молитв. Также воздерживайтесь и сохраняйте себя чистыми в постные и святые дни, – и Бог дарует твоей жене исцеление.

Удалившись, муж рассказал своей жене все, что он слышал от святого. Последняя дала обет со всем усердием до последнего издыхания хранить все повеленное. Муж возвратился к святому и сказал об обете жены. Святой же на это отвечал:

– Ступай с миром! Господь уже исцелил ее.

Возвратясь к жене своей, муж нашел ее исцеленной, и они с радостью возвратились домой, прославляя Бога» [57, с. 242]. Благодаря исключительно праведной и строгой жизни в деле служения Христианской Церкви, Господь наделил Иоанна Златоуста могучей духовно-нравственной силой, прозорливостью, способностью исцелять больных и страждущих, которые действовали в нём как бы сами собой. Жизнь совершенно незнакомых ему людей открывалась ему в трех временных измерениях в полном объеме. Для него неизменным условием исцеления служило благочестие больного.

Среди Отцов Восточной Церкви святителей Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского константинопольский архиепископ Иоанн Златоуст был одним из наиболее успешных не только в смертельной битве против еретических движений, но и в деле значительного распространения Христианской Церкви. В житии святого Иоанна сообщается: «Не только в окрестных городах и селениях святой угодник Божий имел большое попечение о спасении душ человеческих. Он посылал из числа своих клириков опытных богобоязненных мужей утверждать православие проповедью Слова Божия, истреблять нечестие и ересь и направлять души заблудших на путь спасения. Он до основания разорил идольские храмы, стоявшие в те-

чение многих веков в Финикии. Мудро он обратился к православной вере кельтский народ, зараженный арианством, поручив избранным для того пресвитерам и диаконам обучиться кельтскому языку и, отправив их к кельтам, проповедовать на их природном наречии. Таким же образом он просветил скифов, живших по Дунаю. Он изгнал из стран восточных маркионитскую ересь и озарил светом истинного учения весь мир. В особенности Иоанн имел попечение о немощных и убогих» [57, с. 252]. Обычно наибольшее внимание и предпочтение отдается теологической полемике в борьбе с ересями в ключевом для христианской истории IV столетии, в которой наиболее активными защитниками Церкви были Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский. Представляется не менее значимой была роль Иоанна Златоуста в разрушении языческой инфраструктуры и распространении влияния Христианской Церкви на обширных пространствах обитания кельтов и скифов.

Замечательное описание о чудесном исцелении монаха сообщает наместник Троице-Сергиевой лавры преподобномученик архимандрит Кронид (1859–1937): «24 сентября 1887 года, в день памяти преподобного Сергия, монастырское начальство поставило меня на время молебна и всенощного бдения к иконе Святой Троицы, которая находилась близ раки с мощами преподобного Сергия. Стоя здесь, я весь молебен и все всенощное бдение провел в слезах, прося себе исцеления. Не скрою, что все то богослужение казалось мне столь усладительным, что я забыл обо всем земном. Кончилась всенощная. Я прошел в свою келлию, кратко помолился и скоро уснул... Я уже опять хотел идти спать, как вдруг вся моя келлия наполнилась светом ярче солнечного. В этом свете, вижу, шествует от двери дивный старец. Лик его был столь приятен, добр и милостив, что душа моя наполнилась от этого лицезрения неопишуемой небесной радостью. Он, подойдя ко мне, положил свою руку на плечо моей больной и милостиво сказал: “Чадо! Слышу стенания сердца твоего. Молитвенный вопль твой подвигнул меня посетить тебя и даровать тебе Божию милость исцеления во славу Его святейшего имени”. При этих словах по моей руке потекла как бы горячая-горячая вода... Видение кончилось, тут я увидел, что моя сухая рука стала совершенно здорова, как и другая... Разбудив наместника Лавры, архимандрита Антония, я поведал ему о своем дивном исцелении преподобным Сергием. Отец Антоний немедленно отправился в митрополичий дом к приехавшему на праздник митрополиту Филарету и доложил ему о моем исцелении. Митрополит благословил тут же ударить в большой колокол. Собралась вся братия на благословенный молебен, перед которым отец наместнике поведал об исцелении моей руки преподобным Сергием. По окончании молебна вся братия подошла ко мне, чтобы поздравить с дарованной мне радостью, и все были свидетелями моего дивного исцеления» [11, с. 428–429]. Множество свидетелей чудесного исцеления руки монаха придают этому повествованию свидетельство мистического факта. Примечательно то, что исцеление совершал не обладавший даром исцеления черноризец, а сам основатель Свято-Троицкого монастыря игумен Сергей Радонежский (1314–1392), пришедший из *Царства Небесного*.

Прозорливые достигшие святости православные монахи

В анализе мистически-метафизического знания-вѣдения дар прозорливости православных монахов представляет особый интерес, потому что исследование его природы поднимает множество не только философских, но и историко-культурных и психологических проблем. Из множества собранных мной описаний прозорливости монахов я буду использовать лишь те, которые отличаются качеством достоверности мистического факта, отображают различные проявления исключительно сложного феномена прозорливости, а также чтобы они были распределены по многовековой христианской истории вплоть до современности.

Обратимся к почитаемой православными христианами книге «Лествица». В житии Иоанна Лествичника (579–649) синайский монах повествует: «Некогда авва Мартирий пришел с аввою Иоанном к Анастасию великому; и сей взглянув на них, говорит авве Мартирию: “Скажи, авва Мартирий, откуда этот отрок, и кто постриг его?” Тот отвечал: “Он раб твой, отче, и я постриг его”. Анастасий говорит ему: “О, авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена Синайского?” И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет, Иоанн сделан был нашим игуменом. В другое время авва Мартирий, также взяв с собою Иоанна, пошел к великому Иоанну Савваиту, пребывавшему тогда в пустыне Гуддийской. Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку; авве же Мартирию ног не умывал, и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: “Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену”. В день пострижения аввы Иоанна (а он постригся на двадцатом году своей жизни), авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великою звездою» [69, с. 11]. Как возможно прозревать жизненную ситуацию на многие годы вперед, которая обязательно впоследствии происходит? Из этого следует, что движение социокультурной реальности записано в полном объеме и предначертано в некоем трансцендентальном пространстве. Прозорливому старцу в нужный момент фрагменты этой метафизической реальности открываются сразу и непосредственно, казалось, без каких-либо усилий. Важно отметить, что среди суровых монахов дар прозорливости самых достойных из них был широко известен. Поэтому его проявления ни у кого не вызывали ни удивления, ни недоверия. Если старец тебе доверчиво вещал сокровенную Истину, то о чем можно было говорить?

Своеобразная «битва» двух прозорливцев запечатлена в «Житии Иоанна Златоуста». Честолюбивый патриарх Александрийский Феофил (385–412) по наущению царицы Евдоксии стремился всеми неправдами лишить Иоанна кафедры архиепископа Константинопольского. Для повышения легитимности несправедного суда они хотели использовать известного своей святостью Епифания. Но тот, не желая участвовать в разбойническом суде над праведником, тайно уехал домой. «Блаженный Иоанн написал к святому Епифанию так: “Брат Епифаний! Я слышал, что ты советовал изгнать меня; так знай же, что ты не увидишь более своего престола”. Епифаний письменно отвечал ему:

“Страстотерпец Иоанн! Мужайся в своих страданиях и знай, что ты не достигнешь того места, куда тебя изгонят”» [57, с. 281]. Епифаний преставился, не достигнув своего города. Святой Иоанн преставился в Команах, не дойдя до места ссылки в Пифиунт (ныне Пицунда в Абхазии). Важно отметить, что оба прозорливца верно знали, что пророчество другого обязательно сбудется. Если Епифаний вскоре умер, согласно пророчеству, то Иоанн Златоуст прожил добрых 10 лет, зная, когда он умрет.

Достоиную внимания историю повествует старец Паисий Святогорец (1924–1994) из жизни прозорливых монахов. Он пишет: «На Крестопоклонную неделю 1978 года иеромонах Мефодий из келлии святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата, что в Карее, позвал к себе иеромонаха отца Христофора, который жил ниже Карей, и послал его в монастырь Кутлумуш, в богадельне которого тогда находился их земляк отец Иоаким, ...сказать ему, что завтра оба они (то есть отец Мефодий и отец Иоаким) умрут. И вот отец Христофор пришел в монастырь Кутлумуш и говорит:

– Отец Иоаким, благослови! Отец Мефодий сказал мне, чтобы ты приготовился, потому что завтра оба вы в один час умрете. Он просит у тебя прощения за все, в чем согрешил перед тобой.

Отец Иоаким, выслушав, с радостью ответил:

– Как благословите! Если это говорит отец Мефодий, то он что-то знает.

В тот день отец Иоаким причастился и сказал диакону Анастасию:

– Таковую радость я почувствовал впервые в жизни!

Затем он пошел в свою келлию и с радостью стал ждать своего смертного часа. ...когда он непрестанно повторял: “Матушка моя Пресвятая Богородица, Матушка моя Пресвятая Богородица...”, – в пятом часу по византийскому времени его глаза сомкнулись, как у маленького ребенка, и он мирно заснул в объятиях своей Матери. В тот же самый час преподобнической смертью упокоился и отец Мефодий в возрасте приблизительно семидесяти лет. Две освященные души отошли вместе, так как имели друг к другу великую любовь. Они молились о том, чтобы не разлучаться ни в сей жизни, ни в будущей. И Благий Господь подал им просимое, чтобы и мы получили духовную пользу» [143, с. 137–139]. В повествовании Паисия Святогорца примечательно то, что достигшие святости афонские монахи рассматривали уход из мирского бытия (смерть!) с радостью. В их жизненном мире какие-либо мирские связи и отношения практически отсутствовали. Только устремленность к Господу, Пресвятой Богородице наполняли их благостные переживания.

Богатый материал прозорливой способности православных монахов дают свидетельства прозорливости старца Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры Варнавы (1831–1906). Читаем весьма примечательное сообщение: «За год до кончины строителя Черниговского скита игумена Мефодия к нему пришел по одному делу скитский иеродиакон Н. и застал его плачущим.

– Что с Вами, батюшка? Почему Вы плачете?

– Плачу потому, что мне осталось жить на этом свете только один год.

– Как так? – удивленно спросил Н.

– Да так: иеромонах Варнава предсказал. Я раньше мало придавал этому значения, но, когда оно сбылось на игумене Иларию († 1912 г.), я поверил, что оно сбудется и на мне. Предсказал же нам старец о нашем игуменстве и затем о нашей смерти давно, еще при жизни игумена Даниила († 1902 г.), когда отец Иларию был казначеем, а я проходил послушание в «Пещерах». Однажды пришли мы к отцу Варнаве в келлию. Старец посадил нас возле себя и начал с нами беседовать. В ходе разговора он, хлопнув рукой по плечу отца Илария, сказал:

– Будешь игуменом!.. Десять лет. И ты будешь – три года, – посмотрев на меня, произнес он.

Так как Варнава сказал об этом вроде бы в шутовском тоне, то и мы ответили тоже шутками. Впрочем, исчисление старцем лет нашего игуменства заставило нас призадуматься... Но вот отец Иларию, согласно предсказанию отца Варнавы, умер, действительно, после десятилетнего пребывания строителем скита. Теперь, значит, очередь за мною... И что же? Отец Мефодий, когда никто и не думал, что он скоро умрет, в декабре 1915 года заболел, а 15 марта следующего года скончался, пробыв, по предсказанию отца Варнавы, скитом начальником три года» [97, с. 85–86]. Монахи-прозорливцы обычно скрывали свой дар прозорливости. Казалось, в шутовском разговоре прозорливого Варнавы с Мефодием и Иларием старец предсказал им игуменство. Вместе с тем оказалось, что он предсказал время их смерти, что действительно произошло. Это повествование свидетельствует, что монах-прозорливец воспринимает человека, с которым общается, как бы в двух плоскостях – чувственно воспринимаемом и потаённом трансцендентальном. Его прозорливость проявляется, когда намеренно или непроизвольно он сообщает о его трансцендентальном *знании-вёдении*.

Подобный случай проявления прозорливости старца Варнавы мы находим в следующем повествовании: «Когда послушник Захария (будущий старец Троице-Сергиевой Лавры схииеромонах Захария) прибыл из Белых Берегов паломником в Гефсиманский скит, где жил иеромонах Варнава, он увидел массу народа: все столпились, хотят видеть старца Варнаву, а пройти к нему нет возможности. Но вот батюшка вышел и, обратись к толпе, сказал: “Где тут лаврский монах? Иди-ка сюда”. Никто не откликнулся на зов, так как в толпе не было лаврских монахов. Старец сошел по лесенке вниз и говорит: “Дайте, дайте пройти лаврскому монаху”. Подошел к юному послушнику, взял Захарию за руку, ласково так: “Ну иди, иди в мою келлию”. – “Я не лаврский монах, я из Белых Берегов”, – возразил Захария. “Да я знаю, что ты там жил, а теперь будешь жить в Лавре и будешь лаврским монахом”. Введя в свою келлию обрадованного Захарию, старец благословил его и сказал: “Будешь жить у Преподобного Сергия и ко мне в Гефсиманский скит приходишь”. – “А вдруг да не примут меня?” – сказал Захария. “Примут! Иди к лаврским воротам, там тебя уже три начальника дожидаются”. После старца Захария пошел в Лавру, и, действительно, у ворот стояли игумен и два монастырских начальника. Захария попросил их принять его на жительство. Они согласились, и Захария стал лаврским монахом» [84, с. 87]. Старец Варнава знал всю жизнь юного по-

слушника Захарии его предстоящее и отдаленное будущее, когда он станет схиархимандритом Троице-Сергиевой Лавры.

Прозорливость старца Варнавы работала и в режиме реального времени. «Более 15 лет тому назад, – пишет священник Орлов, – когда я служил все-нощную в монастырском соборе (отец Владимир был священником Иверского монастыря) вместе со старцем Варнавою, он мне сказал: “Вот, сынок, тот человек святой, который отслужит литургию, причастится и тут же в алтаре пред престолом Божиим помрет”. Я тогда не понял значения этих слов, а когда последовала блаженная кончина сего святого старца, именно когда он предал свою праведную душу в руке Божии, склонив к престолу свою голову и держа в руке крест Христов, я уразумел значение этих вышеизложенных его слов, коими он задолго предрекал свою кончину» [97, с. 87]. Жизненный мир Варнавы как бы состоял из чувственно воспринимаемой и трансцендентальной реальностей. При этом последняя имела определяющее значение. В чувственно-наблюдаемой реальности литургии он прозревал вторжение иной реальности, результатом чего была смерть святого старца. И здесь он ничего не мог изменить.

Прозорливый Варнава живо и непосредственно ведал тщательно скрываемую жизнь людей, которых он видел впервые. «Приехал к иеромонаху Варнаве “на Пещеры” из Кронштадта полковник с женой. Оба они хоть и жили под одной крышей, но были совсем друг другу чужие, имея тайные связи на стороне. Не утаилось это от прозорливого старца, и он, взяв обоих за руки, прямо сказал им, чтобы порвали свои противозаконные связи, простили друг друга и впредь ни одним словом не укоряли бы за прошлые прегрешения. Тронутые отеческим наставлением, муж и жена тогда же примирились и дали слово исполнить его наказ» [97, с. 106]. Для него образ жизни людей проявлялся сразу же при встрече. Подобным образом Варнава прозревал развитие жизненных ситуаций, которые должны были произойти в недалеком будущем. «Один близкий родственник упоминавшегося домовладельца задумал жениться и уже устроил бал. Потом они с невестой отправились к батюшке Варнаве за благословением на женитьбу. Старец сказал, что свадьбы не будет. А когда жених заявил, что их уже благословили, батюшка опять повторил, что “хоть и благословили, а свадьбы не будет”. Со временем молодой человек узнает про свою невесту такие вещи, после которых жениться уже никоим образом нельзя было, и предсказание старца сбылось» [97, с. 96]. Из этого повествования следует, что каким-то образом существует предначертанная реальность жизненного пути молодого человека, которая имеет самодовлеющий характер и не может быть изменена. Её в деталях прозревал старец Варнава. При этом желания и устремления участников этой истории имели подчиненное значение, хотя, казалось, только они являются действительными.

Два эпизода показывают, что старец Варнава мог провидеть благоприятное изменение погоды. Может быть сила его молитвы тому способствовала. «В июне 1901 года жительница Полтавской губернии Т-ва писала, что она, выезжая в поле и видя, как все гибнет от бездождия: и хлеб, и трава, и скот, решила послать телеграмму отцу Варнаве с просьбой помолиться о дожде. И

вот 5 июня пролил по всей степи такой обильный дождь, что лучшего и желать трудно» [84, с. 108]. «В 1905 году в Оренбургской губернии был неурожай, так что многие из казаков не знали, что будет с их семьями ввиду надвигающегося голода, к тому же многих из них по случаю войны с японцами отправили на Дальний Восток. Находясь в затруднительном положении, один из оренбургских казаков написал своему брату, монаху Гефсиманского скита отцу Сергию, письмо, в котором просил известить отца Варнаву о тяжелом положении и попросил его совета, как быть ему теперь и продавать ли домашний скот за неимением корма. Батюшка на это спокойно ответил: “Бог пошлет – все будет”... И что же оказалось? Когда отец Сергей получил письмо от брата, с того времени пошли дожди, трава и хлеб поднялись, и был хороший урожай. К сентябрю, по уведомлению от брата отца Сергия, вся станица запаслась хлебом, кормом для скота и семенами» [97, с. 113]. Из этого повествования следует, что Варнава мог прозревать волю Господа в изменении погодных условий.

Старец Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры Варнава во время своей непрерывной молитвы был преимущественно в общении с Господом, Который защищал и оберегал его. У него определяющим в отношении к людям были смирение и милосердие. Поэтому его почитали и обращались за помощью самые различные люди России. «Кто знает, сколько подобных случаев духовного врачевания видели стены убогой келийки старца за все время его служения! Да и кто может исчислить, сколько народа перебивало у него за все это время и сколькими духовными благами одарил многочисленных страдальцев старец-утешитель? Насколько же отзывчив был батюшка к горю всякого человека и к каким только способам ни прибегал он при утешении своих “деток”! Особенно поразительна была находчивость мудрого старца там, где горе было слишком глубоко» [97, с. 106–107]. «Пришла однажды к батюшке женщина и со слезами просила его благословения развестись с мужем, который почти всегда был нетрезв и причинял ей много горя. Измучилась она за все двенадцать лет своей жизни с ним: “Успокойся, успокойся, дочка, не плачь! – утешает старец бедную женщину. – Поверь мне: он скоро, очень скоро будет на коленях просить прощения у тебя во всем и сам отстанет от вина!” И сбылись слова старца: женщина эта приходила благодарить своего утешителя за его молитвенную помощь» [97, с. 107–108]. Поразительно! Каким образом Варнаве удалось изменить душевный склад и образ жизни мужчины?

Знавшие Варнаву отмечают, что «всех входящих старец называл «сынками» и «дочками» и никогда никого не называл на «вы» – всегда на «ты». Среди «сынков» был, например, будущий обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер и, наконец, император Николай II, пришедший к старцу с покаянием в начале 1905 года. О содержании беседы императора с отцом Варнавой точных сведений нет. Достоверно известно лишь то, что именно в этот год Николай II получил благословение на принятие мученической кончины, «когда Господу угодно будет этот крест на него возложить» [97, с. 123]. Изучая деяния прозорливых старцев конца XIX – начала XX вв., всё более вырастает трагическая фигура царя Николая II, которому самые достойные монахи со-

общали о печальной его судьбе и Российской империи. С таким тяжелым грузом на сердце он жил и видел, как их пророчества сбываются.

Если обратиться к жизненному миру прозорливых старцев конца XIX – начала XX вв., то вполне определенно можно сказать, что все они уходили в мир иной с глубокой печалью на сердце, потому что перед их проникновенным взором представляли ужасные картины разрушения Русской Православной церкви, знаменитых монастырей, которые взрастили и дали им благословенную жизнь, массовую гибель священников и монахов. «Старец Варнава многим предсказывал будущие гонения за веру – иным прикровенно, иным совсем ясно – и давал советы, как жить в десятилетия скорбей. Предсказывал он и грядущее возрождение Русской Православной церкви. В письме к Н. Китер батюшка писал: “Преследования против веры будут постоянно увеличиваться. Неслыханные донныне горе и мрак охватят все и вся, и храмы будут закрыты. Но когда уже не вмоготу станет терпеть, то наступит освобождение. И настанет время расцвета. Храмы опять начнут воздвигаться. Перед концом будет расцвет”» [97, с. 124]. Несколько успокаивали прозорливых монахов Русской Православной церкви видения её возрождения в далеком будущем где-то в конце XX в.

Своеобразный материал для исследования предоставляют прозорливые деяния более открытого и прямодушного Ионы Киевского чудотворца (1802–1902). Иеромонах Израиль, долгое время общавшийся со старцем Ионой, пишет: «Многим бездетным старец предсказывал детей, читал над некоторыми молитву, а по большей части давал советы правильной супружеской жизни. иногда заранее указывал число будущих детей и назначал им имена. Бывало так, что дети после благословения у о. Ионы рождались от родителей, бывших бездетными лет по 12–15. Один человек признавался, что о. Иона предсказал ему детей, назначил им заранее имена, а тот при рождении назвал их по своему. Родилось у него трое сыновей, и все умерли. Он написал старцу слезное письмо, а старец отвечал, что с Богом шутить нельзя, так как Его устами нарекала тогда имена Божия воля» [135, с. 259]. Из этого свидетельства следует, что священное *знание-вѣдение* имело мистическую связь и детерминацию *Оттуда*. Поэтому старец Иона поучал, что «с Богом шутить нельзя». Иеромонах Израиль приводит подобный пример: «Незадолго до кончины старца у него был приезжий из Петербурга, Г. К., служивший там в одном центральном ведомстве. О. Иона предсказал ему: “Тебе через год Бог даст сына”. Крайне озабоченный этим, гость воскликнул: “Да как же это возможно, когда я 23 года как женат, и женат уже на третьей, и все браки были бездетны”. – “Это дело не твое и не мое, – отвечал старец, – а дело Божие”. Через год, действительно, у Г. К. родился, по предсказанию старца, сын» [135, с. 259]. Подобные свидетельства показывают, что если трансцендентальная реальность существует, то ее содержание предначертано Господом.

Отец Виктор, который был келейником Ионы (в обители с 1866 г.), сообщает, как прозорливость старца сопровождалась воспитанием благочестия к обратившимся к нему за помощью. Он пишет: «Добрые люди посоветовали старику обратиться к о. Ионе за советом... И тут старик рассказал о своем

сыне. Ответ старца был крайне резок: “Так тебе и надо, старая собака, так тебе и надо”. Старик залился слезами: “За что же это? Другие люди радуются на детей, а я только горюю, да еще старец говорит, что так и надо”... – “А ты вспомни, когда ты его зачал, вспомни”... Тот повторял, что не помнит. “Так я тебе скажу, – отвечал старец, – Люди шли в церковь пасхи святить, а ты с женой тогда сошелся. Не было вам другого времени? Вот за что теперь и казнишься”. Старик упал на колени. “Правда, батюшка”. – “То-то, то-то, старая собака”. – “Что же делать, батюшка, как быть?” – “А ты приобщался?” – “Приобщался в Лавре”. – “Так теперь, чтобы ни ты, ни жена, ни сын твой не приобщались в течение 3 лет. Говеть и исповедоваться надо, а к Тайнам не приступать, и тогда, соблюдая это, приходите ко мне”» [135, с. 274]. Каким образом Иона мог спонтанно узреть такие детали из далекого прошлого в жизни неизвестного ему старика? Получается, что для прозорливых монахов прозрачным для видений является не только будущее, но и прошлое в деталях. Подобная природа дара прозорливости Ионы проявилась на исповеди вкладчика Руденко. Он пишет: «Исповедь была замечательная, о. Иона напомнил все мои грехи. Иногда произнесет грех, а я стану отрицать, что в этом грешен не был, а он скажет: “Нет, ты подумай”, – и, действительно, вдруг и вспомнишь из своего прошлого, что был такой грех, да забылся» [135, с. 291].

Иеромонах Димитрий в своих воспоминаниях о старце Ионе привел замечательную историю: «Благодетельница Ирина сообщила: так как они с мужем были бездетны, то просили у о. Ионы еще молодыми поступить в монастырь. “Вам надо вскормить семью”, – отвечал старец. Какая может быть семья, подумали они, пять лет женаты, и детей нет. Но по совету старца продолжали жить в миру. Тут у его брата умерла жена, оставив двух маленьких дочерей, и сам брат вскоре заболел и умер. Девочки остались в бедности, пришлось принять сирот, воспитать и выдать замуж. В тот год, как они собирались прощаться с миром, должны были они прекратить аренду земли, которую держали, в количестве 50 десятин, а товарищ, с которым они раньше арендовали землю сообща, держал в то время 100 десятин. На слова, что он хочет кончать аренду, старец сказал будущему монаху: “Нет, не бросай пока на этот год землю, еще придержи”, – и из той пшеницы, которую благословляют на всенощном бдении после литии, старец дал хозяину пригоршню, говоря: “Вот, посеи”. И со своих 50 десятин в то лето он снял вдвое больше против того, что снял со 100 десятин его товарищ. Выручив за урожай, он одновременно с женой оставил мир» [135, с. 279]. Из этого повествования следует, что виртуальные картины будущего обратившихся к Ионе за помощью людей носили сложный экзистенциальный характер и включали жизненные судьбы других людей.

Подобную историю вспоминает иеромонах Илиодор: «Отец Иона скрывал свою прозорливость, и она обнаруживалась случайно через тех людей, у которых удивительно оправдывалась мудрость старцевых советов... Одна женщина приехала к старцу из Петербурга. После смерти мужа она осталась одна с ребенком. Из-за ребенка она не могла найти должности, все стеснялись брать ее в услужение, и она приехала к старцу за советом. Старец выслушал ее и спросил: “Ты знаешь, там есть один колодезь”. – “Знаю”. – “Ну так ходи к

этому колодезю”. Такой, по-видимому, странный совет дал этой вдове о. Иона, и она вернулась в Петербург. Люди, с которыми она делилась своими сомнениями, говорили ей: “Как старец тебе советует, так и делай, а о прочем не заботься”. И начала она ходить к тому колодезю. Приходит как-то туда другая женщина, и вдова познакомилась с нею... С того времени между ними началось близкое знакомство. Вдруг эта женщина заболевает. Вдова начинает за нею усердно ухаживать. Поболела та с неделю и умерла. Муж покойницы, видя, что эта вдова женщина хорошего характера, трудолюбивая и сердобольная, женился на ней» [135, с. 283–284].

В «Валаамском патерике» сообщается о прозорливости игумена Назария. Во время морского сражения со шведами, бывшего недалеко от Петербурга, во время царствования императрицы Екатерины II к митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому пришел старец Назарий и «сообщил Владыке, чтобы он утешился надеждой: враг будет побежден и город от разорения спасен». Митрополит Гавриил немедленно обратился к Императрице с утешительным словом. Когда предсказание оправдалось победой русских войск, она милостиво приняла вместе с митрополитом и старца Назария [28, с. 40–41].

4.7. Древнеиндийские брахманы в борьбе против бесовских и колдовских сил

В ходе развития древнеиндийской культуры в эпоху великой ментальной революции VI–IV вв. до н.э. брахманы и отшельники, занимаясь суровой аскезой, не только разрабатывали сложные философские построения, но и вели активную, можно сказать, смертельную борьбу с вредоносными колдовскими и бесовскими силами. Я достаточно полно изложил этот материал в своей книге «Метафизика Пути», который представляется целесообразным частично использовать, чтобы показать, что зловредная бесовская реальность существует и не является фантазией недалеких мифологически мыслящих людей.

Культурологическая оценка письменных источников Древней Индии

Культура Древней Индии является удобным объектом для научно-религиозного анализа, потому что исследователю доступны достаточно объемные письменные источники, относящиеся к трем важнейшим периодам ее истории: 1) архаическому периоду до VI в. до н.э. – «Ригведа», 2) эпохе великой ментальной революции VI–IV вв. до н.э. – «Упанишады», «Атхарваведа», «Типитака» и 3) эпохе великого синтеза, или постреволюционного периода III–I вв. до н.э. – «Махабхарата», «Манавадхармашастра» и др. Первые девять мандал РВ и гимны СВ вобрали преимущественно архаическое знание до VII в. до н.э. В гимнах десятой мандалы (далее – М-10) нашли отражение первые тематиче-

ские сдвиги в архаическом ментальном пространстве древнеиндийской культуры. В Упанишадах записана умозрительно-теоретическая работа брахманов и отшельников приблизительно VI–III вв. до н.э.

«Ригведа» (далее – РВ) представляет собой архаический текст, которого не касалась рука редактора осевого и постосевого времени. Поэтому исследователю открывается редкая возможность изучения аутентичного древнеиндийского мировосприятия приблизительно XVII–VII вв. до н. э. – от завоевания ариями местного населения («дасьев») до начала древнеиндийской ментальной революции из действительного первоисточника. При этом следует иметь в виду, что в гимнах РВ представлена далеко не полная картина ценностно-мыслительного пространства архаической Индии. Вместе с тем, нам доступна её важнейшая часть – ментальная реальность ритуала. В гимнах РВ проявляются самые главные, самые важные ценностно-мыслительные ориентации древних индийцев, поддерживавшиеся на протяжении почти тысячи лет и уходящие своими истоками в более древние, темные времена. Своеобразие текста РВ определяет другое важное обстоятельство. Самхита представляет собой не литературное произведение, в котором представлены лучшие поэтические достижения самых талантливых поэтов-жрецов из самых знаменитых родов брахманов. РВ есть преимущественно мистический письменный источник. В своих гимнах жрецы-поэты всеми силами стремились передать таинственную, трепещущую, непосредственную связь с ведийскими богами, которые сообща сидят на жертвенной соломе у огня-Агни и вкушают пьянящий напиток бога Сомы. В РВ, как письменном источнике архаического периода развития древнеиндийской культуры, наиболее ярко выражена натуралистически-силовая система мировосприятия. Доминирующие темы «натуры», «добычи», «силы» и «рода» в ведийских гимнах проявляются в полной мере.

В комплексе РВ особое значение имеет М-10. Гимны, входящие в её состав, являются свидетельствами как традиционной архаической ментальности, так и ростков нового мировосприятия осевого времени и достаточно зрелого спекулятивного мышления. Значимость этого древнего источника заключается в том, что только он приоткрывает завесу и поэтому позволяет проследить самые истоки движения из консервативной архаики в таинственное новое бытие. Некоторые гимны М-10 запечатлели самое начало перехода от архаического натуралистически-силового мировосприятия к разумно-добродетельному. Других письменных источников, описывающих это в высшей степени важное событие в истории древнеиндийской культуры, нет. Если в предыдущих девяти мандалах тема «физической силы» имела самодовлеющий, абсолютный характер, то в М-10 она постепенно утрачивает свои мощь и энергию, представлявшиеся бесконечными. Если ранее Индра, Агни и другие боги выступали в качестве высшей инстанции, абсолютного и совершенного образца, вызывая только искреннее восхищение своей силой и мощью и благодарность за неизменную щедрость, то в М-10 в их облике появляются характеристики, их унижающие, обнаруживаются некие высшие по бытийному статусу обстоятельства, их порождающие, что свидетельствует о ценностно-мыслительном обрушении пантеона ведийских богов.

Большая часть гимнов и заговоров Атхарваведы (далее – АВ) творилась в VI–IV вв. до н.э. В эпоху «подведения итогов», или великого синтеза, в III–I вв. до н.э. интенсивность «магических исследований» брахманов значительно снизилась, что позволило редакторам АВ в целом завершить работу. Отсюда следует, что гимны и заговоры АВ являются носителями перестроечного духа осевого времени – периода напряженных поисков, борьбы и противостояний. Исследователю этой непростой эпохи трудно переоценить значение комплекса АВ, гимны и заговоры которой существенно дополняют картину ментальных сдвигов и преобразований в древнеиндийской культуре. АВ проясняет многие, может быть, главные моменты хода древнеиндийской ментальной революции, которые не представлены в других письменных источниках. В динамично изменяющейся эпохе осевого времени для брахманов АВ была в определенном смысле самая важная самхита, главное тайное средство, обеспечившее им безоговорочную победу в социально-политической борьбе. В сознании брахманов АВ стала более мощным оружием, чем смертоносная ваджра в руках могучего Индры.

Основные этапы противоборства брахманов с темными силами

Согласно материалам М-10 и АВ, выстраивается следующая последовательность событий. Разрушение натуралистически-силовой системы координат ментального пространства древнеиндийской культуры приблизительно во второй половине VII в. до н.э. привело к ослаблению силы и власти, казалось, несокрушимых богов Индры, Варуны и других, о чем свидетельствуют гимны РВ. Многотрудными подвижническими усилиями брахманов и отшельников начали набирать разумно-добродетельные устремления. Это обстоятельство открыло ящик Пандоры, из которого вырвались на свободу необузданные бесовские страсти и вожделения, многие века сдерживаемые ведийскими богами *совместно* с брахманами. Особую опасность представляла эпидемия магии и колдовства, захватившая всё древнеиндийское общество. Казалось, ведьмы и колдуны, свирепые демоны-оборотни ракшасы и другие темные силы поработили всё древнеиндийское население.

Первоначально правители и брахманы были не в состоянии им противостоять. Только брахманы могли оказать достойное сопротивление злым силам. Они действительно возглавили смертельную борьбу с бесовским отродьем, призвав на помощь ведийских богов. В гимнах и заговорах АВ боги Индра, Агни, Варуна и др. начали выполнять непривычные для них функции главных сил в преследовании и уничтожении жестоких ракшасов, ведьм и колдунов. В архаические времена, судя по гимнам РВ, они подобными делами практически не занимались. Если ранее они вели смертельные битвы с природными силами и преимущественно с туземным, враждебным ариям, населением, то сейчас фронт борьбы с таинственными колдовскими силами развернулся в мистическом пространстве. По мере того, как брахманы овладевали технологией заговора, роль ведийских богов в мистической борьбе ослабевала. В конце вели-

кой ментальной революции в Древней Индии, приблизительно в начале II в. до н.э., когда сопротивление бесовских сил было сломлено и общественная жизнь оказалась под полным контролем брахманов, ведийские боги стали выполнять служебную, вспомогательную роль в заговорах древнеиндийских жрецов. Брахманы-победители заняли центральное место в древнеиндийском обществе, закрепив его соответствующим образом в мифологии эпохи великого синтеза.

Выше изложенная логика исторического противостояния брахманов и колдовских сил открывает возможность провести хронологическую структуризацию гимнов и заговоров АВ. Она дает достаточно маркеров для временной оценки создания произведений самхиты. Большую часть обращенных к тому или иному богу гимнов и заговоров, в которых надежда на их защиту была максимальной, правомерно отнести к VI в. до н.э. В этих текстах влияние буддистского духовно-нравственного прорыва не просматривается. В них преобладает добуддистское объективно-телесное мировосприятие. В них нет нравственных оценок. Примечательно, что гимны VI в. до н.э. не носят характер заговоров. В отличие от гимнов РВ, они преимущественно посвящены смертельной борьбе с колдовскими силами и переполнены призывами о помощи к ведийским богам. Более поздние гимны приобретают характер гимнов-заговоров, в которых магическая практика брахманов как бы принуждает богов к преследованию колдунов и ракшасов.

Показательным примером может служить значительная функциональная трансформация бога Агни в гимнах АВ. В РВ он преимущественно выполнял многообразные функции мистического посредника при передаче многочисленных просьб жрецов, возлияний и жертв различным богам и небесным светилам. Лишь в битвах с врагами ариев, при захвате городов в полной мере проявлялась жестокость Агни как персонифицированной стихии огня. Больше всего древних индийцев впечатляла мистическая красота пылающего животрепещущего огня-Агни. В двух гимнах М-10 (X, 87 и X, 118, названных «Агни – убийца ракшасов») перед нами предстает новый облик Бога огня как непримиримого врага колдовских сил, что свидетельствует о начале смертельной битвы брахманов с последними.

В АВ Агни стал главным «убийцей ракшасов». Если Вишну прославился своими выдающимися подвигами против самых злых и сильных ракшасов, то для Агни их истребление стало повседневной, будничной работой. И это понятно, потому что магическая сила священного огня всегда выступала одним из главных и наиболее эффективных средств в борьбе с вредоносными колдовскими силами. В гимне «**К Агни – против демонов**» (V, 29) поэт-жрец констатирует:

*«Издревле, о Агни, ты сокрушаешь демонов.
Тебя не победили ракшасы в боях» (АВ, V. 29. 11).*

На расправу со смертельными врагами демонами и колдунами поэт призывает не только Агни, но и проверенных бойцов Индру и Сому:

*«Проткни глаза! Проткни сердце!
Рассеки язык! Раздробь зубы!*

*Какой бы лишача его ни пожирал,
О Агни, самый юный, разможжи его!..
О Агни, убей пожирателя падали, кровавого
Пишачу, убивающего мысль, о Джатаведас!
Да убьет его дубиной грома отважный Индра!
Храбрый Сома да отрубит ему голову!» (АВ, V. 29. 4, 10).*

Не только брахманы, – все арии обращались к Богу огня, взывая о защите, чаще, чем к другим богам ведийского пантеона. Особое, можно сказать, центральное место занимал гимн «**Агни – убийца ракшасов**» (VIII, 3). С небольшими изменениями этот гимн мы находим в М-10, что подчеркивает его значимость для жреческого сословия. Трудно сказать, в каком сборнике он появился раньше. Вероятно, в конце VII в. до н.э., когда защитные средства разнообразных заговоров были еще не наработаны, этот гимн выступал универсальным средством в борьбе с вредоносными силами. Огонь-Агни всегда был рядом. Древние индийцы прежде всего призывали его на помощь:

*«Убийцу ракшасов победоносного я кроплю (жиром).
Как к другу обращаюсь я за самой широкой защитой.
Агни заострен (и) с умением зажжен.
Пусть защищает он нас днем и ночью от вреда!
(Ты), железный зуб, достань (своим) пламенем
Колдунов, когда зажгут (тебя), о Джатаведас!
Лови языком сторонников глупых богов!
Сшибив (?) пожирателей сырого мяса, сунь (их) в пасть!
Оба клыка пускай в ход, о (ты), наделенный обоими,
Хищник, заостряющий нижний и верхний (клык)!
И кружи ты по воздуху, о Агни!
Хватай колдунов зубами!
О Агни, разорви шкуру колдуна!
Пусть разящая громовая стрела убьет его жаром!
Разломай (его) по суставам, о Джатаведас!
Пожиратель сырого мяса, жадный до сырого мяса,
пусть разделит его на части!» (АВ, VIII. 3. 1–4).*

В этом гимне перед нами предстает свирепый, ужасный, с большими железными зубами, с пылающим жарким пламенем, ощетинившийся множеством стрел и копий великолепный Агни. Красота любимого Бога – в его жестокости и насилии превосходных степеней!

Вредоносные силы были всегда. Их опасались и в седой архаике. Но такой силы и натиска темной, враждебной, вездесущей реальности древние арии не испытывали никогда. Колдуны и ведьмы летали по воздуху, заражали окружающие предметы, отравляли еду, скот, самих людей. Жизненный мир стал опасным. Угрозы возникали каждое мгновение. Лишь священный огонь Агни очищал островок безопасного жизненного пространства, за пределами которого «колдун умащает себя кровавой человечиною, кониной или говядиной». Кошмарные картины, которые рисуют гимны АВ, – не выдумки брахма-

нов. Они – лишь фрагменты гораздо более сложной жизненной реальности в Древней Индии начала осевого времени.

*«Защищай ты нас, Агни, снизу, сверху,
Ты – сзади, а также спереди!
Эти твои нестареющие самые жаркие (языки пламени)
Пусть, ярко пылая, испепелят злоречивца!..
Тобою, вдохновенным, о Агни, (как) крепостью,
Мы хотим окружать себя» (АВ, VIII. 3. 19, 22).*

Брахманы не только верили, они знали, что благословенный Агни, как и могучий добряк Индра, несли комплексную безопасность, были спасительной крепостной стеной от колдунов и ракшасов.

Гимны, в которых душевное напряжение ослабевает, отображают ментальность более поздних эпох осевого времени в Древней Индии, когда арии привыкли и приспособились жить бок о бок с колдунами и ракшасами. Это обстоятельство может служить надежным маркером в распределении текстов по временной оси древнеиндийской ментальной революции.

Методологический анализ колдовской силы заговора

В архаический период истории Древней Индии до VII в. до н.э. брахманы специализировались, преимущественно, на обеспечении функционирования сложного ритуального комплекса. В ходе древнеиндийской ментальной революции они «овладели» магическими способностями. Гимны М-10 и заговоры АВ убедительно свидетельствуют об эпидемии «колдовской болезни» и об отчаянных воплях брахманов по этому поводу. В борьбе с этим социальным злом брахманы сами освоили магические технологии и стабилизировали ситуацию. Более того, научившись укрощать колдовские силы «их же оружием», они добрались до вершины социально-политической власти, в определенном смысле установили в обществе диктатуру своей воли. Поэтому представляется целесообразным исследование методологии технологии заговора, ставшего эффективным и наиболее мощным оружием брахманов в социально-политической борьбе, обеспечившим им безоговорочную победу в жестком противостоянии своим соперникам.

В бурную эпоху осевого времени одним из потоков развития священного знания был переход от гимносложения и гимнопения РВ и «Самаведа» (далее – СВ) к практическому деланию заговора АВ, что требовало существенного пересмотра мифологических и экзистенциальных установок. В основании гимносложения, жертвенного возлияния лежит дискурс откровения. Предельной целью жреца являлось достижение непосредственной мистической связи с Богом, чтобы Он услышал молитву, принял жертву и удовлетворил просьбу. В основе заговора лежит дискурс творения. Предельной целью заговора являлось посредством оптимальной словесной его формы привести в действие мистического посредника, чтобы вопреки природным закономерностям, т. е. сверхъестественным путём, достигнуть необходимого воздействия-результата.

Если отношения жреца и божества в РВ и СВ были отношениями низшего и высшего, то в заговоре реализуется воля «нового высшего» – мага.

Представляется целесообразным сопоставить заговор и эксперимент по структуре «цель – действие – результат». При проведении эксперимента в науке в качестве цели выступает решение научной проблемы или проверка гипотезы, средством служит созданная системой приборов среда, а в позитивном результате оказывается решение проблемы или подтверждение теоретической гипотезы. Целью заговора, например, лечебной магии обычно выступает излечение больного, вредоносной – действие проклятия; в качестве средства (в идеале) – отработанная словесная форма заговора, которая должна «включить» сверхъестественный механизм материального действия. В подлинной магии цель обычно успокаивается в результате.

Важным качеством, как эксперимента, так и заговора, является их повторяемость и воспроизводимость. Если бы заговор не обладал этим свойством, то не было бы и самхиты АВ. Подобно тому, как какая-либо естественнонаучная теория включает в состав своего целого собрание данных экспериментов, обеспечивающих ее корреляцию с объективной действительностью, так и магическая целостность АВ содержит самые эффективные, многократно проверенные заговоры – «мистические эксперименты». В заговоре, как и в эксперименте, не может быть «лжи» и «пиара». Даже упрощенная экзистенциальная реконструкция заговора позволяет заключить, что, в отличие от учёных, самый опытный брахман-маг каждый раз во время осуществления заговора рисковал своим авторитетом, уважением, практически – всем.

Надо полагать, первоначальный вариант АВ («Атхарван»), как самое могучее, самое эффективное магическое оружие брахманов-магов, был тайным, совершенно секретным, вероятно, сберегавшимся в устной традиции текстом для внутреннего пользования брахманов-аскетов и отшельников. Затем к колдовской силе постепенно стали допускать брахманов-жрецов и других. Скорее всего, АВ была включена в комплекс ведического знания и, таким образом, легализована, стала доступна всем дваждырожденным, когда магическая технология заговора была в значительной степени уже утрачена, уже непонятна непосвященным, когда победа брахманов уже была окончательно достигнута: приблизительно в эпоху великого синтеза, начиная с III в. до н.э.

Самое важное и самое интересное в заговоре – включение мистического механизма действия сверхъестественных сил. Из заговоров АВ следует, что магическим посредником, сообщником брахманов в колдовских делах выступали все те же ведийские боги, прежде всего, Индра и Агни, а также Варуна, Митра и др. Боги ведийского пантеона никуда не ушли, не «умерли».

В заговоре «**К Индре-Соме**» (VIII, 1) сообщаются отдельные фрагменты ужасной колдовской реальности, которая ночью весьма активизируется:

*«(Ведьма), которая является ночью, как сова,
Вредная, скрывающая (свое) тело,
Да падет она в бесконечную пропасть!..
Рассеивайтесь, о Маруты, по поселениям: ищите,*

*Хватайте, давите ракишасов,
Которые летают по ночам, превратившись в птиц,..
Вот они летают туда-сюда эти собачьи колдуны.
Желающие навредить, они стремятся навредить Индре,
которому нельзя навредить» (AB, VIII. 4. 17, 18, 20).*

Если в эпоху кровавых завоеваний ариями коренного населения Древней Индии поэты-жрецы взывали о помощи к ведийским богам, то в эпоху осевого времени жестокие баталии происходили на мистических полях с колдунами и ракшасами. Заговор «**Против колдунов, злых духов, колдуний**» (I, 28) в полной мере подтверждает это обстоятельство:

*«Пришел сюда бог Агни,
Убийца ракишасов, изгоняющий болезни,
Сжигающий двуличных,
Колдунов, кимидинов.
Встреть огнем колдунов,
Встреть, о бог, кимидинов!
О ты, оставляющий черный след,
Охвати огнем колдуний, идущих навстречу!
(Та), что прокляла проклятием,
Что вложила зло в (свой) корень,
Что схватила (нашего) младенца, чтоб лишить (его) соку,
Да сожрет она (свое) потомство!» (AB, I. 28. 1–3).*

Заговор – это не гимн. В заговоре все гораздо серьезней. Экзистенциальная реальность гимна – возвышенное мистическое священнодействие. Экзистенциальная реальность заговора значительно более напряженная, связанная с болью – телесной или душевной – и криком от боли. Брахман, дополняя заговор использованием снадобий или магических предметов, снимал боль, приносил реальное, всеми наблюдаемое освобождение от болезни.

Однако, самым главным в мистической «жизнедеятельности» всего механизма заговора является не словесная его форма и не сопровождавшие его магические деяния. Недостаточно знания процедуры заговора. Нужна магическая харизма брахмана-мага, которая «собирала» все составляющие заговора в единое целое и запускала колдовской процесс как часовой механизм. Как приобрести харизму колдуна? Для нас, непосвященных, магическая природа заговора плотно закрыта. Мои рассуждения о мистической реальности заговора представляют собой попытку ее экзистенциально-теоретической реконструкции, чуть-чуть приподнимающую таинственное покрывало весьма примечательного магического действия. Представляется, в бурном мыслительном потоке осевого времени в VI–IV вв. до н.э. в Древней Индии у брахманов и отшельников не было другого способа приобрести магическую харизму, кроме как посредством длительного и сурового подвижничества.

Каков был смысл подвижнического движения в Древней Индии, стремительно набравшего силу в указанный период? Высшей и единственной целью суровой аскезы православных монахов и суфиев в исламе было и остается до-

стижение абсолютной нравственной чистоты как единственного средства Боговедения. Поразительно, но сверхсуровое подвижничество брахманов-аскетов и отшельников, которыми восхищались и которых боялись все, от раджи до последнего шудры, не имело нравственного идеала. Древнеиндийские подвижники, в отличие от исихастов и суфиев, не стремились к Боговедению. Тогда для чего они творили многотрудный аскетический подвиг? Они приобретали, всячески наращивали в себе магическую харизму. Более суровая аскеза порождала большую колдовскую силу. Поэтому, когда затухал пожар осевого времени в Древней Индии, возникла могучая фигура бога Шивы, безбашенного аморалиста, царя аскетов, окружённого полчищами нечистой силы. Великий маг бог Шива – один из итогов древнеиндийской ментальной революции. Бог Вишну также был не подарок. Со своими гигантскими шагами, парашурамой, двадцать один раз изрубившего топором всех кшатриев, главных соперников брахманов в социально-политической борьбе, Вишну также не имел высокой нравственной цели, не был носителем нравственного идеала. Поэтому аватара Будды в его «истории» представляется странным и чужеродным событием.

Особый интерес представляют заговоры вредоносной магии, в которых приоткрывается мистическое противостояние брахманов-магов и колдунов, ведьм, ракшасов и других. Тексты заговоров АВ являют самую сокровенную, самую потаенную сторону древнеиндийской магии – мысли и представления её главного действующего лица, брахмана-мага. Если мы живем в чувственно воспринимаемом мире, то жизненный мир брахмана-мага представлял собой сложное целое, в котором три реальности накладывались друг на друга: чувственно-предметная, реальность ведических богов и реальность нечистой силы. Посредством заговора «На обнаружение колдунов с амулетом-травой» (IV, 20) брахман стремится проникнуть в мистическую реальность нечистой силы:

«Тысячеглазый бог вложит

Мне ее в правую руку.

С ее помощью я вижу всё:

И кто шудра, и кто арья.

Прояви (свои) формы!

Не прячь себя!..

Покажи мне колдунов!

Покажи колдуний!

Покажи всех тишачей!

Для этого я беру тебя, о трава...

Я выхватил из убежища

Колдуна, кимидина.

Благодаря этому (заклинанию) я вижу всё (везде выделено мною – В. М.):

И шудру, и арию.

Кто летает по воздуху

И кто скользит по небу,

*Кто считает землю защитой –
Укажи мне этого пишачу!» (AB, IV. 20. 4–5, 6, 8–9).*

Своеобразие подобной группы заговоров выражается в том, что маг-брахман эффективно использует мистическую силу амулетов органических (растений) и неорганических (металлических и др.).

В технологии заговора брахман достиг такого мастерства, что уже к помощи ведийских богов не обращался. Читаем заговор «Против злых сил – травой» (IV, 17):

*«Тебя, владычицу лекарств,
Мы держим, о победительница...
Ту, что поистине побеждает, что отводит проклятия,
Что одолевает, что возвращается вновь, –
Я созвал все травы так:
«Да спасет она нас от этого!» (AB, IV. 17. 1, 2).*

От каких угроз предохраняет трава в магической технологии заговора? Оказывается, их перечень весьма значителен, и, надо полагать, все эти угрозы были (воспринимались) реальными:

*«Та, что прокляла проклятием,
Что вложила зло в свой корень,
Что схватила (нашего) младенца, чтоб лишит (его) сока,
Да сожрет она (свое) потомство!
То (колдовство), что сделали они в сыром сосуде,
Что сделали они в сине-красном,
То колдовство, что сделали они в сыром мясе, –
Убей им сотворивших колдовство!
Кто вызывает дурные сны, кто вызывает дурное житье,
Ракшаса, чудовище, упырих,
Всех с дурным именем, с дурной речью –
Мы заставляем их сгинуть прочь от нас!
Смерть от голода, смерть от жажды,
Бескоровность, бездетность –
С твоей помощью, о стирающая прочь,
Всё это мы стираем прочь!» (AB, IV. 17. 3–6).*

В чём выражается продуктивность действия травы? Трава выступает универсальным «моющим средством» от колдовской заразы. Она «стирает» негативную энергию, посланную ведьмами и колдунами:

*«Смерть от голода, смерть от жажды,
А также проигрыш в кости –
С твоей помощью, о стирающая прочь,
Всё это мы стираем прочь!
Ведь стирающая прочь – единственная Властительница из всех
трав,*

*Ею мы стираем (то), что пристало к тебе, –
Так ходи же ты свободный от болезни!» (АВ, IV. 17. 7–8).*

В заговоре «Против врагов, чтобы их связать» (VI, 104) просматривается гармоничное взаимодействие брахмана-мага и ведийских богов в колдовских технологиях:

*«Я сделал это привязывание,
Распаленное Индрой с помощью жара.
(Те) недруги, что у нас есть здесь, –
Привяжи ты их, о Агни!
Свяжите их, о Индра-Агни,
Союзники, и царь Сома!
Пусть Индра с Марутами
Сделает привязывание врагам нашим!» (АВ, VI. 104. 2–3).*

Гимн-заговор «На победу над врагами моих покровителей» (III, 19) следует отнести к числу поздних текстов самхиты АВ, когда технология заговора была отработана и продемонстрировала свою эффективность, что обеспечивало брахманам высокий авторитет в древнеиндийском обществе, а также свидетельствовало об их полной победе не только над колдовскими силами, но и над кшатриями в социально-политической борьбе. Это своеобразное творение носит черты как гимна-самовосхваления, так и заговора – как магического действия. От былого отчаяния и страха в противостоянии колдунам и ракшасам не осталось и следа. Самодостаточное торжество победителя через тысячелетия изливается на читателя этого произведения:

*«Отточено это мое священное слово,
Отточено мужество, сила.
Отточенной, непреходящей, победоносной пусть
будет власть (у тех), у кого я (жрец-)пурохита.
Я, оттачивая их царство,
От(тачиваю) мощь, мужество, силу.
Я отрубая руки врагам
Этим жертвенным возлиянием!» (АВ, III. 19. 1–2).*

В этих строфах запечатлена полная победа, абсолютная Власть и Сила жрецов-магов. Самосознание брахманами своего верховенства достигло пределов мироздания. Власть и благополучие царя и всего царства теперь зависели не только от высокого нравственного авторитета брахманов, но и от их магической силы:

*«Я оттачиваю их оружие,
Я усиливаю их царство, богатое прекрасными героями.
Да будет их власть непреходящей, победоносной!
Да поддержат их замысел все боги!» (АВ, III. 19. 5).*

Заговоры АВ, одним из главных критериев исторической оценки которых может служить степень участия брахманов в магическом действии, нетрудно

выстроить в исторической последовательности. В более ранних гимнах, насыщенных настроениями отчаяния и страха перед натиском колдовских сил, беспомощные брахманы уповали преимущественно на ведийских богов, прежде всего, Индру и Агни. По мере овладения брахманами магическими технологиями в заговорах просматривается нарастание их уверенности, пропорциональное увеличению их роли и уменьшению влияния ведийских богов в заговоре. Подобного рода заговоры создавались, преимущественно, в VI в. до н.э. до буддистского духовно-нравственного прорыва. В наиболее поздних заговорах брахманы мыслят себя выше богов, способными самостоятельно магическими средствами решать любые задачи. Обратимся к показательным примерам последней группы заговоров, созданных в конце осевого времени в Древней Индии, приблизительно, в IV–III вв. до н.э.

Гимны «На славу» (VI, 58) и «Самовосхваление» (VI, 61), как и заговоры «Восхваление брахмачарина», «Корова брахмана» и «Жена брахмана», создавались, когда брахманы праздновали победу над темными силами, а также царями и кшатриями. Они полагали, что все миры лежат у их ног.

*«Обладателем славы пусть сделает меня Индра щедрый,
Обладателем славы – Небо-и-Земля, оба они!
Обладателем славы пусть сделает меня бог Савитар!
Пусть стану я здесь приятным дарителю награды!
Как Индра полон славы на небе и на земле,
Как воды полны славы в растениях,
Так для всех богов
Пусть станем мы среди всех обладателями славы!
Прославлен Индра, прославлен Агни,
Прославленным родился Сома.
Прославлен из всего сущего
Я – самый прославленный!» (AB, VI. 58. 1–3).*

В этом гимне провозглашается, что стихия «славы» перетекла от ведийских богов, Солнца, всего мироздания в напыщенных, полных гордыни брахманов. Установилось мировое господство брахманов.

Современные ученые утверждают, что диапазон наших чувственных восприятий настолько узок, что практически им можно пренебречь. Наше тело каждую секунду пронизывают, почти со скоростью света, триллионы нейтрино, но мы этого не чувствуем. Если в архаический период боги Индра, Агни, Варуна и другие, благодаря своей неукротимой мощи, воздействовали на врагов ариев преимущественно физически, то в осевое время борьба тех же богов совместно с брахманами против колдунов, ведьм, ракшасов и других темных сил приобрела мистический, на мой взгляд, энергетический характер. Собрание заговоров АВ представляют собой далеко не полный отпечаток этого жестокого реального противостояния, которое требует тщательного изучения. Борьба брахманов и колдунов была своеобразным столкновением таинственных магических сил-энергий, которыми те и другие «овладели», и которые не известны современной науке. Эти таинственные силы-энергии каким-то образом воздействовали на объекты живой и неживой природы, вызывая в них де-

формации, разрушения и болезни. При этом видимые и ощущаемые воздействия на уровне макромира носят вспомогательный характер. Многие английские колонизаторы на себе испытали силу и действенность заговоров брахманов, охранявших священные ценности и реликвии Индии, когда они странным образом погибали.

Буддистские свидетельства магического владычества брахманов

Буддистский Канон также дает свидетельства магического владычества брахманов в осевое время и всеобщего страха кшатриев, царей и даже самих брахманов перед их колдовской силой. В «Ваттхугатха» сутте («Пролог», Снп 5) сообщается, как к брахману Бавари пришел «другой брахман с распухшими ногами, дрожащий, покрытый грязью, с запыленными волосами» и попросил у него пятьсот монет. Бавари сказал ему: «Все дары, которые были у меня, я раздал уже; прости меня, о брахман, у меня нет пятисот монет». «Если ты не даёшь мне, просящему, пусть голова твоя расколется на седьмой день на семь частей!» – так произнес тот нечестивец свое страшное проклятие!.. Услышав слова его, впал в тоску брахман Бавари. Не принимая пищи, стал он худеть, пронзённый стрелой печали». Опечаленный брахман послал своих учеников к Будде в надежде о снятии проклятия. Прозорливый Татхагата посоветовал для преодоления колдовской силы проклятия развивать в себе решимость и усердие: «Голова – это неведение: познание раздробляет голову, разбивает её уверенностью, глубокою мыслью, медитацией, решимостью и усердием... Во всех вас... много сомнения: вопрошайте, о чем задумали!» Эта небольшая сутта приоткрывает важное отношение Будды и раннего буддизма в целом к колдовской вакханалии в Древней Индии в эпоху осевого времени. Шакьямуни и его ученики во вредоносных битвах участие не принимали. Решительная вера в свое правое дело и усердие в практическом делании обеспечивали Учителю и его сподвижникам прочную защиту.

В «Амбаттха» сутте (ДН 3) сообщается, как некий Канха, «изучив брахманские тексты», «стал великим мудрецом» (по сути, колдуном). Он явился к царю Оккаке и попросил в жены его дочь. Разгневанный царь «наложил стрелу в тетиву». Советники царя стали успокаивать Канху (не царя!). Последний сказал, что если царь пустит стрелу в землю, то разверзнется земля, а если – вверх, то семь лет Бог не будет посылать дождя. Лучше царю стрелять в своего старшего сына. Мальчик не пострадает. Когда так и произошло, устрешенный царь отдал ему свою дочь. Эти буддистские свидетельства многого стоят, потому что исходят от достаточно объективного внешнего наблюдателя. Примечательно, что даже в них не видно какой-либо критики устрашающей колдовской силы брахманов. Получается, что уже в начале V в. до н.э. магическая власть брахманов распростерлась над древнеиндийским обществом.

Таким образом, уникальность самхиты АВ – в том, что только она открывает возможность исследования двух важнейших социально-политических и духовных процессов в Древней Индии в эпоху осевого времени в VI–IV вв.

до н. э. – жесткой борьбы брахманов с кшатриями за верховенство в древнеиндийском обществе и смертельной борьбы брахманов с колдовскими силами после утраты ведийскими богами во главе с Индрой религиозной власти. В обеих непростых и продолжительных битвах брахманы вышли победителями. Они установили свой порядок. Цари и кшатрии вынуждены были преклонить колени, а колдуны и ведьмы – попрыгаться по углам. АВ также позволяет проследить концептуальное развитие тех древнеиндийских представлений в рассматриваемый период, которые не запечатлены в других письменных источниках.

Рассмотренный выше материал убедительно показывает существование особого рода натуралистически-силовой реальности, называемой бесовской. Ясно, что существует подобных свидетельств значительно больше, одним из которых добротным письменным источником является книга «Золотая ветвь» британского антрополога Дж. Фрэзера (1854–1941). В контексте моего исследования весь этот материал косвенно свидетельствует, что изгнание бесов Иисуса Христа были реальными мистическими событиями, донесенными до нас евангелистами.

4.8. Ограниченность архаического изоляционистского дискурса священников, фарисеев и книжников

Моисеева парадигма древнееврейского дискурса

В книге Исход устами Моисея Бог Всемогущий провозгласил десять заповедей, которые определяли основные правила жизни иудеев. От людей еврейский Бог требовал одно – абсолютной и безропотной покорности. Высшим достоинством благочестия Авраама была его образцовая покорность. Когда Господь повелел ему принести в жертву средоточие его жизни сына Исаака, Авраам без каких-либо колебаний был готов принести в жертву Богу любимого сына.

Исходным отношением евреев, присутствовавших при чудесном явлении Предвечного, был не восторг и благоговение, а жуткий страх. Читаем книгу Исход: «Весь народ видел грома и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев *то*, народ отступил и стал вдали. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть. И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили. И стоял народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог. И сказал Господь Моисею: так скажи сынам Израилевым: вы видели, как Я с неба говорил вам; не делайте предо Мною богов серебряных, или богов золотых, не делайте себе: сделай Мне жертвенник из земли и приноси на нем всесожжения твои и мирные жертвы

твои, овец твоих и волов твоих; на всяком месте, где Я положу память имени Моего, Я приду к тебе и благословлю тебя» (Исх 20:18–24). Испуганные до смерти евреи боялись мистического общения с Господом, предпочитая смиренно слушать Его посланника Моисея.

Четвертая заповедь задавала временной ритм жизни еврейского народа с обязательным соблюдением освящённого Господом дня субботы. Последующие заповеди устанавливали основополагающие отношения в древнееврейском социуме. «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх 20:12–17). В главах 21–23 нашла отражение дальнейшая судебно-правовая структуризация отношений в древнееврейском обществе, которая носила преимущественно натуралистически-силовой характер. Определяющее значение имел принцип талиона – «если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Исх 21:23–24). Многие статьи правового кодекса древних иудеев заканчивались выражениями «должно предать смерти», «да будет истреблен», «не оставляй в живых».

В архаическое натуралистически-силовое время обуздание буйных физических сил людей строгой властью безжалостного закона выступало испытанным оправданным средством. Для древних иудеев, не имевших в то время даже государственной власти, подобное законодательство получало религиозное освящение и имело особенно важное значение. С позиции высокой морали оно было примитивным, и его превознесение как великого достижения древних евреев представляется очевидным архаизмом. Судебно-правовые нововведения подаются, как непосредственное волеизъявление Господа. Моисей лишь передавал Его волю. «И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Господь, сделаем. И написал Моисей все слова Господни» (Исх 24:3–4). Принятие правового кодекса древних иудеев носило не гражданский, а священный характер. Всё до мельчайших деталей было освящено Господом. Через Моисея Он сообщил еврейскому народу правила жертвоприношения, а также Его требования в организации святилища в походных условиях еврейского народа.

Иудейская парадигма, которую Моисей сформировал по воле Господа, требовала от евреев неукоснительного её исполнения. Моисей говорил: «Смотрите, поступайте так, как повелел вам Господь, Бог ваш; не уклоняйтесь ни направо, ни налево; ходите по тому пути, по которому повелел вам Господь, Бог ваш, дабы вы были живы, и хорошо было вам, и прожили много времени на той земле, которую получите во владение» (Втор 5:32–33). Требование «не уклоняться ни направо, ни налево» закрывало не только дальнейшее развитие религиозных представлений иудеев, но и духовно-нравственное их совершенствование. Оно привело к консервации достаточно упрощённых архаических религиозных верований древних иудеев тысячелетней давности, в

которых различные иудаистские течения тужатся увидеть глубокий мистический и метафизический смысл.

В конце пустынных страданий евреев Моисей старался утвердить главную аксиому жизненного мира древних евреев – всё, что происходит в их мирском бытии, творится по воле Господа. Поэтому следует прежде всего верить в Его справедливое всемогущество и тщательно совершать религиозный обряд.

Моисей провозглашал самым большим грехом для иудея, если он обратится к иным богам. Он призывал евреев: «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись. Не последуйте иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг вас; ибо Господь, Бог твой, Который среди тебя, есть Бог ревнитель; чтобы не воспламенился гнев Господа, Бога твоего, на тебя, и не истребил Он тебя с лица земли. Не искушайте Господа, Бога вашего, как вы искушали Его в Массе. Твердо храните заповеди Господа, Бога вашего, и уставы Его и постановления, которые Он заповедал тебе» (Втор 6:13–17). Еврейский Бог категорически запрещал иудеям выходить из созданного Им религиозного пространства, обещая им неотвратимые жестокие наказания. «Господь, Бог твой, среди тебя, Бог великий и страшный» (Втор 7:21). «Господу, Богу вашему, последуйте и Его бойтесь, заповеди Его соблюдайте и глаза Его слушайте, и Ему служите, и к Нему прилепляйтесь» (Втор 13:4). Требование культурной изоляции служило преградой для дальнейшего развития древнееврейской культуры. Неукоснительное следование заповедям Моисея накладывало строгий запрет как на совершенствование собственного вероучения, так и на неприятие внешних культурных влияний. При этом иудейские религиозные верования, заданные Моисеем, не были более развитыми по сравнению с египетскими и финикийскими. Поставив еврейский народ в выделенное положение, Господь устами Моисея настаивал на враждебном его отношении к окружающим его иным семитским народам. Он призывал иудеев: «Не желай им мира и благополучия во все дни твои, во веки» (Втор 23:6).

Таким образом, в Пятикнижии Моисея сложился упрощённый мыслительный конструкт еврейского Бога, основными атрибутами которого были абсолютное всемогущество и самодержавная власть, требующая от евреев беспрекословной покорности под угрозой неотвратимого наказания. При этом вероучение Моисея подавалось как высшее достижение мировой мифологии, когда в тот архаический период развития человечества конца II тысячелетия до н.э. мифологии семитских народов Финикии и Вавилонии, а также Египта были гораздо более проработанными во всех отношениях. Самое главное, в деяниях еврейского Бога не было нравственного отношения к Своим подопечным, которых Он, совершенно неповинных, временами уничтожал скопом несправедливо и немилосердно.

Господь, по сути, был Правителем еврейского народа, но не гражданским, а мистическим. Поэтому Его соглашение с евреями носило не гражданский, а священный характер завета. Отношения еврейского народа с Богом строились на жутком страхе перед абсолютным Его всемогуществом. Ни любви, ни милосердия Вседержителя к своим избранникам не просматривалось. При этом

Бог не призывал к нравственному самосовершенствованию, как необходимому условию к более глубокому мистически-метафизическому общению с Ним. Греховным «блудодейством» Бог называл обращение иудеев к иноземным богам. При этом любовные утехы в мирской жизни в рамках Закона Моисея, которые для евреев всегда имели важное значение, не подлежали осуждению.

В книге Числа открывается весьма странный образ еврейского Бога, который подобен надменному, гневливому тирану самодержцу, не желавшему понимать бедственное положение еврейского народа. Подчиненный народ Он созерцал свысока, требуя от него одного – рабской покорности везде и всегда. За малейшим непослушанием следовало жестокое наказание. Нужды отдельного обездоленного еврея Его не интересовали, и помогать ему Он не соби-рался.

Ездра – великий реформатор древнееврейского дискурса

Ассирийское и Вавилонское пленение еврейского населения Израиля и Иудеи в VII–VI веках до н.э. привело к разрушению жизненного мира древних евреев. Священник Ездра и деятельный управленец Неемия сумели восстано-вить хозяйственную и религиозную жизнь евреев по возвращению их на род-ную землю. Священник из рода Аараона **Е́здра** (*ивр.* Эзра; ок.V в. до н.э.) был большим книжником и знатоком закона Моисея. Он полагал важнейшим предназначением своей жизни утвердить среди евреев, как он мыслил, под-линное иудейское вероучение. «Ездра расположил сердце свое к тому, чтобы изучать закон Господень и исполнять его, и учить в Израиле закону и правде» (1 Езд 7:10). Для осуществления этой сложной задачи Ездре предстояло про-вести религиозную реформу в Иудее, повысить профессиональную подготовку священнослужителей и распределить их на местах, чтобы они судили весь народ по закону Бога.

Ездра был непримиримым борцом за чистоту еврейского духа и крови. В то время как в сатрапиях обширной Персидской империи, а также в Греции, Риме, Этрурии и финикийских городах, набирала силу крупнейшая в мировой истории духовно-нравственная перестройка, Ездра призывал еврейский народ всемерно добиваться не только религиозной, но и культурной изоляции, и устремиться к возрождению архаического образа жизни времен Моисея. Чита-ем фрагмент, в котором излагаются мысли и переживания самого Ездры: «По окончании сего, подошли ко мне начальствующие и сказали: народ Израилев и священники и левиты не отделились от народов иноплеменных с мерзостями их, от Хананеев, Хеттеев, Ферезеев, Иевусеев, Аммонитян, Моавитян, Египтян и Аморреев, потому что взяли дочерей их за себя и за сыновей своих, и сме-шалось семя святое с народами иноплеменными, и притом рука знатнейших и главнейших была в сем беззаконии первою. Услышав это слово, я разодрал нижнюю и верхнюю одежду мою и рвал волосы на голове моей и на бороде моей, и сидел печальный. Тогда собрались ко мне все, убоявшиеся слов Бога Израилева по причине преступления переселенцев, и я сидел в печали до ве-черней жертвы» (1 Езд 9:1–4). Ездра воспринял известие о кровосмесительных

браках еврейских девушек и юношей с соседними семитскими народами как ужасную национальную болезнь, которая требовала экстренной «хирургической операции». Ездра истерично утверждал, что **все народы (!)** осквернены нечистотой и мерзостями (1 Езд 9:9–12).

Господь не призывал евреев высокомерно презирать иные народы. Устами Своего любимца Моисея Он призывал: «Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской» (Втор 10:19). Господь милосердно наставлял евреев: «Не гнушайся Идумеянином, ибо он брат твой; не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его; дети, которые у них рождаются, в третьем поколении могут войти в общество Господне» (Втор 23:7–8). Уже в третьем поколении еврея полукровку следовало считать полноправным иудеем. Отсюда следует, что крайний национализм Ездры был воззрением только его ограниченного ума.

Всё сокрушающая сила воздействия Ездры на умы и сердца иудеев была не в высоко умных поучениях, а в глубоко проникновенной вере. Сколь бесчеловечно, неразумно, а бы сказал, даже безнравственно, было националистическое требование Ездры, разрушавшее сложившиеся дорогие сердцу семейные отношения между самыми близкими людьми – мужем и женой, родителями и детьми. Ездра большую часть еврейского народа объявил преступниками! И пострадавшие люди не только безропотно признали свою вину, но и впустили её в свое разбитое сердце. Когда мужественный дух иудеев был сломлен, они сами стали помогать в самоистязании себя и своих близких. Неемия пишет: «В двадцать четвертый день этого месяца собрались все сыны Израилевы, постящиеся и во вретницах и с пеплом на головах своих. И отделилось семя Израилево от всех инородных, и встали и исповедывались во грехах своих и в преступлениях отцов своих. И стояли на своем месте, и четверть дня читали из книги закона Господа Бога своего, и четверть исповедывались и поклонялись Господу Богу своему» (Неем 9:1–3).

Таким образом, требование религиозной и национальной изоляции евреев было выражением ограниченного понимания сути религиозной веры первосвященника Ездры. К его жестокому деянию, которое было в высшей степени противно милосердной природе Господа, Бог не имел никакого отношения. По сути, Ездра настойчиво призывал всеми силами стремиться вернуться в упрощённо им понимаемое архаическое прошлое еврейского народа, намертво закрывая пути для дальнейшего религиозного и культурного развития еврейского народа. Измученные и обескураженные иудеи смиренно приняли жестокий вызов Ездры. В этой экстремальной жизненной ситуации присутствовавшие иудеи не могли знать и понимать, что они выступают невольными участниками запуска неблагоприятного сценария дальнейшей истории еврейского народа. Ездры в значительной степени удалось повернуть *Дух и Судьбу* иудеев в нужном ему направлении.

До V в. до н.э. не существовало единого упорядоченного комплекса книг *прото* Танахи, потому что ранее никто не проделал сложную работу по созданию общепринятого Священного Писания. Не лишено оснований представление, согласно которому, записанные большей частью на глиняных табличках

книги хранились вперемешку в корзинах или других ёмкостях у священников и книжников. Поскольку в первой половине I тыс. до н.э. происходило совершенствование еврейского языка и письменности, то переписывание священных текстов приводило к их изменениям. Религиозные и исторические представления благочестивых иудеев не были систематизированы. Не вполне ясным был пройденный исторический путь еврейского народа, его вероучение, обряд и другие. Можно сказать, что до Ездры избранного текста Пятикнижия (Торы!) не существовало.

Ездра в наибольшей мере понимал неприемлемость этой ситуации неопределенности в вопросах веры. Еще на землях Вавилонии он приступил к многотрудной работе по решению этой первостепенной важности задачи, которую он считал главной в своей жизни. Из весьма различающихся самых древних текстов он составил книгу Бытия, повествующую о создании мира, возникновении человека и первых этапах становления человечества, а также об истоках еврейской истории, которая содержалась в жизнеописании Авраама и его сыновей. Затем он собрал в единое целое тексты, связанные с деятельностью Моисея. Ясно, что эта в высшей степени сложная работа не сводилась к механическому собиранию текстов. Самым трудным делом было содвигательно и стилистически различные тексты объединить в единое целое концептуально и лингвистически, сохранив мистическое их дыхание. Как мы знаем и видим, с этой многотрудной задачей Ездра и его сподвижники справились блестяще. Так возникла Тора, которая и в настоящее время приводит в священный трепет благочестивых иудаистов и самых продвинутых раввинов и книжников.

Однако следовало довести представления правоверных евреев до современного религиозного состояния. Ездры не пришлось ничего умозрительно конструировать, потому что имелись тексты послемоисеевой истории, из которых он составил книги Иисуса Навина, Судей и Царств. При этом следовало провести весьма непростую работу, чтобы привести их в концептуальное и стилистическое единство. Для большей убедительности, что его работа носит правдивый характер, Ездра присоединил к библейскому комплексу две книги Паралипоменон (Хроники). Все книги получили не только лингвистическое, но и, самое главное, мыслительное редактирование с позиции весьма ограниченного религиозного дискурса Ездры. Среди множества псалмов он отобрал наиболее достойные, что привело к созданию книги «Псалтырь». Впоследствии к этой книге под именами царей Давида и Соломона авторы прикрепляли свои выдающиеся творения. Таким был священный комплекс Ездры, который стал определяющим Священным Писанием для всех правоверных иудеев. Обычно книги священного комплекса Ездры в табличках или свитках хранились в двух корзинах (ёмкостях) – самые священные пять книг (Тора) и другие книги. Все иные в большей или меньшей мере популярные книги Песнь Песней, Пророков независимо гуляли по рукам правоверных иудеев и не подвергались ездоровской редакции. Поэтому последние, не получив ездоровского редактирования, сохранили ментальность авторов их создателей.

Ездру приписывают введение в употребление в Священном Писании халдейского способа письма и учреждение Великой Синагоги и других синагог, а также восстановление обрядности по древним обычаям Закона Моисея. Ездра настолько ревностно распространял Тору, что раввины говорили, что он получил бы Тору от Бога, если бы Моисей его не опередил. Представляется возможным более категорическое утверждение – Тору, как единый комплекс, создал Ездра! Климент Александрийский отмечал, что поскольку во время пленения «Писания были испорчены», Ездра, «левит и священник, обновил все древние Писания» (*Clem. Alex. Strom. I. 22*). В приписываемом Ипполиту Римскому (ок. 170 – ок. 235) введении к толкованию на Псалтирь говорится, что Ездра собрал в единую книгу написанные разными людьми псалмы (*Daniel von Salah. Eine jakobitische Einleitung in den Psalter / Hrsg. G. Dietrich. Giessen, 1901. S. 38*). Читая Пятикнижие Моисея, книги Иисуса Навина, Судей, книги Царств, Паралипоменон, мы должны верно знать, что повествования подаются в интерпретации их главного редактора Ездры, который чаще всего вещает устами Господа. Раввины справедливо полагают Ездру основателем раввинистического иудаизма, потому что он сыграл ключевую роль в сохранении Закона Моисея, возродил Тору, по их мнению, имело большее значение, чем восстановление Храма, а также составил исключительно важные генеалогические списки евреев. Таким образом, многотрудную и высоко качественную работу по созданию Торы и в целом первой версии *прото* Танахи проделал великий книжник Ездра и никто другой.

Таким образом, воинствующим националистам Ездру и Неемии удалось создать и утвердить в качестве господствующего достаточно упрощенный комплекс религиозных воззрений, обрядов и организаций, который в значительной мере предопределил дальнейшее весьма непростое развитие еврейской истории и культуры в целом. Определяющими ценностно-мыслительными установками ездровского иудаизма были: ориентация в качестве образца и идеала на архаическое прошлое времен Моисея, жесткое требование чистоты еврейской крови и культурной изоляции от внешних влияний.

Ставшая официальной парадигма ездровского иудаизма стала могучим тормозом для развития талантливых и деятельных евреев, который им приходилось преодолевать более или менее успешно. Иудейское вероисповедание стало носить преимущественно ритуальный характер. Закон Моисея строго и достаточно четко прописал ритуальные действия правоверного еврея во время религиозных праздников и в повседневной жизни. Поэтому в древнееврейском вероисповедании первостепенное значение имели внешние проявления религиозности, выразившиеся прежде всего в ритуальных действиях. При этом нравственная их составляющая не прорабатывалась в должной мере. Жизненный мир правоверного иудея основывался на жутком страхе перед Всевышним, который требовал от верующего безусловного подчинения. Каждый еврей верно знал, что отступление или несоблюдение заповедей, установленных с древнейших времен Моисеем, чревато неизбежным и строгим наказанием Бога, который всегда бдит. Поэтому можно сказать, что ценностно-мыслительное пространство древнееврейской культуры носило преимущественно архаич-

ческий натуралистически-силовой характер, который духовная элита древне-еврейского общества всеми силами стремилась сохранить.

4.9. Ценностно-мыслительная революция вероучения Иисуса Христа

Многочисленные чудесные исцеления и массовое изгнание бесов Иисуса из Назарета производили на иудеев наибольшее впечатление. Вероучение Иисуса Христа они большей частью не понимали. Для последующих поколений христиан на первый план выходит религиозно-нравственное учение Иисуса Христа, которое составляет фундамент всего христианского комплекса, потому что построение социальной структуры, системы религиозных обрядов и других составляющих Христианской Церкви так или иначе основываются на заповедях христианской жизни Бога Сына, определяющих систему координат ценностно-мыслительного пространства христианского жизненного мира. При этом исцеления больных и изгнание бесов служат очевидным подтверждением бесконечной мощи Его божественной способности.

Среди всех кардинальных духовно-нравственных прорывов в истории человечества свершения Иисуса Христа были наиболее впечатляющими и значимыми. Деяния и религиозное учение Иисуса Христа означали духовно-нравственную революцию в истории мировой культуры.

Тематический и экзистенциальный научно-религиозный анализ позволяет достаточно полно изучить построение христианского дискурса, представленного в Нагорной и других проповедях Иисуса Христа. Прежде всего следует выделить главные темы-ценности, которые определяют предельные ценностно-мыслительные устремления христиан. Их всего три – «Бог Отец», «Бог Сын» и «Царство Небесное». В ветхозаветном иудаизме таковых было всего две – «Бог Вседержитель» и «Закон Моисея».

В Нагорной проповеди Иисус провозглашал живую связь Своего учения с Законом Моисея. Он говорил: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф 5:17–18). Внешне представляется, что христианство является органическим продолжением и развитием ветхозаветного иудаизма. Могущественного Бога Яхве христиане называют «Богом Отцом», добавив к Нему Бога Сына Иисуса Христа, Которые и составляют Царство Небесное. Христианские заповеди представляют собой дальнейшее развитие Закона Моисея. В действительности, если обратиться к более глубокому осмыслению вероучения Иисуса Христа, то окажется, что христианский жизненный мир практически отрицает ветхозаветный, решительно преодолевая его архаические представления и ограничения для духовно-нравственного развития.

Согласно ветхозаветным иудаистским представлениям, потаённая реальность еврейского Бога проявляла Себя в абсолютной мощи и силе, будучи лишённой каких-либо нравственных характеристик. Для правоверных евреев Бог представлял как гневливый, жестокий самодержец, Который требовал от своих подопечных абсолютной покорности, вызывая у них жуткий страх и трепет. Создание Закона Моисея в конце II тысячелетия до н.э. было великим достижением еврейского народа, потому что в архаическое время разгула чувственных страстей и насилия устанавливались строгие правила социальной жизни евреев. Через тысячу с лишним лет, когда в первой половине I века Израильского государства практически не существовало и в еврейском обществе хозяйничали безжалостные разбойники, Закон Моисея и иудаистские религиозные верования безнадежно устарели. Пришёл Иисус Христос с проповедью кардинального духовно-нравственного обновления еврейской религии, общества и культуры в целом. Первосвященники, фарисеи и книжники не приняли благословенную проповедь Иисуса из Назарета и предпочли умертвить Его на кресте, обеспечив неуклонное саморазрушительное движение еврейского социума, религии и культуры в целом к концу времён в Иудейской войне.

В чём состояла ценностно-мыслительная революция вероучения Иисуса Христа не только в еврейской ментальности, но и в мировом культурно-историческом процессе?

Бог Отец, Бог Сын и Царство Небесное как предельные устремления человеческого существования

Онтологическую основу вероучения Иисуса Христа составляет трансцендентно-трансцендентальное бытие Бога Отца и Бога Сына, атрибутами которых являются совершенные разум, всемогущество, милосердие, красота и другие добродетели в предельной степени выражения. Бог Отец и Бог Сын составляли Царство Небесное. Их мистически-метафизическую природу помыслить и представить в полном объёме невозможно. Поэтому всякие теологические рассуждения и концептуальные построения *Царства Божьего* следует рассматривать как более или менее продуктивные мыслительные конструкты, которые представляют собой упрощённые теологические модели более сложного бытия Бога Отца и Бога Сына. При этом Господь и *Царство Небесное* есть живая реальность, которая в режиме реального времени всегда отслеживает происходящее в мироздании и человеческом социуме, совершая при необходимости различного рода деяния. Благостное бытие *Царства Небесного* задаёт систему отсчёта всех ценностно-мыслительных представлений и жизненных устремлений правоверного христианина.

Иисус Христос учил, что высоко духовную природу *Царства Небесного* следует принять искренне, всем сердцем, а не в результате практического расчёта. «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Мк 10:15). На основе своего многолетнего строго подвижнического опыта Исаак Сирий подтверждает поучение Иисуса Христа: «Не гово-

ри пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к нему» [49, с. 337].

Иисус требовал от своих учеников и последователей решительности, беззаветной преданности, мужественного служения, не позволять себе каких-либо послаблений и колебаний в деле нравственного совершенствования. «И, подозревая народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк 8:34–35). Мы читаем подобные высказывания Иисуса Христа с высоты многих столетий развития христианства, когда их смысл в значительной степени прояснился. Так, И. Сирийский утверждал: «Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прохладно» [85, с. 241; сл. 35]. Если попытаться погрузиться в экзистенциальную ситуацию пребывания рядом с проповедником Иисусом из Назарета, то впечатление от сказанного Им существенно усложнится. Зачем отказываться от себя? Какой крест? Куда идти? Надо полагать, до появления Евангелия от Матфея для первых христиан в вопросах вероучения Иисуса Христа было много непонятного, хотя было ясно главное – нужно всемерно стремиться к абсолютной духовно-нравственной чистоте веры и морали.

Для слушавших Иисуса из Назарета ортодоксальных иудеев Он говорил: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее. Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Мф 7:34–40). С точки зрения упрощенной морали высокомерный Иисус из Назарета своими проповедями, порождая раздоры и противостояния между самыми близкими родственниками, сеял зло в древнееврейском обществе. В поучении Иисуса Христа речь шла о том, что в жизни христианина отношение к Господу должно быть абсолютно значимой ценностью и целью, с которой ничто самое дорогое и близкое сердцу праведника не может сравниться.

Совершенная, беззаветная вера в Бога требовала от верующего самоотверженной и безоглядной преданности. Ничто в мирском бытии не может сравниться с *Царством Небесным*. Самые близкие сердцу христианина отец, мать, сын, дочь не имеют предпочтения перед Господом. Без колебаний всё мирское следует оставить. Если нужно – вырвать из сердца и, не отвлекаясь на мирские дела и заботы, следовать в служении Господу. Иисус Христос говорил: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк 11:23). «А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие. Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде

позволь мне проститься с домашними моими. Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк 9:59–62).

Когда Иисус проповедовал Своим многочисленным слушателям, своеобразие экзистенциальной ситуации выражалось в том, что Господь находился не где-то там далеко и высоко в *Царстве Божьем*. Он находился здесь, рядом. Он в человеческом облике смотрел на тебя и обращался к тебе. Но многие не понимали выпавшей на их долю удачи, а некоторые даже хотели Его убить. Иисус Христос продолжал: «Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред Ангелами Божиими; а кто отвергнется Меня пред человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими. И всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святаго Духа, тому не простится» (Лк 12:8–10). За Иисусом Христом следует стремиться идти изо всех сил на протяжении всей жизни и служить Ему до конца. «Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф 7:32–33). Лука сообщает: «Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущей жизни вечной» (Лк 18:29–30). «...когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф 7:28–29). Странствующий проповедник Иисус из Назарета не обладал какой-либо властью в еврейском обществе. Видевшим и слышавшим Его невозможно было допустить, что смиренный проповедник Иисус обладает божественной властью.

В Своих проповедях и поучениях Иисус Христос выстраивал тип подлинно благочестивого человека, основу жизненного мира которого должна была составлять всего лишь одна аксиома – абсолютная, беззаветная и нерушимая вера во всеблагото Бога. Если ты являешься верным и благочестивым слугой Господа, то в жизни у тебя все получится, потому что Он и *Царство Небесное* в нужный момент помогут тебе и всё обустроят. Сын Человеческий призывал: «...наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» (Лк 12:31). В настоящее время в человеческих отношениях всё течёт. Никому нельзя доверять в полной мере, ни на кого нельзя опереться, потому что ради денег и иных корыстных устремлений все предадут, все представляют угрозу – отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, друг. Две тысячи лет назад Иисус утверждал, что только в Боге человек может найти надежную опору и поддержку. «Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне... А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке» (Мф 7:24, 26).

Как возможно войти в Царство Божие? Иисус требовал от своих учеников и слушателей быть правдивыми. «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф 6:33). Стремясь быть правдивым, человек

с необходимостью становится честным, справедливым, последовательно следующим добродетели и таким образом освобождается от всего низменного, потаенно зловредного. Земная жизнь человека является подготовительным этапом для пребывания души в загробном мире. Согласно христианскому вероучению, после смерти душа праведного христианина, достигшего подлинного христианского благочестия, будет пребывать в благодатном пространстве *Царства Небесного*. Поэтому для христианина заповеди, христианская мораль в целом, не являются самоцелью. Они служат средством для очищения души праведника, подготовке ее к загробной жизни в *Царстве Небесном*.

Таким образом, в религиозных поучениях Иисуса Христа практически ничего не остаётся от ветхозаветных иудаистских верований. На смену архаическим натуралистически-силовым верованиям времён Моисея Спаситель предложил самую совершенную модель религиозных верований, которая в последующей истории человечества в полной мере подтвердила своё приоритетное значение. Весьма почитаемый в современном мире ислам представляет собой в своих теологических основаниях исторически и концептуально базис благословенной проповеди Иисуса Христа.

Тематическое пространство христианского жизненного мира состоит из двух взаимосвязанных подсистем ценностно-мыслительных ориентаций – мирской и устремлённой к Господу.

Нужно всемерно стремиться к освобождению от привязанностей мирской жизни

Мирское бытие, в которое заброшен человек, составляет первооснову его жизненного существования. Как в повседневной жизни жить правильно? В культурно-историческом регионе Средиземноморья до Иисуса Христа ответ был простым и однозначным. Нужно стремиться получать различного рода душевные и чувственные удовольствия, не увлекаясь ими чрезмерно, чтобы не навредить здоровью. Практически все население набиравшей силу могучей Римской империи пребывало в мирском бытии и было озабоченно удовлетворением разнообразных, нередко извращенных, чувственных страстей и устремлений.

Иисус Христос учил, что не чувственные наслаждения являются главными в жизни человека, а духовно-нравственное блаженство, устремлённое к Господу, составляет подлинное существование человека, достижение которого возможно посредством освобождения от привязанностей к чувственным удовольствиям. Эту жизненную цель достигнуть весьма непросто даже самым суровым и мужественным монахам. Если в мирском бытии древнееврейского общества преобладал *Дух наживы*, следуя которому, нужно было вырвать свое, утвердиться и по возможности разбогатеть, то в заповедях блаженства Иисус Христос провозглашал главными духовно-нравственные жизненные устремления.

Из проповеди Иисуса Христа наиболее понятным и очевидным для Его учеников и последователей было требование всемерно ограничить свои привязанности

занности и устремления в мирской жизни, попытаться как бы выйти из нее, что для даже правоверного иудея было весьма непросто. Иисус «сказал: исходящее из человека оскверняет человека. Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, – все это зло извнутри исходит и оскверняет человека» (Мк 7:20–23). Для своих наиболее верных сторонников Иисус требовал – следует быть решительным в стремлении выйти из устремлений в чувственно-вождедеющем мире, заглушить, отсечь их. Иисус Христос предостерегал своих учеников: «Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк 14:33).

На этот христианский подвиг были способны немногие, впоследствии лишь самые мужественные монахи, достигшие состояния святости. Иисус Христос поучал: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромоту, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мк 9:43–47). Первичным условием освобождения от привязанностей к мирскому бытию является избавление от богатства, имений, требующих непрерывных хозяйственных забот. По мнению Исаака Сирина, «ум, занятый мирским, не может приблизиться к исследованию Божественного» [85, с. 441; сл. 56]. Затем он уточняет: «Плотолюбцам и чревоугодникам входить в исследование предметов духовных так же неприлично, как и блуднице разглагольствовать о целомудрии» [85, с. 441; сл. 56]. Подлинный христианин в своей мирской жизни должен стараться быть свободным как птица в своем полете к Господу. Предельной целью в жизни христианина является достижение *Царства Небесного*.

Борьба против похотливых устремлений должна вестись до окончательного их уничтожения

Самым опасным врагом для подлинного христианина являются блудливые чувственно-вождедеющие устремления, с которыми следует вести непримиримую борьбу. Непременным требованием Иисуса Христа к Своим последователям было изгнать или умертвить в себе эротические устремления. Если христианину этого не удастся достигнуть, то в христианской жизни у него ничего не получится, потому что сексуальное вожделение вытесняет на второй план все иные добродетельные устремления. Поэтому Иисус Христос строго требовал: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов

твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф 5:27–30). Иисус был не просто проповедником высокой морали. Он требовал достижения её подлинной чистоты и совершенства в реальной жизни. Это требовало ежедневной и многотрудной работы над собой, в ходе которой нужно было быть решительным и строгим в деле сурового самоограничения.

Забавно, когда в западноевропейской литературе и кино всерьез рассуждают о любовных отношениях Иисуса Христа и Марии Магдалины. В Евангелии изложена мужецентристская христианская позиция по отношению к вредоносным сексуальным устремлениям, источником которых выступает похотливая женщина. Справедливое равенство требует учитывать, что для женщины-христианки объектом соблазна выступает мужчина, преодолеть который ей также приходится прикладывать немало усилий. Во многих современных странах падение нравов достигло национального масштаба, когда правовым законодательством закрепляют преимущество однополых браков и других половых извращений.

Среди всех поучений Иисуса Христа требование против похотливых блудливых устремлений было для евреев самым опасным и, надо полагать, неприемлемым. В многовековой истории еврейского народа до Иисуса Христа никто и никогда не выступал против чувственных наслаждений, которые евреям приносили женщины. С родоначальника еврейского народа Авраама берет начало устойчивая традиция в жизни иудеев по любовным страстям к множеству жён и наложниц, которые ежедневно их ублажали и, надо полагать, приносили самые большие жизненные радости. Эта важная сторона еврейской жизни обычно не выносится на первый план, но всегда незримо присутствует в книгах Старого Завета в указаниях на множество жен, наложниц и детей. Доживая свой век, Авраам был весьма активен в общении со своими женщинами, которые ему приносили немало радостей. Читаем книгу Бытия: «И взял Авраам еще жену, именем Хеттуру. Она родила ему Зимрана, Иокшана, Медана, Мадяна, Ишбака и Шуаха... И отдал Авраам все, что было у него, Исааку, а сынам наложниц, которые были у Авраама» (Быт 25:1–2, 5–6).

Во время изнурительного похода по пустынной местности восьмидесятилетнему старику Моисею потребовалось восстанавливать свои жизненные силы. Он решил жениться на молодой смуглянке из Эфиопии. Даже убежденному сединой старику-еврею прожить без любовных утех было трудно. В жизни еврея любимая женщина непременно должна была быть рядом. «И упрекали Мариам и Аарон Моисея за жену Ефиоплянку, которую он взял, – ибо он взял за себя Ефиоплянку, – и сказали: одному ли Моисею говорил Господь? не говорил ли Он и нам? И услышал *сие* Господь. Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле. И сказал Господь внезапно Моисею и Аарону и Мариам: выйдите вы трое к скинии собрания. И вышли все трое. И сошел Господь в облачном столпе, и стал у входа скинии, и позвал Аарона и Мариам, и вышли они оба. И сказал: слушайте слова Мои: если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с

рабом Моим Моисеем, – он верен во всем дому Моем: устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит; как же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея? И воспламенился гнев Господа на них, и Он отошел» (Чис 12:1–9). Казалось, Господь должен был не только осудить, но и предотвратить столь низменные устремления Своего подопечного. Но с высоты Своего державного правления Вседержитель понимал потребности в женской ласке Моисея, полагая, что старику необходима сексуальная разрядка. Поэтому Он решил наказать за нравственные поучения жену Аарона Мариам болезнью проказы.

Почитаемый за идеального Израильского правителя царь Давид не мог пройти мимо красивой женщины. Он совершил немало грешных деяний для овладения красавицами, которые просал ему даже Господь. Судя по всему, Давид при взятии городов отбирал себе в качестве наложниц самых красивых женщин. Читаем 2-ю Книгу Царств: «И уразумел Давид, что Господь утвердил его царем над Израилем и что возвысил царство его ради народа Своего Израиля. И взял Давид еще наложниц и жен из Иерусалима, после того, как пришел из Хеврона. И родились еще у Давида сыновья и дочери» (2 Цар 5:13–14). Пресыщенный чувственными удовольствиями Давид не пропускал красивых женщин родовитых фамилий. В *главе 3* сообщается: «И отправил Давид послов к Иевосфею, сыну Саулову, сказать: отдай жену мою Мелхолу, которую я получил за сто краеобрезаний Филистимских. И послал Иевосфей и взял ее от мужа, от Фалтия, сына Лаишева. Пошел с нею и муж ее и с плачем провожал ее до Бахурима; но Авенир сказал ему: ступай назад. И он возвратился» (2 Цар 3:14–16). «Когда царь Давид состарился, вошел в *преклонные* лета, то покрывали его одеждами, но не мог он согреться. И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстояла царю и ходила за ним и лежала с ним, – и будет тепло господину нашему, царю. И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Ависагу Сунамитянку, и привели ее к царю. Девица была очень красива, и ходила она за царем и прислуживала ему; но царь не познал ее» (3 Цар 1:1–4). Трудно представить красоту Ависаги, которую придворные слуги царя, зная пристрастие Давида к красивым женщинам, выбрали из множества красавиц Израильского царства. Ависаге несказанно повезло услаждать не только своей красотой последние дни знаменитого любовника, который так умело, с большим и глубоким чувством ласкал её, сохранив её девственность.

Надо полагать, множество жен и наложниц и их дети создавали во дворце царя Давида атмосферу большого многонационального города, в котором иудейская обособленность не представлялась возможной. Автор 2-й Книги Царств пишет: «И родились у Давида сыновей в Хевроне. Первенец его был Амнон от Ахиноамы Изреелитянки, а второй *сын* его – Далуиа от Авигеи, *бывшей* жены Навала, Кармититянки; третий – Авессалом, сын Маахи, дочери Фалмая, царя Гессурского; четвертый – Адония, сын Аггифы; пятый – Сафатия, сын Авиталы; шестой – Иефераам от Эглы, жены Давидовой. Они родились у Давида в Хевроне» (2 Цар 3:2–5). Число жен и наложниц с их детьми любвеобильного Давида все более возрастало. «И взял Давид еще наложниц и

жен из Иерусалима, после того, как пришел из Хеврона. И родились еще у Давида сыновья и дочери. И вот имена родившихся у него в Иерусалиме: Самус, и Совав, и Нафан, и Соломон, и Евеар, и Елисуа, и Нафек, и Иафия, и Елисама, и Елидае, и Елифале» (2 Цар 5:13–16).

Ещё более любвеобильным, чем Давид, был Соломон, который использовал свои неограниченные царские возможности в отношении женщин в высшей степени продуктивно. Читаем 3-ю Книгу Царств: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: «не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам»; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены его сердце его. Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его» (3 Цар 11:1–4). Соломон был великим и непревзойдённым охотником за красивыми женщинами. Судя по всему, эту неутолимую страсть он не мог насытить и остановиться. Не власть могущественного царя, не богатство, а множество любимых им прекрасных женщин в его дворцах превращали его жизнь в непрерывно продолжавшийся праздник. Он не принимал участие в военных походах, отдав управление войсками своим опытным полководцам, не управлял страной, доверив эту хлопотную работу своим наместникам. Он жил среди своих любимых женщин, отдавая им всего себя без остатка. Поэтому Солону пришлось умереть во цвете своего ума, красоты и мужской силы в 52 года.

Книга пророка Осии (*ивр.* Оше́а, «спасение»; ок. 752–721 гг. до н.э.) примечательна тем, что в ней Господь преимущественно обличает израильтян в блудливой распущенности. В самом начале служения пророка Господь поручает ему жениться на блуднице. «И сказал Господь Осии: иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия, отступив от Господа. И пошел он и взял Гомерь, дочь Дивлаима; и она зачала и родила ему сына. И Господь сказал ему: нареки ему имя Изреель» (Ос 1:1–4). Поскольку Осия проходил испытание с блудницей успешно, Господь поручил ему жениться на гулящей женщине. «И сказал мне Господь: иди еще и полюби женщину, любимую мужем, но прелюбодействующую, подобно тому, как любит Господь сынов Израилевых, а они обращаются к другим богам и любят виноградные лепешки их. И приобрел я ее себе за пятнадцать сребренников и за хомер ячменя и полхомера ячменя и сказал ей: много дней оставайся у меня; не блуди, и не будь с другим; так же и я буду для тебя» (Ос 3:1–3).

Господь прозревал коварство, злодейство и прелюбодейство евреев в режиме реального времени. Бог возмущённо винил евреев: «Все они пылают прелюбодейством, как печь, растопленная пекарем... Ибо они коварством своим делают сердце свое подобным печи: пекарь их спит всю ночь, а утром она горит, как пылающий огонь. Все они распалены, как печь, и пожирают судей своих; все цари их падают, и никто из них не взывает ко Мне» (Ос 7:4,6–7). Огонь страстей и чувственных вожелений пылает в сердцах доброй поло-

вины современного человечества. В книге пророка Осии наибольшее негодование Бога вызывало распространение пьянства и разврата среди евреев. «Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют, потому что вы сами на стороне блудниц и с любодейцами приносите жертвы, а невежественный народ гибнет... Отвратительно пьянство их, совершенно предались блудодеянию; князья их любяют постыдное» (Ос 4:14, 18). Священники также погрязли в распутстве, как и обычные израильтяне. Господь строго их предупреждал: «Слушайте это, священники, и внимайте, дом Израилев, и приклоните ухо, дом царя... Глубоко погрязли они в распутстве; но Я накажу всех их... Дела их не допускают их обратиться к Богу своему, ибо дух блуда внутри них, и Господа они не познали... Господу они изменили, потому что родили чужих детей» (Ос 5:1, 4, 7). Перед всевидящим Господом священники представляли как разбойники. «Как разбойники подстерегают человека, так сборище священников убивают на пути в Сихем и совершают мерзости» (Ос 6:9).

В многовековой истории еврейского народа Иисус Христос был первым, Кто для достижения подлинного духовно-нравственного благочестия требовал подавления сексуальных вожделений, а в идеале умерщвления подобного рода страстей, что для иудеев, привыкших к любовным ласкам, надо полагать, было самым большим испытанием.

Заповеди блаженства Иисуса Христа – система координат христианского Духа

Когда в руках верующих первых христианских общин появился свиток Евангелия от Матфея, то для них учение Иисуса Христа в значительной степени прояснилось. Матфей показал великую нравственную силу Нагорной проповеди и других поучений Иисуса Христа, которая задавала систему основных ценностно-мыслительных устремлений праведного верующего.

Религиозная мораль Иисуса Христа имела двойственную направленность. С одной стороны, Он учил, как правильно жить в мирской жизни, а с другой – как правильно выстраивать отношения с Господом. Девять заповедей блаженства, по сути, означают девять условий вхождения верующего в мистически-метафизическое пространство *Царства Небесного*, а также своеобразную систему координат ценностно-мыслительного пространства правоверного христианина, в котором он должен был жить в мирском существовании.

Читаем Евангелие от Матфея: «Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф 5:2–11).

Тот, кто будет строго следовать заповедям и их исполнит, тем Иисус говорил: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф 5:12). Заповеди блаженства нужно исполнять не выборочно, а все и в полном объеме. Только тогда истый христианин может быть уверенным, что он спасется и достигнет Божьего Царства. Иисус говорил, что «кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф 5:19). Двухтысячелетняя история христианства убедительно показала, что те праведники, кто от всего сердца их исполняли на протяжении всей своей жизни, достигали нравственного совершенства и подлинной святости.

Тематический и экзистенциальный анализ духовно-нравственных наставлений Иисуса Христа позволяет структурировать их по четырём основным ценностно-мыслительным устремлениям, которые составляют четыре оси координат христианского жизненного пространства – смирение, милосердие, универсальная любовь ко всему сущему и устремлённость к совершенной духовности.

Блаженны смиренные, кроткие, нищие духом и плачущие

По мере освобождения от мирских привязанностей похотливых устремлений, к богатству и роскоши и другим, перед христианином на первый план выходят и всё время усиливаются цели духовно-нравственного совершенства, которые приближают его к Господу. Среди заповедей, ведущими к христианскому блаженству, Иисус Христос первыми назвал стремиться достигать кротости и нищеты духа, высшей степенью проявления которых быть «плачущим». Весь этот сложный комплекс духовно-нравственного борения христианские подвижники называют достижением глубокого смирения. Спаситель говорил, что «всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк 14:11). Исаак Сирий призывал: «Унижай себя ради Бога, и не узнаешь, как умножится слава твоя. Всю жизнь признавай себя грешником, чтобы во всей жизни своей быть тебе оправданным» [85, с. 466–467; сл. 57]. «Блажен, кто смиряет себя во всем, потому что будет он возвышен. Ибо кто ради Бога во всем смиряет и умаляет себя, тот прославлен бывает Богом» [85, с. 466; сл. 57].

Православные полагают, что достижение смирения открывает путь подлинному благочестию. «Смирение есть некая таинственная сила, – пишет Исаак Сирий, – которую, по совершении всего жития, восприемлют совершенно святые. Сила сия не иначе как только совершенным в добродетели дается силою благодати, поколику в должной мере способны к сему по природе, потому что добродетель сия заключаетв себе все» [85, с. 369; сл. 53]. Он полагал, что

смирение усовершенствует душу Божественными созерцаниями» [85, с. 371; сл. 53]. Ещё Иисус сын Сираха призывал: «Глубоко смири душу твою» (Сир 7:17). Он настоятельно рекомендовал: «...кротостью прославляй душу твою и воздавай ей честь по ее достоинству» (Сир 10:31).

Достигшие подлинного благочестия христиане знают, смирение является главным оружием против злейшего врага гордыни и его неперемногого спутника гневливости. По мере наращивания в себе смирения гордыня и гневливость в тебе умирает. В жизненном мире праведника гордыня должна быть выкорчевана с корнем. Но, как мы знаем по своему жизненному опыту, освободиться от гневливости весьма непросто. На это потребуется не один год напряженной работы над собой. Прежде всего следует всеми силами наращивать в себе смирение. По мере того, как ты преодолеваешь свою гордыню, гневливость умирает в тебе сама собой. Особенно настойчиво против беса гневливости боролись православные монахи-исихасты, преодолевая гордыню и всячески развивая в себе глубокое смирение.

По достижении наивысших ступеней духовно-нравственной чистоты у подвижника появляется блаженный плач. Иосиф Исихаст (также Иосиф Молчальник, Иосиф Пещерник, 1897–1959) пишет: «Был в некоей пещере один подвижник, который должен был плакать семь раз в день. Это было его делом. А всю ночь он проводил в слезах. И возглавие его было всегда мокрым. И спрашивал его прислужник, который приходил два-три раза в день, ибо тот не хотел, чтобы он был рядом с ним, дабы не прерывал его печаль:

– Старче, почему ты столько плачешь?

– Когда, дитя мое, человек видит Бога, от любви у него текут слезы, и он не может их удержать» [141, с. 62].

По мере достижения глубокого смирения в сердце благочестивого подвижника появляется страх Господень. «За смирением следует страх Господень, богатство и слава и жизнь» (Притч 22:4). Согласно православной *метафизике Пути*, появление страха Господнего означает, что подвижник почти прошел весь суровый путь благочестивого служения и достиг незамутнённой нравственной чистоты. «Страх Господень – ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу. У меня совет и правда; я разум, у меня сила» (Притч 8:13–14). Православные монахи верно знают, что нарастание страха Господнего означает приближение к Боговедению, когда всё его существо охватывают самые блаженные, сокровенные переживания мистически-метафизической связи с Господом. В самом конце многотрудного пути практического делания у подвижника появляется подлинная мудрость. Автор Книги пишет: «Страх Господень научает мудрости, и славе предшествует смирение» (Притч 15:33). «Начало мудрости – страх Господень» (Притч 1:7).

Милосердие – универсальный принцип отношения к миру

С самого начала человеческой истории зло существовало как обыденная составляющая и необходимая норма жизни. Националистические и изоляцио-

нистские воззрения ездоровских иудаистов возвращали у правоверных иудеев злобное отношение к иным, даже семитским народам, которых они рассматривали как недоразвитых иноверцев. Палитра этих воззрений и отношений была достаточно широкой – от настороженного отчуждения до яростной ненависти, которая в полной мере проявилась по отношению к проповедникам *Благой вести* Иисуса Христа Апостолам и христианам.

Иисус из Назарета утверждал, что зло между людьми должно быть преодолено. Как возможно сделать, чтобы зло не распространялось? В архаическом обществе, когда между людьми преобладали натуралистически-силовые отношения *proto* морали, эффективным средством предотвращения вакханалии насилия выступал закон талиона (*лат.* talio, talionis – возмездие, равное по силе преступлению) «око за око и зуб за зуб», который устрашал зловредных людей. Прозорливый Иисус усматривал возможность существования высоко духовного и морального сообщества своих последователей, отношения между которыми должны были строиться на милосердии друг к другу. Он говорил: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф 5:38–42). Милосердие должно быть универсальным принципом жизни христианина независимо от жизненных обстоятельств и ко всем людям. При этом оно должно изливаться на людей из глубины твоего сердца.

По меркам морали того времени требования Иисуса Христа были строгими, даже суровыми и, казалось, трудно исполнимыми. Он говорил: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедрону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф 5:21–22). Следует не только не допускать злобных деяний, но и искоренять их первопричину в самом человеке – его гневливость.

При милосердном отношении к людям обязательно для тебя будет складываться режим благоприятствования. Сын Человеческий говорил: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф 7:7–8).

Если бы милосердие было утверждено законом отношений между людьми независимо от их каких-либо воззрений и жизненных позиций, то зло было бы искоренено в обществе, потому что немилосердные деяния были бы невозможны. Не нужно было бы создавать и разрабатывать теории всеобщего благоденствия, социализма и коммунизма и др., потому что все обустроилось бы на основе милосердных отношений. Насколько требование быть милосердным глубоко и, казалось, просто. Люди! Будьте милосердными, и тогда у вас все получится! Но мудрые философы правильно учили – человек по природе зол. Как возможно не навредить соседу, предать друга, изменить любимой (-му).

Без таких согревающих зловредную душу наслаждений в современном мире жить не получается.

Милосердие должно быть универсальным отношением к миру, ко всем живым существам. Милосердие Бога не имеет границ, оно бесконечно. Милосердие должно быть универсальным принципом жизни христианина и проистекать из его чистого сердца, в котором не должно быть каких-либо меркантильных интересов.

Бесконечное по доброте милосердие проистекает от всеблагого Господа, а Его слуги христиане должны быть не только его носителями, но и приумножать милосердные отношения в мирском бытии. Милосердие должно быть предельно искренним. Иисус говорил: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф 6:1–4). От христианина должно изливаться на людей только добро и благо. Лука записал такие слова Иисуса Христа: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк 6:45). В определенном смысле последующие поучения Иисуса Христа служили уточнениями и развитием заповедей блаженства. Так, применительно к пятой и седьмой заповедям Иисус рекомендовал всячески усиливать в себе миролюбие, доброе отношение к людям. Он призывал: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним» (Мф 5:25). Для верующего человека важна не столько мирская, сколько мистическая проекция миролюбия. Там оно будет обязательно вознаграждено.

Любовь ко всему живому – глубинное экзистенциальное устремление подлинного христианина

В своём вероучении Иисус Христос заложил глубинную и универсальную философию любви, которая была призвана искоренить силу, злобу и насилие не только во взаимоотношениях между людьми, но и в обществе в целом. Поэтому Он говорил: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5:43–44). В сердце подлинного христианина всегда должно пылать пламя милосердного отношения к людям и все более и более возгораться, согревая благочестивым теплом его душу и окружающих его людей, которое проистекает из глубинной первоосновы в сердце христианина – любви ко всему сущему. Иисус Христос поучал: «Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда ве-

лика, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк 6:35–36).

Среди верующих христианских общин I в. большую часть составляли небогатые и обездоленные, нередко рабы, евреи, греки, сирийцы и др. Однако по прозорливому ведению Иисуса Христа, именно они были подвижниками духовно-нравственного прорыва в Римской империи. О них Иисус говорил: «Вы – соль земли... Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. ...да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5:13, 14, 16).

В главе XII Марк пишет, как один из книжников подошел и спросил Иисуса: какая первая из всех заповедей? «Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк 12:29–31). Развитие этой исходной заповеди в вероучении Иисуса Христа привело к формированию совершенно необычных представлений о природе Бога и новой морали.

Милосердное отношение к людям запрещает их осуждение. Иисус Христос поучал: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; дайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам» (Лк 6:37–38). Прежде всего нужно быть озабоченным работой по своему духовно-нравственному совершенствованию, неустанно искать в себе недостатки, а не выискивать упущения окружающих. Иисус говорил: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Мф 7:3–5). Вместе с тем следует быть требовательным и разборчивым к окружающим. Духовное знание следует нести достойным людям, потому что только в их благочестивых сердцах оно прорастает и дает добрые плоды. Иисус Христос поучал: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф 7:6).

Любовь к Богу и любовь ко всему сущему у христианского подвижника возгорается в сердце по достижении духовно-нравственной чистоты. В труде «Слово о духовном делании» Евагрий Понтийский пишет: «Любовь есть порождение бесстрастия» [48, с. 108]. Он утверждает: «Пределом духовного делания является любовь» [48, с. 109].

Неустанно стремись к духовно-нравственному совершенству

Согласно нравственным поучениям Иисуса Христа, предельной целью для христианина-подвижника в мирской жизни является достижение духовно-нравственной чистоты. Он призывал: «...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48). «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф 6:22–23). Это высказывание подтверждает Лука (Лк 11:34–36). В христианском вероучении свет – это не метафора, а мистическое проявление божественной благодати.

Непременным условием достижения предельной цели духовно-нравственного просветления является не только всяческое подавление жадности, обогачения и других страстей, но и отстранение от ценностно-мыслительных устремлений мирского бытия. Иисус говорил: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф 6:19–21). Следует жить в высоком *Духе* и даже выше, собирая себе сокровища на небе. При этом христианин мирянин или монах должен мужественно и неустанно продвигаться по избранному многотрудному пути, не отклоняясь и не давая себе послаблений. Иисус говорил: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6:24). «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф 7:13–14). Путь к духовно-нравственному совершенству является многотрудным длиною всю жизнь. Этот тернистый, полный испытаний путь могут пройти немногие. Лишь суровые монахи достигают и входят в тесные врата.

Одной из главных ценностно-мыслительных задач великой ментальной революции VI–IV вв. до н.э. в западноевропейской культуре было преодоление господствовавшего со времен архаики *Духа наживы* и установление в качестве приоритетных ценностей разума, добродетели и красоты, формировавших ментальность *Духа благочестия*. Эта исключительно важная работа для дальнейшего развития западноевропейской культуры первоначально носила элитарный и локальный характер. Локомотивами этого движения были выдающиеся древнегреческие философы Пифагор (ок. 580–500 гг. до н.э.), Сократ (469–399 гг. до н.э.), Платон (427–347 гг. до н.э.), Аристотель (384–322 гг. до н.э.) и др., среди которых наиболее последовательным и успешным борцом за установление и развитие благочестивого образа жизни был высоко умный Платон.

В своем труде «Государство» он разработал тип благочестивого человека, который он назвал «подлинным философом». Я полагаю, такой тип человека,

устремленного к последним высотам духовности, более точно называть «трансцендентальным человеком». Во времена Иисуса Христа в странах обширной Римской империи таких людей было немного, можно сказать единицы. Своими деяниями Иисус Христос запустил процесс «массового производства» гораздо более благочестивых людей – христианских подвижников. Таким образом, христианская революция, начавшаяся в I в., способствовала распространению и установлению господствующего положения христианского *Духа благочестия* в странах Западной и Восточной Европы вплоть до XVII в., когда на Западе начал стремительно набирать силу *Дух капитализма*, как наиболее изощренная форма *Духа наживы*. В настоящее время Бог умер в сердцах подавляющего большинства населения планеты, а *Дух капитализма*, заняв господствующее положение в ментальном пространстве мировой культуры, торжествует победу. А последние носители *Духа благочестия* попрятались по своим норам и пещерам, как пауки, и тянут свою высоко умную и добродетельную нить, которая никому не нужна. Я сам сижу в своей норке, пишу свои книги и стараюсь не высовываться в этот примитивный мир неутолимой жажды наживы и чувственных страстей, созерцая стремительную деградацию философии, литературы, искусства и мировой культуры в целом.

Две тысячи лет назад прозорливый Иисус Христос говорил: «смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени» (Лк 12:15). Печально, что те деятели искусства и кино, которые еще 10–20 лет назад в большей или меньшей мере жили в духе и создавали достойные произведения литературы и искусства, в настоящее время преимущественно озабочены остановить чувственно-вождедеющее мгновение, пытаются посредством пластических операций сохранить или улучшить свои стареющие тела, и всячески украшают свои роскошные особняки-дворцы. А моль и ржа обязательно все истребит, и воры обязательно все украдут.

Иисус Христос призывал больше всего заботиться о своей душе. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф 7:28). Он предостерегал: «Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет. И сказал ученикам Своим: посему говорю вам, – не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи, и тело – одежды» (Лк 12:21–23). Подлинное человеческое существование возможно только в пространстве духовно-нравственных достижений человечества. Иисус от Своих слушателей требовал значительно больше – стремиться в благодатное Царство Небесное. Достижение христианского идеала требует всемерно ограничивать чувственные страсти. «Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более бойтесь. сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну» (Лк 12:4–5). Согласно Иисусу, «есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф 19:12). Во времена Иисуса Христа добровольных скопцов не было. Он прозорливо усматривал мощное монашеское движение в Христианской Церкви.

Предельная цель христианского подвижника – Царство Небесное

Иисус Христос призвал – «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48). «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф 6:33). Исходя из своего многолетнего сурового опыта практического делания, Исаак Сирий утверждал: «А кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа» [85, с. 58; сл. 8]. По его мнению, «если будешь чист, то внутри тебя небо, и в себе самом узришь Ангелов и свет их, а с ними и в них и Владыку Ангелов» [85, с. 59; сл. 8]. В XX веке старец Иосиф Исихаст поучал афонских монахов: «Истинный монах – это произведение Святого Духа» [141, с. 196]. Достойные монахи, безусловно, достигали заветной цели – *Царства Небесного*.

Мы, слабые благочестивые христиане, привязанные крепкими цепями к мирской жизни, которых христианскими подвижниками назвать нельзя, должны в обыденной жизни держать мысль и главное жизненное устремление в *Царство Небесное*. Тогда всё в твоей жизни будет правильно выстраиваться не только *Здесь*, но и *Там*, и, самое главное, сохраняется и укрепляется надежда, что после мирской жизни пребывание души *Там* завершится благополучно.

Таким образом, кардинальным прорывом вероучения Иисуса Христа было провозглашение вертикальной проекции ценностно-мыслительных устремлений в бесконечную духовно-нравственную глубину *Царства Небесного*. Поэтому в жизненном мире правоверного христианина доминирующее значение стало играть вертикальное измерение к высокому духу. В то время как большинство людей Римской империи преимущественно жили в горизонтальной плоскости мирского бытия, решая те или иные проблемы обыденной жизни. Иисус Христос, будучи носителем божественной религиозно-нравственной реальности, совершил радикальный духовно-нравственный прорыв не только в весьма ограниченном жизненном пространстве еврейского народа, но и в мировой истории человечества.

4.10. Иисус Христос и двенадцать учеников

Иисус как бы в приказном порядке («иди за мной!») собрал Своё христианское воинство и, как командир отделения, последовал проповедовать в Галилее, Иудее и других. Следует иметь ввиду, что поскольку большая часть из них были взрослыми мужчинами, у которых, скорей всего, были семьи, то им время от времени приходилось отлучаться по семейным делам. По-видимому, среди них был лишь один холостяк девственник юный Иоанн. Когда после *Вознесения* Апостолы приступили к благовествованию, как они поступили со своими любимыми женами и детьми? Отсутствие письменных источников не позволяет сделать даже гипотетические предположения. Однако мы не должны забывать главную методологическую установку современного научного

дискурса – в реальной действительности всё происходило гораздо сложнее, чем мы о ней думаем.

Поскольку в Евангелии от Матфея взаимоотношения Иисуса Христа и Апостолов описаны наиболее полно, то его свидетельства будут рассматриваться в качестве исходных, что вполне оправданно, потому что он был непосредственным свидетелем деяний и высказываний Учителя. Казалось, привлечение Иисусом Христом учеников происходило достаточно формально. Согласно Матфею, вскоре после крещения: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним. Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцом их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф 4:18–22). О привлечении самого Матфея в ученики Иисуса Христа пишет Марк: «Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, встав, последовал за Ним» (Мк 2:14). Мистическая божественная сила Иисуса Христа была настолько велика и безгранична, что сопротивляться ее воздействию было невозможно. Всем достойным людям, кто общался с Сыном Человеческим, было несказанно приятно быть Его духовным рабом. Мы также знаем, что прозорливый Иисус избирал в Свои ученики и верные продолжатели дела *Благой вести* не первых попавшихся рыбаков и менялу. Он прозорливо знал, что эти не умудренные религиозными познаниями иудеи будут главными продолжателями Его великого дела.

В 10-й главе Матфей приводит имена 12-ти Апостолов. «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь. Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его» (Мф 10:1–4).

Отправляя учеников проповедовать *Благоую весть* в Израильском государстве, Иисус Христос говорил: «...на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева; ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное; больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф 10:5–8). Из наставления Иисуса Христа следует, что язычники греки, римляне, финикийцы и другие, а также эллинизированные самаряне не были объектом проповеднической деятельности не только Апостолов, но и Самого Учителя. Апостолы должны были проповедовать главное – «приблизилось *Царство Небесное*». Трудность понимания этого наставления Иисуса выражается в том, что даже перед арестом Учителя Апостолы не знали подлинной природы *Царства Небесного* и того, что Иисус Христос был носителем этой совершенной реальности. Только после *Вознесе-*

ния, когда на Апостолов низошла божественная благодать, им открывалась *Правда* и *Истина* Иисуса Христа. Поэтому во время проповеднической деятельности Апостолы не могли обладать способностью исцелять и изгонять бесов.

Иисус Христос продолжает наставление: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания. В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому. Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф 10:9–16). В городах и селениях Апостолы должны были всем своим существом нести миролюбие и согласие в дома людей на бескорыстной основе. Казалось, такие добрые проповеди и деяния Апостолов должны были встретить у населения только теплый приём и поддержку. Однако Учитель предупреждал Своих учеников, что им предстоит благовествовать среди людей-волков.

Прозорливый Иисус Христос предостерегал Апостолов, которые должны были стать главными продолжателями Его дела. Он поучал: «Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как приидет Сын Человеческий» (Мф 10:17–23). Иисус Христос прозорливо видел и знал последующую жизнь каждого из Своих учеников после *Вознесения*. Поэтому Он заверял их в Своей поддержке в ходе их благовествования в режиме реального времени.

Проповеди *Благой вести* Иисуса Христа совершала немалая Его команда в семьдесят учеников. По их возвращении Спаситель сказал: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий Меня отвергается Пославшего Меня. Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию; се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам; однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк 10:16–20). В деле благовествования Иисус Христос называл Своих учеников «младенцами», которым Он предоставил опыт испытательной работы благого дела. При этом мистическая

связь Бога Сына и Бога Отца с ними была непосредственной и непрерывной. Иисус видел озабоченного «сатану, спадшего с неба, как молнию». Иисус призывал своих учеников к главному – всё время быть устремлёнными к горнему.

«В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение. И, обратившись к ученикам, сказал: все предано Мне Отцем Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть. И, обратившись к ученикам, сказал им особо: блаженны очи, видящие то, что вы видите! ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лк 10:21–24). Мистически-метафизическая связь Иисуса Христа и Бога Отца была живой, непрерывной и сокрытой от всех, даже от Его учеников. Ничего подобного в многовековой истории еврейского народа не было.

Иисус Христос провел своеобразное испытание Своим ученикам, чтобы узнать, кем они Его представляли и мыслили. Марк сообщает: «И пошел Иисус с учениками Своими в селения Кесарии Филипповой. Дорогою Он спрашивал учеников Своих: за кого почитают Меня люди? Они отвечали: за Иоанна Крестителя; другие же – за Илию; а иные – за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Петр сказал Ему в ответ: Ты Христос. И запретил им, чтобы никому не говорили о Нем» (Мк 8:27–30). Даже самые приближенные к Иисусу ученики, которым вскоре предстояло стать главными продолжателями Его священного дела, не смогли распознать Его подлинное значение. Спаситель и Его деяния были слишком необычными, чтобы их можно было соотнести с кем-либо в истории еврейского народа. Люди выбирали самых значимых деятелей из иудеев Илию, пророков, Иоанна Крестителя. Петр, назвавший Иисуса «Христом», сам не вполне понимал сакральную значимость Его миссии.

Матфей пишет: «С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою? ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его. Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф 16:21–28). Почитание Петром Учителя было ограничено искренними мирскими переживаниями и представлениями. Иисус Христос призывал

своих учеников отказаться от всего мирского, потерять мирскую душу и приобрести подлинную жизнь в благодати Божией.

Ученики спрашивали Иисуса: «...так кто же может спастись? А Иисус, возрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же все возможно. Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам? Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф 19:25–30). Иисус Христос видел и знал, что его ученики были отягощены семейными заботами. Чтобы наследовать жизнь вечную, следовало отказаться от всего и следовать за Учителем. Мирская жизнь была близка и понятна ученикам, а то, чему учил Иисус Христос, было окутано для них священной тайной.

Когда, приближаясь к Иерусалиму, Иисус Христос поведал Своим ученикам и присутствовавшей матери сыновей Заведеевых о предстоящем Его поругании, распятии, смерти и воскресении, те продолжали думать о мирском. Матфей пишет: «И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних, и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет. Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем» (Мф 20:17–21). Поразительно! Насколько глухими и слепыми были ближайшие ученики Иисуса Христа в самом конце Его земной жизни! Учитель говорит им о том, что в скором времени Ему предстоит пережить поругание, распятие, смерть и воскресение, а они рассуждают о том, как бы поближе пристроиться к власти в «Царстве Твоем», т. е. Израильском царстве.

«Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим. Услышав сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф 20:22–28). Иисус Христос, смиренно принимая непонимание учениками сути происшедшего, стремился установить между ними подлинно человеческие

отношения, которые будут реализованы во взаимоотношениях христиан, всесторонне нарастающих в своих душах смирение и любовь к ближнему.

Во взаимоотношениях Иисуса Христа и Его учеников следует различать два периода: при земной жизни Учителя и после Его *Вознесения*. Когда ученики общались с Иисусом, слушали Его поучения, видели Его чудесные деяния, они так и не смогли понять таинственную природу Учителя, хотя Он всё время старался разъяснить им Свое предназначение. Подтверждением этому служит то, что для учеников стало полной неожиданностью *Воскресение* Иисуса Христа, хотя накануне Он говорил им об этом. При этом ученики искренне любили, восхищались своим Учителем, внимали каждому Его слову, были Ему беззаветно преданы. Все это Иисус видел, знал и снисходительно относился к их непониманию Его божественной природы. Божественная благодать Иисуса Христа была слишком необычной реальностью для иудейского миропонимания, потому что ничего подобного в древнееврейской истории не было.

После *Вознесения* Иисуса Христа, ставшего Господом, и Его учениками, ставшими главными Его служителями, установились подлинные отношения. Когда на Апостолов низошла божественная благодать, им открылась подлинная природа Господа Иисуса Христа, и они мужественно приступили к проповеди *Благой вести* Спасителя. После того, как к Апостолам присоединились Варнава и Павел, они приступили к организации Христианской Церкви, которой суждено было стать самой многочисленной и почитаемой в мировой истории. Со Своей стороны Господь Иисус Христос милосердно опекал, вел, в трудные моменты помогал Своим верным подвижникам.

4.11. Экзистенциальный анализ Тайной вёчери, страстей и Воскресения Иисуса Христа

Тайная вёчеря Иисуса Христа и апостолов в повествованиях синоптических Евангелий

Предметом рассмотрения прощальной вёчери Иисуса Христа с Апостолами «в доме Симона прокаженного» в Вифании, в родном городе накануне оживленного Им Лазаря, будут экзистенциальные моменты священных событий.

В *Тайной вёчере* отчетливо проявилось существенное отличие жизненных миров Иисуса Христа и самых близких Ему людей. Сын Человеческий находился в крайне напряженной экзистенциальной ситуации, которую экзистенциалисты называют «пограничной». Иисус знал и остро переживал, что спокойное течение Его земной жизни закончится через несколько часов. Ему предстоит пережить жестокие страдания, распятие на кресте и смерть. Ничего такого не подозревая, Апостолы пребывали в приподнятом предпраздничном настроении в ожидании священно-радостного общения со своим Учителем.

Прислуживавшая женщина глубоко прочувствовала возвышенную любовь и восхищение Иисусом, выражением которых стало ее возлияние драгоценного мира на голову возлежавшего Сына Человеческого. Пребывавшие в мирском бытии ученики, дружно вознегодовали за такую непрактичную трату. Иисус Христос был вынужден открыть Апостолам *священную Истину* происходившего. «Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (Мф 26:7–13), (Мк 14:3–9). Иисус сообщил возлежавшим перед трапезой ученикам о предстоящем Его погребении, а они не придали значения Его словам!

А несколько ранее в Иерусалиме начиналась совсем другая история. «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его» (Мф 26:14–16; Мк 14:10–11; Лк 22:2–6). Первосвященники собирали вооруженных людей для ареста Иисуса Христа, а также разослали приглашения авторитетным религиозным деятелям для экстренного ночного заседания синедриона.

С самого начала *Тайной вѣчери* Иисус Христос решил совместить все экзистенциальные реальности, чтобы проявилась подлинная, священная. В действительности предпраздничной пасхальной реальности не существовало, потому что предательство Иуды превращало её в прощальную. Матфей так описывает эту историю: «Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться. При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал» (Мф 26:20–25; Мк 14:18–21). Поскольку многоплановое мирское бытие для Иисуса было прозрачно, то Он среди самых близких друзей выводит на поверхность предательскую деятельность Иуды, при этом высказывал сожаление не о Себе, а печальной участи Иуды.

В целом описания Матфея, Марка и Луки *Тайной вѣчери* в большой степени совпадают, различаясь уточняющимися деталями. Главным в их повествовании было описание *Святого Причѣстия* установленного самим Иисусом Христом. Дионисий Ареопагит называл *Евхаристию* (греч. *ευχαριστία* – благодарение) «Таинством таинств». На пепелище разрушенной Европы в 1946 г. архимандрит Киприан (Керн) (1899–1960) в своей книге «Евхаристия» писал: «Евхаристия была, есть и будет центральным нервом христианской жизни. Если в наше время евхаристическая жизнь ослабела настолько, что мы утратили почти совершенно подобающее евхаристическое сознание и относимся к совершающейся в храмах Божественной Литургии, как к одному из обрядов...

Между тем, как во времена древнейшие, апостольские, так и в период роста и расцвета церковного сознания, в Византии, да и в древней Руси дело обстояло не так. Всё, совершавшееся в церковной и храмовой жизни христиан, концентрировалось около Литургии, связывалось с ней, включалось в ее состав» [10, с. 6]. Евхаристия есть высшая форма мистического приобщения к Господу.

Вместе с тем с точки зрения экзистенциального анализа описания авторов синоптических Евангелий *Тайной вѣчери* представляются существенно неполными. Иисус, зная, что это общение с любимыми учениками является последним в Его земной жизни, когда Он так много должен был им сказать и наставить в их жизни после Своего *Вознесения*. В их Евангелиях этого мы не находим. Апостол Иоанн поведал о своеобразной антиевхаристии, совершенной Иисусом, по отношению к предателю Иуде. «Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искароту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее» (Ин 13:26–27). Если во время совершения таинства *Евхаристии* божественная благодать наполняет душу верующего, то в момент христовой антиевхаристии, в душу Иуды вошел сатана.

Иоанн Богослов об Откровении Иисуса Христа в Тайной вѣчери

Существенный пробел евангелистов Матфея, Марка и Луки в описании *Тайной вѣчери* восполняет апостол Иоанн в своем Евангелии. Повествование Иоанна приобретает особенно важное значение, потому что он был очевидцем всего происходившего. При этом важным является то, что Апостол сообщает самое главное знание Иисуса Христа ученикам перед Своим уходом из земной жизни. Он открывает самые сокровенные *Истины*, на которые ранее Он лишь указывал в своих поучениях.

Иоанн отмечает знаменательное деяние Иисуса Христа. Иисус «встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все» (Ин 13:4–10). Иисус Христос задал своим ученикам образец смирения и любви к ближнему, которому они должны были следовать в своей жизни.

Иоанн продолжает: «Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно,

истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете. Не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пядь свою. Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я. Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня» (Ин 13:12–20). В Законе Иисуса Христа первыми заповедями являются смирение и любовь к ближнему. При соблюдении и наращивании их благостной силы всё получится в жизни христианина. Все другие требования будут выстраиваться и исполняться в соответствующем порядке. Как свидетельствует многовековая история христианства, если тебя переполняет гордыня, то о любви к ближнему говорить не приходится.

До сих пор высказывания Иисуса для Его учеников оставались таинственными и загадочными, потому что они не подозревали о божественной природе Своего Учителя. Сын Человеческий продолжает: «Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его. Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, так и вам говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою. Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною. Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды» (Ин 13:33–38). После слов Учителя Фома также выразил свое непонимание. Иисус сказал: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?» (Ин 14:1–5). В головах Апостолов были лишь мирские, хотя и возвышенные, оценки и представления об Учителе и всем происходившем. Они не могли понять, куда мог пойти Иисус, чтобы они, верные Его слуги, не могли последовать за Ним.

Иисус Христос решил более полно разъяснить свою божественную природу и отношения с Богом Отцом. «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его. Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела» (Ин 14:6–10). *Истина* Иисуса

Христа была настолько необычна для иудейского мировосприятия, что даже устремлённые к Нему всей своей душой ученики, видевшие Его чудесные деяния и непосредственно общавшиеся с Ним, не могли принять в своё сердце Его божественную природу. Они никак не могли понять и принять, что сидящий рядом с ними совершенный во всех отношениях Учитель, по сути, обладает той же природой, что и Всевышний. Иисус неустанно продолжал учить, что Господь и Он есть одно целое, «никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Простой и наивный Филипп требовал показать Отца, не понимая, что метафизическая божественная природа чувственно не восприимчива.

Иисус Христос продолжает разъяснять Свою мистически-метафизическую связь с Богом Отцом и с ними, Его любимыми учениками. «Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю. Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин 14:10–21). Не обученные философии и мыслившие мирскими категориями и представлениями Апостолы не могли понять высказывания Иисуса «Я в Отце и Отец во Мне», «Я к Отцу Моему иду», «Я в Отце Моем». Природа трансцендентной божественной реальности, применительно к которой относились рассуждения Иисуса Христа, была выше их понимания. Иисус предлагал Своим ученикам веровать в дела «которые творю Я». Они больше, чем кто-либо должны были понимать, что те деяния, которые Он совершал, мог творить только Бог. Продолжая рассуждать в пространстве мистически-метафизической реальности, Он старался обнадежить Своих любимых учеников, что после ухода из земной жизни Он их не оставит, Он будет посредством благодати пребывать в них. Прозорливый Иисус Христос знал, что, хотя ученики, сидевшие рядом с Ним, не понимали Его, но это нужно сказать сейчас, потому что другой возможности у Него уже не будет. Смысл сказанного Им Апостолам откроется после того, как всё свершится. Тогда *ведение-знание* не только откроется им, но и в своём сердце они почувствуют Его благостную любовь и поддержку.

Для Иисуса Христа было исключительно важно наставить Своих учеников на деяния, когда Его в земной жизни рядом с ними не будет. Поэтому Он говорил: «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам. Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце

ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня. И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется. Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так и творю: встаньте, пойдем отсюда» (Ин 14:26–31). С высоты Своего божественного бытия Иисус Христос видел, что Его ученики предстают наивными детьми перед теми задачами, которые им предстоит решать и утверждать в будущем, когда Его не будет рядом с ними. Но Он никогда не будет оставлять их беззащитными. Он всегда будет вести и направлять их в праведном деле.

Иисус Христос говорит: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками. Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин 15:1–12). Иисус Христос поучал Своих учеников, чтобы это *знание-вѣдение* определяло и направляло всю последующую их жизнь. Существует три реальности: Бог Отец («виноградарь»), Сын Бога («лоза») и апостолы («ветви»), мистическо-метафизическую связь между которыми осуществляет *Любовь*. Иисус утверждал, что, когда совершенная *Любовь* будет задействована, то всё будет осуществлено, всё будет достигнуто.

Прозревая дальнейшее развитие христианства, полное жестоких гонений и истязаний верных служителей и носителей *Благой вести*, Иисус Христос заверял своих учеников в неизменной Своей и Бога Отца поддержке, которая будет вести, направлять и в нужный момент приходить на помощь. Самое главное – всеми силами возвращать в себе всеблагую *Любовь*. Он говорил: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам. Сие заповедаю вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, что

Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня. Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно. Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною» (Ин 15:13–27). Как и провидел Иисус Христос, в последующей истории христианские общины, проповедовавшие христианскую любовь и смирение, были замкнутыми благочестивыми мирами, которые окружал и торжествующий мир ненависти.

Иисус Христос видел и прозревал, что сидевшие и возлежавшие перед Ним ученики, не понимавшие глубинных основ Его вероучения, будут достойными продолжателями Его великого дела, многим из которых предстоит принять мученическую смерть за веру. Перед уходом из земной жизни Ему хотелось в который раз обнадежить в Своей божественной поддержке. Читаем проникновенное повествование апостола Иоанна: «Сие сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились. Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня. Но Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время вспомнили, что Я сказывал вам о том; не говорил же сего вам сначала, потому что был с вами. А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден. Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам. Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу» (Ин 16:1–16). Апостолы, не подозревавшие о предстоявшем мученическом исходе Иисуса Христа, не могли понять подлинного смысла Его слов.

Иоанн продолжает свое повествование: «Тут некоторые из учеников Его сказали один другому: что это Он говорит нам: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, и: Я иду к Отцу? Итак они говорили: что это говорит Он: «вскоре»? Не знаем, что говорит. Иисус, уразумев, что хотят спро-

сказать Ему, сказал им: о том ли спрашиваете вы один другого, что Я сказал: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня? Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас; и в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна. Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце. В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу» (Ин 16:17–28). Экзистенциальная ситуация, которую описал апостол Иоанн, была уникальной во всей мировой истории человечества. Казалось, нечто подобное происходило в истории с Сократом в 399 г. до н.э., когда в темницу к нему, осужденному на смерть, пришли ученики, и он, выпив кубок яда, продолжал вести философскую беседу. В предпраздничном общении с Учителем ученики никак не могли предположить, что уже через несколько часов такой трагический ход событий. Как им казалось, Иисус всё время говорил о какой-то другой трагической истории.

Перед уходом из земной жизни Иисус Христос как будто добился желаемого результата. «Ученики Его сказали Ему: вот, теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой. Теперь видим, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя. Посему веруем, что Ты от Бога исшел» (Ин 16:29–30). Иисус прозорливо ведал, что уже через несколько часов Его ученики в страхе при Его аресте все разбегутся и оставят Его. Однако своим божественным провидением Он верно знал, что это была их временная слабость. Они будут во всех отношениях достойными служителями Господа. «Иисус отвечал им: теперь веруете? Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин 16:31–33). Еще ничего не произошло, но Иисус Христос знал, что «Он победил мир».

В Гефсиманском саду

В земной жизни Иисуса Христа события, происходившие в Гефсиманском саду, имели поворотное значение. Матфей сообщает: «Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собой Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немно-

го, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. Еще, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» (Мф 26:36–42; см. также: Мк 14:32–41). Лука отмечает мистическую составляющую предельно напряженной священной жизненной ситуации. Он пишет: «Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в брани, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк 22:43–44). Из повествований Матфея, Марка и Луки следует, что перед арестом жизненный мир Иисуса Христа находился в состоянии крайнего напряжения, потому что в Нем происходило противостояние душевно-телесного и божественного начал. Последняя молитва Иисуса показывает, что в ходе внутреннего противоборства победило последнее. Экзистенциально это означает, что душевно-телесная составляющая Его жизненного мира в Нем умерла и перестала иметь какое-либо значение.

Через мгновение жизненная ситуация коренным образом изменилась, в которой смешались и злобная ненависть «множества народа с мечами и кольями», пришедших задерживать Иисуса Христа, и жуткий страх Апостолов, и предательство Иуды. Лишь от Сына Человеческого исходило спокойствие и незамутнённое величие духовно-нравственного превосходства. Когда «один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть? В тот час сказал Иисус народу: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня. Сие же все было, да сбудутся писания пророков. Тогда все ученики, оставив Его, бежали» (Мф 26:51–56). Поскольку для безмятежно спавших учеников Иисуса Христа всё происходившее было настолько неожиданным, то они в страхе разбежались по ночному городу. Марк пишет: «Один юноша, вернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них» (Мк 14:51–52). Католики и православные не без основания полагают, что евангелист описал свой побег от стражников. Для исследователя эти два стиха Евангелия от Марка имеют немаловажное значение, потому что позволяют предполагать, что Марк по крайней мере видел и слушал Иисуса Христа в ключевой момент Его жизненной жизни. Скорей всего, и ранее он внимал поучениям Учителя.

Лишь Иисус Христос излучал высшую степень милосердия. Лука пишет: «Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его» (Лк 22:51). «Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его» (Ин 18:12). «А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины» (Мф 26:57).

Иисуса Христа отвели на собрание высшей религиозно-духовной элиты всего Израиля.

Страсти Христовы

Ключевыми моментами темы «страсти Христовы» являются суд синедриона, встреча с Понтием Пилатом и мучительные истязания Иисуса Христа вплоть до Его распятия. Первоначально Иисуса привели к первосвященнику Анне (22 г. до н.э.— 66 г. н.э.), принадлежавшего к секте иудеев саддукеев, который «спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его» (Ин 18:19). «Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил. Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе» (Ин 18:20–24). Анна был тестем Каиафы, который был первосвященником Иудеи (18–37 гг.), также принадлежавшим к секте саддукеев. По свидетельству Иоанна, Иисус Христос при встрече с первосвященником Анной сообщал очевидную истину. Он не совершал ничего противозаконного, тайного. Он «всегда учил в синагоге и в храме», т. е. гласно, что было всем известно.

Судилище синедриона. В то время синедрион (*ивр.* סנהדרין, Санхедрин) был высшим правительственным и судебным органом в Израильском государстве. Еще до восхода солнца высшая религиозно-управленческая элита Израиля собралась, чтобы осудить на смерть проповедника из Назарета Иисуса. В этом судилище для христианина самым главным является то, что сказал Иисус Христос на сфабрикованные обвинения. Матфей пишет: «Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и, хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. И, встав, первосвященник сказал Ему: что же ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти. Тогда плевали Ему в лицо и зашали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?» (Мф 26:59–68). Марк (Мк 14:60–62) и Лука (Лк 22:66–70) подтверждают эти слова Иисуса Христа, в которых в полной мере проявилось коренное различие жизненного бытия Сына Бога и первосвященников. Последние были озабочены ненавистнической мирской страстью во чтобы то ни стало осудить на смерть пропо-

ведника Иисуса из Назарета. После того, как в Гефсиманском саду телесные страсти умерли в Сыне Человеческом, земной мир для Него стал чужим. Пребывая в светлом божественном бытии, Он стал как бы внешним наблюдателем за последними часами Своей земной жизни. Иисус Христос сказал первосвященникам главную истину, которую они не могли понять, – Он возвращается в блаженное бытие *Царства Небесного*.

Апостол Иоанн, всячески сохраняя глубокое смирение, сообщает: «За Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик; ученик же сей был знаком первосвященнику и вошел с Иисусом во двор первосвященнический. А Петр стоял вне за дверями. Потом другой ученик, который был знаком первосвященнику, вышел, и сказал придвернице, и ввел Петра» (Ин 18:15–16). Это сообщение Иоанна указывает на то, что преданный Учителю юноша Иоанн был очевидцем происходивших событий.

Иисус Христос и Понтий Пилат. Матфей пишет: «Иисус же стал пред правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь. И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал. Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился» (Мф 27:11–14). Марк и Лука практически повторили это сообщение (Мк 15:2–5; Лк 23:3).

Иоанн узнал и описал разговор Иисуса Христа и Понтия Пилата. Он пишет: «Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда. Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем» (Ин 18:33–37). Это сообщение апостола Иоанна позволяет проследить существенное изменение жизненного мира Иисуса Христа за несколько часов после ареста.

Если в Гефсимании Сын Человеческий пребывал в ситуации критического напряжения душевных сил, когда душевно-телесное, мирское начало в Нем вопияло о спасении, то после задержания у Него душевные страсти прекратились, телесное начало как бы умерло и перестало играть какое-либо значение. Божественная природа торжествовала и возвышалась в Нем. В это время Иисус в полной мере осознал, прочувствовал и принял Себя **Сыном Бога**. В разговоре Иисуса и Пилата для них обоих стало очевидным, что они являются правителями двух существенно различных миров. Фактический правитель Израильского государства, прокуратор могучей Римской империи Понтий Пилат был букашкой перед истерзанным проповедником Иисусом из какого-то Назарета, который якобы возомнил Себя Царем. **Он был им! Он был им здесь и**

сейчас! Царем другого, божественного мира – **Царства Небесного**. Неотягченный философскими познаниями Пилат этого понять не мог, но всем своим нутром он чувствовал высокую природу царствования Иисуса. Поэтому он старался не допустить смертного приговора Иисусу.

Лука повествует о попытке Пилата привлечь правителя Галилеи и Переи Ирода Антипу (20 г. до н.э. – 39 г. н.э.) для освобождения Иисуса от казни. Читаем Евангелие от Луки: «Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве Он Галилеянин? И, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме. Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему. Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, уничижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату. И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом. Пилат же, созвав первосвященников и начальников и народ, сказал им: вы привели ко мне человека сего, как развращающего народ; и вот, я при вас исследовал и не нашел человека сего виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его; и Ирод также, ибо я посылал Его к нему; и ничего не найдено в Нем достойного смерти» (Лк 23:6–15).

Истязания Иисуса Христа. Наиболее проникновенно описал последующие события апостол Иоанн, который, судя по всему, присутствовал и видел ужасы происходившего. Он пишет: «Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его. И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу, и говорили: радуйся, Царь Иудейский! и били Его по ланитам. Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины. Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек! Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его! Пилат говорит им: возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины. Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим. Пилат, услышав это слово, больше убоялся. И опять вошел в преторию и сказал Иисусу: откуда Ты? Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе. С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю. Пилат, услышав это слово, вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа. Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый. И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. Тогда наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели» (Ин 19:1–16). Все самые издевательские издевательства не

имели никакого значение для божественного Иисуса Христа. Мощь божественного духа молчаливого Иисуса давила на приземленное сознание Пилата, принуждая его каким-то образом не допустить смертного приговора для Иисуса.

В христианской литературе иногда так подаются события, будто первосвященники подговорили небольшое число иудеев, которые громко кричали и требовали распятия Иисуса Христа. Ведь несколькими днями ранее множество евреев радостно встречали и приветствовали Его при въезде в Иерусалим. Апостол Иоанн свидетельствует, что, когда Пилат три раза предлагал иудеям отпустить Иисуса, «весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву, ... они кричали: распни, распни Его! ...они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят» (Ин 19:18, 21, 23).

Читаем Евангелие от Матфея об истязаниях Иисуса Христа: «И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших. Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие. Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове. И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие. Выходя, они встретили одного Киринаянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его» (Мф 27:25–32). Повествование Матфея подтверждает Марк (Мк 15:15–21). Соучастники издевательских истязаний Иисуса Христа не понимали, что с Сыном Бога подобные «шутки» плохи. Ясно, что судьба каждого из них была печальна. Неотвратимость божественного наказания сурово преследовала каждого из них. Надо полагать, когда впоследствии они узнали, что истерзанный ими проповедник был Богочеловеком Иисусом Христом, им стала понятна причина их жизненных неудач и самой смерти, которая, скорей всего, была мучительной.

В тяжком пути на Голгофу Иисуса Христа сопровождали совсем другие люди. Лука пишет: «И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Киринаянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом. И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем. Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет? Вели с Ним на смерть и двух злодеев» (Лк 22:26–32). Поскольку телесные страдания Учителя, очевидцем которых был молодой Иоанн, не способствовали формированию образа Иисуса как Бога Сына, то в своей книге он их не описывал.

Распятие Иисуса Христа

Матфей так описывает распятие и мучительную смерть Иисуса на кресте: «И, придя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место, дали Ему

пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить. Распявшие же Его делили одежды его, бросая жребий; и, сидя, стерегли Его там; и поставили над головою Его надпись, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский. Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а другой по левую. Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста. Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь, говорили: других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын. Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его. От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить; а другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его. Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим. Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий» (Мф 27:33–54). Описание Марка, Луки и Иоанна распятия Иисуса Христа, отличаясь от повествования Матфея лишь некоторыми деталями, дополняют и воссоздают более полную картину происходившего (см.: Мк 15:22–39; Лк 23:33–48; Ин 19:17–24). Нет необходимости углубляться в её анализ, поскольку она давно и многократно изучена, описана в художественной литературе и показана в кино выдающимися писателями и режиссерами.

Особый интерес вызывают описания евангелистами тех, кто был рядом с распятым Иисусом, непосредственно созерцал и больше всех переживал Его мучения на кресте. Эти повествования скрывают множество загадок и тайн, которые я попытаюсь приоткрыть. Читаем свидетельство Матфея: «Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых» (Мф 27:55–56). Невероятно! Согласно Матфею, получается, что в последние часы земной жизни Иисуса Пресвятой Богородицы не было рядом с Ним! Почему умудренный жизненным опытом Матфей совершил такую грубую ошибку? А кто стоял у основания креста?

Мария Магдалина. Иисус Христос её духовно-нравственно очистил, за что она всей своей женской душой Ему была благодарна и верна. В православии Мария Магдалина почитается как равноапостольная святая. В византийской литературе сообщалось, что после Вознесения Иисуса Христа Мария Магдалина вместе с Девой Марией и апостолом Иоанном пребывала в Эфесе.

Считается, что Мария Магдалина благовествовала в Риме. В Послании к Римлянам апостол Павел пишет: «Приветствуйте Мариам, которая много трудилась для нас» (Рим 16:6).

В католической традиции Мария Магдалина, была отождествлена с раскаявшейся блудницей. В народном сознании жителей средневековой Европы образ кающейся блудницы Марии Магдалины приобрёл чрезвычайную популярность и красочность и закрепился до наших дней. Декретом Конгрегации богослужения и дисциплины Таинств, подписанным папой Франциском 2 июня 2016 года, в Католической церкви день памяти Марии Магдалины был поднят до уровня «праздника».

В 886 году при императоре Льве VI Философе (886–912) нетленные мощи святой Марии Магдалины были перенесены из Эфеса в Константинополь. Полагают, что во время крестовых походов они были перевезены в Рим, где покоились в храме во святого Иоанна Латеранского. Позднее этот храм был освящен во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. Часть ее мощей находится во Франции, в Проваже, близ Марселя. Части мощей Марии Магдалины хранятся в различных монастырях Святой Горы Афон Симонопетра (рука), Эсфигмен (стопа), Дохиар (частица) и Кутлумуш (частица) и в Иерусалиме.

В начале XXI в. шустрый писатель Дэн Браун и режиссер Рон Ховард заработали немало денег. Первый написал роман, в котором представил Иисуса Христа любовником Марии Магдалины, а второй профессионально слепил из этой выдуманной истории фильм, который собрал большую кассу.

Исследователи полагают, что *Мария, мать Иакова и Иосии, и Мария Клеопова* – одно и то же лицо. Она была сестрой Матери Иисуса. *Мария Зеведеева* была матерью Иакова Зеведеева и апостола Иоанна. Женщин называют мироносицами, потому что, когда Иосиф и Никодим приготавливали к погребению тело Господа, они обвили Его пеленами благовониями.

Читаем Евангелие от Марка: «Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим» (Мк 15:40–41). Почему Марк, собирая материал под контролем апостола Петра, также сделал такой досадный промах, не указав присутствие Матери Иисуса? Отсутствие самой совершенной женщины в истории человечества Матери Сына Бога Пресвятой Богородицы во время крестных мук Иисуса Христа ни представить, ни помыслить невозможно.

Умалчивание Матфея и Марка о присутствии среди женщин Девы Марии заслуживает оценки вопиющей ошибки. Почему они так сделали? Это на первый взгляд странное обстоятельство в творениях Матфея и Марка является косвенным подтверждением моей гипотезы. Матфей и Марк не знали о непорочном зачатии Иисуса Христа. Они исходили из господствовавшего общественного мнения, что мать Иисуса Мария зачала Его вне брака. Поэтому в своих Евангелиях они всячески старались не упоминать запятнавшую себя

Марию. Когда они работали над своими книгами, никакого прославления Матери Иисуса не было, скорее наоборот.

А что написал Лука, восстановивший доброе имя Матери Иисуса лишь в 50-е годы? Лука написал весьма неопределенно одним стихом: «Все же, знавшие Его, и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи, стояли вдали и смотрели на это» (Лк 23:49). Почему он так сделал? В рамках моего исследования его действия находят достаточное объяснение. Он не мог открыто в своем тексте показать досадную ошибку Марка и Матфея. Мудрый Лука, не покрывив душой против правды, одним стихом выразил истину и косвенно указал присутствие Девы Марии.

А что написал апостол Иоанн в своём Евангелии, когда начальная христианская история достаточно прояснилась среди христиан? Любимый ученик Иисуса юноша Иоанн единственный из Апостолов видел и глубоко переживал всё в этот злосчастный день – от Гефсимании до последнего вздоха Иисуса Христа. Поэтому все его повествования о происходивших событиях представляются самыми достоверными и проникновенными. В рассматриваемой истории Иоанн сообщает *Истину* в трёх стихах. Читаем Евангелие от Иоанна: «При кресте Иисуса стояли Мать Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Мать и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Мать твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин 19:25–27). Среди стоявших при кресте Иоанн называет прежде всего Мать Иисуса, Пресвятую Богородицу, а также себя, утверждая таким образом, что он был рядом не только в последние часы земной жизни Иисуса Христа, но именно ему Учитель доверил присмотреть за самым близким и дорогим для Него человеком – Своей Матерью, Девой Марией. Экзистенциальная проработка моей гипотезы о непорочном зачатии Младенца позволяет предположить, что Иоанн, как и все Апостолы, не знал о чудесном происхождении Иисуса до появления Евангелия от Луки. Дева Мария бережно хранила эту священную тайну и пронесла её на протяжении всей Своей жизни, встречая нередко среди посторонних насмешки и обиды. Даже, находясь под опекой добросердечного любимца Иисуса Христа, Она не могла открыть Свою сокровенную тайну, потому что Её рассказ выглядел бы странной фантазией.

Матфей сообщает, что при положении тела Иисуса в высеченный в скале каменный гроб присутствовали «Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба» (Мф 27:61). Согласно Марку, «Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали» (Мк 15:47). Матфей и Марк продолжают свою линию и не упоминают Богородицу при положении во гроб тела Её Сына. Её отсутствие в этот горестный момент я также не могу ни представить, ни помыслить. Избегая упоминания каких-либо имён, Лука пишет: «Последовали также и женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб, и как полагалось тело Его; возвратившись же, приготовили благовония и масти; и в субботу остались в покое по заповеди» (Лк 23:55–56). Из его повествования следует, что все женщины, присутствовавшие на Голгофе, были при положении тела Иисуса во гроб. Не упоминая имени Девы Марии,

Лука дает возможность успокоить душу и допустить Её присутствие при погребении Её Сына. Богородица вместе со Своим Сыном прошла крестный путь до конца. Иоанн описывает эту скорбную историю, не упоминая о женщинах. Он пишет: «После сего Иосиф из Аримафеи – ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев, – просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим, – приходивший прежде к Иисусу ночью, – и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен» (Ин 19:38–41).

Воскресение Иисуса Христа

Во всём христианском комплексе первостепенное значение имеют события-темы «непорочное зачатие и рождение Младенца», «распятие и воскресение Иисуса Христа» и Его «Вознесение», без которых христианство, утратив мощную религиозную силу, превратилось бы в одну из многих упрощённых мифологических форм. Все остальные события, деяния, высказывания новозаветной истории уточняют, развивают, наполняют глубоким содержанием картину между этими тремя основополагающими событиями христианской истории.

Методологическая оценка евангельских описаний *Воскресения Иисуса Христа*. Повествования авторов синоптических Евангелий являются текстами эмпирического наблюдения священных событий. Это означает, что в них записана история, которую евангелистам удалось добыть больше, чем через 10 и даже более лет. То, что в них имеются расхождения и даже противоречия в деталях повествования является не недостатком, а, напротив, позитивным показателем независимости источников знаний, свидетельствующих также о расширенном круге очевидцев событий. Протестантских теологов (Гарнак, Бультман и др.), исходивших из своих высокомерных философско-научных представлений, противоречия в новозаветных текстах приводили к категорическому заключению об их недостоверности. Поэтому они их называли фантазиями и практически не принимали в расчет. В своем исследовании я стараюсь с точки зрения требований современной философии и методологии науки показать более сложную природу новозаветных текстов, которые требуют существенно иных критериев оценки их достоверности.

Следует учитывать своеобразие каждого евангелиста как субъекта исследования. Матфей был знаком с быстро распространявшимися слухами о *Воскресении* и явлениях Иисуса Христа до Его *Вознесения* и живо их переживал. Если Марк был тем юношей, который голым убежал от воинов в Гефсиманском саду, то он пережил ту же экзистенциальную ситуацию священной радости *Воскресения*, что и Матфей. Поэтому они, отобрав и проработав самый достойный материал, запишут эту сокровенную историю. Лука, имея в руках Евангелия Матфея и Марка, собирал сведения о последних днях земной жизни Иисуса Христа, хотя, казалось, мог «творчески поработать» с текстами своих

предшественников. Но по негласному кодексу чести евангелистов это делать было категорически запрещено, и повторять их повествования также было нельзя. Принимался текст, полученный только от свидетельств очевидцев происходившего. При этом следовало всячески стремиться найти и узнать новые детали и подробности уже известной священной истории. В отличие от авторов синоптических Евангелий апостол Иоанн видел все происходившее в последний день земной жизни любимого Учителя своими глазами. После ареста Иисуса Христа он никуда в страхе не бежал. Он всегда был рядом с Ним, почти на расстоянии вытянутой руки. Поэтому его повествование священной истории *Распятия* и *Воскресения* достоверны и проникновенны, хотя и неполны, за что он сам приносил извинения. Следует также учитывать, что Иоанн в ходе работы над своей книгой предварительно тщательно изучил Евангелия своих предшественников.

Известие о Воскресении. Предметом моего рассмотрения являются лишь экзистенциальные моменты этой сокроенной истории. Поэтому для меня некоторые нестыковки в описаниях евангелистов происходивших священных событий не имеют существенного значения, потому что они свидетельствуют лишь о трудностях исследовательской работы евангелистов в описании сложной реальности *Воскресения*. В качестве исходного обратимся к повествованию Матфея. Он пишет: «По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег; устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые; Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь – Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам. И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его. Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф 28:1–10). Присутствие, деяния и слова Ангела придают этому событию мистический характер. Марк и Лука практически подтверждают повествование Матфея (Мк 16:1–8; Лк 24:1–12). Представляется не столь важным, был один Ангел или два, или другие мелкие различия, которые показывают хождение различных версий происходившего. Если Марк пишет, что Ангел направил женщин сказать Петру о чуде *Воскресения* (Мк 16:7), то Лука сообщает, что женщины известили Апостолов, а Петр первый побежал к гробу и «увидел только пелены» (Лк 24:12).

Читаем описание апостола Иоанна об известии *Воскресения*, который дает нам свидетельство из первых рук: «В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба. Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику,

которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его. Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра, и пришел ко гробу первый. И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал. Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых. Итак ученики опять возвратились к себе. А Мария стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (Ин 20:1–13). Поскольку Иоанн был очевидцем священной истории, смиренно не называя себя по имени, он воссоздает более правдивую картину происходившего. Когда Иисус говорил ученикам, что ему предстоит пережить смерть на кресте и воскресение, Апостолы умудрялись не слышать исключительно важное откровение Учителя. Через много лет Иоанн в своем Евангелии указывает в качестве причины события *Воскресения* незнание Писания.

Больше всего в повествованиях всех евангелистов удивляет то, что ученики не верили в возможность *Воскресения* Иисуса, и поэтому факт *Воскресения* для них был полной неожиданностью, хотя Он неоднократно говорил им об этом накануне. Если бы ученики Иисуса Христа не сомневались в Его божественной природе, то экзистенциальная ситуация в их сообществе должна была бы развиваться по другому сценарию. Пережив ужас неожиданного ночного ареста Иисуса в Гефсиманском саду, Его жестокие истязания и смерть на кресте, в субботу они собрались, горестные и удрученные. Поскольку они не были жителями Иерусалима, то, скорей всего, они собрались в доме истово веровавшей в Иисуса Христа Марии, матери Марка. Когда они обсуждали трагические события прошедшей пятницы, почему никто не вспомнил и не сказал, что не все так безнадежно утрачено, потому что Иисус знал и прозорливо предсказывал им Свое *Воскресение* задолго до произошедшего. Уже вечером в субботу ученики Иисуса должны были с нетерпением ждать наступления следующего дня, чтобы все вместе побежать ко Гробу Господню. Станным образом этого у них и в мыслях не было.

В отличие от учеников Иисуса первосвященники были более предусмотрительными. Они приложили усилия, чтобы *Воскресение*, о котором говорил проповедник из Назарета, не состоялось. Матфей отметил: «Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня» (Мф 28:11–15). Первосвященники проплатили и запустили версию, которую разделяют современ-

ные противники христианства, что *Воскресения* Иисуса Христа не было и никогда не могло быть в принципе.

Явления Иисуса Христа. Согласно Евангелию от Иоанна, первое явление Иисуса Христа произошло Марии Магдалине у гроба сразу же после явления Ангела и слов его. Читаем: «Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввуни! – что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей» (Ин 20:14–18). Нам невозможно представить смену переживаний Марины Магдалины, когда она первоначально увидела пустой гроб, затем явление Ангела и услышала его слова, а затем явление и слова Самого Иисуса Христа. Важно отметить, что она не сразу Его признала, а затем Иисус попросил ее не прикасаться к Нему, что может свидетельствовать о неустоявшейся Его телесной природе. Согласно Матфею, первое явление Иисуса Христа произошло, когда Мария Магдалина и другая Мария шли «возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф 28:9–10). Нельзя не отметить подлинную святость Марии Магдалины. Она первой явилась к Гробу Господню, потому что своим женским сердцем, всем своим существом она глубоко и искренне переживала утрату своего Спасителя. Именно ей в утешение явились Ангелы и Сам Иисус Христос. Смысл первого явления Иисуса Христа выражался в том, что Он действительно телесно воскрес, и чтобы женщины возвестили ученикам о Его явлении в родной Галилее. У меня не вызывает сомнений, что Иисус Христос явился и Своей Матери. Но об этом чудесном явлении своего Сына она никому не говорила.

Марк предоставляет обобщающее описание первых явлений Иисуса Христа с точки зрения внешнего наблюдателя. Он пишет: «Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, – не поверили. После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили. Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили. И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное

выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк 16:9–18).

Матфей явление Иисуса Христа одиннадцати ученикам описывает следующим образом: «Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28:16–20). В явлении Иисуса Христа Своим ученикам можно выделить тройное значение. Ему было важно, чтобы Его ученики верно знали и веровали, что Он не просто чудесным образом исчез из гроба, а телесно воскрес, что Его крестная смерть и *Воскресение* не конец их совместной истории (*все только начинается!*), что предназначено им продолжить проповедь и распространение *Благой вести*.

Значительный интерес представляет повествование Луки о явлении Иисуса Христа в день *Воскресения*. Он пишет: «В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, придя, сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели. Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них» (Лк 24:13–31). Лука писал свою книгу многие годы спустя описываемых событий. Однако ему удалось передать живые представления и оценки иудеев Иисуса Христа. Они видели в «Иисусе Назарянине» пророка и Мессию, «Который должен избавить Израиля», Который чудесным образом ожил. Как мы видим, в древнееврейском обществе господствовала мирская оценка деяний Иисуса из Назарета в соответ-

ствии со сложившимися иудейскими представлениями. Сыну Человеческому важно было показать, что Он не дух, а имеет телесную природу. Он возлежал с собеседниками, передавал им хлеб. Когда они узнали Его, «Он стал невидим для них», потому что цель была достигнута.

Лука сообщает далее, что они рассказывали о происшедшем на пути одиннадцати ученикам Иисуса, и как Он был узан им в преломлении хлеба. Он пишет: «Когда они говорили о сем, Сам Иисус стал среди них и сказал им: мир вам. Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними. И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах. Тогда отверз им ум к разумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему. И Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше. И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью. И пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога» (Лк 24:36–53). Из повествования Луки следует, что Иисус Христос явился своим ученикам в тот же день, чтобы им продемонстрировать, что он не дух, а жив во плоти, и поэтому нарочито Он «ел пред ними», хотя в этом не было физиологической необходимости. Иисусу Христу было важно донести до Своих учеников, что все, что Он прозорливо предсказывал свершилось, что это не конец, а начало великого дела – шествия *Благой вести*. И они, Его ученики, будут главными его продолжателями. Все начнется в Иерусалиме. Как мы знаем, все так и произошло.

Обратимся к повествованию апостола Иоанна, который в отличие от внешних наблюдателей Марка и Луки был очевидцем происходивших событий. Он пишет: «В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал среди, и говорит им: мир вам! Сказав это, Он показал им руки и ноги и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин 20:19–23). Из этого повествования следует, что уже в первый день недели вечером Иисус Христос явился ученикам в Иерусалиме и даже благословил их на подвижническую деятельность. Иоанн приводит важную деталь. Поскольку сподвижники Сына Чело-

веческого были известны злобным иудеям, то из предосторожности даже на третий день после субботы ученики были заперты извне.

Читаем продолжение свидетельства Иоанна: «Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие. Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не писано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин 20:24–31).

Своеобразие явления Иисуса Христа, которое предоставил Апостол, выражается в том, что в нем приоткрываются важные особенности природы Бога Сына до Его *Вознесения*. Телесный Иисус с зияющими ранами поучал учеников, рекомендуя Фоме их потрогать. Из этого следует, что если в первый день *Воскресения* Иисус не позволил Марии Магдалине прикоснуться, потому что, надо полагать, Его телесная природа не укрепилась и была неустойчива, то через восемь дней Он позволял «исследование» полученных ран. При этом божественная составляющая природы Иисуса Христа внешне не проявлялась. В последующих явлениях Бога Сына достигшим святости православным монахам, Он неизменно предстал в ослепительно белых одеждах в ореоле яркого света. Получается, что в течение недели телесная природа Иисуса Христа претерпела некоторые изменения. Важно также понимать, что телесная природа Иисуса Христа была особого рода, хотя внешне, казалось, не отличалась от тела живого человека. Когда Иисус показывал Свои глубокие раны, они были зияющими, но не кровоточили. Поэтому определенно можно сказать, что Его тело не подчинялось законам физиологии человека, а также не было теплым мертвым телом. Оно было уникальным образованием.

Примечательно, что даже на восьмой день, когда Иисус пришел к ученикам, дверь была заперта, что означает – злобные иудеи-фарисеи, жаждавшие крови учеников и последователей Христа, рыскали в Иерусалиме. Это означает, что с первого дня после *Воскресения* христианам следовало быть предельно осторожными и тайно служить Господу.

Апостол Иоанн предоставил еще одно весьма примечательное повествование о явлении Иисуса Христа до *Вознесения*. Читаем Евангелие от Иоанна: «После того опять явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском. Явился же так: были вместе Симон Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его. Симон Петр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идем и мы с тобою. Пошли и тотчас вошли в лодку, и не поймали в ту ночь ничего. А ко-

гда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, – ибо он был наг, – и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке, – ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот, – таща сеть с рыбою. Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь поймали. Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть. Иисус говорит им: придите, пообедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: кто Ты?, зная, что это Господь. Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу. Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своем из мертвых» (Ин 21:1–14). Явление Иисуса Христа замечательно тем, что Он в бытовой сцене рыбалки предстает как мирской человек, который приготовил своим ученикам обед. Примечательно, что ученики не сразу Его узнали, а затем боялись спросить «кто Он?».

Читаем продолжение этой замечательной истории. «Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Еще говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какою смертью Петр прославит Бога. И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною. Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его. Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин 21:15–25). Только через много лет, когда апостол Петр умер мученической смертью в Риме, убеленному сединами Иоанну открылся глубокий смысл сказанного Иисусом Христом во время этого явления.

Марк в самом конце своей книги указал, что после *Воскресения* было *Вознесение* Иисуса Христа. Он отмечал, что «Господь, после беседования с ними, вознеся на небо и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знаменами» (Мк 16:19–20). Почему Матфей и Марк в своих книгах не описали *Вознесение* Иисуса Христа, которое было завершением Его земной жизни? Потому что в 30–40-е гг. *Воскресение* Иисуса Христа затмевало все иные события христианской истории. Между тем, согласно вероучению Спасителя, именно Его *Вознесение* в *Царство Небесное* было самым главным и важным событием.

Забавно читать высокомерные заявления протестантских теологов относительно невысокого качества Четвероевангелия, в частности, Юлихера. Он пишет: «Все наши книги Евангелия оканчиваются повествованием о воскресении Иисуса. Без такого заключения они не могли бы в их собственных глазах иметь право на имя «Евангелий». Только слепая вера во вдохновение свыше не хочет видеть, что мы в этих заключительных отделах, с их неустранимыми противоречиями, покидаем твердую почву достоверного предания, на которой мы до сих пор стояли» [106, т. 1, с. 219].

Явления Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы православным монахам

В многовековой истории христианства существуют описания явлений Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и других истово верующим христианским подвижникам, которые представляется возможным отнести к мистическим фактам.

Иона Киевский (в миру Иван Павлович Мирошниченко; 1802 г., г. Кременчуг, Полтавская губерния – 9.01.1902 г., Киев) – православный святой, преподобный, чудотворец. Иван 8 лет прожил в послушании у преподобного Серафима Саровского. В 1843 году Иван Мирошниченко принял монашество с именем Иона и в 1845 году был рукоположен в сан иеродиакона. В 1858 году он был рукоположен в сан иеромонаха. 1 марта 1861 в Выдубицком урочище старец Иона имел видение Богоматери в столбе огня. Преподобный Иона стал известен всей Российской Империи. Указом Святейшего Синода от 17 января 1886 г. о. Иона был назначен настоятелем Киево-Межигорского Спасо-Преображенского монастыря с возведением в сан архимандрита. Среди духовных учеников Ионы в 1880-е годы был Василий Ткаченко, вошедший в историю под именем Василия Босоногого, – русский странник и «мистический друг» Николая II и императрицы Александры Фёдоровны. В 60-х годах XX века, когда возобновились гонения на Церковь, склеп отца Ионы был разрушен, безбожники надругались над мощами угодника Божия, у него оторвали кисть правой руки и честную главу. Братия монастыря во главе с игуменом перезахоронили старца на Зверинецком кладбище. При этом оказалось, что тело его, которое 64 года пролежало в земле, сохранилось нетленным, даже кожа осталась светлой и мягкой. В 1993 году по благословению Блаженнейше-

го Митрополита Владимира мощи святого были найдены, доставлены в монастырь и в новом дубовом гробу возложенные на прежнем месте – в склепе.

Можно сказать, что в жизни преподобного старца Ионы Киевского чудотворца самыми значимыми событиями были два явления Иисуса Христа и три явления Пресвятой Богородицы. У сурового подвижника монаха Ионы были видения Спасителя, Божией Матери, а также однажды его посетил в 1887 году преподобный Сергей Радонежский. Эти важнейшие мистические события в его жизни он записывал и держал в глубокой тайне. После его смерти эти описания стали доступны правоверным верующим. Я попытаюсь исследовать наиболее примечательное явление ему Иисуса Христа, которое я буду подавать частично в пересказе и сокращенном изложении. Он пишет: «Тяжело мне было 4 и 5 января целый день. ...почитал молитвы на сон грядущим и сел заняться памятью молитвы Иисусовой, огонь потушил... **Сильно уязвлен в скорби был я сердцем, даже до ослабления.** Совершенно слег, едва дух мой переводил, и так лежал почти без памяти, как пласт, едва дух был во мне. Были и слезы мало, и какое-то тяжелое давление духа, так что никак не мог укрепиться и не поддаться сему давлению. Лежал и только одна была мысль, только одно просил Господа Бога, Божию Матерь и всех святых: помогите же мне в час сей отчаянной скорби моей. И **слабость духа моего очень была велика;** так чувствовал я себя тогда... Так лежал я, и сна совсем не было. ...кто-то входит и говорит: “Благодать, милость и мир Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа zde со входом его есть”. И я лежал думал, что пришел гостинник другой, бывший помощник отца Кесария, пришел нас проведать, сам же лежу как пласт и глаза имея закрыты. И пришедший некто стал поотдаль мене и говорит мне: “Добр воин, но малодушен и терпения не имать, трусливый воин”... Но когда я открыл глаза, **увидел свет очень великий и сияние Его, ужаснулся, пал мертв,** не чувствовал, и не понимал, и не помнил ничего, и совершенно не знаю, долго ли было со мною сие или мало, а только **почувствовал я руку чью-то, на моей грешной голове держиму,** и от нея потекла по всему моему телу жизнь.

И говорит Он, сияющий светом: “Дух его в нем есть”. Сам Он придвинул к Себе тот чурбан и сел, и мое окаянство придвинул к Себе, к Своим Пречистым Божественным ногам, и до колен Его видно скарედство мое. И говорит: “Что тако оскорбило еси?” И я, окаянный, вот тут-то ясно узрел и познал Господа Бога Спаса моего Иисуса Христа. И говорит ласковое слово, исполненное милости, любви, сладости и жизни: “Смотри и осяжи вся Мои руки, ноги, язвы ребра Моего и познай, яко Аз есмь не привидение, а истина суть вся и **Аз язвами Моими приидох врачевати тебе, также и других, подобных тебе малодушных**”. И благоизволил Всеблагий Владыко показати руки, язвы, гвоздинные раны, глубокия, великия, кровавыя нози Его, раны еще большия, глубокия, окровавленныя, **живыя, как сей час прободенныя,** потом Божественное ребро Его и рек: “Смотри, не бойся, осяжи, посмотри, приидих бо спаси чело века”. И правого бока рана глубока, и широка, и длинна, свежа, окровавлена, как сей же час прободена. “Не бойся, всего смотри и виждь – зело бо люблю человека, и веселит меня чин монашеский и люблю инока до конца”.

И я, окаянный, не смел прикоснуться Ему. Но **Бог Сый благоизволил взяти руку мою Своею десницею и персты моя наведе прикасатися ручным и ножным язвам Его, так же и ко Пречистому и Божественному Его ребру.** Ужас и страх поразил меня. Бог, и до кого сниде... И говорит Господь: "...И ты, Боголюбивый иноче, отселе бодрствуй, стоя твердо и мужественно, и никогда не вдавай себе малодушествовати, с тобою есмь Аз, и **Мати Моя бывшие у тебе и с Нею бывшие кто**, и забыл ли Её? И ныне Аз пришед и свидетели суть сии святые, zde со Мною предстоящие, веси ли ты сих, вступи их, и всяк повесть тебе, кто суть сии" (Иоанн Креститель, апостолы Петр и Павел стояли рядом – В. М.)» [135, с. 42–46]. Продолжительную поучительную речь Иисуса Христа время от времени прерывал Иоанн Креститель и говорил: «Рцы: Аминь». Каждый раз инок Иона говорил: «Аминь». В заключение Господь сказал: «Стани прочее мужественно, всегда и везде, во всем проходи служение твое священного послушания иноческого и малейшаго не презирай... Понеже послушание свято есть и делание его всеосвящающее»... И **вышел Господь со всеми на двор**... Изшедши ко вратам двора, врата сами собою отворились... И светлый облак подъят горе Господа Славы. **Свет велик и неисповедим был от осияния славы Господа.** И я возвратился обратно к вратам двора. Прошел в низ и помыслил в себе затворити оныя, но не успел, сами бо о себе затворились, и я возвратился в келлию в страхе и в умилении души и сердца моего.

Слез было множество, и ужас меня окаянного объял, и поражало то, како огонь Божества Его меня не сожже тогда или тогда, когда окаянные скверные моя руки и пальцы касались Его Божества в осязании рук и ног язв Его, а также и егда осязал великую язву раны Его Пречистого Божественного ребра, очень великая и глубокая, даже видны внутренности Его. И был я поражен этим страхом, а также и любовь Его Божественная повергала меня во ужас, и ум мой гнусный ужасом так же повержен, како Он Сый сниде ко мне скаредному и гнусному, ничтожному творению... Часто и часто плакал, слезы сами собою текли, п удержатъ их не мог. **Часто и часто трогал ту самую колодку чурбака, то на нем же благоизволил Господь Бог сидеть сидеть, а также Всявятая Владычица Госпожа Богородица благоизволила сидеть тогда на той же самой колодочке чурбака.** И часто выходил во двор видеть то место, где стоял Господь против святого образа Божия Матери.

Душа, сердце, ум мой в великой тишине и покое, и все тело мое казалось очень легко было. И так несколько дней во мне легко, покойно, мирно было. Свет келлии был очень велик, светел и ясен, как в самое пришествие Господа Бога в келлию, озарился свет велик и легок, как равно и по отшествии Господнем из келлии такой же остался и до другого дня. **И все сие отнюдь никому совершенно не открыл.** Ровно никому от того времени и до сего дня, боялся открыть, чтобы этим не соблазнять других малодушных подобных; **даже и старцам не сказал до сего дня** (везде выделено мною – В. М.). Сие же ныне открываю, да не впадают в малодушие, в смущение или скорбь от иногда бываемого, наносимое бо от бесов, и невинное гонение буди от кого-либо, от великих и сильных, или в кое-либо буди лишение и разнообразное нападение, то

вся благодушно терпеть любое ради к Богу. Она дается от Бога для спасения. Господь спасает во веки.

Писал все это 1888 г., 29 декабря. Киев. Свято-Троицкого общежительного монастыря архимандрит Иона, в схимонасах Петр» [135, с. 47–57].

Как оценить выше приведенное повествование 86-летнего архимандрита Ионы, которое он хранил в глубокой тайне всю свою жизнь? С точки зрения традиционного научного дискурса явление Иисуса Христа со свежими ранами на теле, сидевшего на чурбаке в келье инока, было очевидной фантазией престарелого, уже немного не в себе, христианского деятеля. Однако если мы обратимся к изучению автора повествования, то мы увидим, что в это время он находился, можно сказать, на пике своей религиозной деятельности, при этом проявляя в полной мере дар прозорливости глубоко мистического подвижника. В научной деятельности записанные результаты экспериментальных исследований ранее называли «протоколами наблюдений», которые считались носителями объективной информации об изучаемом объекте. Поэтому справедливо квалифицировать повествование Ионы Киевского как протокол наблюдения важнейшего мистического события, очевидцем которого он был, когда в 30 с лишним лет по воле преподобного Серафима Саровского он пребывал в Белобережской пустыни. Старцу Ионе не было никакого смысла фантазировать, что не могло принести какой-либо пользы, лишь вред. К тому же Иона верно знал и чувствовал всем своим существом, что каждая его потаенная мысль известна Богу.

Самое интересное попытаться осмыслить «протокол наблюдения» Ионы значимого мистического события – **явления Иисуса Христа**. Почему послушнику Ивану, еще только начинающему монашескому подвижнику, явился Сам Иисус Христос со своим священным окружением? Знаменательно то, что послушник Иван никому ничего не говорил о своих душевных страданиях. Он их мужественно переносил глубоко внутри себя. Для *Царства Небесного* его внутренние борения были прозрачны, и поэтому *Там* серьезно обеспокоились о Своем начинающем слугителе, которому была предначертана важная роль в Русской Православной церкви. Нужно было его спасать. *Там* оценили жизненную ситуацию начинающего подвижника Ивана настолько опасной, что пришел Сам Иисус Христос. Примечательно замечание Спасителя о том, что «язвами Моими приидох врачевати тебе, также и других, подобных тебе малодушных». Это означает, что подобные явления Иисуса Христа были и другим страждущим монахам. Поразительно то, что Иисус Христос явился послушнику не в блеске Своего Божественного совершенства и славы, каким он обычно являлся другим достойным монахам, а с живыми ранами через две тысячи лет! Как это понимать? Получается, что Иисус Христос принимал облик со свежими ранами, который Он имел после *Воскресения*, в экстренных случаях для духовно-нравственной поддержки страждущего монаха. И, как мы видим, отец Иона этот священный заряд бережно хранил и пронёс в своем сердце через всю свою жизнь. Следует также отметить, что многочисленная свита Иисуса Христа свидетельствует о расширенном пространстве *Царства Небесного*, потому что все они явились *Оттуда*.

Ахилла (в миру Александр Орлов; 1906–2003) – архимандрит Почаевской Лавры. В юные годы Александру было видение – светлая обитель с уходящей в небо колокольней и с подземельями, где живут святые. Он прошел войну, потом работал на заводе. По зову сердца *Оттуда* Александр пешком отправился из Сибири в Киев. Неоднократно милиция арестовывала его «за бродяжничество», поскольку он не имел киевской прописки. В камере его жестоко избивали, после чего вывозили за город и бросали. Но он возвращался назад, в свою обитель. Видя, что ничего не помогает, монаха Ахиллу упрятали в психбольницу, где поместили в палату с буйно помешанными людьми. Удивленные санитары, заглядывая в глазок двери, видели странную для них картину: в одном углу сидит монах, а в другом сбились в кучу рычащие больные. Иисусова молитва монаха действовала на них, как смирительная рубашка. Они с ненавистью смотрели в его сторону, готовые убить. Бесы, живущие в этих людях, не выносили благодати этой молитвы. Вернулся из больницы монах-подвижник весь избитый, остриженный, исхудавший. На все расспросы отвечал только одно – «за все слава Богу». В конце концов монаху Ахилле удалось получить прописку в монастыре, хотя для этого ему пришлось дойти до самого Хрущева. Оказывается, в трудовой книжке монаха была благодарственная запись, написанная рукой Никиты Сергеевича. Он ее получил за ударный труд работая водителем грузовика еще на гражданском производстве. Эта благодарность и помогла ему получить прописку. На лаврском грузовике, доверху груженым кирпичом, смог спуститься с очень крутого склона, изобилующего резкими поворотами. По этому склону не мог проехать даже опытный водитель заместника лавры на легковой машине. В 44 года Александр становится послушником Киево-Печерской лавры, а в 47 лет он был пострижен в монахи с именем Ахилла. Монах Ахилла был первоклассным водителем. В 1961 году монастырь стали закрывать, а ее насельников изгонять. Вместе со своими духовными братьями он отправился на Кавказ, в глубокие ущелья абхазских гор. Монах Ахилла построил свою келью на такой высоте и труднодоступности, что даже самые смелые подвижники не рисковали идти к нему в гости. Почти никто не знал, где находится его тайное жилище. Подвизаясь в горах, монах Ахилла достиг высот самодвижной молитвы, чистоты помыслов. Матерь Божия, явившись старцу зримым образом, повелела ему идти в Почаев. «Ты там должен служить людям», – сказала Она. Свое служение в Почаеве старец Ахилла начал с пономарства, а закончил в сане архимандрита. В 1998 году он принял великую схиму с именем Феодосий. Души приходящих к нему людей были для старца, как открытая книга. Без слов он видел и знал все, что творится в сердце каждого. Старец видел не только то, что происходило рядом, но и то, что было очень далеко.

Представляет интерес явление Пресвятой Богородицы Александру. Своим духовным дочерям он рассказывал: «Когда я пришел в Киево-Печерскую Лавру, монахи приглашали меня в келью, но я не хотел: то под кустиком где-нибудь переночую, то в сарае. И все ходил молиться. Я все не мог нарадоваться, что попал в такую святыню. Однажды, когда я вышел из церкви, ко мне подошла Женщина необычайной красоты (Она не одна была, вместе с ней

явилось много людей) и говорит: “Ну расскажи, что ты здесь видел, что знаешь”. “Ничего я не видел, ничего не знаю”, – ответил я. Она удивилась: “Как? Ходишь по этим святым камням и ничего не видел и не знаешь?” От смущения я ничего не мог сказать Ей в ответ. Она в утешение протянула мне Свой посох и сказала: “На тебе Мой посох, подержись за него – в нем твоя сила”. Я взялся за посох, и меня тотчас обожгло, как огнем, от самого низа до верха. После этих слов Жена словно растворилась в воздухе. Вместе с Ней стали невидимыми и те люди, что были при Ней. Растерявшись я стал спрашивать у прохожих о Женщине с посохом, но никто, кроме меня, ничего не видел» [74, с. 26]. Позже старцы Киево-Печерской Лавры объяснили ему, что он удостоился созерцания Самой Пресвятой Богородицы [74, с. 28]. В самом начале своего подвижнического Александр Орлов предпочитал горячо молиться Божией Матери. Это видела Пресвятая Богородица.

Старец Афиноген (Василий Агапов; 1881–1979). В 1908 году при постриге в мантию получил имя Афиноген. В 1917 году Афиноген был рукоположен в сап иеромонаха. 15.06.1924 г. был арестован. По приговору советских властей 8.08.1926 г. Афиноген был отправлен в ссылку на 3 года. 18.02.1932 г. он был вновь арестован и отправлен на строительство Беломорканала. Старец вспоминал, что в те тяжёлые годы он выжил только благодаря непрестанной молитве. «И в тюрьме, и в лагере – везде Господь охранял меня от смертных случаев». После освобождения отец Афиноген подвизался в Псково-Печерском монастыре. В 1968 году старец Афиноген был возведен в сан архимандрита Псково-Печерского монастыря. В марте 1975 года, провожая в последний путь игумена Алипия, старец Афиноген сказал: «Для верующего смерть – это лишь переход в жизнь вечную. Для христианина страшна не смерть, разлучающая душу с телом, а страшен грех, разлучающий душу с Богом».

Из Дневника монахини Надежды, келейницы старца архимандрита Псково-печерского монастыря Афиногена от 28.11.1976 г.: «Я подошел к самой иконе и, как всегда, стал благодарить Господа, что Он сподобил меня причаститься Тела и Крови Своей. И в это время сделался необычайный свет – он исходил от иконы, и здесь мне явилась Матерь Божия. Она имела такой взор на меня ласковый, приветливый: как будто Она хотела меня обнять и поцеловать. А я в таком состоянии чувствовал себя совершенно безгрешным и жителем небесным. Но это было минут десять. А Матерь Божия потом взяла меня за руку и повела, и поставила между жертвенником и стеною и говорит мне: “Вот ты сохранил себя в девственной чистоте, душу и тело не осквернил, но чист; поэтому ты присоединишься к девственникам, которые предстоят в небесных ликах”. Я спрашиваю Её: “Что же мне теперь делать?” Она отвечает: “Тебе нужно смирение, терпение, любовь, послушание; нужно иметь твердое убеждение, что без Бога мы ничего не можем сделать, даже помыслить; положиться нужно на Его волю. А отца Иеронима (Тихонова) Я ставлю свидетелем, потому что сказано, где два или три, то всяк глагол станет истинным”. Затем я прочитал благодарственные молитвы и ушел к себе в келью... *Мои наблюдения* (в связи с описанным видением): «...Он мне все рассказал, а потом пошел к Владыке Феодору и ему рассказал свое видение. Тот был удивлен

– дивился такому его духовному состоянию... Мне же отец Иероним сказал, что действительно стоял позади батюшки и что батюшка часто менялся в лице, а лицо его было необыкновенное, и по щекам его текли слезы, одна за другой. Как сказал отец Иероним: “Слезки кап-кап у него из глаз”, и батюшка говорил: “Матерь Божия! Матерь Божия! А потом батюшка ушел к жертвеннику. Отец Иероним Матерь Божию не видел, только видел, что с батюшкой что-то происходит”» [153, с. 154–155].

Таким образом, в многовековой истории Византийской и Русской православных церквей явления Богородицы и даже Иисуса Христа происходили самым достойным подвижникам, большей частью мужественным монахам. Поэтому повествования евангелистов о явлениях Апостолам Иисуса Христа не представляются вымыслом.

ГЛАВА 5

АПОСТОЛЬСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

5.1. Генезис Христианской Церкви в апостольский период

Общая характеристика апостольского периода Христианской Церкви

В современном библеоведении установилось достаточно упрощённое представление о развитии христианского вероучения в рассматриваемый период. Задаётся представление, что после *Вознесения* Апостолы побежали по различным регионам Израильского государства и за его пределами проповедовать *Истину* христианской веры в полном объёме. Подобным образом Павел после явления ему Иисуса Христа и крещения в Дамаске также поспешал распространять христианское вероисповедание. В действительности всё происходило гораздо сложнее.

Во второй половине 30-х и в 40-е годы никто из Апостолов не понимал подлинной глубины *Благой вести* Иисуса Христа, о чем свидетельствуют их речи в «Деяниях». Из речей Петра, Стефана и Филиппа, приведенных в «Деяниях», становится очевидным, что в их выступлениях иудейская ментальность составляла бóльшую часть их дискурса. Поэтому фарисеи имели основания называть христиан «сектой Назореев».

Из повествования Луки просматривается следующая логика развития благовествования Апостолов. Первоначально они стремились интегрировать христианское учение в пространстве древнееврейского вероисповедания, показывая, что деяния Иисуса Христа являются продолжением ветхозаветной истории, и ранее в Библии были предсказаны. В христианской составляющей их проповеди они большей частью ограничивались описанием земной жизни Спасителя, придавая первостепенное значение Его *Воскресению*, очевидцами которого они были. В организованных ими христианских общинах были лишь зачатки нового христианского мышления и образа жизни. В проповедях и деяниях Апостолов иудейские обряды сохраняли преимущественное значение. Дискурс всех Апостолов складывался из христианской и иудаистской состав-

ляющих, среди которых последняя занимала большее место в их жизненном мире.

Если бы христианство развивалось в подобном направлении, то существовала реальная опасность его вырождения. Нужно было разорвать тяжелые и громоздкие цепи архаической ветхозаветной ментальности и ежедневного религиозного обряда, и открыть простор новому христианскому мышлению и образу жизни. Эту титаническую работу проделал самоотверженный служитель Церкви – апостол Павел. Когда практически все Апостолы завершили свое мужественное служение и ушли в мир иной, в ходе Иудейской войны было разрушено Израильское государство, Иерусалим, древнееврейская культура, христианский синтез завершал убеленный сединами апостол Иоанн.

Исторически важным было то, что единой парадигмы христианского вероучения не было. В своем благовествовании каждый из Апостолов исходил из собственного понимания сути христианской веры. История с Аполлосом, запечатленная в «Деяниях» и в Первом послании апостола Павла к Коринфянам показывает, что среди главных проповедников Апостолов *Благой вести* Иисуса Христа единого целостного представления не было. Это означает, что христианские вероучения каждого из них различались между собой. Это приводило к тому, что Христианская Церковь складывалась из двенадцати составляющих, которые я буду называть «апостолиями». Это не означает раздробленности Церкви, потому что все признавали в качестве головной христианскую общину в Иерусалиме. Подтверждением этому служит то, что достаточно обособленный и самостоятельный в своих деяниях Павел исправно посылал собранные денежные пожертвования в Иерусалим. Тринадцатой, самой обширной, активной и жизнедеятельной, была «апостолия» Павла. По мере ухода в мир иной в результате мученической смерти Апостолов и совершенствования системы епископата христианских общин все более укреплялась целостность Христианской Церкви, в которой возрастала роль христианских общин «апостолии» Павла.

Введение мыслительного конструкта «апостолия», который означает пространственное распространение христианского вероучения в результате проповеднической деятельности какого-либо Апостола, позволяет уточнить структурное построение и пространственное распространение Христианской Церкви в ходе миссионерской деятельности Апостолов в 30–60-е годы. На основе весьма неполного материала письменных источников выстраивается следующая конфигурация построения Христианской Церкви в апостольский период, которая в ходе дальнейшего исследования будет уточняться. После *Вознесения* Иисуса Христа Апостолы разошлись по различным регионам Израильского государства и за его пределами проповедовать *Благоу весть* Спасителя. Предположительно, подвижническая деятельность большинства Апостолов сводилась к проповедям иудео-христианского вероучения и организации христианских общин по мере их продвижения в некотором регионе. Главный интерес в их речах составляли рассказы о деяниях Иисуса Христа и Его *Воскресении*, свидетелями которых они были. Поскольку Апостолы христианским Священным Писанием (Евангелиями) не располагали и продолжительное вре-

мя на одном месте не задерживались, то вполне очевидно, что вера новообращённых была неглубокой, а христианские общины были неустойчивыми образованиями.

Апостол Павел в ходе своих миссионерских путешествий вёл систематическую работу по организации целостной системы созданных им христианских общин, их всемерному укреплению и дальнейшему динамичному развитию. Поэтому, надо полагать, только в Греции, Македонии и Малой Азии, входивших в «апостолию» Павла, развивалась полноценная жизнь Христианской Церкви. Судя по всему, во второй половине 50-х годов подобной деятельностью в центральной и северо-восточной частях Малой Азии занимался апостол Петр.

«Деяния святых апостолов» о формировании христианских общин

Методологическая оценка «Деяний». В комплексе книг Нового Завета творение Луки «Деяния святых апостолов» (*греч.* Praxeis Apostolon, *лат.* Actus Apostolorum; далее – «Деяния») было написано в первой половине 60-х гг. Это произведение Луки повествует о последующих 30-ти годах становления и развития Христианской Церкви после *Вознесения*. Книга «Деяния» имеет исключительно важное значение для правоверных христиан и исследователей. Если бы было безвозвратно утрачено какое-либо Евангелие, то оставшиеся три восполняли бы общую картину земной жизни Иисуса Христа. Относительно некоторых посланий святых Апостолов до сих пор ведутся споры об их достоверности. Утрата «Деяний» была бы невозможной, потому что не только существенно осложнила бы понимание исключительно важного периода истории христианства, но и Посланий апостола Павла и христианского вероучения в целом.

Следует учитывать своеобразие книги «Деяния», при изучении которой, прежде всего, нужно иметь в виду, что она дает весьма неполную картину деяний Апостолов после *Вознесения* до 60-х гг. Картина их деяний была гораздо сложнее и многообразнее. Лука записал преимущественно деятельность одного из наиболее активных служителей Господа апостола Павла, очевидцем которой он был, сопровождая его. По-видимому, апостол Пётр сообщил евангелисту важные события о своей подвижнической деятельности. Поэтому текст «Деяний» можно назвать «павлоцентричным», в котором материал излагается как бы с позиции Павла, хотя палитра христианских воззрений была значительно богаче и разнообразнее.

Меня веселят и весьма развлекают высокомерные оценки авторитетных протестантских теологов, демонстрирующих свой существенно ограниченный философско-научный дискурс. Так, Э. Добшюц пишет: «Сочинение, которое, казалось бы, должно быть главным источником для времен апостолов, “Деяния апостолов”, абсолютно ничего не дает. Автор безусловно далек от мысли написать историю нравов. Его задача провести перед глазами великое победное шествие Евангелия из Иерусалима через весь мир до Рима. При этом он

находится в сильной зависимости от своих малосодержательных источников» [106, т. 1, с. 362–363].

Вознесение Иисуса Христа – Сын Бога стал Господом

В самом начале «Деяний» Лука пишет: «...явил Себя живым, по страданиям Своим, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим» (Деян 1:3). Воскреснувший Иисус Христос не переставал учить своих учеников о главном – о *Царстве Небесном*.

В 1-й главе «Деяний» Лука поместил описание того, как Сын Бога Иисус стал Господом – *Вознесение Иисуса Христа*. Он пишет: «И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым. Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян 1:4–11). Перед окончательным уходом из мирского бытия в *Царство Небесное* Иисус дал последние наставления Своим ученикам, главным из которых было «ждите обещанного от Отца».

В описании *Вознесения* следует выделить следующие важные моменты. Рассуждения Иисуса об Отце показывают, что перед *Вознесением* Он не подавал Себя как Бога. При этом у учеников было мирское понимание Иисуса как Мессии, который должен был лишь восстановить царство Израиля. Даже в этот исключительно важный момент общения с Иисусом Христом они не мыслили глубже. Особенно важно понимать, что никакого телесного восхождения Спасителя не было. В метафизическом пространстве *Царства Небесного* нет места для телесного, материального. Надо полагать, что по мере визуального вознесения Иисуса на небо происходила трансформация телесного в божественное духовное. Главная священно-сокровенная значимость *Вознесения* – **Иисус Христос стал равно ипостасным Богу Отцу Господом**. Это означает, что Бог Сын стал обладать тем же набором совершенных атрибутов, что и Бог Отец. Только в этот момент Иисус достиг предельной цели, о которой Он говорил первосвященникам, – *Царства Божьего*.

Показательна высокомерная оценка Юлихера *Вознесения* Иисуса Христа. Он пишет: «Рассказ о вознесении Воскресшего на сороковой день, о котором повествуют лишь “Деяния апостолов”, есть только позднейшая попытка рационально объяснить отсутствие подобных же явлений в последующее время и

очистить место на земле для деятельности Духа, Который сошел на верующих десять дней спустя, чтобы заменить Сына Божьего» [106, т. 1, с. 220].

Пятидесятница – первые минуты существования Христианской Церкви

Сообщение Луки о присутствовавших на *Вознесении* Иисуса Христа подобно протокольной записи. Он пишет: «Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути. И, придя, вошли в горницу, где и пребывали, Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова. Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариєю, Материю Иисуса, и с братьями Его» (Деян 1:12–14). Когда Лука писал «Деяния», Пресвятой Богородицы и некоторых апостолов уже не было в живых. Благодаря его Евангелию, отношение младохристиан к Деве Марии существенно изменилось. Было не только восстановлено Её доброе имя, но и незамутненной чистоты Её добродетели свидетельствовали о совершенной святости Богородицы. Поэтому мудрый Лука среди присутствовавших «некоторых жен» назвал только Марию, Мать Иисуса. Исходя из экзистенциальной ситуации, в которой Она пребывала в момент *Вознесения* Её Сына, можно предположить, что Ей открылся окончательный смысл Божьего промысла.

Для восстановления числа избранников Иисуса Христа Лука описал избрание 12-го апостола. Он пишет: «И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия; и помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место. И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам» (Деян. 1:23–26). Так в истории христианства была заложена мистическая традиция избрания епископов и других.

Мы подошли к повествованию Луки о важнейшем событии мировой истории человечества – рождении Христианской Церкви в день *Пятидесятницы*. Читаем этот замечательный фрагмент: «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламнты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Кирине, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты,

критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напильсь сладкого вина» (Деян 2:1–13).

Нисхождение Святого Духа на привязанных к мирскому бытию Апостолов представляло собой сложный духовно-нравственный процесс, в ходе которого *Божественная благодать* как бы выжигала в душах Апостолов мирские устремления, наполняя их души благодатью священной святости. То состояние святости, которое избранные Господом мужественные православные монахи достигали после многих лет суровой аскезы, Апостолам было дано в течение нескольких минут. По меркам католиков и православных они стали святыми здесь и сейчас. Из этого повествования Луки следует, что в составе Римской империи Иерусалим был достаточно большим многонациональным городом, обычные дни которого составляла будничная суэта множества народов, представители которых совершенно неожиданно стали очевидцами столь странного события.

Протестантский теолог Юлихер пишет: «Мало значения имеет как время, так и достоверность объяснения, данного Лукой глоссолялии, этому лепету верных в состоянии экстаза, которым благоговейно внимающие верующие наслаждались, как дуновением Святого Духа, на собраниях в период первого энтузиазма: Лука хотел истолковать это явление как разговор одновременно на всех существующих на земле языках» [106, т. 1, с. 221]. Новозаветные представления Юлихера, Гарнака, Бульмана и других можно назвать «христианским нигилизмом».

5.2. Формирование христианских общин под руководством апостола Петра

Первая проповедь апостола Петра

Предотвращая какое-либо соперничество между Своими учениками, Иисус Христос строго указал главенство Петра в общине Его последователей. После нисхождения божественной благодати на Апостолов ранее весьма непросвещённый рыбак Петр стал главным проповедником христианского учения. Святой Дух придавал силу его речам. Луке удалось записать первую проникновенную речь Петра, которую я подаю в сокращении. Читаем «Деяния»: «Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня... Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея,

Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками незаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» (Деян 2:14–15, 20–24). Пётр подает Иисуса Христа не как Бога, а как Его Посланца, наделенного «силами, чудесами и знамениями», которого евреи незаконно убили. Это была главная мысль в пламенной проповеди апостола Петра.

Обращаясь к слушавшим его иудеям, он говорил: «Мужи братия! да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня. Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его, Он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления. Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите» (Деян 2:29–33). Учитывая своеобразие древнееврейского мышления, для которого следует искать основания в многовековой истории еврейского народа, Петр умело использовал библейскую историю о «праотце Давиде», который еще тогда прозревал явление Христа «на престоле его» и Его воскресение. Это древнее предсказание осуществилось: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели». «Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли. Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия? Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш. И другими многими словами он свидетельствовал и увещевал, говоря: спасайтесь от рода сего развращенного» (Деян 2:36–40). В самом начале истории христианства священное событие *Воскресения* Иисуса Христа служило первоисточком формирования христианских представлений и переживаний. Апостол Пётр провозгласил христианский путь спасения – покайтесь, креститесь для прощения грехов и получите дар Святого Духа.

Откуда не книжник, рыбак Пётр без какой-либо подготовки, на одном дыхании произнес такую проникновенную речь? Досужие критики Евангелий, не напрягаясь, говорят, что она есть очевидное свидетельство более поздней подделки. Но мы знаем, что во время *Тайной вѣчери* Иисус Христос заверял Своих учеников в поддержке после Своего ухода из земной жизни. «Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам» (Ин 16:13). После *Пятидесятницы* божественная благодать настолько глубоко и всесторонне духовно-нравственно преобразила душу Петра и других Апостолов, что противостоять им было трудно даже книжникам и фарисеям.

В православной литературе имеется достаточно много свидетельств непосредственного оказания помощи из *Царства Небесного* благочестивым по-

движникам. Так, в «Житии Иоанна Златоуста» сообщается, что как-то прислуживавший патриарху Прокл посмотрел в дверную скважину, чтобы узнать, что делает Иоанн Златоуст. «Он увидел его сидящим и пишущим, а какой-то старый почтенный человек, стоя сзади него, наклонился к уху патриарха и тихо ему говорил. Сей человек во всем был подобен изображению святого Павла на иконе... То же наблюдал Прокл и в течение двух следующих дней. Наконец, он осмелился спросить самого патриарха:

– Владыко, кто ночью беседует с тобою?

Иоанн отвечал:

– У меня не было никого».

Когда Прокл описал человека, стоявшего у него за спиной, Иоанн недоумевал. «Тут Иоанн понял, что Прокл видел самого апостола Павла, и удостоверился, что труд его угоден Господу. Он пал на землю и долго молился, благодаря Бога» [57, с. 257]. Имеются достаточные основания отнести это повествование к мистическому факту.

Чудесные исцеления апостола Петра и религиозный подъем среди иудеев

После *Пятидесятницы* и начала активной проповеднической деятельности Апостолов среди евреев поднялось религиозное воодушевление в Иерусалиме, в результате которого число младохристиан стремительно увеличивалось. Лука пишет: «Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч. И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах. Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через Апостолов в Иерусалиме. Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян 2:41–47). Чему учили Апостолы, и что в их проповедях было христианского? Священные деяния совершали Апостолы в сердце Израиля в храме.

Лука так описывает одно из первых исцелений апостола Петра: «Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый. И был человек, хромым от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм. Он, увидев Петра и Иоанна перед входом в храм, просил у них милостыни. Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали: взгляни на нас. И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь. Но Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. И, взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колени, и вскочив, стал, и начал ходить, и вошел с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога. И весь народ видел его ходящим и хвалящим Бога; и узнали его,

что это был тот, который сидел у Красных дверей храма для милостыни; и исполнились ужаса и изумления от случившегося с ним. И как исцеленный хромым не отходил от Петра и Иоанна, то весь народ в изумлении сбегался к ним в притвор, называемый Соломонов. Увидев это, Петр сказал народу: мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит? Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его» (Деян 3:1–13). Силой Святого Духа Петр получил способность чудесного исцеления больных. При этом он использовал всякую возможность прославлять Сына Бога Иисуса, а также призывал покаяться. «Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели... Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил. Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа... Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших» (Деян 3:15, 18–20, 26). Своими деяниями и проповедями Пётр восстанавливал доброе имя Иисуса Христа, но не видно, чтобы он проповедовал учение о *Царстве Небесном* и новую христианскую мораль.

Самое начало борьбы за существование Христианской Церкви

Для первосвященников, по сути, представлявших власть в Иерусалиме, рост христианских настроений среди иудеев после расправы над Иисусом из Назарета был совершенно неожиданным. Более того, какой-то малограмотный рыбак Симон стал популярным проповедником учения распятого Иисуса. Автор «Деяний» пишет: «Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи, досадуя на то, что они учат народ и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых; и наложили на них руки и отдали их под стражу до утра; ибо уже был вечер. Многие же из слушавших слово уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч» (Деян 4:1–4).

Первосвященнику Анне, а также Каиафе, Иоанну, Александру и другим, было непонятно, какою силою и каким именем Апостолы творят чудеса при множестве народа. Поэтому они вызвали апостолов Петра и Иоанна на заседание синедриона. Петр, исполнившись Духа Святого, провозгласил, что «то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав. Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения, ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян 4:10–12).

Самым главным в вероучении Петра и Иоанна была правда о *Воскресении* Иисуса Христа. Первосвященников и саддукеев удивляла смелость некнижных и простых Петра и Иоанна. Чудесное исцеление хромого человека отрицать было невозможно. Поэтому они, «приказав им выйти вон из синедриона, рассуждали между собою, говоря: что нам делать с этими людьми? Ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего» (Деян 4:15–16). Первосвященники «приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян 4:18–20). Для Петра и Иоанна высшим и исходным ценностно-мыслительным устремлением был Сын Бога Иисус Христос. Поэтому для них всё остальное имело подчиненное, второстепенное значение. Собственная смерть им была не страшна. Первосвященники и саддукеи, «пригрозив, отпустили их, не находя возможности наказать их, по причине народа; потому что все прославляли Бога за происшедшее. Ибо лет более сорока было тому человеку, над которым сделалось сие чудо исцеления» (Деян 4:21–22).

Освободившись от злобного притеснения членов синедриона, Петр и Иоанн обратились к Богу и сказали: «Владыко Боже, сотворивший небо и землю и море и все, что в них! ...чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое, тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святаго Сына Твоего Иисуса. И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святаго, и говорили слово Божие с дерзновением» (Деян 4:24, 28–31). Знаменательно то, что Петр и Иоанн преимущественно взывали к Владыке Богу, а Его Сын Иисус имел подчиненное значение. Апостолы осуществляли свою проповедническую деятельность под непосредственным покровительством Господа, которая проявлялась в чудесных мистических явлениях. Они обладали такой мистической силой Святого Духа и находились под такой защитой Ангелов, что ненавидевшие их первосвященники, фарисеи и саддукеи не могли противостоять им.

Издержки формирования христианских общин

Происходившее только способствовало распространению *Благой вести*, посланной в израильский мир Иисусом Христом. Лука пишет: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду. Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит -сын утешения, левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес

деньги и положил к ногам Апостолов» (Деян 4:32–35). Из повествования Луки следует, что в первые годы становления Христианской Церкви происходило стихийное формирование искреннего христианского единения посредством отказа от благополучного эллинистического образа жизни, когда системного христианского дискурса не существовало даже у Апостолов.

Лука приводит достаточно жестокий эпизод в отношении новообращенных Анании и его жены Сапфиры. Он пишет: «Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирою, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это. И встав, юноши приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили. Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Петр же спросил ее: скажи мне, за сколько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько. Но Петр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, войдя, нашли ее мертвою и, вынеся, похоронили подле мужа ее. И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это» (Деян 5:1–11).

Требование обязательной раздачи нищим своего имущества при вступлении в христианскую общину под угрозой смертного наказания не соответствует милосердной христианской морали. Из этого описания Анания и Сапфира, раздав большую часть своего имущества, уже совершили большой нравственный подвиг и никак не заслуживали гибели. В житиях знаменитых достигших святости монахов повествуется, как они, раздавая свое имущество нищим, нередко часть его оставляли своим самым близким родственникам, отцу, матери, сестрам или братьям, которые принимать монашество не собирались. Анания и Сапфира не имели намерений принимать монашеский образ жизни, потому что такового в то время даже в мыслях не было. Они заслуживали лишь нестрогого осуждения за скрытность. Правверный христианин должен быть носителем правды, прозрачным носителем высокой христианской морали, которой тогда еще не было. Где такового в настоящее время найдешь?

Матфей описывает поучение Иисуса Христа в подобной ситуации: «Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф 19:20–24). Горделивый юноша наивно полагал, что, сле-

дую заповедям Иисуса Христа, провозглашенным Им в Нагорной проповеди, он достиг христианского идеала.

Нередко глубокую мысль Иисуса Христа о судьбе богатых в загробном мире толкуют с упрощенных классовых позиций, которая обычно согревает душу бедных христиан, надеющихся на возмездие богатым *Там*. Если богатые не грешили, что в их положении весьма трудно сделать, то ситуация представляется не такой однозначной. Поэтому Иисус Христос говорил «трудно». Поучение Сына Бога имеет более глубокий смысл, который стал исходной заповедью, базовым принципом жизни для всех мужественных православных монахов. Чтобы приблизиться к Богу, следует приложить все силы, чтобы оборвать как можно больше связей и отношений в мирской жизни и, таким образом, как бы выйти из пространства мирского бытия, освободить свою душу от мирских мыслей и переживаний. Преподобный Исаак Сирийский справедливо утверждал: «Начало пути жизни – поучаться всегда умом в словесах Божиих и проводить жизнь в нищете... Никто не может приблизиться к Богу, если не удалится от мира. Удалением же называю не переселение из тела, но устранение от мирских дел. В том и добродетель, чтобы человек не занимал ума своего миром. Сердце не может пребывать в тишине и быть без мечтаний, пока на человека действуют чувства» [85, с. 4; сл. 1].

Первая мученическая смерть за веру в истории Церкви

Апостолы Пётр и Иоанн всё более набирали силу, влияние и почитание среди евреев. Лука пишет: «Руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса; и все единодушно пребывали в притворе Соломоновом. Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их. Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осеняла кого из них. Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все» (Деян 5:12–16). Для еврейского дискурса мистические явления и деяния имели определяющее значение, по сравнению с которыми разумные и логически обоснованные рассуждения не имели существенного значения, потому что для них мистическое событие представляло очевидным проявлением деяния Господа, которое не требовало каких-либо доказательств. Поэтому чудесные деяния Петра и Иоанна вызывали у евреев восторг и почитание.

С точки зрения злобных фарисеев такое еретическое непотребство далее терпеть было невозможно. Израильские религиозные власти «наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу. Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни» (Деян 5:18–20). Могучая сила преданных служителей Церкви Апостолов была не только мистически-физической, но и, прежде всего, духовно-нравственной. После *Вознесения* Господа в критические моменты христианской истории непобедимая власть божественной силы

непосредственно и очевидно для всех включалась в происходивший процесс и практически управляла им, как описал Лука в «Деяниях».

Не убоившись иерусалимских владык, после чудесного освобождения апостолы Пётр и Иоанн утром в храме учили (Деян 5:21). Чтобы предотвратить христианское безобразие, Петра и Иоанна вновь доставили на заседание синедриона, пытаясь запретить им учить именем Иисуса Христа. «Петр же и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам. Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов. Свидетели Ему в сем мы и Дух Святой, Которого Бог дал повинующимся Ему» (Деян 5:29–32). Пётр и Иоанн говорили членам синедриона, что за их спиной стоит могучая сила Святого Духа, что должно было повергать первосвященников в страх и трепет. Несокрушимой священной основой жизненного мира Петра и Иоанна и всех Апостолов был совершенный в своих добродетелях Бог. Все остальные ценности и представления выстраивались по мере приближения к совершенному Господу.

В 6-й и 7-й главах Лука повествует о первой мученической смерти за веру после *Вознесения* Иисуса Христа. Расширение и укрепление юной Христианской Церкви настоятельно требовало увеличения числа активных служителей-проповедников. По сообщению Луки, «двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно будем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки» (Деян 6:2–6). «И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере» (Деян 6:7).

Среди активных проповедников *Благой вести* выделялся искренностью и чистотой своей веры Стефан, происходивший из еврейской диаспоры. Лука пишет: «Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе. Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев и Александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор со Стефаном; но не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил» (Деян 6:8–10). Из повествования Луки следует, что популярность проповедей Стефана далеко выходила за пределы Иудеи, достигая Александрии, Киликии и Асии. Религиозные правители Израиля схватили Стефана и доставили на заседание синедриона. Лука пишет: «И все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела» (Деян 6:15).

Лука сообщает основные положения речи Стефана перед первосвященниками синедриона, которая открывает возможность узнать, чему учил первый мученик Христианской Церкви. В своей пространной речи Стефан зашел издалека. Он «сказал: мужи братия и отцы! послушайте. Бог славы явился от-

цу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран» (Деян 7:2). Затем он долго рассказывал древнееврейскую историю, известную каждому правоверному иудею. В конце своей речи Стефан жестко обвинил ортодоксальных иудеев в отходе от служения Богу, которые на протяжении древнееврейской истории преследовали самых достойных пророков. Он сказал: «Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы, – вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили» (Деян 7:51–53). В учении Стефана Ангелы, как и Святой Дух, были носителями подлинной добродетели, которую первосвященники «с необрезанным сердцем и ушами» принять не могли. В речи Стефана христианского дискурса практически не было.

Чувства враждебности к ненавистным христианам довели на заседании синедриона. Лука отмечает негодование первосвященников: «Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами» (Деян 7:54). Праведник Стефан знал о предопределенности своей судьбы. «Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Деян 7:55–56). Лука так описывает мученическую смерть Стефана: «Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! приими дух мой. И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (Деян 7:57–60). Мученическая смерть Стефана показывает, насколько жестокой и нетерпимой была господствующая иудейская ментальность даже к слабым росткам милосердной христианской морали. Как полагают историки и богословы, Стефан принял мученическую смерть в 34 году.

После мученической смерти Стефана началось первое гонение на новообразованную, еще неукрепившуюся Христианскую Церковь. «Савл же одобрял убиение его. В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме; и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии. Стефана же погребли мужи благоговейные, и сделали великий плач по нем. Савл терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деян 8:1–3). Лука отмечает появление Савла, как активного злобного пса фарисеев в преследовании христиан.

Деяния апостола Филиппа

Автор «Деяний» отмечает мужественное служение Церкви не только апостолов Петра и Иоанна, Стефана, но и весьма успешные деяния апостола Филиппа в Самарии. «Филипп пришел в город Самарийский и проповедывал им Христа. Народ единодушно внимал тому, что говорил Филипп, слыша и видя,

какие он творил чудеса. Ибо нечистые духи из многих, одержимых ими, выходили с великим воплем, а многие расслабленные и хромы исцелялись» (Деян 8:5–7). После *Пятидесятницы*, когда божественная благодать преобразила учеников Иисуса Христа, Апостолы стали носителями мощной мистической силы, позволявшей им исцелять больных и изгонять бесов. Не проповедь, а мистические деяния Апостолов имели определяющее значение для новообращённых христиан.

Изумлявшего самарийцев своей «великой силой» волхва Симона настолько поразили чудесные деяния апостола Филиппа, что он уверовал и принял крещение. Лука отмечает, «когда поверили Филиппу, благовествующему о Царствии Божием и о имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины. Уверовал и сам Симон и, крестившись, не отходил от Филиппа; и, видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся. Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышав, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, придя, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святаго. Ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго» (Деян 8:12–17). Получается, что благодаря плодотворной деятельности апостола Филиппа, а затем Петра и Иоанна, Самария стала одним из наиболее развитых христианских регионов в Израильском государстве.

В первые годы после *Вознесения* деяния Апостолов проходили под непрерывной и непосредственной опекой Господа, Который в критически важные для Церкви моменты чаще всего посылал для их вразумления и помощь Ангелов. Такой случай чудесного явления Ангела Филиппу сообщает Лука. Читаем «Деяния»: «Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. Он встал и пошел. И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения, возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию. Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице» (Деян 8:26–29). Филипп, строго исполняя мистическое указание, подошел к колеснице высоко поставленного евнуха-эфиопа. Когда тот предложил ему «взойти и сесть с ним», «Филипп отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе» (Деян 8:35). Когда они подъехали к воде, «Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказал остановить колесницу, и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его. Когда же они вышли из воды, Дух Святой сошел на евнуха, а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь» (Деян 8:37–39). Это повествование может служить свидетельством исторического факта, потому что, надо полагать, было широко известно в Эфиопии, как начало ее христианизации. Так, *Благая весть* Иисуса Христа впервые достигла Эфиопии.

Чудесные исцеления и мистическое видение апостола Петра

Христианские общины продолжали развиваться и укрепляться. «Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святаго Духа, умножались» (Деян 9:31). Подобно Учителю, Петр продолжал исцелять неизлечимо больных людей. Лука сообщает: «Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде. Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении. Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал. И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу» (Деян 9:32–35).

Однако самым значимым его чудесным исцелением было оживление христианки Тавифы. «В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: «серна»; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице. А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил прийти к ним. Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними. Петр выслал всех вон и, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою. Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа» (Деян 9:36–42). Из этих описаний следует, что в глазах еврейского населения Пётр обладал исцеляющей способностью, почти подобной Иисусу Христу, что производило на них ошеломляющее впечатление и весьма способствовало распространению христианской веры. Присутствовавшим при чудесных деяниях Петра и Апостолов иудеям было ясно, что их ведёт и поддерживает Сам Господь.

Распространение христианства в мирском бытии всегда происходило под отцовской опекой *Царства Небесного*, действие которого проявлялось в чудесных явлениях Самого Иисуса Христа, Его Голоса, Ангелов, а также косвенно, предзаданность воли Которой становилась очевидной лишь позже, *post factum*. Христиан особенно впечатляют и укрепляют в вере чудесные проявления в мирском бытии *Царства Небесного*. Такое мистическое событие описывает Лука: «В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским, благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу» (Деян 10:1–2). Корнилий был благочестивым, богобоязненным язычником. И вдруг он «в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему и сказал ему: Корнилий! Он же, взглянув на него и испугавшись, сказал: что, Господи? Ангел отвечал ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом. Итак пошли людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром. Он гостит у некоего Симона кожевника, которого

дом находится при море; он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой» (Деян 10:3–6). Корнилий все, сказанное Ангелом, смиренно исполнил и послал двоих своих слуг в Иоппию. Отметим, что Ангел явился благочестивому язычнику.

В это же время апостолу Петру было непонятное ему видение. «Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться. И почувствовал он голод, и хотел есть. Между тем, как приготавливали, он пришел в исступление и видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные. И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь. Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого. Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. Это было трижды; и сосуд опять поднялся на небо» (Деян 10:9–16). Мистически настроенный Пётр не мог понять смысла указания свыше.

Лука продолжает эту замечательную историю: «Между тем, как Петр размышлял о видении, Дух сказал ему: вот, три человека ищут тебя; встань, сойди и иди с ними, нимало не сомневаясь; ибо Я послал их. Петр, сойдя к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: я тот, которого вы ищете; за каким делом пришли вы? Они же сказали: Корнилий сотник, муж добродетельный и боящийся Бога, одобряемый всем народом Иудейским, получил от святого Ангела повеление призвать тебя в дом свой и послушать речей твоих. Тогда Петр, пригласив их, угостил. А на другой день, встав, пошел с ними, и некоторые из братьев Иоппийских пошли с ним» (Деян 10:19–23). Когда Пётр смиренно совершал неблизкий путь в Кесарию, он не знал, зачем он туда идет. Но он верно знал, что ему, как «Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником; но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым» (Деян 10:28).

Когда по прибытии в Кесарию Корнилий поведал Петру свою часть мистической истории, Апостолу стало понятным его предназначение. «Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему. Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех. Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном: как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним. И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что наконец Его убили, повесив на древе. Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых. И Он повелел нам проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых. О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его» (Деян 10:34–43).

Речь Петра перед язычниками представляет особый интерес, потому что в ней выражены основные мыслительные представления и установки вероучения первого Апостола создаваемой Христианской Церкви. Проповедь апостола Петра, по сути, сводилась к изложению земной жизни Иисуса, которая среди евреев и язычников приобретала характер достоверной истории. Принявшим крещение христианам достаточно было уверовать в Спасителя, и тогда они получают «прощение грехов именем Его». Поскольку о высоконравственных заповедях Иисуса Христа речи не было, то новообращённые придерживались преимущественно прежнего образа жизни.

Священно-мистические события подходили к своему главному завершению. Лука пишет: «Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святой сошел на всех, слушавших слово. И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святаго Духа излился и на язычников, ибо слышали их говорящих языками и величающих Бога. Тогда Петр сказал: кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святаго Духа? И велел им креститься во имя Иисуса Христа. Потом они просили его пробыть у них несколько дней» (Деян 10:44–48). Надо полагать, нисхождение Святого Духа на необрезанных язычников удивило Петра не меньше, чем самих новообращенных.

Приведенная выше история приоткрывает промысел Божий относительно дальнейшего развития христианства. Главный проповедник вероучения Иисуса Христа апостол Пётр оставался в значительной мере в иудейском жизненном пространстве. Он не решился бы не только крестить, но и общаться с необрезанными язычниками. Таких же жестких иудейских установок придерживались и другие Апостолы. Поэтому христианская мысль жила на весьма ограниченной территории распадающегося Израильского государства, как одна из множества древнееврейских сект без особых перспектив для дальнейшего развития. При этом, как мы видим, что в духовно-нравственном отношении вероучение Апостолов было весьма ограниченным и непроработанным. Чтобы исправить ситуацию, Господь задействовал все ресурсы Отеческой опеки, – Голос, Святого Духа и Ангелов. Господь совершенно неожиданно для участников этой истории и вопреки воле Петра предопределил и направлял на каждом этапе события до конечной цели – крещения язычников. Эта важная история в становлении Христианской Церкви вполне соответствует требованиям мистического факта, потому что только мистическая его составляющая объясняет, казалось, странное поведение Петра и Корнилия, событие крещения язычников.

«И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними» (Деян 11:2–3). Лишь после того, как Пётр рассказал, что крещение им необрезанных язычников произошло не по его инициативе, а по воле Господа, которую он смиренно исполнил, Апостолы и присутствовавшие иудеи успокоились. «Выслушав это, они успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь» (Деян 11:18). История крещения Петром язычников показывает существенную ограниченность апостольского христианства рассматриваемого пе-

риода становления Церкви. Вероучение Апостолов было ориентировано не только на весьма ограниченное число евреев, но и в целом его большую и основную часть составляли иудейские представления, к которым они присоединяли деяния Иисуса Христа, Его *Воскресение* и *Вознесение*. В религиозном культе доминировали традиционные иудейские обряды, к которым Апостолы присоединяли совместные трапезы христиан.

Апостолу Петру за дело Христово мужества было не занимать. Его, как самого опасного проповедника вредоносного христианского учения, посадили в темницу и приказали «четырем четверицам воинов стеречь его, намереваясь после Пасхи вывести его к народу» для расправы (Деян 12:4). «Когда же Ирод хотел вывести его, в ту ночь Петр спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу. И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его. И сказал ему Ангел: опояшьяся и обуйся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною. Петр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним. Тогда Петр, придя в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский. И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились» (Деян 12:6–12). В животрепещущей истории становления, распространения и укрепления христианства поддержка и направление Господа были настолько очевидны, что никто не мог противостоять Её несокрушимой силе. Первосвященники, фарисеи и саддукеи могли лишь с трепетом в душе удивляться происходившим странным событиям. Где искал приют Петр ночью? По-видимому, дом Марии, матери Марка, «где *многие собрались и молились*» (ночью!), был одним из центров христианской общины в Иерусалиме.

Все эти верования, ориентировавшиеся на древнеиудейскую архаику, следовало кардинальным образом преодолевать. Для осуществления существенного преобразования христианского движения в *Царстве Небесном* избрали самого достойного – умного и энергичного фарисея Савла. При этом предварительно следовало достигнуть его христианского преображения в истого верующего христианина Павла, что по воле и при непосредственном участии Господа Иисуса Христа и было сделано.

5.3. Деяния апостола Павла

Христианское преобразование фарисея Савла

Мы подошли к анализу важнейших событий апостольского периода становления и развития Христианской Церкви – активной и плодотворной деятельности апостола Павла. В моем исследовании определяющей методологической установкой является прояснить экзистенциальную составляющую его жизненного пути. При этом следует стараться уточнить хронологическую последовательность его Посланий, изучение которой приоткрывает логику развития его религиозного жизненного мира. Будем исходить из того, что Савл родился в 10-м году.

Апóстол Пáвел (урождённýй Савл; *ивр.* Шауль, «выпрошенный, вымоленный»; позднее *др.-греч.* Παύλος; *лат.* Paulus или Paullus «малый»; 5/10–64/67, Рим) – один из главных деятелей в становлении и развитии Христианской Церкви в 40–60-е годы. Представляется наиболее приемлемым придерживаться следующей хронологии жизни и деятельности апостола Павла. Он родился в 10-м году в городе Тарс в Киликии в юго-восточной Малой Азии. Его отец, обладавший римским гражданством, назвал его Савлом. Совместно с Варнавой Савл был учеником главного учителя Гамалиила, называемого «славою закона и раввином», который в продолжении 32 лет был председателем синедриона (при императорах Тиверие, Каллигуле и Клавдии). Отсюда следует, что Савл и Варнава получили высшее иудейское образование и были друзьями с юных лет. После *Воскресения* Иисуса Христа и распространения секты «назореев», приблизительно в 20-летнем возрасте фарисей Савл принял активное участие в преследовании христиан. После мученической смерти Стефана в 34/36 году, свидетелем которой он был, Савл с агрессивными намерениями отправился в Дамаск. По пути ему явился Иисус Христос, встреча с которым привела к христианскому преобразению жизненного мира Савла. В Дамаске он принял крещение и стал именоваться Павлом. Затем Павел отправился в Аравию, после чего он возвратился в Дамаск, где пребывал около 3-х лет. Во время дамасского сидения он совершил двухнедельное посещение Иерусалима, после чего возвратился в родной город Тарс. Принявший христианство Варнава пришёл к своему другу Павлу, и они отправились в Антиохию, где год проповедовали. В жизни Павла этот период можно назвать подготовительным, который закончился около 43/44 года. Первое миссионерское путешествие Павла и Варнавы происходило в 45–49 годах. Апостольский собор в Иерусалиме произошёл в 49/50 году. Второе миссионерское путешествие Павла происходило в 50–52 годах. Третье миссионерское путешествие Павла – в 52–58 годах. В 59–60 годах Павел пребывал в узах в Кесарии. В 60–61 годах он совершил плавание в Рим. В 61–63 годах Павел пребывал под арестом в Риме. В 63–66 года занимался миссионерской деятельностью. В 66–67 годах пребывал в узах в Риме. В 67 году апостол Павел принял мученическую смерть. В ходе изучения генезиса христианского дискурса апостола Павла

хронология жизненного пути Апостола будет уточняться развитием его христианских воззрений.

Первый опыт Варнавы и Павла христианской проповеди в Антиохии и Тарсе

Начавшиеся гонения на христиан в Израильском государстве после мученической смерти Стефана способствовали распространению христианского учения за его пределы. Лука отмечает: «Между тем рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев. Были же некоторые из них Кипряне и Киринейцы, которые, придя в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса. И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу» (Деян 11:19–21). Из сообщения евангелиста следует, что первое гонение христиан на землях Израиля породило стихийную волну распространения христианского вероучения в близлежащих Финикии и Антиохии. При этом весть об Иисусе Христе распространялась в двух относительно самостоятельных направлениях – среди существовавших иудеохристианских общин и среди эллинов. Антиохия стала своеобразным центром развития Христианской Церкви. Читаем сообщение проникновенного христианского историка Луки: «Дошел слух о сем до церкви Иерусалимской, и поручили Варнаве идти в Антиохию. Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем; ибо он был муж добрый и исполненный Духа Святаго и веры. И приложилось довольно народа к Господу. Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, найдя его, привел в Антиохию. Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами» (Деян 11:22–26). У истоков христианизации важнейшего культурного центра Малой Азии Антиохии стояли Варнава и Павел.

В книге IV «Деяний» Лука пишет: «Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит – сын утешения, левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов» (Деян 4:36–37). Из отрывочных сведений об апостоле Варнаве следует, что он был яркой личностью, эллинистически и иудейски образованным левитом. Климент Александрийский отмечал, что Варнава своими родителями в юности был отправлен в Иерусалим для обучения у знаменитого иудейского учёного Гамалиила, где он учился вместе с Савлом. Это дает основание полагать отношения Варнавы и Савла дружескими. Положить деньги от проданной земли к ногам Апостолов – это проявление подлинно христианского благочестия. Рафинированный фарисей и эллинистически просвещенный Варнава сразу же принял в свое сердце *Благую весть* Спасителя. Подобрал сидевшего в Тарсе Савла, Варнава организовал «командос» под знаменем Иисуса Христа, равной которой не было. Два бывших высокообразованных фарисея, а ныне христианских подвижника проповедовали настолько продуктивно, что их последователи первыми стали называть себя «христианами».

Что делал принявший крещение Савл до прихода Варнавы? Он сидел в своем родном городе Тарсе и, по-видимому, активной проповеднической деятельностью не занимался. Надо полагать, поэтому Лука Савла не называет Павлом, потому что все его знавшие называли прежним именем. Если попытаться реконструировать экзистенциальную ситуацию, в которой оказался Савл после крещения, то её можно назвать «чужой среди всех». С одной стороны, фарисеи и правоверные иудеи считали его гнусным предателем, изменившим самому святому для каждого иудаиста – Закону Моисея. С другой – многие христиане с недоверием относились к Павлу, ранее запятнавшим себя злобными гонениями на христиан. В такой весьма напряженной ситуации Савл мог найти успокоение лишь в доме своих родителей в родном городе Тарсе. По-видимому, он громогласно не сообщал свою сокровенную тайну каждому встречному. Ему нужно было в тиши родного дома пережить и осмыслить всё то, что с ним произошло.

Чему целый год учили Варнава и Павел в Антиохии? Вполне очевидно, что они еще не обладали новым христианским мышлением, потому что они еще не знали подлинной силы духовно-нравственного *Закона* Иисуса Христа. Как и другие христиане, Варнава и Павел жили среди слухов и отрывочных сведениях о поучениях и деяниях Иисуса Христа, из которых трудно было сложить в единое целое учение Спасителя. В это время в конце 30-х годов Матфей напряженно работал над своим Евангелием, пытаясь из фрагментарных свидетельств очевидцев составить единую картину деяний и поучений Иисуса Христа. По-видимому, рассматриваемые события происходили в течение 3–4-х лет после мученической смерти Стефана, т. е. в 37–39 годах.

Особый интерес представляет жизненный этап апостола Павла до первого миссионерского путешествия, начало которого историки Церкви относят к 45-му году. Об этом периоде жизни в Послании к Галатам Павел сообщает, что он «не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу» (Гал 1:17–20). Зачем Павлу нужно было идти на край света к враждебным мало просвещенным язычникам арабам, где еврейских общин почти не было? Чтобы приблизиться к Господу, он ушел в пески аравийской пустыни, где занимался умерщвлением плоти и непрерывной молитвой. Поскольку после христианского преображения Павла в Дамаске Иисус Христос мистическим образом направлял и оберегал Своего верного и мужественного служителя, то можно допустить, что опыт суровой аскезы Павел получил по воле Господа.

Затем он вернулся в Дамаск и пробыл там целых три года. Почему в Дамаск, и что он там делал? Из всех городов Дамаск был самым дорогим и близким сердцу Павла, потому что в нем жили христиане, лучше всех знавшие и ценившие его, которые спасли ему жизнь от злобных фарисеев, ночью спустив его в корзине по крепостной стене. В Дамаске не нужно было учить христианству. Тогда, что Павел целых три года делал в этом славном городе? Экси-

стенциальный анализ его жизненной ситуации подсказывает – в добросердечной христианской среде он постигал глубины *Благой вести* Иисуса Христа. Затем Павел пришел в Иерусалим, чтобы пообщаться с апостолом Петром. Пятнадцать дней они, надо полагать, регулярно встречались! О чем они вели беседы? Павел пришел к первому Апостолу, чтобы прояснить некоторые вопросы о деяниях и учении Иисуса Христа. С этой целью он встретился с первым епископом христианской общины в Иерусалиме Иаковом. Такой прорисовывается непростой путь формирования христианского мышления апостола Павла. Эти важные для него беседы происходили в 42–44 гг.

Первое миссионерское путешествие апостолов Павла и Варнавы

Исследователи истории христианства полагают, что первое апостольское путешествие Павла и Варнавы проходило в 45–49 годах, следовавшее по маршруту Антиохия Сирийская, Кипр, Пергия Памфилийская, Антиохия и Икония Писидийские, Листра и Дервия Ликаонийские, Атталия, Антиохия Сирийская. Реализация этого важного миссионерского проекта началась с того, что «Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взяв с собою и Иоанна, прозванного Марком» (Деян 12:25).

На протяжении всей своей книги Лука отмечает, что миссионерские деяния Апостолов проходили не столько по их волеизъявлению, сколько по Божиему промыслу и под Его контролем и управлением. Он пишет: «В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл. Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их. Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр; и, быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских; имели же при себе и Иоанна для служения» (Деян 13:1–5). Последний стих этого повествования требует существенного уточнения. Павел, Варнава и Марк были одного возраста. Как отмечают исследователи, они были приблизительно на 10 лет моложе Иисуса Христа, т. е. в это время им было около 35-ти лет. Марк не был начинающим христианином, который мог быть лишь в услужении Апостолов. В отличие от них он видел и слышал Иисуса Христа. В доме его матери Марии в Иерусалиме собирались Апостолы, совершались первые христианские обряды. Веру и способности молодого Марка высоко ценил апостол Петр, называя его своим духовным сыном. Ему он доверил написать Евангелие, которое сделало имя Марка бессмертным в сердцах христиан. Он был достаточно самостоятельным религиозным деятелем. Павлоцентризм автора «Деяний» привел его к отступлению от исторической правды в этом вопросе. Мою версию подтверждает ниже следующий стих 13:

«Отплыв из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию, в Памфилии. Но Иоанн, отделившись от них, возвратился в Иерусалим» (Деян 13:13).

На острове Крит впервые проявилась мистическая сила апостола Павла. Когда проконсул этого острова Сергей Павел, «муж разумный», «пожелал услышать слово Божие», ему попытался воспрепятствовать волхв, лжепророк иудей Елима. «Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого» (Деян 13:9–11).

Лука приводит «слово наставления к народу» Павла в синагоге в Антиохии Писидийской, которое позволяет прояснить принципиальные моменты христианской проповеди Апостола. Чтобы показать, что деяния и вероучение Иисуса Христа являются продолжением и развитием иудейских религиозных представлений, Павел начал с Египетского плена. Однако для нас наибольший интерес представляют его рассуждения о собственно христианской истории. Читаем «Деяния»: «Из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса. Перед самым явлением Его Иоанн проповедывал крещение покаяния всему народу Израильскому. При окончании же поприща своего, Иоанн говорил: за кого почитаете вы меня? я не тот; но вот, идет за мною, у Которого я недостойн развязать обувь на ногах. Мужи братия, дети рода Аврамова, и боящиеся Бога между вами! вам послано слово спасения сего. Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнав Его и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу, и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили все написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его перед народом. И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса» (Деян 13:23–32). Как мы видим, проповедь Павла состояла как бы из двух частей: глубокого знания древнееврейской истории и изложения земной жизни Иисуса Христа. Нравственное учение Иисуса Христа в ней практически отсутствовало.

Надо полагать, центральное место в построении христианского вероучения апостола Павла в этот период занимало *Воскресение* Иисуса Христа. Читаем «Деяния»: «Давид, в свое время послужив изволению Божию, почил и приложился к отцам своим, и увидел тление; а Тот, Которого Бог воскресил, не увидел тления. Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Него возвещается вам прощение грехов; и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий. Берегитесь же, чтобы не пришло на вас сказанное у пророков: смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам. При выходе их из Иудейской синагоги язычники просили их говорить о том же в следующую субботу» (Деян 13:36–42).

Сопоставление Давида и Иисуса показывает, что Павел не мыслил Спасителя Богом. Призывая правоверных иудеев покаяться в грехах, Павел не побуждал их преобразиться к новой морали. Правда, следует учитывать, что Лука в своем повествовании, выделяя самое главное, не мог с достаточной полнотой изложить выступление Апостола в синагоге. Пламенная речь Павла взбудоражила весь город. Лука пишет: «Когда же собрание было распущено, то многие Иудеи и чтители Бога, обращенные из язычников, последовали за Павлом и Варнавою, которые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией. В следующую субботу почти весь город собрался слушать слово Божие» (Деян 13:43–44).

Надо полагать, начиная с Антиохии Писидийской, Павлу и Варнаве стало ясно, что бóльший интерес к христианскому учению проявляли эллинистически просвещенные язычники, чем иудеи. «Но Иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел. Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли. Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и веровали все, которые были предуставлены к вечной жизни. И слово Господне распространялось по всей стране. Иудеи, подстрекнув набожных и почетных женщин и первых в городе людей, воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов» (Деян 13:45–50).

По свидетельству Иосифа Флавия, в конце 40-х годов противоречия между иудаистской и эллинизированной частями еврейского населения нарастали не только в Израильском государстве, но и в восточных провинциях Римской империи. Их разобщению в определенном смысле способствовало распространение христианства. Вспомним пророческие слова Иисуса Христа: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф 10:34–35). Несовместимость нового христианского мышления, веры и морали с традиционными иудаистскими верованиями приводили к враждебному противостоянию не только в семьях, в древнееврейском социуме, но и среди многих народов Римской империи. Лука пишет: «В Иконию они вошли вместе в Иудейскую синагогу и говорили так, что уверовало великое множество Иудеев и Еллинов. А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников... Между тем народ в городе разделился: и одни были на стороне Иудеев, а другие на стороне Апостолов. Когда же язычники и Иудеи со своими начальниками устремились на них, чтобы посрамить и побить их камнями» (Деян 14:1–2, 4–5).

Лука приводит примечательный эпизод исцеления с детства хромого мужчины, которое совершил Павел в Листре. «В Листре некоторый муж, не владевший ногами, сидел, будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил. Он слушал говорившего Павла, который, взглянув на него и увидев, что он имеет веру для получения исцеления, сказал громким голосом: тебе го-

ворю во имя Господа Иисуса Христа: стань на ноги твои прямо. И он тотчас вскочил и стал ходить. Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам. И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием, потому что он начальствовал в слове» (Деян 14:8–12). Наиболее значимым в этом фрагменте является последний стих, который проясняет оценку и отношение греков к Варнаве и Павлу. Оказывается, среди двух христианских проповедников греки рассматривали Варнаву главным и ведущим, называя его Зевсом, а Павла они отождествляли с хитрым и изворотливым Гермесом. В «Деяниях» роль Варнавы в первом миссионерском путешествии не показана, будто он был молчаливым свидетелем деяний своего напарника, что было, безусловно, не так. Нельзя не задать вопрос: почему Лука не отметил активную проповедническую деятельность Варнавы? Убедительным объяснением может служить то, что источником сведений о миссионерской деятельности для Луки был лишь апостол Павел, который сообщил о главных событиях своей деятельности. Поэтому следует иметь в виду, что «Деяния» носят преимущественно павлоцентричный характер.

Представляет интерес повествование Луки, как Варнава и Павел перестраивали мифологические представления эллинов на христианский лад. Лука пишет: «Жрец же идола Зевса, находившегося перед их городом, приведя к воротам волов и принеся венки, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение. Но Апостолы Варнава и Павел, услышав о сем, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них, Который в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши. И, говоря сие, они едва убедили народ не приносить им жертвы и идти каждому домой» (Деян 14:13–18). Религиозные представления и убеждения, особенно, религиозные обряды являются самими дорогими сердцу верующих людей. То, что апостолам удалось убедить людей не приносить жертвы их верховному богу Зевсу, было великой победой Апостолов во славу Иисуса Христа.

С братьями по крови иудеями у Павла и Варнавы отношения складывались гораздо более конфронтационными. Лука сообщает, что «из Антиохии и Иконии пришли некоторые Иудеи и, когда Апостолы смело проповедывали, убедили народ отстать от них, говоря: они не говорят ничего истинного, а все лгут. И, возбудив народ, побили Павла камнями и вытащили за город, почитая его умершим. Когда же ученики собрались около него, он встал и пошел в город, а на другой день удалился с Варнавою в Дервию» (Деян 14:19–20). В благоговещивании Павла и Варнавы для правоверных иудаистов не было зловерного умысла. Апостолы не выступали с критикой традиционных иудаистских представлений. Напротив, они стремились подавать христианское вероучение как органическое продолжение и развитие древнееврейской истории. Не при-

зная деяний Иисуса из Назарета, правоверные иудеи могли позитивно воспринять христианские добродетели смирения, равенства, милосердия, справедливости, любви к ближнему и другие.

Однако, горделивый, националистически ограниченный иудаистский дискурс иудеев не только не позволял доброжелательно отнестись к подобным нравственным воззрениям, но вызывал у них яростный гнев и ненависть. Зверству злобных ортодоксальных иудеев не было предела. В Листре им удалось осуществить свою давнюю мечту расправиться с ненавистным апостолом Павлом. В городе прилюдно они забили мужественного воина Иисуса Христа камнями, казалось им, насмерть, а затем, как мусор, выбросили его брненное тело за городом на съедение собакам. Павел переживал свой смертный час перед лицом Господа, Который и спас его. Почему Лука в описании этой трагической истории ничего не пишет о Варнаве? Где он был? Побили его также камнями? В этом описании павлоцентристские установки Луки проявляются в полной мере.

В проповеди *Благой вести* Иисуса Христа первое миссионерское путешествие Варнавы и Павла было своеобразной разведкой боем в этнически сложном регионе, в котором им приходилось проповедовать одновременно евреям и эллинизированным сирийцам, финикийцам, грекам и др. Как отмечает Лука, свое праведное дело они «исполнили». Бог «отверз дверь веры язычникам» (Деян 14:26, 27). При этом, по-видимому, им не удалось сформировать христианскую общину, которая могла бы на многие годы служить опорной базой для распространения и утверждения христианства в этом регионе, подобно тому, как впоследствии такую роль выполняли христианские общины в Фессалониках, Эфесе и Коринфе.

Апостольский Иерусалимский Собор

Важной вехой в развитии христианства в апостольский период стал Иерусалимский Собор, который произошел в 49/50 г. По сути, на этом Соборе стоял вопрос «быть или не быть» христианству как мировой религии. Если бы победила «партия обрезания», то это означало бы тюремное заключение нового христианского мышления и морали в темницу архаической иудаистской ментальности, в которой секта христиан и погибла бы, не сумев порвать древние цепи иудейских обрядов. Поскольку Иисус Христос принял мученическую смерть на кресте не для такой мрачной перспективы и прозорливо усматривал совсем другой сценарий деяний Своих последователей, то в христианских делах Господь отдавал предпочтение Варнаве и Павлу. Лука сообщает: «Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись. Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим. Итак, быв провожены церковью, они проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили радость великую во всех братиях» (Деян 15:1–3). Изживший себя обряд обрезания, подобно якорному

грузу, тянул за собой на религиозно-мыслительное дно множество устаревших представлений и обрядовых действий, которые не вели и не могли привести к спасению, потому что не были связаны с высокой христианской моралью.

Из истории христианства мы знаем, что только совершенная добродетель ведёт к спасению, приобрести которую стоит многих трудов праведных. Из своего опыта миссионерской деятельности в многонациональной среде Павел верно знал, что лишь отказ от ограничений обряда обрезания открывает перспективы для внедрения христианского вероучения. Лука пишет: «По прибытии же в Иерусалим они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвестили все, что Бог сотворил с ними и как отверз дверь веры язычникам» (Деян 15:4). Однако сопротивление нововведениям было упорным и настойчивым. «Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев» (Деян 15:5).

Читаем «Деяния»: «Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела. По долгом рассуждении Петр, встав, сказал им: мужи братия! вы знаете, что Бог от дней первых избрал из нас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали; и Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святаго, как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, верую очистив сердца их. Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они» (Деян 15:6–11). Для всех участников Собора главным было определить волю Бога по обсуждаемым вопросам. «Долгое рассуждение» было жарким, итоги которого подвели наиболее авторитетные апостолы Петр и Иаков. Из повествования Луки следует, что Петр был не столько озабочен перспективами распространения христианского учения, сколько стремился к примирению противоборствующих сторон. Поэтому он рекомендовал смиренно следовать воле Бога, Который ему первому указал путь на приобщение к *Благой вести* Иисуса Христа язычников. «Тогда умолкло все собрание и слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников» (Деян 15:12).

В изложении Луки наиболее настроенный в сохранении иудейских традиций апостол Иаков также смягчил свое отношение к эллинизированным язычникам. «После же того, как они умолкли, начал речь Иаков и сказал: мужи братия! послушайте меня. Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое. И с сим согласны слова пророков, как написано: Потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю ее, чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий все сие. Ведомы Богу от вечности все дела Его. Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе. Ибо закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и

читается в синагогах каждую субботу» (Деян 15:13–21). Из этого повествования следует, что Иаков смягчил свои иудаистские религиозные ориентации, которые выражались в том, что поскольку Всевышний, ранее ориентировавшийся лишь на правоверных иудеев, позволил доступ к Себе язычников, то последние должны соблюдать минимальные требования иудейского благочестия.

Апостол Павел в Послании «К Галатам» сообщает важные детали этого исторического заседания: «Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению, и предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался. Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться, а вкравшимся лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас, мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас. И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека. И знаменитые не возложили на меня ничего более. Напротив того, увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных [ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников], и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности» (Гал 2:1–10). Примечательным в повествованиях Луки и Павла было то, что в заседании Собора определяющее значение имела мистическая составляющая в уяснении воли Всевышнего. Какая-либо логическая или прагматическая аргументация не принималась в расчет. Нужно было определить волю Бога в вопросе обрезания язычников и следовать Его повелению. После пылких выступлений Павла и Варнавы всем стало ясно, что им было «вверено благовестие для необрезанных».

В этом Послании Павел также указывает на принципиальное отличие христианской религиозности, как нового духовно-нравственного исповедания, от традиционных иудейских религиозных воззрений, которые проистекали из устаревшего ритуала. Он пишет: «Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостоял ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски? Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники; однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдывается никакая плоть. Если же, ища оправдания во Христе, мы

и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак. Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником. Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня. Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал 2:11–21).

Трудно переоценить значимость этого повествования апостола Павла. Апостольский собор в Иерусалиме, в ходе которого велись споры о сущности вероучения Иисуса Христа, имел определяющее значение в развитии христианских воззрений апостола Павла, потому что для него прояснилась его собственная позиция, отличная от всех Апостолов. Христианский дискурс апостола Павла определяли ценностно-мыслительные представления-установки «оправдание верою во Христа», «сораспяться Христу», чтобы жил «во мне Христос». Если для правоверного иудея первичным было ритуальное действие, то для христианина основополагающее значение должна иметь искренняя вера в деяния Иисуса Христа, т. е. духовно-нравственное учение Спасителя. Установка «сораспяться Христу», чтобы Он жил в тебе, послужит исходным основанием последующего развития христианского вероучения апостола Павла. Никаких потаённых уступок иудейству быть не должно. Своим выступлением Павел в определенном смысле свергал апостола Петра с трона главы Христианской Церкви. По словам Павла, и Варнава «был увлечен их лицемерием».

Второе миссионерское путешествие апостола Павла

По сообщению Луки, вскоре после Собора «Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, именно: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей, начальствующих между братьями» (Деян 15:22). В сопроводительном письме апостолы и пресвитеры Церкви рекомендовали новообращенным: «Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы» (Деян 15:28–29). В этой рекомендации содержатся минимальные общенравственные требования, открывающие простор для христианской проповеди.

Антиохия стала отправным пунктом второго миссионерского проекта апостола Павла, который продолжался приблизительно три года (50–52 гг.). Именно в этом одном из процветающих городов Римской империи с развитой христианской общиной произошел первый самый глубокий кризис Церкви апостольского периода. Когда Лука завершал работу над «Деяниями» в начале 60-х годов в Риме, актуальность противоборства между Павлом и Апостолами за *Истину* христианской веры была утрачена. Может быть в это время Петр и Павел сидели в темнице и готовились к мученической смерти. Поэтому муд-

рый Лука кризисное происшествие 50 года в Антиохии описал так осторожно и аккуратно. В Послании к Галатам Павел раскрыл суть своего конфликта с Петром и его сторонниками. Читаем «Деяния»: «Итак, отправленные пришли в Антиохию и, собрав людей, вручили письмо. Они же, прочитав, возрадовались о сем наставлении. Иуда и Сила, будучи также пророками, обильным словом преподали наставление братьям и утвердили их. Пробыв там некоторое время, они с миром отпущены были братьями к Апостолам. Но Силе распустилось остаться там. (А Иуда возвратился в Иерусалим.) Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя, вместе с другими многими, слово Господне. По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдём опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут. Варнава хотел взять с собою Иоанна, называемого Марком. Но Павел полагал не брать отставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело, на которое они были посланы. Отсюда произошло огорчение, так что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр; а Павел, избрав себе Силу, отправился, быв поручен братьями благодати Божией, и проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви» (Деян 15:30–41). Как мы видим, в начале самого значимого и ответственного миссионерского похода Павел практически остался в одиночестве. Лишь Сила решился сопровождать Павла. Теперь в своей проповеди *Благой вести* Иисуса Христа апостол Павел был свободен как птица. Эта история будет рассмотрена ниже на материале книги «Деяния апостола Варнавы», которая, по моему мнению, действительно была написана евангелистом Марком. Это небольшое произведение значительно расширяет представления об апостолах Варнаве и Павле и великих трудностях их миссионерской деятельности.

Уже в Ликаонии в городе Листра Павел обзавелся учеником Тимофеем, мать которого была Иудеянка уверовавшая, а отец Еллин. «Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин. Проходя же по городам, они предавали верным соблюдать определения, постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме. И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом» (Деян 16:3–5). Важно отметить, что Павел не занимался самоуправством. Он следовал предписаниям Апостолов и даже, чтобы избежать осложнений с евреями, предусмотрительно совершил Тимофею обрезание, который в Посланиях к Тимофею предстаёт главным, самым любимым и верным воином апостола Павла. Получается, что иудейский обряд обрезания для Тимофея выполнял функцию христианского крещения.

Лука в ходе повествования старался отмечать, что Господь вел и направлял Павла в его праведном деле не потаённо, а явно. Павел видел, знал и всем своим существом чувствовал поддержку Бога, Святого Духа и Ангелов, которые как бы стояли у него за спиной. Эта божественная опека придавала ему силы и уверенность, служила подтверждением того, что он всё делает правильно. «Пройдя через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Азии. Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их. Миновав же Мисию, сошли они в

Троаду. И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам» (Деян 16:6–9). Оттуда поторапливали Павла поскорее пройти Малую Азию и устремиться в Македонию. Поскольку Троада находилась недалеко от расположения бывшей древней Трои, то представляется знаковым начало христианского движения из Азии в Европу из местности, где проходила троянская война.

Апостол Павел прокладывает свой миссионерский поход из Македонии в Грецию. Отправным пунктом движения на юг стал город Филиппы, в котором Павел лишил женщину прорицательной способности, изгнав из нее беса, что вызвало негодование местных жителей. «Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их. Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду. Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их. Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели. Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали. Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь. Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись? Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой» (Деян 16:22–31). Пройдя жестокие испытания, Павлу и Силе удалось основать христианскую ячейку в Филиппах, которая станет важнейшим христианским форпостом на европейском континенте.

Организация христианской общины в Фессалониках станет одной из самых больших удач апостола Павла во всей его проповеднической деятельности. В своем Послании к своим благочестивым последователям он будет стараться их поддержать в праведном христианском служении. Читаем сообщение Луки: «Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога. Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам. И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало» (Деян 17:1–4). Из уст Павла приняли в сердце *Благовую весть* Иисуса Христа евреи, эллины и даже «знатных женщин немало».

Казалось, чуждые иудейской ментальности эллины должны были быть более агрессивными настроенными к христианским проповедям апостола Павла. Из повествований «Деяний» и Посланий апостола Павла мы видим, что эллины были более восприимчивы к христианскому благочестию и не проявляли большой враждебности к христианам, чего не скажешь о консервативно настроенных иудеях, которые предпочитали насильственными средствами прекратить «антииудаистские безобразия» Павла и его сторонников. Лука от-

мечает, что «неуверовавшие Иудеи, возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступив к дому Иасона, домогались вывести их к народу. Не найдя же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда» (Деян 17:5–6). Примечательно, что римские власти также весьма терпимо относились к христианским проповедям Павла.

Когда Павел пришел в греческий город Верия в Македонии, там происходила та же история противостояния злобным иудеям. Лука пишет: «Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, пошли в синагогу Иудейскую. Здешние были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так. И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало» Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ. Тогда братия тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю; а Сила и Тимофей остались там» (Деян 17:10–14).

Павел мужественно пошел в духовный центр языческого мира могущественной Римской империи Афины, что означало броситься благочестивой христианской грудью на хорошо философски вооруженное языческое укрепление. Лука пишет: «Сопровождавшие Павла проводили его до Афин и, получив приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились. В ожидании их в Афинах Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Деян 17:15–16). Когда Павел вошел в Афины, он увидел процветающий город, являющийся центром языческой древнегреческой культуры, жителей которого вполне устраивала древнегреческая мифология и обращаться к христианскому благочестию для них не было никакой необходимости.

Стремившийся к максимальной достоверности повествования Лука подает выступление Павла в афинском ареопаге как достаточно обыденное событие. Павел выступил перед горделивыми, философски образованными членами ареопага. Никого он не сагитировал в христианскую веру. Над ним даже высокомерно посмеялись просвещенные афиняне. Вместе с тем выступление Павла в афинском ареопаге было в высшей степени значимым в истории Христианской Церкви, потому что представляло собой первое столкновение на самом высоком философском уровне христианского и эллинистического типов мировосприятия. Философские столкновения Павла с эпикурейскими и стоическими мыслителями афинянами начались на улицах прославленного города. Лука сообщает: «Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется, он проповедует о чужих божествах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение. И, взяв его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое? Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (Деян 17:18–21).

Следует отметить своеобразие аудитории слушателей, с которой пришлось работать Павлу. С одной стороны, афиняне относились к нему высокомерно-снисходительно, как к «суеслову», говорящему ни о чем, а с другой – они были чувствительны и восприимчивы к новизне и оригинальности знания. Лука приводит лишь главные положения речи Павла в ареопаге, которая была значительно полнее. Читаем доступный нам текст от Луки: «И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и все. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род». Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого. Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян 17:22–31).

Как оратор, Павел в своем выступлении в афинском ареопаге все рассчитал правильно. Он не собирался призывать высокомерных афинян принимать христианство. Нужно было в открытой философской битве христианства и язычества придавить философствующих членов ареопага более развитыми христианскими воззрениями о природе Господа. Павел предложил на суд горделивых афинян концепцию христиански осмысленного Бога как живого, милосердного Вседержителя и Творца для всех времен и народов, по сравнению с Которым древнегреческие боги представляли забавными детьми. Чтобы связать свое выступление с христианской *Истиной*, он привел, как достоверную историю, *Воскресение* Иисуса Христа. Продвинутые в философии члены ареопага ничего не могли возразить против христианского Бога. «Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Итак Павел вышел из среды их. Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними» (Деян 17:32–34). В ранних Посланиях Павел активно развивал идею воскресения мёртвых на основе священного события *Воскресения* Иисуса Христа. Когда в поздних Посланиях на первый план вероучения апостола Павла вышли вопросы возвращения христианского благочестия, то о воскресении мёртвых он не вспоминал. По-видимому, Павлу не следовало в речи в ареопаге провозглашать идею воскресения мёртвых, которая у философствующих греков вызвала наибольшее неприятие. Теологические труды греческого святого, скрывавшегося под именем Дионисия Ареопа-

гита, католики и православные считают священными сокровищами христианской мысли.

Лука продолжает повествование: «После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф; и, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтийнина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, – потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, – пришел к ним... Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов. А когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос. Но как они противились и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам. И пошел оттуда, и пришел к некоторому чтущему Бога, именем Иусту, которого дом был подле синагоги. Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим, и многие из Коринфян, слушая, уверовали и крестились» (Деян 18:1–8). Коринф, лежащий на пересечении важнейших торговых путей, был одним из самых преуспевающих древнегреческих городов Римской империи.

Павел отчетливо понимал, что в этом городе, предоставлявшем разнообразные чувственные удовольствия, крайне необходимо организовать благочестивую христианскую общину. Там осуществление этой непростой задачи поддерживалось в полной мере. **Сам Господь явился Павлу в видении.** «Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе. И он оставался там год и шесть месяцев, поучая их слову Божию» (Деян 18:9–11). Предостережение *Оттуда* было своевременным, потому что вскоре «напали Иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону» (Деян 18:12–13). Проконсул Ахаии Галлион сказал, что он не видит злого умысла в деяниях Павла и не захотел быть судьей в этом деле. «А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том» (Деян 18:17). Как мы видим, собратья по крови иудеи были настроены к деятельности Павла враждебно и даже агрессивно, в то время как **«все Еллины»** горячо его поддерживали. Упомянув Галлиона, Лука дает возможность уточнить время происходивших событий. Галлион, брат философа Сенеки, был назначен проконсулом Ахаии в 53 г. Апостол Павел 18 месяцев упорно работал над созданием коринфской христианской общины!

Немногословный Лука одним стихом сообщает завершение второго миссионерского путешествия апостола Павла. Он пишет: «Побывав в Кесарии, он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию» (Деян 18:22). Иерусалим, в котором всё более набирала силу злобствующая иудейская «чернь», был для Павла чужим городом. Ему нужно было приветствовать головную Церковь и доложить о результатах своего благовествования в Азии, Македонии и Греции. Не Иерусалим, а процветающий античный город Антиохия стал центром Христианской Церкви.

Второй миссионерский поход апостола Павла, в ходе которого ему удалось создать систему взаимосвязанных христианских общин, служивших ос-

новой для дальнейшего развития Христианской Церкви в Малой Азии, Македонии и Греции, был одним из самых успешных. Новое христианское мышление, мораль и образ жизни прочно обосновались на обширных территориях, укреплялось и набирало силу, несмотря на активное и жесткое сопротивление ортодоксальных иудеев.

Третье миссионерское путешествие апостола Павла

Отдохнув маленько после многотрудной проповеднической деятельности, Павел отправился в третий христианский поход, маршрут которого почти совпадал с предыдущим. Это означает, что он в своем благовествовании преимущественно ставил задачи укрепления и углубления веры просвещённых им христиан. Исследователи полагают, что третье миссионерское путешествие апостола Павла происходило в 52–58 годах и было самым продолжительным. Лука сообщает, что «проведя там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников» (Деян 18:23). Вдруг в Эфесе он встретил проповедующего соперника Аполлоса.

Кто такой Аполлос, и почему он был такой умный? Читаем «Деяния»: «Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес. Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново. Он начал смело говорить в синагоге. Услышав его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень. А когда он вознамерился идти в Ахаию, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его; и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатью, ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос» (Деян 18:24–28). Меня восхищает Лука, насколько его немногословные предложения богато информативны. Всего в четырёх предложениях он выдал сущностное знание о проповеднике Аполлосе из Александрии, который был пылким («горел духом») и успешным проповедником («много содействовал уверовавшим»). При этом он смело говорил в синагоге и «сильно опровергал Иудеев всенародно» на основе глубокого знания Писания. Однако первостепенное значение в учении Аполлоса «крещения Иванова» показывает ограниченность его христианских воззрений. Из сообщения Луки следует, что в рассматриваемый период «апостолия» Павла состояла не из множества изолированных в различных городах христианских общин, а представляла собой целостную систему, в которой христиане, разделённые большими расстояниями, активно общались между собой.

Возможно достаточно уверенно допустить, что Аполлос был хорошо знаком Филоном Александрийским (как он мог быть незнаком с самым умным и знаменитым александрийским иудеем?), от которого он принял греко-иудейский философский дискурс. Скорей всего, он был талантливым учеником Филона, который пошел дальше своего учителя. Надо полагать, до пытливого, философски образованного еврея Филона христианское учение не дошло. Поэтому он остался в мыслительном пространстве Ветхого Завета и

древнегреческой философии, которые он старался синтезировать в единое целое. Вместе с тем он весьма позитивно относился к «терапевтам» (египетской форме секты ессеев), близкий к христианам образ жизни которых он описал в книге «О созерцательной жизни». По-видимому, Аполлос принял Благоую весть Иисуса Христа в свое сердце и начал проповедовать с позиции развитой иудео-греческой философии Филона Александрийского, которая существенно отличалась от павловской версии христианства. Из повествования Луки имеются основания допустить, что Аполлос в своем вероучении исходил из первостепенной значимости крещения Иоанна Крестителя. Из «Деяний» и первых Посланий апостола Павла имеются основания предположить, что Павел до этого времени не придавал существенного значения обряду крещения, который в них не упоминается и не получил какого-либо осмысления.

Какие отношения сложились между Павлом и Аполлосом? Читаем «Деяния»: «Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати» (Деян 19:1–7). Из этого повествования следует, что по прибытии в Эфес Павел неожиданно для себя обнаружил, что многие его ученики крещены Аполлосом иоанновым крещением. Апостолу пришлось их перекрещивать. При этом мистическая сила павлова крещения проявилась сразу и в полной мере.

Богатый материал по этому вопросу мы получаем от самого апостола Павла в Первом послании к Коринфянам, в самом начале которого он пишет: «Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего. Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю. Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (1 Кор 1:9–18). Это Послание существенно проясняет своеобразие жизнедеятельности коринфской христианской общины, по-видимому, в 54/55 году. Среди христиан этой достаточно представительной общины получили распространение три версии христианства – философски нагруженная Аполлоса, насыщенная иудейскими представлениями Кифы (ап.

Петра) и мистически ориентированная Павла. Из этого повествования мы узнаем, что не все его последователи проходили обряд крещения. Из Посланий апостола Павла складывается впечатление, что в обрядовой составляющей благовествования Павла первостепенное значение придавалось молитве.

Павел полагал, что в своем христианском учении ему удалось преодолеть ограниченность как рационалистического мудрствования Аполлоса, так и упрощенного иудейского мистицизма Петра. Он пишет: «Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков. Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом. От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением, чтобы было, как написано: хвалящийся хвалится Господом» (1 Кор 1:19–31). Павел утверждал, что он проповедует чистое *знание-ведение* Иисуса Христа, которое приходит ему непосредственно от Спасителя, преданным проводником и служителем Которого он себя позиционировал.

Весьма примечательно, что в отношении Аполлоса у Павла не просматривается ни враждебности, ни ревности, как к учителю сопернику. Он откровенно признается: «Ибо когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы? Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение. Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор 3:4–11).

По мысли Павла, всякое философствование есть «плотское», т. е. связано с мирским бытием, является рациональным христианским знанием, которое уступает мистическому знанию, основанному на вере, которое он всемерно старался донести до своих последователей. Вместе с тем он готов признать, что он и Аполлос делают общее благое дело, в котором он выступает основателем христианской нивы, а александрийский еврей умело ее возделывает. «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке

сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их. И еще: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны. Итак никто не хвалился человеками, ибо все ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий» (1 Кор 3:18–23). Завершая Послание, Павел открыто выражает дружеское отношение к Аполлосу. Он пишет: «А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братьями пошел к вам; но он никак не хотел идти ныне, а придет, когда ему будет удобно» (1 Кор 16:12). В Послании к Титу, написанном приблизительно в 63 году, Павел пишет: «Зину законника и Аполлоса позаботься отправить так, чтобы у них ни в чем не было недостатка» (Тит 3:13). Эта просьба Апостола показывает, что у него сохранились добрые отношения с Аполлосом до конца его жизни. В последствии Аполлос был на Крите. Предание говорит, что он был епископом в Смирне. По другому преданию, он был епископом в Кесарии.

На обратном пути в городе Эфесе Павлу удалось значительно укрепить христианскую общину, которой будет суждено сыграть важную роль в истории Христианской Церкви в I веке. В Эфесе он оставался почти три года, неустанно укрепляя и расширяя христианское пространство в Малой Азии. Лука сообщает, что «все жители Азии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины» (Деян 19:10). Это сообщение Луки показывает, что пространство миссионерской деятельности апостола Павла было значительно больше, чем мы о нем знаем по письменным источникам. По-видимому, Эфес служил своеобразной базой, из которой Апостол выстраивал различные направления своей христианской работы в Малой Азии.

Лука был глубоко мистическим человеком. Поэтому он в своем Евангелии и «Деяниях» первостепенное значение придавал мистическим событиям, которые он стремился описать максимально точно, чтобы они представляли, как мы бы сказали, достоверными мистическими фактами. Читаем любопытное повествование мудрого и проникновенного Луки: «Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них. Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует. Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, убежали из того дома. Это сделалось известно всем живущим в Эфесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса» (Деян 19:11–17). Уникальность мистической ситуации, которую описал Лука, заключается в том, что авторитет апостола Павла настолько возрос, что ведомые бесами заклинатели стали ссылаться на его могучую мистическую силу, из которой они якобы питают свои силы. Но бесы их быстро вычислили, признавая

несовместимость зловредной чувственно-вождедеющей реальности с божественной благодатью.

Лука отмечает возрастание веры христианских общинах в Малой Азии: «Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои. А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм. С такою силою возрастало и возмогало слово Господне» (Деян 19:18–20). Между тем, самое сильное сопротивление эллинов Павел встретил в, казалось, в значительно христиански окультуренном им Эфесе, потому что его проповеди подрывали веру эфесцев в многовековую святыню – храм Артемиды. Читаем повествование Луки: «В то время произошел немалый мятеж против пути Господня, ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Азии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная. Выслушав это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская! И весь город наполнился смятением. Схватив Македонян Гаия и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились на зрелище» (Деян 19:23–29). Собрание было многолюдным, беспорядочным и достаточно бурным. Лука отмечает, что все в один голос около двух часов кричали: велика Артемида Ефесская! Некоторые из Асийских начальников, будучи друзьями Павла, через посыльных к нему просили его не показываться на зрелище. С большим трудом удалось успокоить жителей Эфеса (Деян 19:30–40). Надо полагать, в этот момент Павел испытал одно из самых сильных противодействий эллинов христианской проповеди. Но отважный воин Христианской Церкви Павел, защищая идеалы *Благой вести* Иисуса Христа, мужественно противостоял буйствующей толпе.

На обратном пути в Филиппах Лука присоединился к сопровождавшим Павла, потому что на правах очевидца событий он стал употреблять местоимение «мы». Он пишет: «А мы, после дней опресночных, отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Троаду, где пробыли семь дней» (Деян 20:6). Если суммировать хронологию событий третьего миссионерского путешествия апостола Павла, то получится, что его возвращение происходило в 58 году. Он спешил быть в Иерусалиме в день *Пятидесятницы*.

Прозревая тяжелые испытания, которые ему предстояло пережить в Иерусалиме, Павел собрал «пресвитеров церкви» в Эфесе. В своей речи к руководителям христианских общин он не наставлял, не поучал, а, по существу, исповедался перед ними. Лука так описывает проникновенное выступление апостола Павла: «...он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, работая Господу со всяким смиренно-

мудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев; как я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедывал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам, «возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию. Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать». Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолился» (Деян 20:18–36).

Павел всегда был верным и мужественным рыцарем Иисуса Христа, который за *Благую весть* Спасителя был готов, не задумываясь, отдать свою жизнь. Подобно Магистру созданного им рыцарского ордена, он исповедался перед своими благочестивыми рыцарями, благословил их на ратные подвиги за правое дело Христово, а затем смиренно преклонил колени и вместе со всеми помолился. Он прозревал, что никогда уже не увидит своих христианских детей. «Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля» (Деян 20:37–38).

В Кесарии многие его ученики просили его, чтобы он не ходил в Иерусалим. Лука пишет: «А на другой день Павел и мы, бывшие с ним, выйдя, пришли в Кесарию и, войдя в дом Филиппа благовестника, одного из семи диаконов, остались у него. У него были четыре дочери девицы, пророчествующие. Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, и, войдя к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников. Когда же мы услышали это, то и мы и тамошние просили, чтобы он не ходил в Иерусалим. Но Павел в ответ сказал: что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса. Когда же мы

не могли уговорить его, то успокоились, сказав: да будет воля Господня!» (Деян 21:8–14). Апостол Павел мужественно шел навстречу суровым испытаниям. Ничто не могло остановить его в служении Господу.

После третьего христианского похода апостола Павла обустроенные им христианские общины составляли несокрушимый бастион Христианской Церкви, в ментальном пространстве которых вращивался, укреплялся и набирал силу *Дух* подлинного христианства.

Мученический период в жизни апостола Павла

Казалось, в центре христианского мира в Иерусалиме апостола Павла должен был ожидать благословенный прием за проделанную работу. Но, как он и предполагал, ему предстояла совсем другая «встреча». Лука так описывает посещение Павлом христиан иерусалимской общины: «По прибытии нашем в Иерусалим братия радушно приняли нас. На другой день Павел пришел с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры. Приветствовав их, Павел рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его. Они же, выслушав, прославили Бога и сказали ему: видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона. А о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям!» (Деян 21:17–21). Подобно прославленному римскому полководцу, Павел мог явиться триумфатором перед запуганными и приниженными дикими разбоями иудейской черни пресвитерами в Иерусалиме. Однако, он смиренно подробно доложил высокому собранию о христианском «завоевании» обширных земель Малой Азии, Македонии и Греции, а затем выказал уважение благочестивому Иакову. Судя по всему, в это время Петра и Иоанна не было в Иерусалиме. Чтобы не дразнить собак иерусалимской черни, Павел смиренно остриг себе голову.

Когда на седьмой день Павел пришел в храм, злобные иудеи сразу же вычислили его, «возмутили весь народ и наложили на него руки, крича: мужи Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие. Ибо перед тем они видели с ним в городе Трофима Ефесянина и думали, что Павел его ввел в храм. Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери. Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился. Он, тотчас взяв воинов и сотников, устремился на них; они же, увидев тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла» (Деян 21:27–32). В слепой и яростной ненависти ортодоксальных иудеев к апостолу Павлу и его деяниям проявлялась несовместимость, и поэтому нетерпимость архаического ветхозаветного мировосприятия, в котором зачатков высокой морали не просматривается, к новому высоко моральному христианскому мышлению. Первосвященники и фарисеи всячески старались следовать архаическому натуралистическому дискурсу времен Моисея, когда

после преобразований великой ментальной революции большая часть провинций Римской империи жила в гораздо более развитой социально-политической и нравственной реальности, которую значительно обгоняла *Благая весть* Иисуса Христа.

После правления Ирода I лишь римские власти и воины, выполняя полицейские функции, старались поддерживать правопорядок в Израильском государстве. «Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями, и спрашивал: кто он, и что сделал... Когда же он был на лестнице, то воинам пришлось нести его по причине стеснения от народа, ибо множество народа следовало и кричало: смерть ему!» (Деян 21:33, 35–36). У лютой иудейской черни, как и у современной, одно было на уме – смерть и разрушение, потому что ничего позитивного они не знали и не умели делать.

Тысяченачальник позволил Павлу обратиться с речью к своим преследователям, а добросовестный Лука достаточно полно её передал. Когда сделалось глубокое молчание, Павел начал говорить на еврейском языке: «Мужи братия и отцы! выслушайте теперь мое оправдание перед вами. Услышав же, что он заговорил с ними на еврейском языке, они еще более утихли. Он сказал: я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне. Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин, как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины, от которых и письма взял к братьям, живущим в Дамаске, я шел, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание. Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь. Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слышали. Тогда я сказал: Господи! что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет все, что назначено тебе делать. А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск. Некто Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске, пришел ко мне и, подойдя, сказал мне: брат Савл! прозри. И я тотчас увидел его. Он же сказал мне: Бог отцов наших предъизбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал. Итак, что ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса. Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление, и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне. Я сказал: Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его. И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам» (Деян 22:1–21). Благочестивый Павел не поучал христианской морали, не призывал к миро-

любию и любви к ближнему. Он исповедался перед неистово злобствующей толпой! В исповедальной речи Павла поразительным было то, что он сообщил, что **Иисус Христос явился ему в Храме**, отчего он тогда пришел в иступление!

По-видимому, Павел полагал, что откровенное признание о чудодейственных событиях в его жизни, которые вели его, поможет понять его образ мысли и действия мистически восприимчивым иудейским слушателям. Павел ошибся. Лука продолжает повествование: «До этого слова слушали его; а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! ибо ему не должно жить. Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух, тысяченачальник повелел ввести его в крепость» (Деян 22:22–24). Поразительно, что речь Павла, в которой он чистосердечно изложил то, что с ним произошло, вызвала такую реакцию неистовой злобы и ненависти у ортодоксальных иудеев. Павел определенно повторял путь Иисуса Христа на *свою Голгофу*. Павел прошел стадию неистовой толпы, которая стремилась его растерзать.

Следующим этапом его *страстей* стал синедрион. «Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! я всю добрую совестью жил пред Богом до сего дня. Первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал бить его по устам. Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня. Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь? Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь. Узнав же Павел, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил в синедрионе: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят. Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось. Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое. Сделался большой крик; и, встав, книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу» (Деян 23:1–9). Если Иисус Христос перед неистовой толпой и на суде синедриона хранил молчание, то Апостол не только защищался, но и бесстрашно атаковал, потому что всем своим существом чувствовал поддержку Господа. «Но как раздор увеличился, то тысяченачальник, опасаясь, чтобы они не растерзали Павла, повелел воинам сойти взять его из среды их и отвести в крепость» (Деян 23:10). Справедливый тысяченачальник спас апостола Павла от растерзания злобствующей толпы.

Когда протестантские теологи читают мистические описания в Новом Завете, их обычно передегеривает. Но глубоко мистический человек Лука в своем Евангелии и «Деяниях» описаниям мистических событий придавал особенно важное значение. Ведь он жил в самую насыщенную мистическими откровениями эпоху в двухтысячелетней истории христианства! Великая ему благодарность за этот щедрый дар своим добросердечным читателям! Читаем знаменательное откровение Господа своему любимому воину Церкви апостолу Павлу, которое тот сообщил мудрому Луке: «В следующую ночь Господь,

явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (Деян 23:11). **В который раз Сам Иисус Христос явился апостолу Павлу!** Оберегая Своего любимца Павла, Иисус Христос уведомлял его о предстоящих крутых поворотах его жизненных испытаний, о которых Апостол не мог подозревать. Получается, что Павел знал о предстоящем суде в Риме, когда он еще не был арестован.

Лука продолжает: «С наступлением дня некоторые Иудеи сделали умысел, и заклились не есть и не пить, доколе не убьют Павла. Было же более сорока сделавших такое заклятие» (Деян 23:12–13). Ненависть злобствующих иудеев не имела границ. Они жаждали крови Павла. За что? Апостол проповедовал в далекой Малой Азии и Греции бóльшей частью среди эллинов, что иерусалимским евреям должно было быть безразлично.

Если Понтий Пилат не решился освободить Иисуса Христа, то тысяченачальник был более решительным и, по сути, спас Павла, тайно отправив его в Кесарию к прокуратору Иудеи Феликсу, срок правления которого подходил к концу. Одержимый бесами первосвященник Анания со старейшинами, продолжая неистовствовать против Павла, пришел в Кесарию к Феликсу, чтобы добиться расправы над Апостолом. Примечательно, что в своей обвинительной речи сподвижник Анании ритор Тертулл назвал Павла «представителем Назорейской ереси» (Деян 24:5), что указывает, что ортодоксальные иудеи рассматривали христианство как одну из иудаистских сект, не замечая его принципиальное отличие. «Павел же, когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело. Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения. И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим народное возмущение, и не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня. Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему, написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают. Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения. При сем нашли меня, очистившегося в храме не с народом и не с шумом. Это были некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня. Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом, разве только то одно слово, которое громко произнес я, стоя между ними, что за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами» (Деян 24:10–21). Если для осуждения Иисуса Христа первосвященники изобрели обвинение в Его незаконных претензиях стать царем Иудеи, то в деяниях Павла они ничего противозаконного, служившего основанием для жестокой расправы, найти не смогли, на что в своей речи указывал Апостол. Если в натуралистически-силовой ментальности консервативных иудеев преобладающее значение имела власть *Силы*, то мыс-

ли и действия римских правителей в Иудее направляло законодательство Римской империи. Поскольку Павел был римским гражданином, то тысяченачальник и Феликс, а затем и Фест, были на стороне Апостола и определенно его защищали.

«Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест. Желая доставить удовольствие Иудеям, Феликс оставил Павла в узах» (Деян 24:27). До назначения нового римского правителя деятельному Павлу пришлось 2 года просидеть в темнице. В эти томительные для него годы ему пришлось поддерживать связь с христианскими общинами посредством Посланий. При встрече с прокуратором Иудеи Порцием Фестом (60–62 гг.) Павел «в оправдание свое сказал: я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря. ...я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева» (Деян 25:8, 10–11). На просторах Римской империи действовала власть достаточно справедливого Закона, которая обеспечивала порядок и стабильность в ее провинциях, в том числе в Иудее, Самарии и др. В полуразрушенном Израильском государстве господствовала власть *Силы*, которой умело пользовалась еврейская разбойничья чернь, наводя страх на благочестивых иудеев.

Павлу предстояла встреча с последним царем Иудеи Марком Юлием Агриппой II (27–93 гг.), правнуком Ирода Великого, который правил в Иудее и Самарии с 48 по 93 годы. Читаем «Деяния»: «Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься. Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста. И как они провели там много дней, то Фест предложил царю дело Павлово, говоря: здесь есть человек, оставленный Феликсом в узах, на которого, в бытность мою в Иерусалиме, с жалобой явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его... Агриппа же сказал Фесту: хотел бы и я послушать этого человека. Завтра же, отвечал тот, услышишь его. На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел» (Деян 25:12–15, 22–23).

Из выступления Павла перед Фестом и Агриппой II (Деян 26:1–23) следует, что он был глубоко мистическим человеком. В своей жизни он неукоснительно следовал воле Бога, служению Которому он отдавал все свои силы. В служении иудейскому Богу Вседержителю он стал злобствующим фарисеем, который со свирепой жестокостью преследовал христиан, «многих святых заключал в темницы», «по всем синагогам многократно мучил их», «преследовал даже и в чужих городах». После явления Павлу Иисуса Христа он стал мужественным и верным воином Господа. Апостол рассказал о фактических событиях своей жизни, против чего возражать было невозможно и что не заслуживало осуждения. Лука пишет: «Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до

сумасшествия. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла. Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто; ибо это не в углу происходило. Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь. Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином. Павел сказал: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз. Когда он сказал это, царь и правитель, Вереника и сидевшие с ними встали; и, отойдя в сторону, говорили между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает. И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решился правитель послать его к кесарю» (Деян 26:24–32). Ни Фест, ни Агриппа и его жена не восприняли искреннее признание Апостола. Примечательно, что Фест был готов освободить Павла.

После решения плыть в Италию на суд кесаря, Павлу пришлось пережить длительное, утомительное, временами смертельно опасное странствие на корабле в Рим. В этом морском странствии Павел, находясь на краю гибели, все время чувствовал спасительную поддержку Господа и Ангелов.

Во время пребывания в Риме Павел поучал римских евреев: «И, назначив ему день, очень многие пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божиим, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков. Одни убеждались словами его, а другие не верили» (Деян 28:23–24). Повествование Луки указывает, что в завершении жизненного пути центральное место в вероучении апостола Павла занимало учение о *Царстве Небесном*.

Завершая «Деяния», Лука написал: «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Деян 28:30–31). Находясь вдалеке от своих многочисленных христианских детей под домашним арестом в Риме в 62–63 годах, Павел напишет Послания, которые сыграют важную роль в дальнейшем развитии Христианской Церкви.

5.4. Иудео-христианский дискурс апостола Иакова

Предметом анализа Послания апостола Иакова, которое, по-видимому, было написано в конце 50-х годов, является изучение своеобразия христианской ментальности Апостола.

Апостол Иаков Зеведеев, старший брат Иоанна Богослова, родился в Палестине, был убит в Иерусалиме в 44-м году. Иисус назвал братьев Воанергес (дословно «сыновья грома»). Иакова Зеведеева также часто называют Иаковом Старшим, чтобы отличить его от апостола Иакова Алфеева и Иакова,

«брата Господня» или Иакова Младшего. Иаков наряду с братом и апостолом Петром был самым приближенным учеником Господа. Вместе с Петром и Иоанном он стал свидетелем воскрешения дочери Иаира (Мк 5:37; Лк 9:51). Только их Иисус сделал свидетелями своего Преображения (Мф 17:1; Мк 9:2 и Лк 9:28) и Гефсиманского борения (Мк 14:33). Он вместе с другими Апостолами был исполнен Святого Духа в *Вознесение* Иисуса Христа (Деян 2:1–4). Иаков активно создавал первые христианские общины. В «Деяниях» сообщается о его смерти (12:1–2), согласно которому, царь Ирод Агриппа I «убил Иакова, брата Иоанна, мечом». Исследователи полагают, что это произошло в 44 году. Апостол Иаков – единственный Апостол, чья смерть описана на страницах Нового Завета.

Апостол Иаков (*ивр.* Запинатель; «брат Господень»), Иаков Младший, Иаков Праведный) – сын Обручника Иосифа, почитается первым епископом Иерусалимским, председательствовал на Апостольском Соборе в Иерусалиме в 50 г. Во время служения Иисуса братья Иисуса не признавали Его Мессией (Мк 3:21; Ин 7:5). Иаков принял мученическую смерть: был сброшен иудеями с крыла Иерусалимского храма и побит камнями около 62 года. Библиисты полагают Иакова автором Послания Иакова. Апокрифическое Протоевангелие Иакова также приписывается Иакову Младшему.

Епископство Иакова в иерусалимской христианской общине, представители которой, надо полагать, проживали и в пригородах великого города, весьма предопределяло характер его христианского дискурса. В определенном смысле Иакову приходилось вести христианскую деятельность в самом враждебном для христиан регионе – в воинствующей иудаистской Иудее. К тому же следует иметь в виду, что в 50-е годы банды отъявленных негодяев иудейской черни практически захватили Иерусалим и Иудею. По сообщению Иосифа Флавия в книге «Иудейская война», построенные Иродом Великим Храм и роскошные дворцы в Иерусалиме в это время уже были в значительной степени разрушены. В великом городе орудовали отъявленные негодяи зелоты, которые за деньги во время религиозных праздников днем в толпе могли убить каждого. Примечательно, что до сих пор еврейские историки рассматривают жестоких бандитов зелотов главными борцами против римских властей, которые, выполняя большей частью полицейские функции, стремились навести минимальный законный порядок в почти развалившемся Израильском государстве.

Обращение Иакова в Послании в значительной степени раскрывает своеобразие его вероисповедания. Он пишет: «Иаков, раб Бога и Господа Иисуса Христа, двенадцати коленам, находящимся в рассеянии, – радоваться» (Иак 1:1). Обращение Иакова не к христианам, а к иудеям всех двенадцати колен указывает, что в его дискурсе иудейская ментальность имела преобладающее значение.

В его нравственных поучениях отчетливо просматривается стремление сохранить нравственные требования для евреев, как иудейского, так и христианского вероисповедания. Первостепенное значение Иаков придавал терпению. Он утверждал, «что испытание вашей веры производит терпение; терпе-

ние же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак 1:3–4). Пожелание Иакова быть терпеливым весьма неопределённо. По строгим христианским требованиям терпение не делает христианина совершенным, тем более «во всей полноте, без всякого недостатка». Достижение духовно-нравственного совершенства требует ежедневно многие годы больших усилий по преодолению гордыни, гневливости, достижению смирения и др.

Иаков продолжает: «Итак, братия, будьте долготерпеливы до пришествия Господня. Вот, земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний. Долготерпите и вы, укрепите сердца ваши, потому что пришествие Господне приближается» (Иак 5:7–8). Терпеть осталось недолго, успокаивает Иаков, ибо пришествие Господа приближается. В каждый момент своей жизни человек претерпевает в различной степени мужественно. Еще в VI в. до н.э. Будда глубоко и всесторонне осмыслил страдание как норму мирской жизни человека. Иаков поучает, как иудеев, так и христиан: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак 1:17).

Одним из самых сильных требований Иакова к благочестивому верующему, которое носит универсальный характер для всех вероисповеданий, является «вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак 2:17). В силу неопределённости иудео-христианского дискурса Иакова деятельность праведника может предполагать, как соблюдение иудейских обрядов, так и христианское служение. Иаков справедливо призывает к обузданию языка, который «укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда» (Иак 3:8). Это пожелание Апостола также имеет общенравственный характер.

Для развитого христианского дискурса нравственные требования апостола Иакова представляются недостаточно строго выраженными. Он пишет: «Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль. Смиритеесь пред Господом, и вознесет вас» (Иак 4:8–10). Чтобы приблизиться к Богу, пожеланий Иакова совершенно недостаточно. Его рекомендация смириться лишь перед Господом, и Тот вознесет тебя, представляется весьма ограниченным пожеланием смирения. Как мы знаем из многотрудной практики суровых православных монахов, на пути восхождения к Боговедению требуются многократно бóльшие усилия.

Иаков упоминает не христианскую, а ветхозаветную историю (Авраама, Исаака, Иова). В его Послании имя Иисуса Христа встречается лишь однажды, когда он обращается к христианам: «Братия мои! имейте веру в Иисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица» (Иак 2:1). Апостол, сохраняя ветхозаветное мировосприятие, не поучал о многотрудном возвращении христианского благочестия, об учении Иисуса Христа о *Царстве Небесном*.

Этот вывод приводит к весьма неожиданным представлениям о построении Христианской Церкви в апостольский период. Поскольку апостол Иаков,

возглавляя христианскую общину в Иерусалиме, будучи первым её епископом, продвигал иудео-христианскую версию благовествования, то становится очевидным, что иерусалимское подразделение Церкви не было ведущим в утверждении и развитии *Благой вести* Иисуса Христа. Тогда возникает вопрос, где был расположен авангард христианского подвижничества? Ответ может быть только один – в «апостолии» Павла, своеобразным центром которой была Антиохия, а также Эфес. Смягчённая иудео-христианская версия апостола Иакова вызывала зверскую ненависть у первосвященников и фарисеев. Мученическая смерть апостола Иаков за веру христианскую не даёт оснований сомневаться в его благочестии, в праведном служении Иисусу Христу.

Послание Иуды

Апостол Иуда Фаддэй, брат Иакова Алфева, проповедовал в Палестине, Сирии, Месопотамии и Аравии, принял мученическую смерть в Армении во второй половине I века.

Вошедшие в Новый Завет Послания Апостолов следует различать на концептуальные, в которых Апостол излагает основные положения христианского вероучения с целью углубления религиозных представлений и верований христиан, и рабочие, множество которых писалось для поучения верующих в решении возникавших проблем в их христианской жизни. К последним относится Послание апостола Иуды.

В начале Послания апостол Иуда указывает, что он имеет усердие написать концептуальное Послание «об общем спасении», которое до нас не дошло. Представленное Послание было написано на злобу дня для христианской общины – быть бдительными по отношению к различного рода нечестивым проповедникам разрушить веру христиан в единого Бога Иисуса Христа. Он пишет: «Возлюбленные! имея все усердие писать вам об общем спасении, я почел за нужное написать вам увещание – подвизаться за веру, однажды преданную святым. Ибо вкрались некоторые люди, издревле предназначенные к сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающиеся единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа» (Иуд 1:3–4).

Даже в этом небольшом Послании проявился высокий уровень христианского дискурса апостола Иуды, который определяли представления о любви Божией, милосердии, устремлении к вечной жизни и др. Он пишет: «А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей, молясь Духом Святым, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа, для вечной жизни. И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью» (Иуд 1:20–23).

По-видимому, в ходе миссионерской деятельности апостол Иуда проповедовал Благую весть Иисуса Христа на обширных территориях среди различных народов, долго не задерживаясь на одном месте. Поэтому его «апостолия»

не приобретала характер целостной системы христианских общин, как у апостола Павла, и была неустойчива.

Надо полагать, подобный характер носила «апостолия» апостола Андрея, который в своей проповеднической деятельности, согласно христианскому преданию, дошел до степных народов, населявших нынешнюю территорию Украины. Поэтому не сохранилось письменных источников о его деяниях.

Апостол Андрéй Первозвáнный (*др.-греч.* Ἀνδρέας, *лат.* Andreas), вместе с братом Симоном были первыми призваны Иисусом Христом на берегу Генисаретского озера. Андрей, сохраняя целомудрие, отказался от брака. Он был учеником Иоанна Крестителя. В списках апостолов, приводимых в Евангелиях от Матфея и Луки, он занимает второе место после своего брата апостола Петра. По преданию, был распят в Патрах около 67 года. Х-образный или крест называется «андреевским». Недалеко от места распятия Апостола в Патрах воздвигнут самый большой в Греции величественный собор Андрея Первозванного. При императоре Константине II мощи апостола Андрея были перенесены из Патр в Константинополь и положены в 357 году в храме Святых Апостолов рядом с мощами евангелиста Луки и ученика апостола Павла – Тимофея. После падения Константинополя в 1453 году Фома Палеолог бежал в Италию, взяв с собой забальзамированную голову апостола Андрея, которую преподнёс Папе Римскому. В Трирском соборе хранятся сандалия и гвоздь апостола Андрея. Апостол Андрей почитается основателем и небесным покровителем Константинопольской православной церкви. В 1698 году царь Пётр I учредил орден Святого Андрея Первозванного в качестве высшего ордена Российской империи –. Позднее он учредил Андреевский крест флагом русского флота. Апостол Андрей считается покровителем Греции, России, Украины, Шотландии и других, а также моряков и рыбаков.

5.5. Христианская модель апостола Петра

Апóстол Пётр († 64/67 гг. в Риме) родился Вифсаиде в семье рыбака Ионы. Первоначальное имя апостола было Симон (*ивр.* Шимон). Имя Пётр (Petrus, от *греч.* πέτρος – камень, скала) возникло от прозвища Кифа (*арам.* камень, скала), которое ему дал Иисус Христос. Он был женат и работал рыбаком вместе со своим братом Андреем. Встретив Петра и Андрея, Иисус сказал: «Идите за Мной, и Я вас сделаю ловцами человеков» (Мф 4:19). Пётр был одним из любимых учеников Иисуса. В «Деяниях» описывается, как апостол Пётр проповедовал с такой силой, что разом обращал ко Христу до пяти тысяч человек, исцелял больных и воскрешал умерших. В Католической церкви считается первым епископом, Папой Римским. По преданию, во время гонения Нерона на христиан апостол Пётр был распят на перевернутом кресте в 64/67 гг. вниз головой по его желанию. Согласно христианскому преданию, древняя римская базилика Константина располагалась над местом захороне-

ния апостола Петра. Позднее здесь же был построен ватиканский собор Святого Петра. Пётр является автором двух Соборных посланий, вошедших в Новый Завет. Апостол Пётр почитается в христианстве как один из главных Апостолов Христа. В православии и католичестве установлен праздник святых апостолов Петра и Павла как двух наиболее почитаемых Апостолов, называемых *первоверховными святыми апостолами* за особо ревностное служение Господу и распространение веры Христовой. В его честь назван город Санкт-Петербург (букв. «город Святого Петра»).

Экзистенциальный и тематический анализ жизненного пути апостола Петра после *Вознесения* Иисуса Христа позволяет выявить поворотные вехи в его духовном развитии. Согласно повествованию Луки в «Деяниях», после *Вознесения*, ведомый Спасителем и Святым Духом, апостол Пётр стал главным рыцарем апостольского движения, совершая множество чудесных исцелений и обращая в христианство многочисленных верующих. При этом он рассматривал Иисуса Христа посланцем Бога, и в его иудео-христианском жизненном мире преобладала первая составляющая, что в полной мере проявилось в 50-м году на Апостольском соборе в Иерусалиме и вскоре после него (Послание к Галатам). Надо полагать, радикальный поворот в христианском дискурсе апостола Петра произошёл достаточно поздно в середине 50-х годов (Первое Послание к Коринфянам), когда он стал активно развивать высоко-нравственное учение Иисуса Христа.

Обращение Апостола к возлюбленным духовным детям в Первом Послании указывает местоположение его «апостолии». Он пишет: «Петр, Апостол Иисуса Христа, пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, избранным, по предведению Бога Отца, при освящении от Духа, к послушанию и окроплению Кровию Иисуса Христа: благодать вам и мир да умножится» (1 Пет 1:1–2). Это означает, что в Галатии, Каппадоки, Азии и Вифинии благовествовал не только Павел, но и Пётр. Из этого следует, что новообращённые ими младохристиане интенсивно общались между собой. Передавая свой опыт христианской жизни, они взаимно влияли друг на друга. Получается, что в последнюю часть своей жизни апостол Пётр проповедовал большей частью среди язычников не только среди эллинизированных греков, сирийцев, но и кельтов, франков, фригийцев и даже степных народов в Понте, что нашло отражение в его Первом Послании, в котором иудейский дискурс практически отсутствует.

В христианской традиции, отдавая дань особого почитания заслуг апостола Петра, принято называть его первым епископом христиан Антиохии и Рима, что, на мой взгляд, является принижением его высокого авторитета первого Апостола, подобно разжалованию генерала в полковники. В иерархии Христианской Церкви статус Апостолов является самым высоким, потому что они были избраны Самим Иисусом Христом. Первых епископов поставили Апостолы. В последующей христианской истории епископов избирали иерархи более высокого ранга или на собраниях христианских общин. Поэтому римокатолики должны гордиться тем, что основателем Римской Церкви был

апостол Пётр Первозванный, хотя немалую роль в организации религиозной жизни римских христиан сыграл и апостол Павел.

В деле реконструкции генезиса христианского дискурса апостола Петра важными письменными источниками являются его Первое и Второе Послания, из которых следует, что он их написал в последние годы своей жизни. Во Втором Послании он пишет: «Справедливым же почитаю, доколе нахожусь в этой телесной храмине, возбуждать вас напоминанием, зная, что скоро должен оставить храмину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне» (2 Пет 1:13–14). В этом признании Петра знаменательно то, что Сам Господь «открыл» ему время и обстоятельства его смерти. Не столь значимо, когда и где он их написал. Важным представляется то, что в его поучениях запечатлено его итоговое понимание христианского вероучения. Первое Послание апостола Петра подводит итог его христианским воззрениям и относится к высшим достижениям христианской мысли. Это Послание можно назвать *«Христианское Завещание апостола Петра»*. Поскольку целью моего исследования является показать своеобразие христианского дискурса апостола Петра, то рассмотрим принципиальные его особенности. В христианском мышлении Апостола определяющее значение имело нравственное учение Иисуса Христа, которое для последующих поколений христиан стало образцом христианского служения.

«Устройте из себя дом духовный, священство святое»

Согласно апостолу Петру, приступая к строгому и воздержанному христианскому образу жизни, следует отказаться от соблазнительных радостей мирской жизни. Он пишет: «Ибо довольно, что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь нечистотам, похотям (мужеложству, скотоложству, помыслам), пьянству, излишеству в пище и питии и нелепому идолослужению; почему они и дивятся, что вы не участвуете с ними в том же распутстве, и злословят вас. Они дадут ответ Имеющему вскоре судить живых и мертвых. Ибо для того и мертвым было благовестуемо, чтобы они, подвергшись суду по человеку плотию, жили по Богу духом» (1 Пет 4:3–6). Апостол Пётр призывал своих возлюбленных христианских детей всемерно стремиться к духовно нравственному совершенству. Он пояснял, что «сами, как живые камни, устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Пет 2:5).

Согласно Апостолу, следует всячески освобождаться от плотских устремлений и привязанностей к мирской жизни, потому что «всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает вовек; а это есть то слово, которое вам проповедано» (1 Пет 1:24–25). Чувственно-вождемая реальность скоротечна. Лишь в Слове Господнем можно найти твердую опору. Апостол Пётр пишет: «Возлюбленные! прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу, и провождать добродетельную

жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословят вас, как злодеев, увидя добрые дела ваши, прославили Бога в день посещения» (1 Пет 2:11–12).

Далёкие к идеалу подлинной праведности первосвященники и фарисеи мыслили себя избранным народом среди всех иных народов. В христианстве, чтобы быть избранным, нужно достигнуть высокой духовности и морали. Пётр призывает христиан стремиться к предельной цели – святости христианской жизни, причастной избранному Господом народу. Он указывает, что «вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы» (1 Пет 2:9–10). «Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят» (1 Пет 1:14–16).

Достижение высокого благочестия открывает для праведного христианина *Царство Небесное*. Апостол указывает, что «к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для вас, силою Божиею через веру соблюдаемых ко спасению, готовому открыться в последнее время» (1 Пет 1:4–5). Пётр пишет: «Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью; ибо страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1 Пет 4:1–2).

Идеал благочестивой христианки апостола Петра

Несколько пожеланий апостола Петра жене-христианке и её мужу многие столетия служили требованиями к их праведной супружеской жизни. Согласно Петру, женщина не должна украшать себя внешними прикрасами, нарядной одеждой. Она должна стремиться к «нетленной *красоте* кроткого и молчаливого духа». Он пишет: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной *красоте* кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет 3:3–4).

Определяющую роль в христианском женском идеале играли – покорность, молчаливость и физическая немощь, которые долгое время выстраивали отношения женщины с мужчиной, а в настоящее время справедливо считаются неприемлемыми. Апостол пишет: «Также и вы, мужья, обращайтесь благо разумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах. Наконец будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры; не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение» (1 Пет 3:7–9). По мысли Апостола, христианское благочестие мужа и жены позволяет установить благообразные отношения между ними.

**«Уклоняйся от зла и делай добро;
ищи мира и стремись к нему»**

Благочестивый христианин должен всячески стремиться жить в ценностно-мыслительном пространстве добра и милосердия, когда окружающая внешняя жизненная реальность переполнена чувственными страстями, злом и насилием. Апостол Пётр настоятельно рекомендует: «...уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему, потому что очи Господа *обращены* к праведным и уши Его к молитве их, но лице Господне против делающих зло, (чтобы истребить их с земли). И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите в сердцах ваших» (1 Пет 3:11–15). Выстраивая свой автономный жизненный мир без зла и насилия, ты верно знаешь, что Господь поддерживает тебя в твоих милосердных мыслях и делах. Апостол пишет: «Итак, отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь» (1 Пет 2:1–3).

***Покорное повиновение господам –
норма христианской жизни***

Своеобразие христианского дискурса апостола Петра выражается в его учении о смиренной покорности внешней враждебной социальной реальности, даже когда она предстаёт несправедливым насилием. Пётр пишет: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу» (1 Пет 2:13–20). По мнению Апостола, праведный христианин должен всеми силами сохранять покой и миропорядок своего разумно-добродетельного мира от внешних зловредных вторжений. Поэтому он предлагал стойко переносить насилие властей и господина, как испытание подлинности благочестия праведника, потому что ответные действия христианина для восстановления справедливости неминуемо порушат его внутренний жизненный мир, основанный на миролюбии и любви, и отдалят его от Господа. Он пишет: «Итак страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро» (1 Пет 4:19).

Воззрения апостола Петра непротивления злу насилием разделял апостол Павел, который писал: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7:20–23). Для Павла самой главной жизненной проекцией была вертикальная устремлённость к Господу. Поэтому не столь важно, в каком социальном положении ты пребываешь. Всеми душевными силами устремляйся к горнему.

Апостол Пётр требовал от христианина быть глубоко смиренным во всех жизненных ситуациях и стойко переносить страдания. Он пишет: «Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире. Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми. Ему слава и держава во веки веков. Аминь» (1 Пет 5:6–11).

Если апостолу Павлу удалось подготовить команду деятельных учеников-помощников, с помощью которых он осуществлял текущее управление многолюдным хозяйством христианских общин в Греции, Македонии и Малой Азии, то апостол Пётр выделял лишь двоих своих возлюбленных учеников, Силуана и Марка. Он пишет: «Сие кратко написал я вам чрез Силуана, верного, как думаю, вашего брата, чтобы уверить вас, утешая и свидетельствуя, что это истинная благодать Божия, в которой вы стоите. Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой» (1 Пет 5:12–13). Получается, что Силуан и Марк были верными помощниками в деле благовествования как Петра, так и Павла. Во Втором Послании к Коринфянам Павел отмечает, что во время третьего миссионерского похода он проповедовал совместно с Силуаном и Тимофеем (2 Кор 1:19).

Второе Послание апостола Петра

Многие библеисты полагают Второе Послание подложным. Поскольку христианские дискурсы этих Посланий не противоречат друг другу и между ними просматривается концептуальная взаимосвязь, то это даёт основание считать его подлинным. Если рассматривать мыслительную взаимосвязь между Первым и Вторым Посланиями, то Второе Послание предстаёт продолжением Первого, развивая некоторые представления и переживания апостола Петра. В «Христианском Завещании», изложенном в Первом Послании, Пётр высказал основные свои мысли-пожелания последующим поколениям христиан в достижении святости. Поэтому во Втором Послании он лишь напоминает о требуемом их главном устремлении. «Это уже второе послание пишу к вам, возлюбленные; в них напоминанием возбуждаю ваш чистый смысл» (2 Пет 3:1).

«Вход в вечное Царство Господа»

Во Втором Послании апостол Пётр выстраивает логически последовательный путь к подлинному христианскому благочестию, который начинается с веры и заканчивается проникновенной любовью. Он показывает, что «вы, прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа. А в ком нет сего, тот слеп, закрыл глаза, забыл об очищении прежних грехов своих» (2 Пет 1:5–9). Согласно апостолу Петру, по мере восхождения, как по ступеням, христианского подвижника к духовно-нравственному совершенству перед ним будет приоткрываться вход в вечное Царство Иисуса Христа. Он пишет: «Посему, братия, более и более старайтесь делать твердым ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь, ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа» (2 Пет 1:10–11).

В Послании Пётр высказывает важное для христиан поучение о долготерпении Господа. Он пишет: «Не медлит Господь *исполнением* обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет 3:9). Если иудейский Бог Ветхого Завета был гневлив и скор на расправу, нередко не разобравшись, над неповинными правоверными евреями, то милосердный Иисус Христос долготерпелив. Поэтому Пётр поучает своих возлюбленных учеников: «...долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания» (2 Пет 3:15–16). Это поучение Петра представляется особенно важным, потому что содержит выражение его отношения к апостолу Павлу и оценку его христианских воззрений. Называя Павла «братом возлюбленным», Пётр демонстрирует своё добросердечное отношение к Апостолу. При этом Пётр высказывает своё несогласие с некоторыми «премудростями» Павла, называя их «невразумительными». Примечательно выражение Апостола «написал вам», что указывает на то, что объектом благовествования Петра и Павла были одни и те же христиане.

Апостол Пётр предостерегает младохристиан от упрощённых представлений божественной реальности по человеческим меркам. Он пишет: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Пет 3:8).

«Близок всему конец»

Если в Первом Послании апостол Пётр объявил своим духовным детям о приближении конца времён, то во Втором Послании эта тема получила даль-

нейшее развитие. В Первом Послании Апостол прозорливо указывал, что «близок всему конец. Итак будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (1 Пет 4:7–8). Апостолы и их возлюбленные ученики жили в особого рода экзистенциальной реальности «конца времён», когда всё в мире закончится при их жизни. Верным признаком скорого прихода конца света они полагали всеобщее падение нравов и появление порочных лидеров. Пётр предупреждает: «Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям» (2 Пет 3:3). Конец времён мыслился как глобальный природный катаклизм, который уничтожит всё на Земле. Пётр пишет: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет 3:10).

Апостол Пётр настаивает на том, что подобное воззрение представляет собой результат не хитроумных рассуждений, а есть подлинное пророчество Иисуса Христа, движимое Святым Духом. Он пишет: «Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от великолепной славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе. И притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших, зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет 1:16–21).

Когда апостол Пётр писал это Послание, он прозревал близкую свою кончину. Поэтому он писал: «Справедливым же почитаю, доколе нахожусь в этой *телесной* храмине, возбуждать вас напоминанием, зная, что скоро должен оставить храмину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне» (2 Пет 1:13–14).

Согласно мирским представлениям, жизненный путь бедного рыбака еврея Симона была неудачным. Он наивно уверовал в *Истину* проповедника Иисуса из Назарета, которого считал Сыном Бога. После мученической смерти Иисуса на кресте он уверовал в Его *Воскресение* и всю оставшуюся жизнь истово проповедовал Его учение, приняв мученическую смерть на перевёрнутом кресте в Риме. Однако в действительности, с высоты представлений мирового культурно-исторического развития Пётр Первозванный в значительной степени способствовал утверждению и распространению радикально нового типа мышления и образа жизни, который называется христианским.

За время благовествования христианские воззрения апостола Петра претерпевали существенные изменения. Первоначально после *Пятидесятницы* в христианском вероучении Апостола преобладала иудаистская составляющая. Христианская часть его проповедей сводилась к описаниям земной жизни

Иисуса Христа как посланника Бога, Его крестной смерти и *Воскресении*. В 50-е годы в христианском дискурсе апостола Петра неуклонно нарастало значение высоконравственной христианской морали, которая нашла отражение в его Первом Послании. Ареал миссионерской деятельности Апостола простирался от Понта на востоке до Рима на западе, что делает его одним из главных деятелей Церкви апостольского периода развития.

Своеобразие христианского дискурса апостола Петра выражают темы-поучения «устраивайте из себя дом духовный», «всякая плоть – как трава», «время жить по воле Божией», «долготерпение Господа», «смириться под крепкую руку Божию», «уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему», «будьте покорны всякому человеческому начальству», «обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом», «близок всему конец».

ГЛАВА 6

ГЕНЕЗИС БЛАГОВЕСТВОВАНИЯ

АПОСТОЛА ПАВЛА

Методологический анализ Павла как субъекта Посланий и проблема их создания в исторической последовательности

Приступая к анализу Посланий апостола Павла, следует прояснить своеобразие автора, как субъекта повествования, и текстов, как носителей уникального знания. В своих Посланиях Павел предстает в трех ипостасях – как христианский учитель, мыслитель-подвижник и как великий исповедник. В ходе изучения Посланий апостола Павла следует отслеживать эти три составляющие его образа. В своей жизни Павел всегда был предельно искренним человеком.

Своеобразие жизненного мира апостола Павла выражается в том, что после крещения в Дамаске он всё время на протяжении всей своей жизни видел и знал присутствие и милосердную заботу Господа здесь рядом и даже в своем разуме и сердце. Это мистическая субъективно-объективная реальность непрерывно вела и направляла его в мыслях, переживаниях и деятельности. Поэтому его Послания насыщены исповедальными откровениями, чем они существенно отличаются от Посланий других Апостолов, которые преимущественно носят назидательный характер. Блаженный Августин, будучи глубоким мыслителем, даже в своей «Исповеди» не был таким искренним и откровенным. В проповедях и посланиях христианам Августина мы не встретим той живой искренности, как у Павла, потому что он не знал своеобразной мистически-метафизической природы *знания-вѣдения*, когда Господь совсем рядом, в твоём сердце и разуме, хотя Спаситель опосредованно также вел его в мыслях, переживаниях и деяниях. Эта триединая ценностно-мыслительная структура образа Павла запечатлена в его Посланиях, которую следует иметь в виду в ходе исследования.

Наиболее сложной задачей является проследить становление и развитие христианских представлений апостола Павла. Обычно вероучение Павла подается в статике, будто сразу же после крещения в Дамаске христианская *Истина* открылась ему, и он побежал распространять ее среди иудеев и язычников. *Благая весть* Иисуса Христа никогда и никому не открывалась сразу и в полном объёме. Чтобы принять *Её* в свое сердце, нужна многотрудная продолжительная работа по *Её* осмыслению. Немногие достигают последней остановки, когда *Она* открывается христианскому подвижнику в *Своей* сокро-

венной глубине, чистоте и совершенстве. Чтобы проследить развитие христианских представлений апостола Павла, следует выстроить его Послания в хронологической последовательности, а затем проследить процесс развёртывания и углубления христианских воззрений Апостола.

Просматривается следующая динамика развития мистической мысли Апостола. После крещения в жизненном мире Павла преобладала добротной проработанная иудейская ментальность, в которой ярко светилося *Воскресение Иисуса Христа*. Основной тенденцией в генезисе христианского дискурса апостола Павла было решительное переосмысление и переход от иудейской ментальности к формированию, систематизации и развитию христианских воззрений.

Что представляло собой религиозное знание апостола Павла, запечатленное в его Посланиях? Оно было как бы лишено эмпирической основы свидетельства евангелистов. В Посланиях существует лишь несколько косвенных указаний на то, что он читал синоптические Евангелия. Павел был Господом избранный самоучка в христианстве. Он не видел при земной жизни Иисуса из Назарета. Однако, как мы знаем, Иисус Христос неоднократно являлся ему не только во сне, но и наяву. По-видимому, таких явлений Спасителя было больше, чем нам известно. Достигшие святости христианские подвижники знают, что сокровенное *знание-вѣдение* таинственным образом приходит из *Царства Небесного*. Об этом священном процессе Павел будет писать в своих Посланиях. Это означает, что учение Апостола большей частью представляет собой мистическое *знание-вѣдение*, которое он в своих поучениях умело старался выразить. Многие теологи, особенно протестантской ориентации, стремились представить учение Павла подобием религиозно-философской системы. В Первом послании к Коринфянам и других он настаивает на ограниченности подобной христианской эпистемологии.

Трудоемкая работа по выстраиванию апостольских Посланий в хронологической последовательности создания проделана, которая, однако, носит достаточно обобщенный характер. Я попытаюсь с помощью экзистенциального и тематического анализа уточнить их хронологическую последовательность. Принципиально важным в этой непростой работе из всех дошедших до нас Посланий апостола Павла найти первое, эпистемологический анализ которого позволил бы продвигаться дальше в решении этой сложнейшей задачи.

6.1. Панегирик апостола Павла Фессалоникийским христианам

Методологическая оценка Первого Послания к Фессалоникийцам

Богословы и историки полагают написание этого Послания в Коринфе в 51 году во время второго миссионерского путешествия апостола Павла. Со-

гласно повествованию Луки в «Деяниях», организация христианской общины в городе Фессалоники прошла достаточно удачно, потому что благовествование апостола Павла приняли не только иудеи, но и «немало знатных женщин». При этом благодаря снисходительной поддержке римских властей удалось не допустить агрессивного насилия злобных ортодоксальных иудеев.

Древнегреческий город Фессалоники (совр.– Салоники) был важнейшим торговым портом Римской империи. Годом ранее апостолу Павлу удалось заложить в этом городе первый христианский форпост на европейском континенте. Для укрепления христианской общины он послал своих учеников Силу и Тимофея. Когда по их возвращении Павел узнал, что вера фессалоникийцев укрепилась и число их расширилось, душа его воссияла и возрадовалась. Поэтому первое написанное Павлом Послание носит не столько поучительный, сколько благодарственно восхваляющий характер. Действительно, организация добротной христианской общины в Фессалониках была выдающимся событием в истории Христианской Церкви – христианский образ мысли, веры и благочестия уверенно вступил на европейскую землю, точнее, на греческое её основание. Ценность Первого послания к Фессалоникийцам выражается в том, что в нем нам становятся доступными искренние, самые сокровенные мысли и переживания Павла в начальный период его миссионерской деятельности. Какими они были? Чтобы не перегружать текст книги деталями, выделим главное.

**«Вы стали образцом для всех верующих
в Македонии и Ахаии»**

Читаем исповедальные размышления мужественного служителя Иисуса Христа апостола Павла: «Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших, непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцем нашим, зная избрание ваше, возлюбленные Богом братия; потому что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе и во Святом Духе, и со многим удостоверением, как вы сами знаете, каковы были мы для вас между вами. И вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго, так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии. Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Бога, так что нам ни о чем не нужно рассказывать» (1 Фес 1:2–8). Когда Павел писал, что его «благовествование было не в слове», он хотел подчеркнуть, что его священное дело не было философским морализаторством. Его доблесть была в мистической силе Святого Духа, которая должна была войти в благочестивые сердца фессалоникийцев. Душа Павла несказанно возрадовалась от того, что его выстраданная сокровенная цель была достигнута в полном объёме – подлинная христианская вера вошла в их сердца. При этом мы понимаем, что христианское мышление фессалоникийцев не было перегружено религиозно-нравственным учением Иисуса Христа. Однако Павел ясно видел и знал, что они являются незамутненными носителями христианской веры,

сокровенного *знания-вѣдения*, в чем он всемерно их поддержал и благословлял на дальнейшее укрепление и развитие их христианских устремлений. Поэтому он их называл «образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии», потому что они были таковыми. При этом Павел отмечал, что младохристианам фессалоникийцам пришлось пережить радикальный переход в мировосприятии, потому что «вы обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева» (1 Фес 1:9–10).

В своем Послании Павел настаивал, что в делах христианской веры всё должно быть предельно искренним, идти из последних глубин твоей души, как в его проповеди, так и в их сердцах. Поэтому он утверждал, что «в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства; но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши. Ибо никогда не было у нас перед вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель! Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других: мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны. Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие. Свидетели вы и Бог, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими» (1 Фес 2:3–10). Павел категорически утверждал, что в новой христианской религии всё должно быть до предела искренним, «потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу» (1 Фес 2:11–12). Когда было неясно, в чем заключается подлинность христианской веры и христианского благочестия, вера филассоникийцев выстраивалась большей частью на искренних религиозных устремлениях.

Великий исповедник апостол Павел сообщает нам важную деталь своего жизненного мира. Он пишет, что «ночь и день всеусердно молясь о том, чтобы видеть лице ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей» (1 Фес 3:10). По меркам Православия Павел был основателем великого молитвенничества, и его молитва была действенна, потому что её поддерживал Сам Господь.

Что проповедовал апостол Павел, и в чем преуспели младохристиане города Фессалоники? В ходе неустанной работы с новообращенными Павел, по сути, создавал в обширном и многообразном ментальном пространстве Римской империи необычное духовно-нравственное субпространство христианской общины, в котором должны были быть изжиты сила, насилие, чувственные страсти, устремления к обогащению и наживе, являвшиеся нормой жизни многонационального Римского государства. В Послании он напоминает, что «вы знаете, какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения,

как и язычники, не знающие Бога; чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво: потому что Господь – мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали. Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святаго. О братолюбии же нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братьями по всей Македонии. Умоляем же вас, братия, более преуспевать и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками, как мы заповедывали вам» (1 Фес 4:2–11).

По мысли Апостола, преодолевая разобщающие устремления к корыстолюбию и блуду, определяющими отношениями между членами общины должно быть братолюбие. Поскольку Павел не употребляет глубокую и проникновенную заповедь Иисуса Христа о любви к ближнему, то это даёт основание полагать, что на момент написания Послания он не читал синоптические Евангелия. Поэтому ему приходилось «заповедывать», исходя из собственного понимания сути христианского вероучения. Больше всего апостола Павла радовал результат деятельности их команды – «все вы – сыны света и сыны дня: мы – не сыны ночи, ни тьмы» (1 Фес 5:5).

Завершая душевные наставления своим христианским детям, Павел пишет: «Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем. Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла. Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес 5:15–23). Павел больше всего предостерегал всемерно избегать зла между собой и усиленно упражняться в делании добра, и тогда всё получится. Они будут жить в благодатном пространстве Иисуса Христа. Он также настаивал – «непрестанно молитесь». Православные подвижники верно знают, чтобы молитва была сильной, она должна быть сердечной и непрерывной.

«Мертвые во Христе воскреснут»

Какова конечная цель благочестивых деяний христиан, на строгом соблюдении которой настаивал апостол Павел? Зачем следует избегать соблазнительного блуда и чувственных удовольствий в этой скоротечной жизни? Творцы господствовавшего греко-римского мировосприятия убедительно утверждали – здесь, в этом мирском бытии все заканчивается. С этим роковым приговором нужно смириться и жить дальше, пока есть возможность. Павел проповедовал спасительную идею возможности воскресения при праведном образе жизни, подтверждением чему является *Воскресение* Иисуса Христа. По-видимому, во время написания Послания Павел не знал о непорочном зачатии Иисуса. Поэтому он не мыслил Его Богом, а в высшей степени благоче-

стивым человеком, которого воскресил Вседержитель. Он увещевает своих христианских детей: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак утешайте друг друга сими словами» (1 Фес 4:13–17).

Таким образом, христианское вероучение апостола Павла, преодолевая границы эллинистического мировосприятия, существенно расширяло пространство жизненного бытия верующих и открывало перспективу спасения посредством воскресения мёртвых. Отметим, что в Первом послании к Фессалоникийцам в мировосприятии апостола Павла мирские ценностно-мыслительные ориентации преобладали. Предельной целью жизни христианина он мыслил возможность воскресения мёртвых. Такое понимание сути христианского вероучения порождало существенное противоречие в жизни христианина. С одной стороны, благочестивый христианин на протяжении своей жизни должен был подавлять в себе устремления к чувственным удовольствиям и как бы выходить из мирского бытия, а с другой, – должен был всячески желать после смерти вернуться в этот чувственно соблазнительный материальный мир. Этого не видел и не понимал апостол Павел.

Второе Послание к Фессалоникийцам

Судя по всему, Второе Послание было написано вскоре после первого и в определенном смысле является его продолжением. В своем Послании Павел продолжает не столько поучать, сколько восхвалять и благодарить христиан фессалоникийцев за праведное служение Иисусу Христу. Он пишет: «Всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас, братия, потому что возрастает вера ваша, и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами, так что мы сами хвалимся вами в церквах Божиих, терпением вашим и верою во всех гонениях и скорбях, переносимых вами в доказательство того, что будет праведный суд Божий, чтобы вам удостоиться Царствия Божия, для которого и страдаете» (2 Фес 1:3–5).

Тема «воскресения мёртвых» концептуально тесно связана с темой «второго пришествия Иисуса Христа». По-видимому, ожидания скорого пришествия Господа приобрели живительное воздействие на умы христиан города Фессалоники, что Павел был вынужден остудить их пылкие настроения. Он пишет: «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели,

противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес 2:1–4). По мере нарастания нестабильности, насилия и межнациональной розни в Израильском государстве, городах Сирии и Финикии усиливались ожидания второго пришествия Иисуса Христа. Согласно Павлу, сначала должен был прийти ложный бог, «человек греха». Примечательно пожелание Павла: «...братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2 Фес 2:15). Какое предание рассказывал апостол своим ученикам? Насколько оно было полным и соответствовало евангельской правде?

Деликатный и смиренный апостол Павел

Второе Послание предоставляет важные сведения об образе Павла и характере его служения. Он искренне признается, что «вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, – не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам. Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес 3:7–10). Из этого откровения апостола Павла мы видим, что он был очень чутким и деликатным проповедником среди своих христианских детей. Не желая быть им в тягость, он «ночь и день» работал вместе с ними, чтобы не есть предоставляемый хлеб даром. При этом он всем своим поведением стремился наглядно показать образец жизни подлинного христианина, о чем он специально указывал. Завершая свое повествование, Павел предложил основополагающий принцип жизни – *кто не работает, тот не ест*, который станет основополагающим в жизнедеятельности великой державы Советского Союза.

Таким образом, анализ Первого и Второго посланий к Фессалоникийцам показывает, что в начале 50-х годов христианский дискурс апостола Павла был весьма неопределенным, в котором духовно-нравственная составляющая приобретала всё большее значение, хотя еще не получила углубленного осмысления. Об этом свидетельствует главенствующее положение в его христианских представлениях темы «воскресения мёртвых». Пожелания Апостола новообращенным христианам «непрестанно молитесь» и другие указывают, что центральное место в его благовествовании занимало всемерное укрепление и развитие искренней веры в Господа Иисуса Христа. Фессалоникийские христиане весьма преуспели в своем искреннем религиозном порыве, за что Павел их хвалил и поддерживал. При этом следует учитывать, что благохвальный характер Посланий к Фессалоникийцам не позволил проявиться христианским воззрениям Апостола в полной мере. Важным достоинством Павла было искреннее, деликатно-благожелательное отношение к своим духовным детям, которое будет только нарастать.

6.2. Послание апостола Павла к Галатам

Во втором миссионерском путешествии Павел прошел через Галатию. Галатия или Восточная Галлия была весьма примечательным регионом в Малой Азии, расположенным по соседству с Фригией. Эти земли были завоеваны воинственными племенами гальского и кельтского происхождения в III в. до н.э. После непродолжительного сопротивления Галатия в 26 г. стала провинцией Римской империи, которую также называли Галло-Грецией. Своеобразие и трудности христианской проповеди апостола Павла в этом регионе заключались в том, что в ментальности жителей этой области, судя по всему, иудейская составляющая не занимала большого места. Нужно было обратить в христианскую веру эллинизированных язычников галлов и кельтов, а также просвещённых греков.

По-видимому, апостол Павел написал Послание к Галатам вскоре после Апостольского собора во время пребывания в Антиохии в 52-м году, когда его больше всего беспокоили отношения с большинством Апостолов во главе с Петром и Иаковом, которые проповедовали иудео-христианскую версию христианства. Поскольку, надо полагать, среди младохристиан ходило много слухов о разногласиях между Апостолами, особенно в Галатии, то Павел решил довести до своих подопечных свою позицию в непростом вопросе христианского вероучения.

Противостояние апостола Павла иудействующим христианам

Апостол был удивлен и обеспокоен тем, что проповедники учения иудействующих христиан весьма преуспели среди галатов, которые так скоро стали переходить к иному благовествованию (Гал 1:6). Он пишет: «Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас» (Гал 4:11). Это подвигло Павла сообщить своим последователям о своем трудном пути проповеди христианского вероучения, о чем отмечалось в 4-й главе (4.2), (Гал 1:17–20; 2:1–21). Павел указывает: «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (Гал 1:11–12). Своеобразие христианского дискурса апостола Павла выражалось в том, что он был совершенно уверен, что всё христианское знание, которым он располагал, пришло от Самого Иисуса Христа. Поэтому он мыслил себя носителем достоверного *знания-вѣдения*, совершенной *Истины*, которая не требует ни обоснования, ни доказательства. Это знание выше всякого философского мудрствования. В своих поучениях для него было важно передать это сокровенное знание в доступной для понимания форме своим духовным детям, потому что *знание-вѣдение-переживание* временами трудно было выразить в словесном виде.

В середине 50-х годов Павел знал земной путь Иисуса Христа, запечатленный в синоптических Евангелиях. Однако последние не служили для него

первоисточником знаний о Спасителе, хотя в действительности он не мог их не использовать в своей проповеднической деятельности, что косвенным образом проявляется в его Посланиях. Однако в своих Посланиях он нигде не ссылается на евангелистов, потому что он верно знал, что христианская *Истина* ему приходила непосредственно от Иисуса Христа, Который мистическим образом вел и направлял все его мысли, переживания и деяния. Павлу не требовалось какого-либо рационального обоснования *Правды* его учения, потому что он полагал себя верным рабом и мужественным воином Иисуса Христа, разумом и деяниями которого Спаситель творит то, что нужно делать. Павел делает важное признание: «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня. Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал 2:19–21). Закон Моисея умер в сердце ранее неистового фарисея Савла. Когда он «сораспялся Христу», только Спаситель жил в его сердце. Это важное признание Апостола означает, что он вышел из ментального пространства традиционной иудейской религиозности и пребывал преимущественно в христианском жизненно-религиозном бытии.

Послание к Галатам требует обратиться к экзистенциальному анализу ситуации, сложившейся в Христианской Церкви в 50-е годы. В эти годы Апостолы в ходе неустанной миссионерской деятельности значительно укрепили и расширили пространство *Благой вести* Иисуса Христа среди христианских общин не только в Израильском государстве, но и за его пределами. Каждый Апостол наработал свой ареал христиански окультуренных земель, в котором другим Апостолам не было необходимости что-либо делать. Таким образом, Христианская Церковь в этот период представляла собой весьма неупорядоченное множество «апостолий» Апостолов, в которых, надо полагать, христианское вероучение весьма различалось, потому что единого христианского учения еще не было создано. Определенно можно сказать, что в тот период в христианских поучениях практически всех Апостолов иудейская ментальность Ветхого Завета занимала значительное место. Из весьма отрывочных сведений о деяниях большинства Апостолов, основывающихся преимущественно на христианских преданиях, можно заключить, что, по сути, они были христианскими странниками, которые активно проповедовали *Благую весть* Иисуса Христа на обширных территориях, долго не задерживаясь на одном месте и систематически не занимаясь управлением и развитием созданных христианских общин. Этой кропотливой, порой неблагодарной работой занимался только апостол Павел.

Среди всех Апостолов энергичный и деятельный Павел был наиболее успешным, потому что его ареал христиански окультуренных земель был самым обширным и возделанным. При этом он был самым сложным, потому что был многонациональным и преимущественно языческим. Изучение географии трёх миссионерских путешествий апостола Павла показывает, что второй поход был существенным расширением первого, а маршрут третьего почти повторял предыдущий. Это означает, что Апостол в своей миссионерской дея-

тельности не столько стремился к христианскому освоению новых языческих территорий, сколько весьма успешно занимался укреплением и развитием христианских общин в окультуренном ареале его «апостолии», в котором господствовала разработанная им христианская модель. Она существенно отличалась от благовествования других Апостолов тем, что в ней всё время уменьшалась значимость иудаистской ментальности за счет наращивания, углубления и развития нового христианского мышления, морали и образа жизни павловских христиан.

В начале Послания к Галатам Павел изложил свою версию происходившего на Соборе апостолов в Иерусалиме, а затем описал столкновение в Антиохии с Петром и практически отсутствие его взаимоотношений с Апостолами. При этом он клялся «в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу» (Гал 1:20). Поскольку в это время Лука только собирал материал для своих «Деяний», то христиане Церкви судили о разногласиях на Соборе лишь по разноречивым слухам. Павел называл ложными пророками учеников-последователей самих Апостолов (Иакова и др.), которые навязывали иудео-христианскую версию *Благой вести* Иисуса Христа. Против нее решительно боролся апостол Павел в своих Посланиях. Ясно, что с содержанием практически всех Посланий Павла знакомилась все те Апостолы, кто трудился по близости.

Примечательно замечание апостола Павла: «Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен» (Гал 1:22). Из этого признания Апостола следует, что для него христианские общины, расположенные на территории Израильского государства были чужими, куда он не стремился заходить.

Жить «по духу» и жить «по плоти»

Павел задался разрешением важнейшего для него вопроса – чем отличается образ жизни христиан от всех остальных жителей Римской империи, в том числе правоверных евреев? Ему пришла сильная идея, которую он углублял и прорабатывал в последующих Посланиях, – христиане должны жить «по духу», в то время как все остальные живут «по плоти». Поэтому он настоятельно рекомендовал галатам: «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы. Если же вы духом водитесь, то вы не под законом. Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны,] ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Гал 5:16–23).

Жить «по плоти» означает существовать в чувственно-вождеющем пространстве мирского бытия, в котором ненасытные жажда блуда, наживы, чревоугодия являются предельными жизненными целями и устремлениями. Их обычно сопровождают вражда, насилие и т. п. Для правоверных христиан

дела плоти – это чуждое и вредоносное жизненное бытие. Они «распяли плоть со страстями и похотями» (Гал 5:24). Жить «по духу» означает всемерно стремиться к духовно-нравственному развитию, всё время заниматься благочестивым самосовершенствованием. Павел категорически утверждал: «Если мы живем духом, то по духу и поступать должны» (Гал 5:25). Жить «по духу» означает – постоянно и неуклонно творить добро среди людей и для людей. С точки зрения философской антропологии эти поучения мудрого и проникновенного апостола Павла являются одним из высших достижений его философской мысли, которое в настоящее время тотальной духовно-нравственной деградации большей части человечества приобретают первостепенную актуальность.

Христианин, живущий «по духу», должен всемерно следовать заповеди любви к ближнему. В Послании к Галатам апостол Павел объявит знаменитую заповедь Иисуса Христа основополагающим законом христианской жизни – «весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя» (Гал 2:14). Из этого высказывания Павла следует, что в начале 50-х годов он руководствовался неким христианским Законом и его главной заповедью, которые содержались в Евангелии от Матфея, что было известно не только ему и многочисленным христианам в его «апостолии».

Павел делает суровый, но справедливый приговор: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал 6:7–8). Каждый несет ответственность за свои мысли и действия, «каждый понесет свое бремя» (Гал 6:5). Человек свободен выбирать образ жизни «по плоти» или «по духу». Однако, согласно Павлу, существует внешняя справедливая и строгая оценка деятельности каждого человека Господом, избежать которой никому не удастся. Это представление Апостола получит дальнейшее развитие в его Посланиях.

Тема «обрезания»

В свете возвышенной христианской духовно-нравственной позиции апостола Павла в полной мере проявляется плотская ограниченность иудаистской доктрины обрезания. Он пишет: «Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон. Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры. Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Гал 5:2–6). Все деяния в мирском бытии, не одухотворяемые высокой христианской моралью, не имеют никакого значения. Всё в мире имеет ценность и значение, если оно определяется благодатью Божией, «действующей любовью». «Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в ва-

шей плоти. А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира. Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь» (Гал 6:12–15). Подобными рассуждениями Павел ставил крест на ортодоксальной иудейской религиозности. Для него обрезание стало мирским делом, не имеющим религиозного значения.

Таким образом, в генезисе христианского дискурса апостола Павла значимость Послания к Галатам выражается как в обособлении от иудео-христианского истолкования вероучения Иисуса Христа, которая была весьма влиятельна среди иудеев-христиан в Галатии, так и в формировании и развитии в христианских общинах христианских духовно-нравственных устремлений «жить по духу».

6.3. Первое послание к Коринфянам – религиозный прорыв апостола Павла

Методологическая оценка Первого послания к Коринфянам

Надо полагать, в определенном смысле 57 год стал поворотным в духовном развитии и в миссионерской деятельности апостола Павла. До этого времени он преимущественно жил и работал в режиме реального времени, занимаясь большей частью организацией христианских общин и решением возникавших текущих проблем. Во время пребывания в Эфесе до Павла дошло неприятное известие о раздорах в коринфской христианской общине по фундаментальным вопросам христианского учения, которые, судя по высокой эмоциональности этого Послания, крайне его обеспокоили. Поскольку он не мог нарушить разработанный план своего большого пастырского похода, то он решил написать обширное Послание по основным вопросам христианского вероучения и нравственному закону жизни благочестивых христиан, которое должен был доставить и одновременно провести просветительскую работу его главный воин-сподвижник Тимофей. В конце Послания Павел пишет: «Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. У вас же, может быть, поживу, или и перезимую, чтобы вы меня проводили, куда пойду. Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит. В Эфесе же я пробуду до Пятидесятницы, ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много. Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я. Посему никто не пренебрегай его, но проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братьями. А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братьями пошел к вам; но он никак не хотел идти ныне, а придет, когда ему будет удобно» (1 Кор

16:5–12). Отметим бережное отношение Павла к своему основному посланнику Тимофею, а также его дружественное отношение к Аполлосу.

Коринф, лежавший на пересечении многолюдных торговых путей Римской империи, был одним из процветающих городов Древней Греции, в пестром многонациональном населении которого Павлу удалось организовать христианскую общину. В сложившейся системе христианских общин, находившихся под его деятельной опекой, коринфская община занимала одно из важнейших мест. Было бы обидно, если бы с таким трудом взлелеянное христианское детище перестало существовать. Возникшая кризисная ситуация среди коринфских христиан подвигла апостола Павла к активной рефлексивной работе по осмыслению природы развивающегося христианского комплекса, а также ему стало очевидным, что следует всемерно защищать созданную им сложную систему христианских общин («апостолию») от «набегов» иных пророков и проповедников. Целью настоящего исследования является выявить своеобразие христианского дискурса Павла образца 57-го года, запечатленного в Первом Послании к Коринфянам, а затем по мере выстраивания Посланий в хронологической последовательности проследить его развитие.

Раскол в коринфской христианской общине

Как отмечалось в 4-й главе (4.2), пребывая в Эфесе, Павел узнал, что в коринфской христианской общине нет единства в понимании христианского вероучения. В самом начале Послания к Коринфянам он пишет: «Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (1 Кор 1:10–13). Павел настаивал – все христиане должны быть соединены в одном духе и в одних мыслях.

По мнению Павла, самой главной проблемой коринфской христианской общины на тот момент был раскол верующих на четыре группы – его сторонников («я Павлов»), философствующих («я Аполлосов»), иудействующих («я Кифин») и «а я Христов». Позиция последней группы христиан-раскольников не ясна. По-видимому, они по своим христианским воззрениям примыкали к «павловцам». Целью Послания было вернуть своих заблудших христианских детей в лоно монолитной «апостолии» Павла, которую он с таким трудом выстраивал. Он пишет: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (1 Кор 12:13). Среди апостолов Павел отстаивал представление универсального характера *Благой вести* Иисуса Христа, которая была обращена ко всем людям независимо от их этнической принадлежности и социального положения.

Своеобразие благовествования апостола Павла

Своеобразие проповеди апостола Павла выражалось в том, что он стремился не столько достучаться до разума своих слушателей, сколько, чтобы его *вера-знание* вошла в их пламенные сердца. Надо полагать, наибольшее впечатление на духовных детей Апостола производила его предельная искренность в словах, в делах, в отношениях с людьми. Он пишет: «И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1 Кор 2:4–5). Мистика сокровенного *знания-вѣдения* имела определяющее значение в жизни Павла и в его проповедях.

Сложившаяся весьма напряженная религиозная ситуация в коринфской христианской общине подвигла Павла на прояснение вопроса о своеобразии того знания, которое он проповедует. В Послании он размышляет: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1 Кор 2:6–11). Павел полагал, что то знание, которое он проповедовал, было знанием высшего порядка, пришедшим *Оттуда*, которое не подчиняется рациональному обоснованию и осмыслению.

В чём состояло своеобразие этого мистического знания, следовало ещё прояснить. Для него было совершенно очевидным, что современная философия была отягощена мирскими представлениями. Павел отмечает: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (1 Кор 3:20). Философские построения не только «суетны», они существенно упрощали представления о природе божественной реальности. Он поучал: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор 3:19). На своем опыте Апостол верно знал духовную мощь *Благо вести* Иисуса Христа. Поэтому он писал: «Царство Божие не в слове, а в силе» (1 Кор. 4:20). Мистическая сила *Царства Божия* всеобъемлюща. Ей подвластно всё. Согласно Павлу, каждый христианин должен непоколебимо стоять на том, что «у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1 Кор 8:6). Павел указывал, что его версия христианского учения единственно правильная. «Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор 2:15–16). Апостол полагал, что «ум Христов» ему открылся в полном объёме.

Павлу казалось, что установившаяся душевная связь между ним и коринфскими христианами оказалась под угрозой. Поэтому он решил в Послании осмыслить характер их отношений, будучи, как всегда, предельно искрен-

ним. Он пишет о бережной опеке своих духовных детей: «И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?» (1 Кор 3:1–3). Деликатный учитель Павел осторожно указывал своим христианским детям, что к подлинному пониманию христианского вероучения им еще далеко, потому что они, связанные мирскими связями и отношениями, еще большей частью плотские. *Истина* Иисуса Христа открывается только подвижникам чистым духовно и телесно. «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (1 Кор 8:8). «Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!» (1 Кор 4:8).

Павел также отмечал, что понимание «тайн Божиих» приходит младохристианам первоначально только через учителей-домостроителей. «Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих» (1 Кор 4:1). При этом от всех требуется только одно – искренняя вера, что означает, что все свои мысли, переживания и действия следует соотносить с волей Господа. «От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным. Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь. Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1 Кор 4:2–5). Таким был апостол Павел. Исходя из своего вероисповедального опыта, он поверяет, что, когда придет Господь в твое сердце, всё скрытое во мраке твоей жизни будет освещено и прояснится. Апостол признается своим прихожанам, что поскольку он призван к благовествованию, то другой жизни для него не существует. «Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!» (1 Кор 9:16).

Обобщая свой опыт благовествования, Павел приступает к осмыслению природы христианской ментальности при сопоставлении её с господствующим мирским бытием Римской империи. Он пишет: «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже доньше терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доньше. Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (1 Кор 4:9–16).

Павел мыслил себя последним (самым главным!) приговоренным к смерти воином Иисуса Христа. В воззрениях обывателей христиане безумны, немощны, в бесчестии, сор для мира в повседневной жизни, но, по словам Апостола, именно христиане обладают подлинной жизнью, мудростью и славой в Господе. В этом Послании Павел начинает прорабатывать вопрос о несовместимости христианского жизненного мира с мирским бытием обывателей Римской империи.

Универсальная любовь ко всему сущему – высшее духовное устремление в человеке

По мысли апостола Павла, универсальным принципом построения жизненного мира христианина, его фундаментальным основанием, должна быть любовь ко всему в мире. Он проникновенно пишет: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1 Кор 13:1–10). Апостол Павел, опираясь на заповедь Иисуса Христа, первый начал учить о христианской любви как основополагающей добродетели христианского жизненного мира. Подлинная христианская любовь преобразует христианина и его отношение к миру. Если мирская любовь эгоистична, ревнива, нетерпима, завистлива, то, по словам Апостола, христианская любовь имеет совершенную природу, в которой не может быть зла и ненависти.

Если у христианина искренней любовной устремленности ко всему сущему нет, то в его вероисповедании ничего не получится. «Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать» (1 Кор 14:1). Любовное чувство, любовная устремленность – это высшее выражение духовности в человеке, которую следует всемерно развивать. Ведь подлинная любовь и подлинная духовность – это предельная устремленность к Богу, Святому Духу, Царству Небесному. Павел пишет: «Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным» (1 Кор 2:12–13). Согласно Павлу, подлинная христианская духовность и знание проистекают от Бога. Обыденное мировосприятие происходит как бы «сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор 13:12). Павел призывал своих прихожан: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. Все у вас да будет с любовью» (1 Кор 16:13–14).

Павел и Апостолы

Павел чувствовал себя отчужденным среди сообщества заслуженных Апостолов. Он пишет: «Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1 Кор 15:3–10). Павел верно знал, что его значимость, как Апостола, определяется беззаветным служением Иисусу Христу. Это придавало ему силы и уверенность, что благодать Божия была с ним и внутри него, и потрудился он больше их.

Павел сообщает о каком-то Писании, в котором была изложена священная история. Ясно, что это «Писание» не имеет отношения к книгам Ветхого Завета. Отсюда следует, что Павел называл «Писанием» Евангелия от Матфея, Марка и Луки, потому что только в них была записана эта священная христианская история. Благодать Божия вела его по жизни («которая со мною»). Это означает, что в его благовествовании сокровенное *знание-вѣдение* приходило ему непосредственно от Самого Господа. Он искренне признается: «И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого, и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете» (1 Кор 2:1–3). «Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали» (1 Кор 15:1–2).

Душевное и духовное в человеке

В духовной жизни человека Павел старается выделить и осмыслить особого рода реальность христианского благочестия. Он пишет: «Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: первый человек Адам стал душею живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное. Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного. Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» (1 Кор 15:44–50). В жизни человека душевное связано с его плотским существованием, носит мирской характер. Поэтому оно преходяще, тленно. Экзистенциальная реальность совершенного благочестивого человека (его душа) причастна к природе Свя-

того Духа. Поэтому она вечна и нетленна. Павел утверждал, что «соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор 6:17). Последующее развитие сурового монашеского движения в рамках Православной церкви в полной мере подтвердило прозрение Апостола, одним из проявлений которого являются нетленные мощи достигших святости монахов.

Павел отчетливо видел и понимал, что коринфские христиане существенно различаются по глубине своей веры. Поэтому он открыто указывал: «Отрезвитесь, как должно, и не грешите; ибо, к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога» (1 Кор 15:34). Павел перечисляет арсенал средств, который должен служить для укрепления христианской веры у его духовных детей. Он пишет; «Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию» (1 Кор. 14:26).

«Бегайте блуда»

Одной из главных угроз для праведной жизни христианина Павел усматривал в похотливых желаниях и устремлениях как мужчин, так и женщин. Для девственника Павла сексуальные отношения желательно было бы вообще упразднить. Но поскольку такое сделать было невозможно, то следовало обеспечить оптимальную их регуляцию. Апостол рекомендует своим духовным детям, что «хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена» (1 Кор 7:1–4).

Предметом особой заботы Павла были безбрачные вдовы, вкушившие сладостей сексуальной жизни в семье. Поэтому он наставляет: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться. А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, – если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей» (1 Кор 7:8–11).

По его мнению, лучше для христианки сохранять девственность или быть незамужнею, чтобы в полной мере служить Господу телом и духом. «Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения. Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть таковые выходят замуж. Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою девицу, тот хорошо поступает. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает

лучше. Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе» (1 Кор 7:33–39). Семейная жизнь привязывает к мирскому бытию и приносит христианам дополнительные скорби. Он пишет: «Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным. По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль. Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1 Кор 7:25–29).

Апостол Павел рекомендовал следовать заповеди: «Бегайте блуда» (1 Кор 6:18). Апостол Пётр, может быть прочитав Первое послание к Коринфянам апостола Павла, в работе над своим Посланием размышлял должном характере отношений между мужем и женой в христианской семье. По мнению Петра, семейные отношения должны определять христианские добродетели милосердие, дружелюбие, сострадание, единомыслие и другие (1 Пет 3:7–9). Девственник апостол Павел полагал, что в отношениях между христианами мужчинами и женщинами, прежде всего, следует контролировать эротические желания тех и других, особенно вдов.

Тема «обрезания»

Тема «обрезания» имела основополагающее значение в системе иудаистской ментальности. Поэтому в ходе формирования христианского жизненного мира христиане испытывали настоятельную потребность определиться своё отношение к этому важнейшему иудаистскому императиву. Большинство Апостолов полагало, что обряд обрезания следует сохранить и для христиан. Апостол Павел утверждал, что для христианского образа жизни обрезание утратило своё значение. Когда суть христианской жизни составляют духовно-нравственные ценностно-мыслительные представления и устремления, то плотские связи и отношения теряют всякое значение. Для христианина сделать обрезание или его не делать равносильно изменить прическу. Павел пишет: «Обрезание ничто и необрезание ничто, но все в соблюдении заповедей Божиих» (1 Кор 7:19). Соблюдение заповедей Божиих, которые носят духовно-нравственный характер, лишает обрезание какого-либо значения. Ссылаясь на «заповеди Божии», Павел имел ввиду заповеди Иисуса Христа. Где эти заповеди были записаны? Это высказывание Апостола косвенно указывает на Евангелие от Матфея, которое в 50-е годы выполняло функцию христианского Священного Писания.

Павел о «воскресении мёртвых»

В самом начале миссионерской деятельности в первоначальной концептуальной христианской модели Апостолов центральное место занимало

наиболее впечатляющее *Воскресение* Иисуса Христа. Надо полагать, это беспрецедентное событие, очевидцами которого они были, производило наибольшее впечатление на слушателей. Все остальное в христианском вероучении выступало как бы приложением к первостепенно значимому. Исходя из этого признанного христианами *Воскресения* Иисуса Христа, апостол Павел делал обобщающий вывод о возможности воскресения мёртвых. Иисус как бы протоптал дорожку для последующих поколений христиан. В Первом послании к коринфянам Павел пишет: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскресил, если, то есть, мертвые не воскресают; ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его» (1 Кор 15:13–23). «По рассуждению человеческого, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» (1 Кор 15:32).

В вопросе о воскресении мёртвых проявляется недопонимание Павлом сути *Благой вести* Иисуса Христа, основывающейся на первостепенном значении для христианина устремления к *Царству Небесному*. Основным устремлением благочестивого христианина в мирском бытии выступает всемерное умерщвление чувственно-вожделирующих желаний, являющееся подготовкой к блаженной жизни в *Царстве Божию*. Зачем воскресать и возвращаться в этот мир, в котором ты не должен жить полноценной чувственной жизнью? Этого не понимал апостол Павел, хотя и проникновенно учил о необходимости обуздания плотских желаний в этом же Послании. Он писал: «Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор 6:9–10). По мнению Павла, тело человека предназначено не для чувственных наслаждений, а для воскресения. «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею» (1 Кор 6:13–14).

Жизнь на пределе: «Я каждый день умираю»

Чтобы жить в Господе, нужно жить на пределе твоих духовных и жизненных возможностей. Павел жил в Господе с момента крещения и до усекования мечом, не давая слабину в каком-либо из дней своей подвижнической жизни. Читаем исповедальное размышление апостола Павла: «Так и Господь

повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования. Но я не пользовался ничем таковым. И написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1 Кор 9:14–15, 22–23). В своем праведном служении апостол Павел мужественно сражался за жизнь и спасение каждого христианина.

В этом сердечном откровении Апостол высказал основной принцип его жизни – «будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести». Действительно, освободившись от оков традиционной иудейской ментальности, которая весьма ограничивала христианское миропонимание других Апостолов, Павел был вольным проповедником *Благой вести* Иисуса Христа. Однако, поскольку он в своей миссионерской деятельности отдавал всего себя без остатка, то и приобрел больше всех христианских детей. В отношениях с Апостолами, которые выступали законными наследниками и продолжателями дела Христова, Павел всегда чувствовал некоторую неполноценность своего статуса, что, надо полагать, весьма способствовало активизации его проповеднической деятельности. Он пишет: «Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе? Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства – вы в Господе» (1 Кор 9:1–2). Все мысли, переживания и деяния Павла были устремлены к Господу. Для него все было ради Него. Он успокаивался и духовно блаженствовал, когда его духовные дети пребывали в благостном пространстве Иисуса Христа. Он сообщает, что «я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом» (1 Кор 5:3).

Жить на пределе означает иметь в душе только высшие образцы, ставить перед собой цели духовно-нравственного совершенствования, к которым всё в твоей жизни устремлено. В жизни апостола Павла всё было подчинено и устремлено к Господу Иисусу Христу. Таким он был, так он жил. Поэтому он говорил: «Я каждый день умираю» (1 Кор 15:31). Он писал: «Будьте подражателями мне, как я Христу. Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам. Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог» (1 Кор 11:1–3).

«Скрижали сердца» апостола Павла

В Посланиях апостола Павла особенно впечатляют его предельно искренние откровения, в которых он исповедует глубины своей души на момент написания Послания, как перед Богом, так и перед своими духовными детьми. Своим коринфским детям он пишет: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (2 Кор 2:4). Из общения с Павлом коринфские христиане знали, что его душевная любовь к ним истекает на них из последних глубин его благостного сердца. «Я много надеюсь на вас, много хвалюсь вами; я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей

скорби нашей. Ибо, когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи. Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита, и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас, пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне, так что я еще более обрадовался» (2 Кор 7:43–47). При этом ответной столь пылкой, как у него, христианской любви от опекаемых им христиан он не получал. Павел пишет: «Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, не смотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами» (2 Кор 12:15). «Я же, Павел, который лично между вами скромн, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым» (2 Кор 10:1).

Апостол Павел жил на пределе своих физических и душевных возможностей. Он пишет: «Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготe. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук» (2 Кор 11:23–32). Трудно понять и прочувствовать жизненную реальность апостола Павла во время его благовествования, когда внешние социальные отношения представляли для него враждебную реальность, временами угрожающую его жизни. Несмотря на грозные опасности, он мужественно проповедовал *Благую весть* Иисуса Христа. Когда Павел шёл с христианской проповедью в синагогу, он верно знал, что бóльшая часть присутствующих иудеев его яростно ненавидят и открыто желают его смерти. Злобная ненависть иудаистов к речам бывшего книжника-фарисея многократно возрастала из-за того, что в словесных баталиях Павла было переспорить невозможно, потому что ортодоксальную иудаистскую традицию он знал больше, чем кто-либо из них. Только лишив жизни, можно было победить апостола Павла.

Испытывая физическую немощь, временами близкую к смерти, Павел всем своим существом чувствовал мощную духовную поддержку Господа, что позволяло ему жить на пределе своих возможностей. «Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен. Я

дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили. Вам бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто. Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знаменами, чудесами и силами» (2 Кор 12: 9–12). Павел верно знал, что «любовь Христова объемлет нас» (2 Кор 5:14). Он указывал, что «мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем» (2 Кор 10:3). «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца. Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа, не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор 3:2–6). Апостол Павел жил в духе Иисуса Христа, Который его животворил.

В апостольский период становления Христианской Церкви апостол Павел был главным локомотивом в её развитии. Его безграничная самоотдача и высокая духовность в служении Иисусу Христу способствовали организации многочисленных христианских общин на обширных территориях Малой Азии, Македонии и Греции. Коринфским христианам он признаётся: «...я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов: хотя я и невежда в слове, но не в познании. Впрочем мы во всем совершенно известны вам» (2 Кор 11:5–6).

«Где Дух Господень, там свобода»

Как покажет дальнейшее развитие западноевропейской цивилизации, христианское мировосприятие обеспечит невиданное развитие «свободных творческих умов» (поэтов, художников, музыкантов и композиторов и др.), которое вдохновляло их в своих произведениях достигать самых высоких вершин человеческого *Духа*. Первые ступени духовно-нравственного развития закладывал иудей апостол Павел. Он указывал: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода. Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3:17–18). Христианство – это благоухание *Духа* Иисуса Христа. Читаем замечательную мысль апостола Павла: «Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих» (2 Кор 2:14–15). Он справедливо утверждал, что мы «проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе» (2 Кор 2:17).

По мере нарастания демократизации западноевропейского общества в XIX–XX вв. христианский духовный свет все более стал меркнуть и затухать, что у плотски мысливших европейцев вызывало восторженные чувства и представления. Я, книжный человек, воспитанный на толстых книгах западноевропейских философов, писателей, поэтов и др., труды которых стоят на пол-

ках моей библиотеки на расстоянии вытянутой руки, никогда не мог подумать, что мне доведется наблюдать смертельные судороги западноевропейской цивилизации. Две тысячи лет назад апостол Павел писал: «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого. Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса, потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор 4:3–6). Печально наблюдать гибель цивилизации, которая в мировом культурно-историческом процессе многие столетия была главной движущей силой высокой духовности.

Читал апостол Павел синоптические Евангелия?

В рассуждении апостола Павла о причастии просматривается косвенное влияние евангельских текстов, на основе которых строится поучение. Он пишет: «Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, ***сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание***. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, ***в Мое воспоминание*** (везде выделено мною – В. М.)». Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор 11:23–26).

Обратимся к соответствующим повествованиям в синоптических Евангелиях. *Евангелие от Матфея*: «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, ***за многих изливаемая во оставление грехов*** (выделено мною – В. М.)» (Мф 26:26–28). *Евангелие от Марка*: «Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, ***за многих изливаемая*** (выделено мною – В. М.)» (Мк 14:22–24). *Евангелие от Луки*: «И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; ***сие творите в Мое воспоминание***. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, ***которая за вас проливается*** (везде выделено мною – В. М.)» (Лк 22:19–20). В описании *Тайной вѣчери* Иисуса со своими учениками значимо каждое слово. Если бы Павел был знаком с последней трапезой Иисуса Христа лишь в устной передаче, то он не мог бы так близко к евангельским текстам передать её содержание. Из «Деяний апостола Варнавы», анализ которого будет ниже, мы знаем, насколько важным в миссионерской деятельности апостола Павла было Евангелие от Матфея. Были ли ему известны другие Евангелия?

Апостол Павел об организации Христианской Церкви

Апостол Павел пишет об иерархии в Христианской Церкви на момент написания Послания: «И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор 12:28). Как мы видим, через 20 с лишним лет после *Вознесения* структурная организация Церкви была весьма неупорядоченной. Основными деятелями Церкви выступали не только Апостолы, но и пророки и учителя, каждый из которых проповедовал свою версию христианского вероучения. В 50-е годы не существовало ни единой христианской доктрины, ни системы обрядов, ни упорядоченной организационной структуры христианских общин.

Павел предоставляет важное сообщение о том, как он в своей «апостолии» собирал пожертвования христиан для Церкви в Иерусалим. Он пишет: «При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквях Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду. Когда же приду, то, которых вы выберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим. А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут» (1 Кор 16:1–3). Чтобы исключить подозрения в присвоении им собранных денег, Павел не прикасался к ним. Он писал достаточно много сопроводительных писем, которые, к сожалению, до нас не дошли.

Формирование когорты посланников – верных служителей апостола Павла

Во время написания Первого послания к Коринфянам «апостолия» Павла представляла собой сложную систему взаимосвязанных христианских общин, расположенных в Малой Азии, Македонии, Греции и др., почитаемым правителем которой он был. Большое «христианское хозяйство» апостола Павла постоянно требовало для поддержания его жизнедеятельности достаточно много рутинной работы, которую он осуществлял с помощью верных и надежных своих служителей.

В сформировавшейся когорте посланников выделялся любимец Павла Тимофей. Он пишет коринфянам: «Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви. Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились; но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу» (1 Кор 4:17–19). Тимофей был живым продолжением апостола Павла, его мыслей, слов и переживаний, исправно исполняя важные и сложные поручения Учителя. Позже в Послании к Филиппийцам апостол Павел напишет, что «я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас, потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу. А его верность вам известна, потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании» (Флп 2:20–22).

Посланники апостола Павла не только обеспечивали живую связь с многочисленными его христианскими детьми, но и способствовали жизнедеятельности разрастающейся христианской организации. Апостол пишет: «Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым), будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся. Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых. Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью» (1 Кор 17:15–19). Ни один из Апостолов не был таким деятельным, как апостол Павел. Поэтому его обширная «апостолия» была наиболее целостным и динамично развивающимся образованием в Христианской Церкви.

Таким образом, из Первого послания к Коринфянам можно заключить, что 57-й год стал прорывным годом в генезисе христианского дискурса апостола Павла, который развивался в двух основных направлениях – углублении представлений *Благой вестии* Иисуса Христа и осмыслении своеобразной природы нового христианского мышления и морали. Боговедение подвижника Павла строилось на мистическом *знании-вѣдении*, когда он всем своим существом чувствовал непосредственную связь с Господом, что Его благодать пребывает в его сердце. Поэтому рациональное познание божественной реальности посредством философии он полагал ограниченным и непродуктивным. В Первом послании к Коринфянам тема «воскресения мёртвых» отходит на второй план и в последующих Посланиях уже не будет упоминаться, что указывает, что в его христианских воззрениях она утратила свое значение.

В деле развития и укрепления христианского благочестия своих духовных детей Павел поучал основным требованиям христианской морали, формирующим праведный образ жизни, из которых первостепенное значение он придавал наращиванию в себе и между христианами любви к ближнему, а также всемерно избегать блуда. Своеобразие благовестования апостола Павла выражается, с одной стороны, во взращивании искренних, добросердечных отношений с младохристианами, а с другой – в формировании из числа наиболее достойных и исполнительных христиан группы посланников, которые обеспечивали поддержание динамичной жизни и развития христианских общин «апостолии» Павла.

6.4. Откровения апостола Павла во Втором Послании к Коринфянам

Своеобразие Второго Послания апостола Павла к Коринфянам выражается в том, что оно было написано в ответ на полученное письмо от коринфских христиан, ответивших на его Первое Послание. Поэтому это Послание Павла носит не столько поучительный, сколько благодарственно-восхваляющий ха-

рактически. Он пишет: «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца» (2 Кор 3:2–3). Апостол Павел в отношении своих духовных братьев и сестёр всегда был предельно искренним и откровенным, вызывая и у них подобную реакцию. Поэтому между ним и христианами общины устанавливались сердечные отношения. Из этого сообщения Апостола следует, что его Послания с живым интересом читали практически все христиане не только его «апостолии». Получается, что в смысле христианских поучений Павел адресовал свои Послания всем возлюбленным христианским детям.

***Моя сила в физической немощи,
чтобы во мне обитала могучая сила Иисуса Христа***

Второе Послание к Коринфянам содержит исповедальные самооценки апостола Павла, которые раскрывают потаённые стороны его характера. В отношении подопечных христиан определяющими чертами его характера были глубокое смирение и личная скромность, и неудержимая отвага в борьбе за их души во имя Иисуса Христа. Он признаётся коринфянам: «Я же, Павел, который лично между вами скромный, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым... Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: *ими* ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия» (2 Кор 10:1, 3–5).

В ходе миссионерской деятельности апостол Павел постоянно испытывал жёсткое противостояние злобных иудеев и язычников, когда, казалось, смерть была совсем рядом. Он пишет, что «мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь *близкой* смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит» (2 Кор 1:8–10).

Весь жизненный путь апостола Павла был чередой многотрудных испытаний, которые ему, физически немощному, не позволяли расслабиться и принимать восхваления. Он верно знал, что путь к Господу не усыпан розами. Он обязательно должен быть тернистым. Только мужественно преодолевая великие трудности и лишения, ты сможешь подниматься в служении к *горнему*. В Послании он признавался своим духовным братьям и сёстрам: «Я гораздо более *был* в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока *ударов* без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине *морской*; много раз *был* в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опас-

ностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде. Кроме посторонних *приключений*, у меня ежедневно стечение *людей*, забота о всех церквах» (2 Кор 11:23–28). Представляет интерес признание Павла, что он ежедневно имеет стечение людей и заботится о всех церквах. Получается, что апостол Павел, по сути, в режиме реального времени управлял всей Христианской Церковью.

Следующее исповедальное откровение апостола Павла представляется особенно важным. Он практически исповедуется перед весьма различными в своих христианских подвигах не только коринфянами, но и всеми христианами Церкви: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но *Господь* сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор 12:7–10). Оказывается, Павел в своих молитвах просил Иисуса Христа, чтобы Он избавил его от плотской немощи, которая затрудняет его подвижническую деятельность. Сам Иисус Христос Павлу поведал, что сила его христианской проповеди содержится в физической немощи.

Во Втором Послании апостол Павел открыто обсуждает свои, по мнению коринфян, слабости. Он пишет: «Так как *некто* говорит: в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь *его* незначительна, – такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично... Хвальныйся хвались о Господе. Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит *Господь*» (2 Кор 10:10–11, 17–18). Оказывается, Павел не был великим оратором, что греки коринфяне видели. Однако в глубоко продуманных Посланиях Павел добивался проникновенного изложения своей мысли. При этом вся сила проповеди апостола Павла была в великом искреннем христианском душевном порыве, который сокрушал все препятствия инакомыслия на своём пути.

Во Втором Послании Павел высказывает центральную мысль своих жизненных устремлений в последние годы в *Царство Небесное*, которая в его Посланиях не выходила на первый план. Он проникновенно пишет: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. От того мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище» (2 Кор 5:1–2). В жизни благочестивого христианина всё устремлено *Туда* – в *Царство Небесное*.

Процветающая Церковь апостола Павла на марше подлинного христианского благочестия

Второе Послание к Коринфянам предоставляет важные сведения о функционировании Христианской Церкви в конце 50-х годов, творцом и руководи-

телем которой был апостол Павел. В начале Послания он пишет: «Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, церкви Божией, находящейся в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа» (2 Кор 1:1–2). Все христиане Греции, Македонии и Малой Азии внимали благочестивому гласу своего почитаемого смиренного правителя Павла.

Христианские общины Македонии не отличались благополучным уровнем жизненного существования, но радовали душу Павла своим духовно-нравственным порывом к Иисусу Христу. Поэтому в своих Посланиях и при живом общении Павел не скупился на похвалы их христианского благочестия. Он пишет: «Уведомляем вас, братья, о благодати Божией, данной церквам Македонским, ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия. Ибо они добротны по силам и сверх сил – я свидетель: они весьма убедительно просили нас принять дар и участие *их* в служении святым» (2 Кор 8:1–4). Павел также искренне восхваляет коринфских христиан, хотя у тех жизненная ситуация в общине складывалась сложнее. Он признаётся: «Я много надеюсь на вас, много хвалюсь вами; я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей» (2 Кор 7:4). При этом он откровенно указывает на противоречивые трудности их христианской жизни. Он пишет: «Ибо я опасюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете: чтобы *не найти у вас раздоров*, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков, чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и *чтобы* не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали» (2 Кор 12:20–21).

6.5. Послание апостола Павла к Римлянам

Павел написал Послание к Римлянам около 58-го года на обратном пути третьего миссионерского похода по дороге в Иерусалим. Основанием для такого заключения служит его высказывание: «...с давних лет имея желание придти к вам, как только предприиму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда, как скоро насладюсь *общением* с вами, хотя отчасти. А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым» (Рим 15:24–25). Более глубокое осмысление темы «жить по плоти и жить по духу» и других в Послании к Римлянам дают основание отнести его написание к концу 50-х годов.

«Все совратились с пути»

По мысли Павла, с высоты христианского мировосприятия все живут неправильно, пребывая в плотском греховном жизненном пространстве. Он эмо-

ционально утверждает, что «мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом, как написано: нет праведного ни одного; нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их. Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их. Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом» (Рим 3:9–19). О ситуации разрушительного культурного и духовного кризиса в современном мире лучше апостола Павла никто не писал.

Апостол Павел словно пишет о нашем времени, отмечая, что «называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, – то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь. Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим 1:22–32). Устами Павла глаголет *Истина*. Всё так и происходит в современном духовно-нравственно разрушенном мире. Еще двадцать лет назад такого разгула бесовских страстей не было.

В Первом послании к Тимофею апостол Павел предостерегает своего верного посланника и друга от угроз, исходящих от злобной окружающей среды: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и оболещают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим 3:1–7). Когда Павел писал это Послание до наступления «времён тяжких», Иудейской войны, оставалось несколько лет. Неужели и мы живём в конце времён?

Тема «греха»

В Послании к Римлянам в христианском дискурсе апостола Павла появляется тема «греха», которая свидетельствует о нарастающей рефлексивной работе в осмыслении жизненного мира праведного христианина. Понятие греха обобщает все зловерное деяния, которые категорически нельзя допускать. Он пишет: «Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освобожден от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 6:4–11).

В системе христианского мышления апостола Павла мыслительный конструкт «ветхий человек» означал ортодоксального иудея, который жил преимущественно в мирском бытии религиозного обряда, т. е. «жил по плоти». В Римской империи подавляющее большинство «жило по плоти». Поскольку для благочестивого христианина образцовым устремлением было «жить по духу», то плотские настроения осуждались, как греховные. Павел пишет: «Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности» (Рим 6:17–18). Освободившись от плотских желаний, христианин становится рабом христианских добродетелей. Подлинная жизнь праведника есть жизнь в благословенном пространстве *Царства Небесного*. Согласно Павлу, следует стремиться жить не под грехом, а под благодатью. «Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью» (Рим 6:14).

Павел учил, что жизнь во грехе имеет только смертную перспективу. Жизнь праведника ведет к вечной жизни во Иисусе Христе. Апостол писал: «Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их – смерть. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная. Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 6:20–23). Поскольку в опыте христианской жизни ничего подобного не было, то для подобного образа жизни нужно было иметь большую силу веры.

«Жить по плоти» и «жить по духу»

В Послании к Римлянам темы «жить по духу» и «жить по плоти» предстают как глубоко проработанные мыслительные конструкты, которые позво-

ляют понять существенное отличие праведной христианской жизни от грешного чувственно-вождеющего существования. Павел поучает: «Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти. Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу. Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим 8:1–8). Согласно апостолу Павлу, жить по духу означает всемерно стараться пребывать в блаженном мыслительном пространстве Иисуса Христа. Он уточняет: «Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас. Итак, братья, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим 8:9–13).

Самое главное в жизни праведного христианина – жить в Боге и для Бога. Все остальное мелочи жизни. Павел пишет: «Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни» (Рим 14:7–8). Отлучение от Бога смерти подобно. «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 8:38–39). Если Господь пребывает в сердце христианина, то ничто ему не страшно. Павел утверждает: «Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим 8:31). Какое представление было главным в вероучении апостола Павла? Ответ может быть только один – нужно изо всех сил стремиться к единению с блаженным бытием Господа. Этой предельной цели должно быть подчинено все – вера, молитва, образ жизни и др.

Апостол Павел был первым в истории развития мировой культуры, кто приступил к осмыслению ценностно-мыслительного прорыва, совершённого христианским вероучением. До Иисуса Христа определяющей моделью жизненного бытия людей было жить в горизонтальной плоскости мирских ценностно-мыслительных ориентаций – «жить по плоти». В мифологиях народов мира боги были призваны способствовать удовлетворению чувственных страстей верующих. Иисус Христос открыл вертикальное измерение жизненного бытия людей – устремлённость к трансцендентно-трансцендентальному *Царству Небесному*, которое требовало «жить по духу». В полной мере удавалось «жить по духу» суровым достойным православным монахам, которые, умертвив телесные желания, достигали благословенного Боговедения при жизни.

Смягченная версия этой основополагающей духовно-нравственной жизненной установки получила дальнейшее развитие среди философов, писателей, музыкантов, художников и других, которые многие столетия создавали духовные сокровища высшей пробы западноевропейской цивилизации.

Справедливости ради следует отметить, что в IV веке до н.э. *Патриарх* западной философии Платон разработал учение о совершенном разумно-добродетельном бытии Блага, устремлённость к созерцанию которого очищенным от чувственности умом должна быть главной жизненной целью человека. Таких людей Платон называл «подлинными философами». В действительности, таким трансцендентальным человеком был только он, да критиковавший его Аристотель, его лучший ученик. Согласно Платону, добродетельная душа человека лишь после смерти, освободившись от тюремной привязанности к телу достигает трансцендентального созерцания совершенного бытия Блага. Как мы видим, платоновский и христианский дискурсы являются близко родственными в своих основных концептуальных воззрениях. По мере того, как в III-м веке всё более развивалось и укреплялось христианское движение идеи Платона также получили благотворное развитие в трудах неоплатоников Плотина (204/205–270), Прокла (412–485) и других. Однако существенное различие между трансцендентальной философией Платона и христианским вероучением выражается в том, что философский трансцендентализм афинского мудреца носил отстранённый, преимущественно абстрактно-теоретический характер. В то время как Иисус Христос учил, что все представления и деяния каждого человека отслеживаются и оцениваются *Царством Небесным* в режиме реального времени и существенно влияют на его последующую судьбу.

Суд Божий

Для Бога жизненный мир человека прозрачен и не имеет тайн. Он всё видит и всё знает о тебе. От Него невозможно спрятаться. Павел пишет: «Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа» (Рим 2:16). При этом Бог не только наблюдатель, но и справедливый судья. Согласно древнегреческой мифологии и философии, боги вели преимущественно созерцательный образ жизни и в жизнедеятельность людей предпочитали не вмешиваться, тем более их наказывать. С ветхозаветных времен иудеи знают, что Вседержитель всегда бдит и жестко наказывает еврея за отступления от Закона Моисея. В Послании к Римлянам апостол Павел утверждает христианское представление о справедливости Бога, Который через Иисуса Христа отслеживает благочестие христиан и справедливо наказывает грешников, направляя их к соблюдению христианской морали. Апостол предостерегает христиан: «Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию?» (Рим 2:3–4). Каждый христианин должен знать, что справедливое наказание Господа будет неотвратимым. «Но, по упорству твоему и нераскаянному

сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев» (Рим. 2:5–8). Твори добро в своей жизни, и все у тебя будет нормально не только здесь, но и *Там*.

Проблема соотношения Закона христианской жизни и законодательства Римской империи

В построении общества основополагающее значение имеет законодательство, которое обеспечивает устойчивую регуляцию отношений между людьми. Несоблюдение правовых отношений ведет к разрушению общества и государства. Систему координат ценностно-мыслительного пространства республиканского Рима составляли доминирующие темы «закона», «доблести», «свободы», «разума», «равенства» и «ритуала», которую определял и поддерживал пантеон древнеримских богов. По мере формирования Римской империи в деле стабилизации и укреплении все более расширяющегося ее обширного пространства тема «закона» приобретала все большее значение. Римляне воспитывали своих граждан и не граждан прежде всего жить в рамках *Закона* и подчиняться его требованиям.

Жизнь христианских общин по нормам благочестивого христианского духа находилась в неприятии внешнего чувственно-вождеющего социума Римской империи. Каким образом было возможно установить оптимальное соотношение между этими враждебными жизненными мирами? В Послании к Римлянам апостол Павел прорабатывал вхождение христианского дискурса верующих в законопослушное ментальное пространство Римской империи. Согласно Апостолу, в решении этого актуального и непростого для христиан вопроса должно быть неременное и неукоснительное соблюдение законодательства Римской империи, которое обеспечивает неконфликтные взаимоотношения с внешней социокультурной реальностью. Павел пишет: «Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся (потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую)» (Рим 2:12–15). Для правоверного христианина *Закон* заповедей Иисуса Христа, безусловно, первичен, потому что соблюдение христианских заповедей обеспечивают не только подлинную жизнь христианина, но и спасение его души. Мирное сосуществование христианских общин с внешним миром империи создаёт благоприятные условия для внутренней высоко духовной жизни христиан. Апостол Павел признается: «Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв

повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею. Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» (Рим 7:9–12). Павел утверждал, что заповеди представляют собой *Закон* христианской жизни. Для христианина они первичны по отношению к гражданскому законодательству. Вместе с тем, по его мнению, праведность заповедей освящает закон. «Ибо мы знаем, что закон духовен» (Рим 7:14).

В Послании к Римлянам апостол Павел провозгласил фундаментальное значение веры в жизни христианина и христианском вероучении в целом. Павел полагал, что в жизненном мире подлинного христианина определяющее значение имеют не столько соблюдение христианских обрядов, религиозные представления, а искренние христианские устремления-переживания – вера определяет праведность христианина. Он пишет: «Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности» (Рим 9:30–31). Те евреи, кто не принял христианскую веру, не достиг и закона праведности. Иудеев и христиан восхищает глубокая и искренняя вера Авраама. «Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его, обетование – быть наследником мира, но праведностью веры» (Рим 4:13).

Бог есть первоисток всего сущего. Поэтому вера в Него уравнивает всех и утверждает универсальный закон праведности. Павел вопрошает: «Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог, Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру. Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Рим 3:29–31). Искренняя и праведная вера оправдывает и спасает всех независимо от рода, племени и социального статуса. «Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его. Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Рим 10:12–13). Господь спасает всех, верующих в Него. Искренняя вера является главным средством достижения божественной благодати Господа. Павел пишет: «Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией» (Рим 5:1–2). В жизни христианина вера должна иметь абсолютное значение. «Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим 3:28). Вера в милосердного Господа превышает все, более значима чего бы то ни было.

В Послании к Римлянам Павел дает обобщающую характеристику заповеди любви к ближнему и миролюбивому христианскому образу жизни. Он пишет: «Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе;

никому не отдавайте зло за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим 12:9–21). В христианском дискурсе апостола Павла заповедь любви к ближнему занимала место первой аксиомы. Если следовать этой великой и сокровенной заповеди в полной мере, то всё в твоей жизни получится. Как понимать высказывание Павла «ибо написано»? Где написано? Ясно, что написано могло быть только в Евангелии.

Среди Апостолов так глубоко и проникновенно никто не учил своих духовных детей праведной жизни как апостол Павел, потому что благословенная любовь изливалась из его сердца непрерывным потоком. Он пишет, «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым» (Рим. 5:5).

Верные рыцари апостола Павла в служении Церкви

Послание к Римлянам очерчивает пространственный ареал созданной Павлом «апостолии». Он сообщает, «что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика» (Рим. 15:19). Он приводит имена своих достойных воинов Церкви и благодарит их за верную службу. Читаем этот примечательный фрагмент: «Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому. Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе (которые голову свою полагали за мою душу, которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников), и домашнюю их церковь. Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахавии для Христа. Приветствуйте Мариам, которая много трудилась для нас. Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между Апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа. Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе. Приветствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христе, и Стахия, возлюбленного мне. Приветствуйте Апеллеса, испытанного во Христе. Приветствуйте верных из дома Аристовулова. Приветствуйте Иродиона, сродника моего. Приветствуйте из домашних Наркисса тех, которые в Господе. Приветствуйте Трифену и Трифосу, трудящихся о Господе. Приветствуйте Персиду возлюбленную, которая много потрудилась о Господе. Приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и мать его и мою. Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия и других с ними братьев. Приветствуйте Филолога и Юлию, Нирея и сестру его, и Олимпана, и всех с ними святых. Приветствуйте друг друга с целованием святым. Приветствуют вас все церкви Христовы. Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них; ибо такие люди служат не Гос-

поду нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных. Ваша покорность вере всем известна; посему я радуюсь за вас, но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло. Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами! Аминь. Приветствуют вас Тимофей, сотрудник мой, и Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои. Приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший сие послание. Приветствует вас Гаий, странноприимец мой и всей церкви. Приветствует вас Ераст, городской казначей, и брат Кварт. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь» (Рим 16:1–24). Перечисление помощников апостола Павла определённо свидетельствует о достаточно большой и разветвлённой инфраструктуре «апостолии», которые обеспечивали целостное и динамичное её развитие. При этом активными руководителями христианских общин были как мужчины, так и женщины. По-видимому, они большей частью занимались благоустройством христианских общин, расположенных в западной части его «апостолии». После мученической смерти Павла именно они станут основными продолжателями и хранителями созданной им Церкви.

Таким образом, в Послании к Римлянам апостолу Павлу удалось существенно продвинуться в осмыслении жизненно важных вопросов как внутренней жизни христианских общин, так и внешней деятельности в системе древнеримского социума. При этом важнейшее значение приобретало развитие и укрепление инфраструктуры христианских общин его «апостолии». Это Послание свидетельствует, что высокая христианская духовность Апостола только нарастала.

6.6. Послание апостола Павла к Филиппийцам

Написание Посланий к Филиппийцам, Ефесянам и Колоссянам богословы относят к 63-му году, когда Павел находился в узах в Риме, почему-то игнорируя его двухлетнее пребывание в темнице в Кесарии в 60–62 годах. Применение методологии экзистенциального анализа выстраивает следующую жизненную реальность, в которой оказался апостол Павел, когда его поместили в темницу в Кесарии. Его можно уподобить главе большого семейства с множеством детей и внуков, ради которых он жил, и которым отдавал все свои силы без остатка многие годы. И вдруг его, такого деятельного и энергичного, оторвали от дорогих сердцу детей, которые, казалось, были совсем рядом, и бездвинули в узах. Павлу приходилось претерпевать мучительные душевные страдания разлуки и бездеятельного существования. Единственным средством восстановления живой связи со своими возлюбленными братьями и сёстрами были Послания к ним. По-видимому, таковых было больше, чем дошло до нас. Однако те Послания, которыми мы располагаем, достаточно полно воссоздают жизненную реальность великого христианского подвижника во время пребы-

вания в узах в Кесарии. Не столь важна последовательность написания Посланий, потому что они дополняют друг друга.

Надо полагать, в это время апостол Пётр приступил к активной проповеднической деятельности в Малой Азии, что Павлу придавало дополнительную заботу. Если моё гипотетическое предположение верно, то следует предполагать глубокую религиозно нравственную перестройку жизненного мира апостола Петра. Когда он общался с галатами, фригийцами и другими, перед ним представляли также высоконравственные павловские христиане, имевшие при себе Послания апостола Павла. Представляется, что именно в это время в жизненном мире Петра стала умирать иудейская ментальность и стремительно набирать силу нравственное учение Иисуса Христа, которое нашло отражение в его Первом Послании.

В первом стихе Послания к Филиппийцам Апостол указывает на развитую инфраструктуру христианской общины в Филиппах, деятельность которой упорядочивали епископы и диаконы. По тем временам формирование организационной системы христианской общины требовало продолжительного времени. Вместе с тем он отмечает, что во время написания Послания он пребывал в «узах»: «я имею вас в сердце в узах моих» (Флп 1:7). «узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим» (Флп 1:13).

Павел писал Послание к Филиппийцам с глубокой печалью в сердце. Поэтому Послание носит не столько поучительный, сколько исповедальный характер. Вместе с тем он видел и чувствовал, как христианская любовь все более заполняла его жизненный мир, согревая своим священным теплом его душу. Он пишет: «Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа; и молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны в день Христов, исполнены плодов праведности Иисусом Христом, в славу и похвалу Божию» (Флп 1:8–11). Павел рекомендовал христианам филиппийцам всемерно наращивать в себе любовь, милосердие и сострадание, которые должны были определять их взаимоотношения в общине. По его мнению, «если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других. Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почтал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп 2:1–8). Эти мысли и сокровенные переживания его души, которые питались мистической энергией Святого Духа, приобретали определяющее значение в его учении и жизни, что указывает на позднее написание этого Послания.

**«Нужно быть неукоризненными и чистыми,
чадами Божиими непорочными»**

Важным условием установления добросердечных отношений является подавление у членов общины гордыни и всемерное развитие кротости и смирения. «Все делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивного и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире» (Флп 2:14–15). Если в предыдущих Посланиях Павел призывал стараться преимущественно жить в духе, то в рассматриваемом Послании он наставлял стремиться достигать предельной духовно нравственной чистоты.

Согласно апостолу Павлу, предельной целью христианина есть пребывание «всегда в Господе», потому что Он близко. Он пишет: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (Флп 4:4–8). По своему опыту вероисповедания Павел верно знал, что основными средствами достижения состояния мистического блаженства является непрерывная молитва и искренняя открытость сердца с благодарением пред Богом. Эти священные сердечные деяния превыше всякой умозрительной деятельности, «всякого ума».

Сидя в кесарийской тюрьме, Павел подводил итоги своей подвижнической жизни, и в этом Послании как бы исповедовался перед своими духовными братьями. Что было главным в его жизни? Он откровенно пишет, что «при уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью. Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение. Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» (Флп 1:20–24). Служение Иисусу Христу составляло всю полноту его жизни. При этом от одного Послания к другому достаточно четко просматривается, что Павел всем своим существом чувствовал и понимал расширение и углубление сокровенной связи со Спасителем. Поэтому он призывал филиппийцев к беззаветному служению Иисусу Христу: «Только живите достойно благовествования Христова, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единомысленно за веру Евангельскую, и не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование гибели, а для вас – спасения. И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне» (Флп 1:27–30).

Когда Павел пишет о «познании Иисуса Христа», следует иметь в виду, что оно не носило спекулятивный характер философских размышлений. Познательный процесс божественной природы Спасителя представлял собой живую связь сокровенных переживаний Апостола, в ходе которых пространство мистически-метафизического *вѣдения-знания* постоянно расширялось. Это *знание-вѣдение* нельзя было передать словами. Это было чистое священное знание, по сравнению с которым всякое другое знание представало неполным и неглубоким. Оно приносило Павлу высшее духовно-нравственное блаженство. Поэтому он настоятельно рекомендовал своим ученикам и последователям войти в этот совершенный живительный поток и стараться подольше пребывать в нем.

Суровые православные монахи такое сокровенное блаженство переживают во время творения непрерывной Иисусовой молитвы. Павел пишет: «Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых. Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе. Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить; если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет» (Флп 3:8–15). Познать страдания и силу *Воскресения* Иисуса Христа означает пережить их в своем сердце. Павел смиренно признает, что он еще не достиг полноты этих сокровенных переживаний. Пребывая в узах, обездвиженный в своей миссионерской деятельности апостол Павел все более глубоко и проникновенно погружался в мистическое общение с Господом. В рассуждениях Апостола *Царство Небесное* являлось ему в облике Иисуса Христа.

Тема «обрезания»

К теме «обрезания» Павел возвращался в своих Посланиях снова и снова, когда, казалось, после апостольского Собора в Иерусалиме её актуальность для него должна была быть утрачена. Он пишет: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся, хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою» (Флп 3:2–7). В ходе размышлений о природе и значении обрезания Павел приходит к пониманию, что этот древнеиудейский ритуал является показателем плотского образа жизни. Поскольку для христиан

приоритетное значение имеют духовно-нравственные ценности, то для них обрезание теряет всякое значение.

«Наше же жительство – на небесах»

Павел стремится прояснить принципиальное отличие образа жизни христиан от большей части населения Римской империи. Это фундаментальное отличие он осмысливал посредством двух созданных им мыслительных конструкций «жить по плоти» и «жить по духу». Одни живут в пространстве чувственно-вождедеющего мирского бытия. «Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном» (Флп 3:19). Христиане, напротив, всемерно стараются умертвить мирские желания и устремления и жить в благодати Божией Иисуса Христа. «Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа» (Флп 3:20). В Посланиях апостола Павла не провозглашается ясно и отчетливо, что для христианина предельной целью является достижение *Царства Небесного*. «Жительство на небесах» доступно немногим. При этом для него более значимы является не жительство *Там*, а приход *Оттуда* Иисуса Христа.

Павел приводит в качестве показательного свой образ жизни. Он пишет: «...я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп 4:11–13). Телесно пребывая в чувственно воспринимаемом мире в режиме реального времени, мысленно и душевно Павел был *Там*, был всегда устремлён к Господу. «Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас» (Флп 3:17). Среди Апостолов Павел служил самым достойным образцом служения Иисусу Христу. Таковым он остается для всех последующих поколений христиан.

Таким образом, Послание к Филиппийцам предоставляет свидетельство более глубокого мистически-метафизического продвижения апостола Павла в сокровенном Боговедении, для достижения которого требовалось всемерно наращивать в душе христианские добродетели.

6.7. Послание апостола Павла к Ефессянам

Апостол Павел написал Послание к Ефессянам в Кесарии около 60 года, когда он пребывал в темнице. На это указывает его высказывание «я, узник в Господе» (Еф 4:1). Двухлетнее пребывание в узах в Кесарии было большим испытанием апостола Павла, который до этого времени жил в динамичном общении со своими духовными детьми на обширном пространстве его «апостолии». Тюремное заключение ограничило его живую связь со своими многочисленными подопечными. Поэтому написанные в этот мучительный период жизни Апостола Послания приобретали особенно важное значение. Павел

посредством Посланий стремился укреплять и развивать их христианскую веру и благочестие.

«Язычники по плоти» и «плотское обрезание»

В Послании апостол Павел размышляет о трудностях вхождения язычески мыливших эфесян в возвышенное пространство *христианского Духа*. Он пишет: «Итак помните, что вы, некогда язычники по плоти, которых называли необрезанными так называемые обрезанные плотским обрезанием, совершаемым руками, что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире. А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем» (Еф 2:11–16). По мысли Павла, жизнь «без Христа» делает мирское существование человека неустойчивым, без твердой опоры. Христианское благочестие настолько преображает верующего, что, по существу, возвращает в нём нового человека, для которого прежние плотские языческие или иудейские представления теряют былое значение. Он продолжает: «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устроены в жилище Божие Духом» (Еф 2:19–22). Согласно Павлу, вера в *Благовую весть* Иисуса Христа служит прочным основанием вхождения в священное пространство «жилища Божия Духом».

Тема «полноты времен»

Подобные рассуждения по основным темам его христианского вероучения могут служить достаточно надежными маркерами для выстраивания его творений в хронологической последовательности. Павел полагал, что его вероучение является единственно правильным. Основанием для такого убеждения служило то, что его учение выстраивалось не в результате умозрительных философских размышлений, а сокровенное знание приходило к нему как бы изнутри, из глубин его сердца непосредственно от Самого Иисуса Христа. Он пишет: «Он в преизбытке даровал нам во всякой премудрости и разумении, открыв нам тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем, в устройении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф 1:8–10).

Тема «полноты времен» занимает важное место в благовествовании апостола Павла в заключительный период его жизни. «Полнота времен» – это предельно духовно-нравственно насыщенная христианская экзистенциальная

реальность, в которой соединялось «все небесное и земное». Ниже он отмечает, что Церковь «есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф 1:22). «Полнота времен» – это не только предельно насыщенная внешняя христианская экзистенциальная реальность в Боге, но и внутренняя сокровенная жизнь подлинного христианина. Поэтому Павел искренне желал благочестивым ефессянам: «...да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею» (Еф 3:16–19). В этом поучении апостола Павла проявляется определяющее значение его мистического благовествования. Он настаивает не на разумном познании христианского вероучения, а на том, чтобы «верою вселиться Христу в сердца ваши». По его мнению, только тогда открывается «вся полнота Божия».

Читаем стих из Послания апостола Павла, который превращает досужие рассуждения богословов и историков о написании Евангелий в 60-х годах или даже позже не стоящими выеденного яйца. Павел перечисляет всех тех, кого поставил Иисус Христос в священном деле благовествования. Он пишет: «И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями» (Еф 4:11). В этом перечне Павел под «Евангелистами» мог иметь ввиду прежде всего трех человек – Матфея, Марка и Луку. Это в высшей степени значимое свидетельство указывает, что он читал их творения, которые, безусловно, были известны верующим в христианских общинах Церкви по меньшей мере в 50-е годы, что существенно уточняет и одновременно усложняет экзистенциальную реальность верующих христианских общин. Знание Евангелий создавало благоприятную почву для более глубокого понимания *Благой вестии* Иисуса Христа. Свидетельства евангелистов он полагал вторичным по значимости знанием, потому что сокровенное *знание-вѣдение* ему приходило непосредственно, как он полагал, от Иисуса Христа, которое он проповедовал своим многочисленным духовным сыновьям и дочерям. При этом его размышления развивались в парадигме исторического свидетельства евангелистов.

***Упразднить в себе похотливого «ветхого человека»,
чтобы «облечься в нового человека»***

Из своего богатого опыта миссионерской деятельности апостол Павел прекрасно понимал трудности сохранения христианского благочестия в мирском, чувственно-вождедеющем бытии провинции в составе Римской империи. Каким должно быть христианское благочестие, и как научиться его возвращать, достигая совершенной святости? Эти первостепенной важности вопросы христианской жизни Павел усиленно прорабатывал в своих Посланиях. Одним из опытов такой работы Апостола предоставляет нам его Послание к Ефессянам.

Прежде всего следовало «упразднить» в себе похотливого «ветхого человека» и существенно «обновиться духом ума» и подлинного благочестия, чтобы «облечься в нового человека». Павел указывает: «...так как истина во Иисусе, – отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф 4:21–24). Апостол Павел сформулировал первоочередную задачу для каждого, кто решил стать подлинным христианином. Немногие, считающие себя благочестивыми христианами, решили её в полной мере. Только преодолев в себе мирские устремления к чувственным удовольствиям ветхого человека, открывается возможность продвигаться дальше в деле христианского самосовершенствования и достижения жизненного мира «нового человека»,

Проникновенный апостол Павел лучше всех понимал, что после принятия проповеди благовествования новообращенными христианами нужно жить дальше в мирском бытии Римской империи. Нужно было задать и утвердить нравственные параметры жизни младохристиан в чуждом чувственно-вождедеющем древнеримском социуме. Для этого следовало разработать понятный для верующих духовно-нравственный кодекс христианина, который исходил бы из заповедей Иисуса Христа. В предыдущих Посланиях он уже в значительной степени проделал эту непростую работу. Со времён Моисея евреи знают: «Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием» (Еф 6:2). В Послании к Ефессянам Павел уточняет и развивает требования христианского благочестия: «Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное. А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым. Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение; ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога» (Еф 5:1–5). Согласно Павлу, непременным, первостепенным требованием к праведному христианину является жить в любви к ближнему. Наиболее вредоносными для христианского благочестия выступают блуд и любостяжание. Апостол продвигается в своих требованиях, указывая избегать, казалось, малозначимых и неопасных сквернословия, пустословия и смехотворства. «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим» (Еф 4:29).

Особенно важное значение апостол Павел придавал необходимости преодоления христианами гневливости. Он пишет: «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места диаволу» (Еф 4:26–27). «Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф 4:31–32). Нарращивая в себе смирение, каждый благочестивый христианин решает самостоятельно многотрудную задачу искоренения в себе гневливости. Когда тебе после весьма напряженной борьбы удалось выкорчевать в себе гневливость, в твоей ду-

ше устанавливается покой и тишина. Любопытно наблюдать, когда, испытывая твою гордыню, принижают тебя, а в твоей душе продолжает царить покой и тишина.

Павел рекомендует христианину добиваться гармоничного единства духа и тела, всего его жизненного мира под знаком Иисуса Христа. Он пишет: «Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Еф 4:4–6).

«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу»

Милосердная благодать должна царствовать среди верующих общины. В своих Посланиях Павел постоянно обращается к проблеме установления оптимальных отношений между мужем и женой в новой христианской семье. Он наставляет христианских жен и мужей следующим образом: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела... Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф 5:22–23, 33). С одной стороны, апостол Павел закладывал абсолютное подчинение жены мужу в семейных отношениях, а с другой – призывал мужа любить жену как самого себя. Развивая основополагающую заповедь Иисуса Христа любви к ближнему применительно к отношениям между мужем и женой, Павел создает великую заповедь для всех мужчин всех времен и народов – люби свою женщину (жену), как самого себя. При этом он полагал, что жена должна убоиться мужа. В настоящее время отношения между мужчиной и женщиной должны выстраиваться на исходной заповеди – любите друг друга, как самого себя, и тогда ваша любовь будет подлинной и продолжаться всю вашу жизнь.

«Рабы, повинуйтесь господам»

В установлении оптимальных отношений микросоциума христианских общин с внешней социальной реальностью римского общества важнейшее значение имела проблема поведения рабов, многие из которых приняли христианство. Раб-христианин, будучи несравненно духовно-нравственно выше своих хозяев, вынужден был влачить жалкое существование говорящего орудия. По мнению Павла, в любой жизненной ситуации благочестивый христианин должен быть носителем милосердия и благодати. Он указывал, что «плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине. Испытывайте, что благоугодно Богу» (Еф 5:9–10). Поэтому он рекомендовал рабам-христианам, всемерно сохраняя христианское благочестие, служить своим господам, как Христу, независимо от их нравственного поведения. Он пишет: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по

мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный. И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицепрятия» (Еф 6:5–9). Приблизительно в это время над проблемой жизни угнетённого раба-христианина размышлял апостол Пётр, работая над своим Посланием. Апостол Павел рекомендовал рабу-христианину смиренно повиноваться хозяину. Пётр мыслил глубже, рассматривая страдания раба-христианина как посланное Господом испытание, которое следует достойно переносить. Самое главное, в любых жизненных ситуациях сохранять христианское благочестие.

Послание к Ефесянам показательно тем, что при его чтении мы попадаем в развитой христианский дискурс апостола Павла, который он всячески развивает и совершенствует.

6.8. Послание апостола Павла к Колоссянам

По-видимому, Послание к Колоссянам было написано последним в 62-м году.

Апостол Павел был категорическим противником философского осмысления *Благой вести* Иисуса Христа, потому что, по его мнению, всякое философское теоретизирование существенно упрощает сокровенное бытие Иисуса Христа и поэтому является пустым обольщением. Он наставляет колоссян: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти» (Кол 2:8–10). Предельное религиозное знание должно обладать абсолютной полнотой, или «всей полнотой». Такое мистически-метафизическое *знание-вѣдение* приходило апостолу Павлу непосредственно от Иисуса Христа, в чем он не сомневался. Поэтому он полагал, что он обладал всей полнотой христианской *Истины*, которую он всемерно старался донести до своих возлюбленных духовных детей.

Тема «обрезания»

В ходе осмысления темы «обрезания» в своих Посланиях апостол Павел все время наращивал духовно-нравственную её составляющую, что может служить важным показателем при выстраивании его творений в хронологической последовательности. Для Павла архаичное иудейское обрезание осталось глубоко позади его размышлений. Однако этот термин для него остается весьма привлекательным в ходе размышлений о своеобразной природе христианского миропонимания. Поэтому представляется удачной его мысль о принятии христианства, как «обрезании Христовом». Он пишет: «В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; быв погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли ве-

рою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых, и вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним, простив нам все грехи» (Кол 2:11–13). Если ты принял *Благую весть* Иисуса Христа, то ты обрезался в плотских желаниях («мертв в грехах») и принял жизнь в подлинном *живом Духе*. Если после крещения ты продолжаешь жить плотской жизнью, то христианские усилия твои напрасны. Ты не прошел Христово обрезание.

«Ищите горнего и горнем помышляйте»

В Посланиях апостола Павла католики, православные и протестанты находят множество возвышенных мыслей и поучений, за что он пользуется большим их почитанием. Однако среди мыслительного богатства благочестивого Апостола можно выделить несколько вершин его чистого *Духа*. Одна из них открылась в Послании к Колоссянам. Читаем этот мыслительный бриллиант: «Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (Кол 3:1–3). Примечательно переосмысление Павлом темы «воскресения». Если ранее он придавал большое значение возможности телесного воскресения мёртвых, то в этом высказывании ему открылся более глубокий смысл мистического духовно нравственного воскресения со Христом при жизни. Призыв апостола Павла помышлять о горнем имеет двойное смысловое значение. С одной стороны, он указывает предельную жизненную цель для христианина *Царство Небесное*, а с другой – призывает в жизни стремиться к высшей духовности. В настоящее время актуально расширительное толкование «**Ищите горнего и о горнем помышляйте**» – эта жизненная установка должна быть основной, самой главной для всех людей, всех времен и народов. Печально, что в начале XXI века это основополагающее жизненное правило не понимают, ему не следуют и даже насмеются над ним более 70% жителей нашей планеты.

Павел утверждал, что требования христианского нравственного благочестия являются первичными и определяющими. Они нивелируют иные национальные, культурные и социальные особенности и представления. Он поучает: «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними. А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос. Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол

3:5–14). Павел призывал: «облекитесь в любовь», и все в вашей жизни будет складываться правильно и нормально. При этом он указывал самую главную жизненную установку благочестивого христианина: «И все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (Кол 3:17).

Жизнь в милосердном пространстве волеизъявления Господа приводит к упорядочиванию и гармонизации отношений в семье, с самыми близкими и другими людьми. Павел рекомендует: «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали. Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу» (Кол 3:18–24).

В жизненно мире апостола Павла молитва имела первостепенное значение. В творении молитвы он был непревзойденным мастером. Какая она была? Господь всегда прислушивался к ней и помогал и поддерживал Своего верного и самоотверженного служителя. Павел наставлял своих духовных детей: «Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением» (Кол 4:2).

Когорта верных служителей апостола Павла

Для исследователя жизнедеятельности христианских общин «апостолии» Павла окончание Послания к Колоссянам, в котором перечисляются основные его посланники-сподвижники и дается им характеристика, представляется ценнейшим подарком. Читаем этот замечательный фрагмент: «О мне все скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верный служитель и сотрудник в Господе, которого я для того послал к вам, чтобы он узнал о ваших обстоятельствах и утешил сердца ваши, с Онисимом, верным и возлюбленным братом нашим, который от вас. Они расскажут вам о всем здешнем. Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною, и Марк, племянник Варнавы [о котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его], также Иисус, прозываемый Иустом, оба из обрезанных. Они – единственные сотрудники для Царствия Божия, бывшие мне отрадою. Приветствует вас Епафрас ваш, раб Иисуса Христа, всегда подвизающийся за вас в молитвах, чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всем, что угодно Богу. Свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе. Приветствует вас Лука, врач возлюбленный, и Димас. Приветствуйте братьев в Лаодикии, и Нимфана, и домашнюю церковь его. Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы. Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе. Приветствие моею рукою, Павловою. Помните мои узы» (Кол 4:7–18). Апостол Павел был не только выдающимся проповедником, но и умелым ор-

ганизатором и руководителем в обустроенной им Христианской Церкви, состоявшей из множества взаимосвязанных между собой христианских общин. Заключение в темнице в Кесарии, с одной стороны, существенно осложнило его организационно-воспитательную работу, а с другой – значительно повысило роль его посланников, которые выступали его устами, глазами и ушами. Вместе с тем возросла роль его Посланий, посредством которых он стремился способствовать дальнейшему укреплению и развитию веры у своих христианских детей.

Сфера деятельности перечисленных выше Павлом сотрудников была преимущественно связана с христианскими общинами, расположенными в Малой Азии. Если Тихик по поручению Павла должен был успокоить колоссян, по-видимому, и не только их, то Онисим был послан обеспокоенными за судьбу Учителя колоссянами. Надо полагать, верный рыцарь Церкви Аристарх неотлучно сопровождал апостола Павла и даже разделял с Учителем скорбь и страдания в темнице. Павел послал Марка с каким-то важным приказом, зная, что тот его обязательно выполнит. Для повышения авторитета Марка он называет его племянником почитаемого Варнавы. Луку он называет «врачом возлюбленным», что означает, что тот был большим специалистом в лечебных делах. При уровне медицины того времени для христиан Лука к тому же выступал великим благодетелем. Следует отметить, что перечисление немалого числа сотрудников и поддержание живых связей с ними косвенно указывает на то, что Павел писал это Послание из Кесарии, потому что такое общение со своими подопечными из Рима было бы значительно затруднено. Также представляется важным указание Павла о том, чтобы колоссяне показали это Послание лаодикийцам и взяли у них его Послание, направленное им. Это означает, что все его Послания были известны христианам его «апостолии» и, надо полагать, за ее пределами. Поскольку Послание к Лаодикийцам до нас не дошло, то это дает основание полагать, что их было значительно больше. Надо полагать, темница, в которой пребывал Павел, стала центром управления жизнедеятельности христианских общин его обширной «апостолии».

Послание к Евреям представляет собой странное произведение. Если оно было написано последним, то оно должно было содержать самые важные и глубокие мысли апостола Павла. Ничего подобного мы не наблюдаем в этом творении. Поэтому оно не представляет интереса для моего исследования.

6.9. Тимофей – главный рыцарь апостола Павла

Первое послание к Тимофею было написано около 63 года, когда он сидел в узах в Риме. Его пожелание «Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе» (1 Тим 3:14) указывает, что это Послание не было написано в 67 году, когда он сидел в римской темнице в ожидании казни. Павел признается, «что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, и желаю ви-

деть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости» (2 Тим 1:1–4).

Пребывая в темнице в Риме, прозорливый Павел усматривал приближавшееся окончание его жизненного пути. Как будут жить его многочисленные христианские дети без его отеческой опеки? Надо полагать, его душу согревала мысль, что когорты верных служителей Церкви, которую он воспитал и обучил, продолжит его праведное дело. Среди всех служителей самым верным и надежным помощником апостола Павла в его благовествовании был Тимофей, который сопровождал Павла в важнейшие греческие города Афины, Коринф и др., а также в Сирию и др. Павел любил своего лучшего ученика, называя его своим «возлюбленным сыном» (2 Тим 1:2). По поручению апостола Павла Тимофею приходилось решать сложнейшие организационные и вероисповедальные вопросы в существенно различных христианских общинах, с которыми он справлялся в полной мере. В доброй половине Посланий апостола Павла упоминается Тимофей как верный его сподвижник в делах христианской веры. Так, в Первом послании Тимофею апостол Павел пишет: «Тимофею, истинному сыну в вере: благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего. Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере. Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступив, некоторые уклонились в пустословие» (1 Тим 1:2–6). Это обращение Павла к Тимофею убедительно показывает, что он рассматривал своего младшего друга как надежного проводника своих мыслей и преобразовательных деяний, который в сложной жизненной реальности добивался желаемого результата. Возможно, что после мученической смерти апостола Павла, Тимофей выполнял роль самого авторитетного служителя Церкви в павловской «апостолии», особенно, в асийских христианских общинах, где его хорошо знали.

Размышляя о пройденном жизненном пути, Павел подводит его итоги. Он пишет: «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии; благодать же Господа нашего (Иисуса Христа) открылась во мне обильно с верою и любовью во Христе Иисусе. Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим 1:12–15). Иисус Христос вел и наставлял апостола Павла из глубины его сердца. Поэтому он был таким глубоко смиренным мыслителем и подвижником.

***Наставления Павла своему любимому духовному сыну –
«храни себя чистым и держись вечной жизни»***

Читаем наставления апостола Павла самому близкому для него человеку, которые предстают как завещание: «Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сооб-

разно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин... Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте... Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех. Таково было в свое время свидетельство, для которого я поставлен проповедником и Апостолом, – истину говорю во Христе, не лгу, – учителем язычников в вере и истине. Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1 Тим 1:18; 2:1–2, 5–8). В религиозном комплексе апостола Павла важнейшая роль придавалась молитве, которая рассматривалась главным средством непосредственного мистически-метафизического общения с Господом. При этом он мыслил Иисуса Христа посредником между Богом и людьми. Следует также отметить прозорливую способность Павла, в соответствии с пророчеством которой он просил действовать своего духовного сына. По-видимому, он прозревал великие бедствия еврейского народа в надвигавшейся Иудейской войне. Поэтому он писал: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей» (1 Тим 4:1–2).

Павел настоятельно рекомендовал Тимофею непрерывно вести многотрудную работу по своему духовно-нравственному совершенствованию. Поэтому он призывал своего любимца: «Храни себя чистым» (1 Тим 5:22), «упражняй себя в благочестии» (1 Тим 4:7), «будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим 4:12). «Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя» (1 Тим 4:16). Платон в учении о подлинном философе, устремленном к трансцендентальному созерцанию метафизического бытия Блага, заложил фундаментальную традицию в древнегреческой культуре возвращения когорты особого рода людей (философов, архитекторов, поэтов и др.), которые жили преимущественно духовными интересами и, по сути, несли благородное бремя по развитию высшей духовности в западноевропейской культуре. Таких людей Ф. Ницше называл «свободными умами», «творческими умами».

В своем учении «жить по духу» апостол Павел значительно усиливал требования к достижению христианского благочестия христиан, призывая их всячески освободиться в своей жизни от мирских чувственно-вождеющих привязанностей. Он настоятельно советует Тимофею: «Ты же, человек Божий, убегай сего, а преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости. Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями» (1 Тим 6:11–12). «Держись вечной жизни» – предельная цель для подлинно благочестивого творческого человека, христианина, «подлинного философа», «свободного ума».

Мне представляется целесообразным, употреблять предельно расширенное название подобного рода людей «трансцендентальный человек». К сожалению, в настоящее время количество таких людей катастрофически сокращается в мировом масштабе практически во всех странах, культурах и народах. Одни, выработав свой творческий ресурс, умирают от старости, другие от болезней, третьи, разбогатев, превратились в «связанных умов» (Ницше) своими роскошными дворцами, яхтами, автомобилями, изоощренными чувственными удовольствиями, утратили способность к высокодуховной творческой деятельности. Четвертые сгинули в социальных сетях Интернета и стали неспособными прочитать умную книгу или роман классической литературы. Стремительная культурная и духовно-нравственная деградация человечества привела к появлению нового типа индивида с виду продвинутого в компьютерных делах, а внутри убогого безбашенного создания, лишённого каких-либо нравственных принципов и установок, которого я называю *Homo erostus*, потому что его жизненным миром управляют лишь жажда наживы и чувственно-вождедеющие устремления. Апостол Павел справедливо отмечал, что «корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Тим 6:10).

Апостол Павел призывал своего любимца Тимофея не позволять себе временно расслабиться, быть неусыпным служителем Церкви. «Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое» (2 Тим 4:5). «Юношеских похотей убегай, а держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца» (2 Тим 2:22). Павел рекомендовал придерживаться в жизни только христианских добродетелей и образцов, носителем которых он сам был. «Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня, с верою и любовью во Христе Иисусе. Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас» (2 Тим 1:13–14). Судя по всему, отеческий наказ Учителя Тимофей выполнял от души и в полном объёме. В 357 году мощи апостола Андрея, евангелиста Луки и Тимофея были торжественно перенесены в Константинополь и положены в храме Святых Апостолов.

«Епископ должен быть непорочен»

Если апостол Пётр в Первом послании рекомендовал пастырям Церкви пасти стадо «охотно и богоугодно, не для гнусной корысти» (1 Пет 5:1–3), то, согласно Павлу, формирующийся клир Христианской Церкви должен быть безупречно благочестивым. Перед христианами епископы, пресвитеры и диаконы должны светиться своими добродетелями. Мудрый Павел стремился создать детально проработанный образец епископа и диакона. Он пишет: «Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннлюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви

Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с дьяволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть дьявольскую. Диаконы также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения. Равно и жены их должны быть честны, не клеветницы, трезвы, верны во всем. Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим. Ибо хорошо служившие приготавливают себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса» (1 Тим 3:2–13). Не только сами епископы, пресвитеры и диаконы, но и их семьи должны быть носителями высшего благочестия, задавая высший стандарт и образец для христиан. Только при этом условии подлинное христианское благочестие будет и у прихожан.

Особую заботу в устройстве благочестивой жизнедеятельности христианской общины Павел придавал интеграции вдовиц, познавших сладость сексуальных наслаждений, в сообщество верующих. Он пишет: «Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь; а сластолюбивая заживо умерла. И сие внушай им, чтобы были беспорочны... Молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру; притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно. Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию; ибо некоторые уже совратились вслед сатаны» (1 Тим 5:5–7, 10–15). Согласно Павлу, сластолюбивые желания вдовицы должны быть умерщвлены с помощью непрерывной молитвы. Особую опасность для мужской половины христиан и руководителей общины представляют молодые вдовицы, излучающие эротическое обольщение. Девственник Павел призывал Тимофея быть с ними крайне осторожным.

Нечеловеческое отношение к рабам в Римской империи было серьезной проблемой для Христианской Церкви, не обладавшей какими-либо средствами политического воздействия, в общинах которой их было достаточно много. Как и Иисус Христос, Павел искал оптимальный вариант поведения христианина раба в нечеловеческой ситуации порабощения. Павел пишет: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им. Учи сему и увещывай» (1 Тим 6:1–2). Для христианина раба существовал лишь один выход – в своей жизни действовать по заповедям христианской морали. В Послании к Титу он уточняет поучение для христиан рабов: «Рабов увещывай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога» (Тит 2:5–6). В самом кон-

це своей пастырской деятельности Павел заботился о жизни христиан в рабстве.

Второе послание апостола Павла к Тимофею. Указание Павла о том, что «Трофима же я оставил больного в Милите» (2 Тим 4:20) подсказывает, что это Послание было написано в узах в 63 году вскоре по прибытии в Рим. Однако прозорливое усмотрение Павла своей близкой кончины указывает на 67 год написания Послания. Апостол с горестью сообщает, что «я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим 4:6–8).

Действенная система управления в «апостолии» Павла

Послания Павла к Тимофею, Титу и Филимону замечательны тем, что они приоткрывают завесу сложной системы управления христианскими общинами в весьма обширной его церковной «апостолии», которой он руководил с помощью активной и деятельной когорты своих посланников. Так, во Втором Послании к Тимофею он пишет: «Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далмацию; один Лука со мною. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения. Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные. Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его! Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам. При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им!.. Приветствуй Прискиллу и Акилу и дом Онисифоров. Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите. Постарайся придти до зимы. Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия» (2 Тим 4:10–16, 19–21). Как мы видим, церковная инфраструктура апостола Павла была достаточно сложным образованием, которая постоянно требовала многообразной работы для поддержания её в надлежащем состоянии.

Она была больше, чем мы её представляем по местам его остановок во время миссионерских путешествий, включая, например, Далмацию – северо-западную часть Балканского полуострова, которую населяли воинственные племена кельтов, фракийцев, либурнов и др. Здесь также жили в своих обустроенных колониях греки. И в этом этнически и культурно сложном регионе плодотворно работал верный и мужественный рыцарь апостола Павла Тит. В Послании к Титу апостол Павел пишет: «Когда пришло к тебе Артему или Тихика, поспеши придти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму» (Тит 3:12). Какой Никополь имел ввиду Павел, расположенный на берегу Дуная, или греческий центральный город Эпира, где он собирался провести целую зиму? Ясно, что он имел ввиду греческий Никополь, в котором, надо полагать, уже существовала христианская община.

Этот замечательный фрагмент Послания также показывает великие трудности пастырского служения Павла, которое не было триумфальным шествием по городам и селениям с *Благой вестью* Иисуса Христа. В его жизни отважного и бесстрашного служителя Спасителя были моменты, когда казалось, что его оставили все, и ему, окруженному лишь несколькими доблестными рыцарями Церкви, приходилось продолжать многотрудный путь христианского служения. Во Втором Послании к Тимофею он сообщает о трудностях апостольского служения: «Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь» (2 Тим 1:15–18). В трудных условиях благовествования особенно радовали и согревали сердце апостола Павла верные воины Церкви, такие как Тимофей, Тит, Лука, Онисифор и другие. Павел отмечает, что «в гонениях, страданиях, постигших меня в Антиохии, Икониин, Листрах; каковыя гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь. Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим 3:11–12).

6.10. Послания апостола Павла к Титу и к Филимону

Послание апостола Павла к Титу по своим мыслям и переживаниям указывает, что оно было написано вслед за Первым посланием к Тимофею, т. е. приблизительно в 63 году, когда он сидел под домашним арестом в Риме. В ранге рыцарского служения Иисусу Христу под предводительством апостола Павла вторым номером был, безусловно, Тит. В самом начале Послания Павел выражает искреннюю поддержку и благодарность своему любимцу, верному стражу христианской веры и Церкви. Он пишет: «Титу, истинному сыну по общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего. Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал» (Тит 1:4–5).

Как и Тимофею, Павел рекомендовал Титу всемерно стремиться к достижению совершенного христианского благочестия. Он указывал, что христиане должны «быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми, покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие. Юношей также увещевай быть целомудренными» (Тит 2:5–6). «Во всем показывай в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность» (Тит 2:7).

Как и Тимофею, Павел указывает основные требования к благочестивому епископу, который должен служить образцом для своей паствы. Он пишет:

«Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не убийца, не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать» (Тит 1:7–9).

В **Послании к Филимону апостола Павла** мы находим важное свидетельство о его неустанной борьбе за души своих христианских детей. В своей смиренной просьбе Филимону он пишет: «...прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе. Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня. Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне» (Флм 10–18). Как мы видим, чтобы спасти своего христианского сына Онисима, Павел был готов все его грехи взять на себя.

Апостол Павел – жертва философии Алена Бадью

А. Бадью в работе «Апостол Павел. Обоснование универсализма» осуществил мирскую реконструкцию образа и деяний апостола Павла, которая носила преимущественно разрушительный характер. В начале своего труда Бадью объявляет о своеобразии своего подхода в исследовании образа и деяний апостола Павла. Он пишет: «Павел и вправду для меня не апостол и не святой. Я лишь сказал о Вести, которую он несет, и о поклонении, на которое он обречён. Он фигура субъективная, и фигура первостепенной важности. Я всегда читал *Послания* так, как перечитывается хорошо знакомая нам классика – дорога проторена, детали стерты, силы не растрочены. В *Посланиях* нет для меня никакой трансцендентности, ничего священного». Читать *Евангелия* и *Послания*, как художественные произведения, представляется странным, мало продуктивным занятием, потому что Бадью изобретает предмет исследования, который к религиозному тексту Нового Завета не имеет отношения. Можно представить подобную ситуацию, когда некий исследователь философии А. Бадью в предисловии своего труда провозгласил, что он изучает философские труды французского философа как поэтические произведения. Из этого заявления Бадью вдумчивый читатель должен сделать вывод, что ему представлено творение о чём-то другом, но не о *Посланиях* апостола Павла.

Бадью уточняет свои методологические установки: «Мои цели не являются ни историческими, ни экзегетическими по своему характеру. Они насквозь субъективны. Вместе с тем, я в точности придерживался текстов Павла, выверенных современными исследователями, и строго соотносил с ними свои заключения». «Насквозь субъективны» означает, что Бадью делает

ставку на то, куда его понесёт в философских рассуждениях при чтении *Посланий*. Его вынесло к достаточно продуктивным и оригинальным рассуждениям, которые к великому христианскому деятелю не имеют никакого отношения.

Бадью признаётся, что он не рассматривает апостола Павла как религиозного человека. «В глубине души, – пишет он, – я никогда не соединял Павла с религией. Он всегда интересовал меня не в этой тональности, не ради свидетельства в пользу какой-либо веры или анти-веры. По правде сказать, в религиозном плане я был захвачен им не более, чем Паскалем, Кьеркегором или Клоделем». Недалеко от правды можно сказать, что, когда новорождённый Савл сосал грудь своей матери, он уже тогда веровал в Бога, потому что он был устремлён к Всевышнему с тех пор, как себя помнил. Потому он первоначально стал неистовым фарисеем, а затем истовым христианином. В *Посланиях* он признавался, что Иисус Христос пребывает рядом с ним, и из его сердца поучает и наставляет Своего избранника. Надо полагать, во время молитвы Павла перед казнью Спаситель был рядом с ним и принимал его душу. Для Бадью главное содержание жизни апостола Павла не является предметом исследования, не представляет интереса.

Бадью даёт следующую сущностную характеристику апостола Павла: «Павел для меня прежде всего мыслитель-поэт происходящего. Одновременно – он тот, кто воплощает, формулирует неотъемлемые черты, так сказать, фигуры воинствующей. Он устанавливает взаимозависимость (всцело человеческую, сплетения которой меня, признаться, завораживают) между общей идеей прорыва, столкновения и идеей мысли-практики, которая есть не что иное, как субъективная материальность этого прорыва». Нужно сильно постараться, чтобы придумать столь далёкую к предмету исследования оценку – Павел мыслитель-поэт!?

Философы постмодернисты большие специалисты запускать туман в свои заумные определения, которые они сами в своих произведениях растолковать не могут, умело создавая видимость глубины философской мысли. «Мысль-практика», «субъективная материальность» – это круглый квадрат. Ж. Делёз (1925–1995) и Ж. Деррида (1930–2004) с помощью базовых мыслительных образов «симулякр» и «фармакон», содержание которых они толком так и не смогли прояснить, так мастерски провели «анализ» диалогов Платона, что от его трансцендентального дискурса ничего не осталось, а философия *Патриарха* западной философии превратилась в руины. Подобной работой по разрушению образа и деяний выдающегося христианского подвижника апостола Павла занялся Бадью в своем творении.

«Павел все время напоминает, – пишет французский философ, – что у него есть право говорить в качестве субъекта. И он этим субъектом *стал*. Он стал им неожиданно, по дороге в Дамаск». Всякий автор повествования является субъектом. Задача читателя или исследователя заключается в том, чтобы выявить и учитывать своеобразие ментальности субъекта повествования.

Представляется нецелесообразным изложение детального анализа книги А. Бадью «Апостол Павел. Обоснование универсализма», в которой апостол Павел как христианский подвижник практически не рассматривается.

Значимость деяний апостола Павла в истории Христианской Церкви определяют три его великих христианских подвига. Павлу удалось преодолеть архаические бастионы иудаистской ментальности и обряда и вывести новообращённых христиан на просторный путь духовно-нравственного развития. При этом ему удалось создать целостную, динамично развивающуюся систему христианских общин на обширных территориях Греции, Македонии и Малой Азии, которая станет жизненной основой для последующего развития Христианской Церкви. Послания апостола Павла открывают возможность проследить ход развития его христианского дискурса, который вплоть до первых Вселенских Соборов в IV веке определял ментальность христиан.

Своеобразие христианского дискурса апостола Павла выражают темы-наставления «спасение личной верой», «жить по плоти и жить по духу», «достигайте любви», «ветхий и новый человек», «воскресение мёртвых», «грех», «бегайте блуда», «обрезание», «ищите горнего и горнем помышляйте», «полнота времен», «рабы, повинуйтесь господам», «суд Божий», «наше же жителство – на небесах», «епископ должен быть непорочен».

Как возможно одного из самых великих, мужественных деятелей в многовековой истории христианства, ничтоже сумняшеся, называть «мыслителем-поэтом»? В наше безбашенное время, испытывая изощрённое удовольствие, низвергают в бездуховную грязь подлинные святыни и самые высокие завоевания мирового Духа в истории человечества.

ГЛАВА 7

ДЕЯНИЯ И ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ВАРНАВЫ

Варна́ва (*евр.* Бар-Набба, «сын утешения, пророчества»; *греч.* Βαρνάβας; † 61 г.) – апостол от семидесяти, родился на Кипре в семье богатых евреев левитов и был назван Иосифом, образование получил в Иерусалиме, воспитывался вместе с Савлом у знаменитого законоучителя Гамалиила. Варнава считался двоюродным братом или дядей евангелиста Марка. Варнава обратился в веру сразу после Пятидесятницы. В первые месяцы образования Христианской Церкви в Иерусалиме он продал свою землю и отдал деньги нуждающимся членам общины (Деян 4:37). Когда Павел впервые пришел в Иерусалим, Варнава принял его и отвел к Апостолам (Деян 9:27). Варнава принял мученическую смерть на Кипре. С течением времени место погребения апостола Варнавы было забыто. В 478 году апостол трижды являлся во сне архиепископу Кипра Анфимию, и показал место погребения своих мощей. В сопровождении духовенства Анфимий направился к указанному месту и нашел сундук, подписанный собственноручно Варнавой, со святыми мощами и копией Евангелия от Матфея. Кипрская Церковь стала именоваться апостольской. Копия Евангелия от Матфея, представленная Анфимием императору, была доставлена в часовню святого Стефана в императорском дворце в Константинополе, где по нему читали ежегодно в Страстную пятницу. На месте обретения мощей позже был основан монастырь Апостола Варнавы, в Саламине. Глава апостола Варнавы находится в церкви города Конка-деи-Марини, Италия.

7.1. Книга Марка «Деяния апостола Варнавы» – выдающееся произведение новозаветной эпохи

Книга Марка «Деяния апостола Варнавы» считается апокрифом. Существенное различие между апокрифами I и II веков выражается в том, что некоторые книги, написанные в I столетии, содержат достаточно реалистические описания происходивших событий, указывающие на знание автором произведения жизненной реальности этого времени. Книги, написанные во II–III веках, такой экзистенциальной составляющей практически не имеют. В них обычно изображаются идеализированные картинки жизни христиан.

Реалистические повествования, содержащиеся в книге Марка «Деяния апостола Варнавы», подобны описаниям событий Луки в «Деяниях», что даёт основание полагать автором этой замечательной книги евангелиста Марка. Религиозно-экзистенциальный анализ книги «Деяния апостола Варнавы» показывает, что это произведение было написано в духовно пламенное время становления Христианской Церкви в 50–60-е годы. Автор этой книги пишет о себе в начале книги: «Я, Иоанн, сопровождавший святых апостолов Варнаву и Павла, был прежде слугою Кирилла, верховного жреца Юпитера, но ныне принял дар Святого Духа через Павла и Варнаву и Силу, которые были достойны призвания и которые крестили меня в Иконию». Если принять это сообщение за правдивое, то Марк не был тем юношей, который убежал от воинов во время ареста Иисуса в Гефсиманском саду.

Читаем явление Иисуса Христа новообращённому Марку: «После того, как я был крещен, я увидел некоего мужа, стоявшего одетым в белые одежды; и он сказал мне: «Мужайся, Иоанн, ибо твоё имя будет заменено на Марка, и слава о тебе будет провозглашаться по всему миру. Тьма в тебе ушла из тебя и тебе дано постигать и познавать Божьи тайны». И когда я увидел видение, весьма устранившись, я бросился к ногам Варнавы и рассказал ему тайны, которые я видел и слышал от того мужа. А апостола Павла не было рядом, когда я раскрыл эти тайны. И Варнава сказал мне: «Никому не говори о чуде, которое ты видел. Ибо этою ночью и предо мною стал Господь, говоря: «Мужайся: ибо раз ты отдал свою жизнь ради Моего Имени на смерть и изгнание из твоего народа, поэтому ты также будешь сделан совершенным. Более того, что же до служителя, который с тобою, возьми и его с собою; ибо он владеет некими тайнами. Ныне же, дитя моё, храни при себе то, что ты видел и слышал; ибо для тебя придет время открыть это». Столь важный период становления Христианской Церкви требовал не потаённого, а явного участия Самого Иисуса Христа и Святого Духа не только в деяниях Апостолов, но и их помощников. Марк ходил под Богом. Тогда он не знал, что ему предначертано написать Евангелие и организовать Церковь в Александрии Египетской.

Новообращённый Иоанн-Марк так описывает последующую историю. «И я, будучи наставлен им в этом, остался в Иконию много дней; ибо там был святой и благочестивый муж, который тоже принимал нас и чей дом также освятил Павел. Затем оттуда мы пришли в Селевкию, и, пробыв три дня, отплыли на Кипр; и я служил им, доколе мы не обошли весь Кипр. И отплыв из Кипра, мы высадились в Пергах Памфилийских. И там я оставался примерно три месяца, желая отплыть в западные области; и Святой Дух не позволил мне. Поэтому, вернувшись, я снова искал апостолов, и узнав, что они были в Антиохии, я пошел к ним». Если новообращённый Марк остался в западных областях, чтобы проповедовать христианскую *Истину*, то сие его желание не было основательно подготовленным. Поэтому Святой Дух указал ему вернуться к Апостолам.

Перед нами предстаёт живой образ изнурённого Павла, отдававшего все свои силы в деле служения Господу. Марк пишет: «И я застал Павла в постели в Антиохии, изнуренного путешествием, и он, увидев меня, был крайне опеча-

лен из-за того, что я отстал в Памфилии. И Варнава, придя, ободрял его, и вкусил хлеба, и он тоже принял немного хлеба. И они проповедовали слово Господне и просветили многих из иудеев и эллинов. И я лишь сопровождал их и боялся приближаться к Павлу, и потому, что он смотрел на меня, как на прошедшего много времени в Памфилии, и потому, что он был почти что разъярен на меня. И я каялся на коленях до земли перед Павлом, и он не вынес этого. И когда я провел три субботы в мольбах и просьбах на коленях, я не в силах был убедить его перемениться ко мне; ибо он был тяжело разгневан на меня за то, что я удержал некие пергаменты в Памфилии. И когда же они окончили учить в Антиохии, в первый день недели они приняли решение отправиться по местам на Восток, а потом идти на Кипр и посетить все церкви, в которых они говорили слово Божие». Павел гневался на Марка не столько из-за его отсутствия, сколько из-за того, что он захватил с собой «пергаменты», среди которых было столь необходимое в проповеднической деятельности Евангелие от Матфея.

В «Деяниях» Варнава представлен на вторых ролях. В повествовании Марка Варнава и Павел – равновеликие деятели, которые совместно радовались успехам, спорили, страдали и плакали в деле служения Господу. «И Варнава умолял Павла прежде идти на Кипр и посетить его селение; и Лукий молил его посетить его город Кирену. И Павлу во сне было видение о том, что ему следует поспешить в Иерусалим, потому что там его ждали братья. Но Варнава настаивал на том, чтобы они шли на Кипр и провели зиму, а потом шли в Иерусалим на праздник. Оттого между ними возникли сильные споры. И Варнава побуждал меня сопровождать их, поскольку я был их служителем с самого начала и поскольку я служил им всё время на Кипре, пока они не пришли в Перги Памфилийские; и я оставался там много дней. Но Павел кричал на Варнаву, говоря: “невозможно ему идти вместе с нами”. И бывшие с нами там тоже побуждали меня идти с ними, потому что на мне был обет следовать с ними до конца. И тогда Павел сказал Варнаве: “Если ты хочешь взять с собою Иоанна, называемого также Марком, иди другою дорогой; ибо он не пойдет с нами”. И Варнава, придя в себя, сказал: “Благодать Божия не оставила того, кто однажды служил Евангелию и путешествовал с нами. Поэтому, если это будет тебе приятно, брат Павел, я возьму его с собою и пойду”. И тот сказал: “Иди в благодати Христовой, а мы – в силе Духа”. Таким образом, преклонив колени, они помолились Богу. И Павел, громко застонав, заплакал, и Варнава вместе с ним, говоря друг другу: “Хорошо было бы для нас, как в начале, так и в конце, трудиться вместе среди людей; но поскольку тебе кажется это благом, брат Павел, молись обо мне, чтобы мой труд был совершенным в похвалу, ибо ты знаешь, как я служил тебе и благодати Христовой, дарованной тебе. Ибо я иду на Кипр, и спешу быть совершенным, потому что я знаю, что более не увижу твоего лица, о брат Павел”. И упав на землю у его ног, он долго плакал. И Павел сказал ему: “Господь стал и передо мною этой ночью, говоря: “Не заставляй Варнаву не идти на Кипр, ибо там ему уготовано просветить многих; ты же в благодати, данной тебе, иди в Иерусалим покло-

ниться на святом месте, и там тебе будет показано, где уготовано твоё мученичество”»).

Марк описывает более полно и проникновенно ситуацию, которая возникла в начале ответственного миссионерского похода, чем немногословный Лука в «Деяниях». В служении Господу Павел и Варнава были на пределе своих жизненных сил. Важно то, что в своей деятельности не они определяли её направленность, а Сам Иисус Христос указывал, что и каким образом им нужно делать. Своеобразие жизненного мира апостолов Павла, Варнавы и их сподвижников выражалось в том, что мистическая составляющая Святой Дух и даже Господь днем и ночью управляли ими, а они смиренно следовали указаниям *Оттуда*, не заботясь о возможных последствиях.

В своей книге Марк приводит важные сведения о проповеднической деятельности апостола Варнавы. Так, он пишет, что, когда они «пришли в город Анемурий; и войдя в него, мы встретили двух эллинов. И подойдя к нам, они спросили, откуда мы и кто мы. И Варнава сказал им: “Если вы хотите знать, откуда мы и кто мы, отбросьте одежды, которые на вас, и я возложу на вас одежды, которые никогда не осквернятся; ибо в них нет ничего нечистого, но они всегда сияют”. И удивившись сказанному, они спросили нас: “Что это за одеяние, которое вы дадите нам?” И Варнава сказал им: “Если вы исповедаете ваши грехи и покоритесь Господу нашему Иисусу Христу, вы примете одеяние, нетленное вовек”. И пронзенные в сердце Святым Духом, они упали к его ногам, говоря с мольбою: “Просим тебя, отец, дай нам это одеяние; ибо мы веруем в живого и истинного Бога, Которого ты проповедуешь”. И приведя их к источнику, он крестил их во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И они узнали, что они были облечены силою и во святые одежды. И взяв у меня одно одеяние, он надел его на одного из них; а свою собственную одежду он надел на другого. И они принесли ему деньги, и тотчас же Варнава раздал их бедным. И от них моряки тоже смогли приобрести многое. И они пришли на берег, и он говорил им слово Божие; и благословив их, мы попрощались с ними и взошли на корабль». Из этого повествования Марка следует, что в проповеди апостола Варнавы особенно действенным было учение о деяниях живого и истинного Бога Иисуса Христа. Эллины с воодушевлением и без сопротивления принимали христианскую веру.

Как и другие Апостолы, Варнава обладал чудесной способностью излечивать страждущих больных. Только в книге Марка сообщается, насколько важную роль в их проповеднической деятельности играло Евангелие от Матфея, которое рассматривалось как подлинное свидетельство о деяниях и учении Иисуса Христа. Он пишет: «И пойдя напротив, мы приплыли на Кипр ночью; прибыв в место, именуемое Кроммиакита, мы встретили Тимона и Аристона, служителей храма, в доме у которых мы и остановились. И Тимон страдал от сильного жара. И возложив на него руки, мы тотчас же избавили его от жара, призвав Имя Господа Исуса. И Варнава получил свидетельства от Матфея, книгу слова Божьего, и рассказ о чудесах и учениях. Это Варнава возлагал на каждого больного, к которому мы приходили, и это мгновенно излечивало их от их страданий. И когда мы пришли в Лапиф, и в театре праздновали

торжество в честь идола, нам не позволили войти в город, но мы немного оставались у ворот». Для великих книжников Павла и Варнавы самой драгоценной книгой было Евангелие от Матфея. Повествование Марка в полной мере подтверждает обнаружение в 478 году среди мощей апостола Варнавы именно того пергамента священного Евангелие от Матфея, который он изучал и использовал в своих проповедях. Поразительно, как возможно так легкомысленно полагать современным «продвинутым» библеистам, что синоптические Евангелия были написаны во второй половине I века и даже во II столетии, будто младохристиане могли достигнуть глубокой веры в Иисуса Христа, основываясь на рассказах, слухах и сплетнях, среди которых выявить подлинное знание было невозможно.

Миссионерская деятельность апостола Варнавы и его сподвижников была рискованным и опасным делом. Приходилось, соблюдая предельную осторожность, совершать мужественное служение Господу, когда наибольшую опасность представляли не эллины, а единокровные зловредные иудеи. «И перейдя через горы, именуемые Хионоды, мы пришли в Старый Пафос, и встретили там Родона, служителя храма, который также уверовав, сопровождал нас. И мы встретили некоего иудея по имени Вариесу, шедшего из Пафоса, который также узнал Варнаву, быв прежде вместе с Павлом... И когда мы подошли к храму, великое множество бывших там евреев, положивших имущество к Вариесу, стояло вне города и не позволяло нам войти в город; но мы провели вечер под деревом у города, и оставались там. ...мы пришли в Амаф, и там было множество эллинов в храме на горе, падших женщин и мужчин, приносивших возлияния. Там тоже Вариесу, узнав о нашем отправлении, убедил народ иудейский и не позволил нам войти в город; но некая женщина, вдова, восьмидесяти лет, выйдя за город и тоже не поклоняющаяся идолам, подойдя к нам, приняла нас в свой дом на час. И когда мы вышли оттуда, мы отрясли прах с наших ног против храма, где совершалось скверное возлияние. И уйдя оттуда, мы прошли по пустынным местам». Впечатляет ограниченность и нетерпимость правоверных иудеев к новопровозглашённой еврейской религии, когда они из боязни порушить их архаические иудаистские верования не хотели ни слышать, ни видеть ранее просвещённого фарисея левита Варнаву. Никто не заставлял их уверовать в Иисуса Христа. Они, подобно афинянам, могли бы заслушать проповедь Варнавы в синагоге, посмеяться над ним и отпустить с миром.

«И придя в Китий, где также стоял великий шум на ипподроме, и узнав о том, мы ушли из города, все отрясая пыль с наших ног; ибо никто не принял нас, разве что мы пробыли час у ворот возле водоканала. И отплыв из Кития, мы прибыли в Саламис и высадились на так называемых Островках, где было место, полное идолов; и там были великие торжества и возлияния. И встретив там опять Ираклида, мы научали его провозглашать Евангелие Божие и поставлять церкви и служителей в них. И войдя в Саламис, мы пришли в синагогу рядом с местом, именуемым Библия; и когда мы вошли в неё, **Варнава, развернув Евангелие, полученное им от Матфея, своего соратника, начал учить иудеев.** И Вариесу, прибывший через два дня, после того, как было

научено немало иудеев, был в бешенстве и собрал множество иудеев; и они, схватив Варнаву, решили предать его Ипатию, наместнику Саламиса. И принудив его уйти к наместнику, евреи, узнав, что благочестивый иевусей, родственник Нерона, имеет дела на Кипре, *ночью схватили Варнаву, и навязав ему веревку на шею, потащили его из синагоги на ипподром, и выйдя из города, став вокруг него, они сожгли его огнем так, что даже его кости превратились в прах*. И тою же ночью, взяв его прах, они положили его в одежду и, завязав её кожей, намеревались бросить его в море. Но я, найдя удобный случай в темноте, был в силах унести его вместе с Тимоном и Родоном. Мы пришли в некое место, в пещеру, и положили его там, где прежде обитал народ иевусеев. И найдя там потайное место, *мы схоронили его в нем, вместе со свидетельствами, которые он получил от Матфея* (везде выделено мною – В. М.). И это было в четвертый час ночи второго дня недели. И когда мы скрылись в этом месте, иудеи немало искали нас; и почти найдя нас, они преследовали нас до самого селения Ледрийцев; и мы, найдя и там пещеру рядом с селением, укрылись в ней, и так ускользнули от них. И мы скрывались в этой пещере три дня; и когда иудеи ушли, мы ночью вышли и покинули это место». Из этого повествования следует, что во время своей проповеди в синагоге Варнава зачитывал фрагменты из Евангелия от Матфея, словно из Торы.

Трудно понять, тем более оправдать, как возможно, чтобы милосердная, высоконравственная проповедь апостола Варнавы могла вызвать такую звериную жестокость извергов-иудеев, которые, сжигая заживо Апостола, испытывали неизъяснимую радость и наслаждение от содеянного, чтобы от мученика не осталось даже маленькой косточки.

Читаем окончание замечательной книги Марка: «И придя на берег, мы увидели египетский корабль; и сев на него, мы приплыли в Александрию. И там я остался, научая братьев, что явилось Слово Божие, просвещая их и проповедуя то, чему я был научен от апостолов Христовых, которые и крестили меня во Имя Отца и Сына и Святого Духа; и которые изменили мне имя на Марка в водах крещения, которыми я также надеюсь привести многих к славе Божьей в Его благодати; ибо Ему подобает честь и вечная слава. Аминь. Путешествия и мученичество святого апостола Варнавы было исполнено в Боге». Организация христианской общины в Александрии – это судьба подвижнической деятельности евангелиста Марка.

7.2. Своеобразие христианского дискурса Варнавы

Исследователи полагают Послание Варнавы подложным, и относят его написание между 70–132 гг. Климент Александрийский и Ориген полагали Варнаву автором Послания. Цитаты из Послания Климент предваряет словами «говорит апостол Варнава». Ориген называет его Соборным посланием Вар-

навы. Включение его в непосредственной близости к Новому Завету в Синайском и Иерусалимском кодексах свидетельствует о его почти каноническом авторитете для многих христиан. Евсевий Кесарийский исключил Послание Варнавы из числа «принятых книг». На мой взгляд, самым сильным аргументом в пользу подлинности Послания Варнавы служит глубокое знание автором Послания Ветхого Завета и развитой христианский дискурс его интерпретации. В I веке среди христиан наиболее глубокими знатоками книг Танахи были Павел и Варнава. Поэтому в Послании такое проникновенное знание мог проявить только Варнава. Последующие христианские писатели, тем более во II–III веках, глубоким знанием ветхозаветных книг не обладали. Поэтому они преимущественно упражнялись в толковании известных удачных мест для христианской интерпретации.

Послание апостола Варнавы, дошедшее до нас, представляет особый интерес, потому что оно открывает возможность изучить особенности христианского вероучения одного из главных деятелей Церкви. Насколько христианская ментальность Варнавы была совместима с набирающим силу христианским дискурсом апостола Павла? Деление Послания на главы является внешним средством структуризации письменного источника, которого целесообразно придерживаться.

В самом начале Послания Варнава, подобно апостолу Павлу в Послании к Фессалоникийцам, восхваляет подопечных христиан в благочестии. Он пишет: «Зная, что вы изобилуете великими и прекрасными добродетелями Божиими, я необыкновенно радуюсь о блаженных и преславных душах ваших, – радуюсь, что вы получили благодать, столь глубоко укоренившуюся в вас. ...ибо по истине вижу, что на вас излит Дух от прекрасного источника Божественного» [90, с. 87]. Восхваление Варнавы своих духовных сыновей и дочерей показывает, что последние весьма преуспели в праведной христианской жизни после принятия христианства. Отсюда следует, что Варнава писал своё Послание в заключительный период своей жизни в 50-е годы.

В Послании проявляется сердечное, отеческое отношение Варнавы к своим христианским детям. Он признается, что «я в том убежден и совершенно знаю, что с тех пор, как обращаюсь с вами, я приобрел многие блага на пути спасения Господня. По этой причине, думаю, я и люблю вас, братья, более души своей, в этом состоит величие веры и любовь и надежда той жизни. Итак, как я обыкновенно старался делиться с вами тем, что сам получил, и в этом служении вам, столь одаренным духовно, нахожу и награду себе, то спешу к вам написать несколько слов, дабы вы вместе с верою имели и совершенное ведение».

В первой главе Варнава выделяет главные божественные установления, которые весьма неопределенны. Он пишет: «Божественных установлений три: чаяние жизни, ее начало и совершение. Ибо Господь чрез пророков предвозвестил нам то, что теперь и исполнилось, а вместе показал и начало будущего. Итак, согласно с Его волей мы должны ревностнее и ближе приступать к Его жертвеннику. А я не как учитель, но как равный с вами изъясню вам немного, от чего много увеличится ваша радость» [90, с. 87–88].

Варнава развивает свое понимание христианского вероучения. Он поучает: «Помощники веры нашей суть страх Божий и терпение, а наши сподобники – великодушие и воздержание. С этими добродетелями, когда они бывают чисты пред Господом, вступают в радостный союз премудрость и ведение. Бог открыл нам чрез всех пророков, что Он не имеет нужды ни в наших всесожжениях, ни в наших жертвах и приношениях... Итак, поелику мы не без разума, то должны понимать благуя волю Отца нашего, ибо Он, желая взыскать нас блуждающих подобно иудеям, говорит нам, как мы должны приближаться к Нему. Он говорит нам: «Жертва Богу – сердце сокрушенное, и сердца смиренного Он не презирает» [90, с. 88–89]. В христианской вере Варнава выделял страх Божий и терпение, а также великодушие и воздержание, что было присуще и иудейским верованиям. Отрицая традиционные иудейские жертвы всесожжения, Варнава настаивал на духовном характере жертвы в сердце, смиренном и сокрушенном. Варнава призывал: «Со делаемся духовными, будем храмом совершенным Богу; сколько может зависеть от нас, будем размышлять о страхе Божиим и подвизаться в соблюдении заповедей Господа» [90, с. 91–92]. Варнава всячески призывал своих подопечных христиан само совершенствоваться, развивать в себе духовность на основе «заповедей Господа», которые им были известны. Каких заповедей? Таковыми могли быть заповеди Иисуса Христа, изложенные только в синоптических Евангелиях. В его Послании встречается немало парафраз творений евангелистов.

Большая часть Послания Варнавы посвящена адаптации книг Ветхого Завета к христианской ментальности, в чем он был большим специалистом. Он всемерно хотел показать, что деяния Иисуса Христа и Его учение являются органическим продолжением ветхозаветной истории и ментальности. В заключении своего иудео-христианского анализа он пишет: «Душа моя надеется, что я объяснил сколько мог и как мог просто и согласно с моим желанием ничего не опустил из того, что служит к вашему спасению и что относится только к предметам настоящего времени. А если стану писать вам о будущем, то не поймете, потому что оно находится в сокровенности» [90, с. 112].

Если апостол Павел осмысливал своеобразие христианского жизненного мира с помощью мыслительных конструктов «жить по духу» и «жить по плоти», то Варнава праведную жизнь христиан рассматривал как жизнь в свете, а противный образ жизни называл «тьмой». Он пишет: «Теперь перейдем к другому роду ведения и учения. Два пути учения и власти, один – света, другой – тьмы. Но велико различие между этими двумя путями. На одном поставлены светоносные ангелы Божии, на другом – ангелы сатаны. Бог есть Господь от веков и в века; сатана есть начальник времени беззакония» [90, с. 112].

Согласно апостолу Варнаве, в многообразной жизни людей существует всего два пути – *путь света*, благочестивой христианской жизни, и *путь тьмы*, бесовской чувственно-вождевающей жизни. Апостол тщательно прорабатывает во всех деталях мыслительный конструкт «христианский путь света», который создавал полную картину праведной жизни христиан. Он пишет: «Путь света есть следующий. Кто хочет достигнуть этим путем определенного места, тот должен стремиться к нему посредством дел своих. Итак, ведение,

данное нам для хождения путем света, состоит в следующем: люби своего Создателя, прославляй Искупившего тебя от смерти. Будь прост сердцем и богат духом. Не сообщайся с теми, которые ходят по пути смерти. Ненавидь все негодное Богу, ненавидь всякое лицемерие. Не оставляй заповедей Господних. Не превозносись, но будь смиренномудр. Не усвой себе славы. Не предпринимай злого намерения против своего ближнего. Не давай душе своей дерзости. Не будь любодеем, ни прелюбодеем, ни детораствителем. Слова Божия не произноси с нечистотой. Не смотри на лицо, когда надобно обличить кого-нибудь в грехопадении. Будь кроток, будь спокоен. Трепещи слов, которые ты слышал. Не помни зла на брате твоём. Не сомневайся, исполнится ли возведенное Богом или нет. Не употребляй понапрасну имени Господня. Люби ближнего более своей души. Не умерщвляй младенца (в утробе) и по рождении не убивай его. Не отнимай руки своей от своего сына или своей дочери, но от юности учи их страху Господню. Не желай принадлежащего ближнему твоему и не будь любостыжателен. Не прилепляйся душой к гордым, но обращайся с праведными и смиренными. Случающиеся с тобой трудные обстоятельства принимай за благо. Не будь двойствен ни в мысли, ни в слове, ибо двуязычие есть сеть смерти. Покоряйся Господу и господам, как образу Божию, с почетом и страхом. Не повелевай жестоко своей рабыней и своим рабом, надеющимся на того же Господа, дабы не показалось, что ты не боишься Бога, Который над обоими вами, ибо Он пришел призвать, не по лицу судя, но по тому, кого угодовал Дух. Имей общение с ближним во всем и не называй ничего собственностью, ибо если вы общники в благах нетленных, то не более ли в вещах тленных? Не будь тороплив своим языком, ибо уста суть сети смерти. Сколько можешь храни чистоту души своей. Не будь простирающим рук к принятию и сгибающим их, когда ты должен дать. Всякого, говорящего тебе слово Господне, люби как зеницу ока, вспоминай о нем днем и ночью. Старайся каждый день видеться со святыми для беседы; ходи к ним для утешения их и заботься о том, чтоб словом своим спасти душу. Употребляй руки свои для милостыни, чтобы получить отпущение грехов твоих. Не колеблись давать и давая не ропщи. «Всякому, просящему у тебя, давай; но знай, Кто добрый Воздаятель награды. Береги то, что ты получил, не прибавляя и не убавляя. Ненавидь лукавого до конца. Суди справедливо. Не причиняй разделения, но примиряй и соединяй спорящих. Признавайся во грехах своих. Не приступай к молитве со злой совестью. Вот путь света!» [90, с. 112–114]. Полнота и глубина мыслительного содержания конструкта «христианского пути света» показывает высокое развитие христианского дискурса апостола Варнавы. При этом он убедительно отмечает мистическую составляющую христианского образа жизни, согласно которой Господь всегда помогает праведнику и не оставляет его в беде. Однако следует отметить ограниченность христианских воззрений апостола Варнавы. В них нет главного наставления Иисуса Христа – учения о *Царстве Небесном*. В «христианском пути света» Апостол не указал главной жизненной цели – Спасения души праведника в *Царстве Небесном*.

В главе XX Варнава проработал мыслительный конструкт «*зловредного пути тьмы*», который противостоит праведному христианскому образу жизни. Он пишет: «Но путь тьмы искривлен и исполнен проклятия. Ибо есть путь вечной смерти и наказания; на нем все то, что погубляет душу людей. Здесь идолослужение, дерзость, надменность со своей силой, лицемерие, двоедушие, прелюбодеяние, убийство, хищение, гордость, вероломство, коварство, злоба, высокомерие, ядотворство, волшебство, любостяжание, небогобоязненность. Здесь гонители добрых, ненавистники истины, любители *лжи*, не признающие воздаяния за праведность, не прилепляющиеся к добру, не пекущиеся посредством правого суда о вдовице и сироте, бдительные не в страхе Божиим, но во зле, от коих весьма далеки кротость и терпение, любящие суету, гонящиеся за вознаграждениями, не милосердные к бедному, не трудящиеся за утружденного, ловкие в злословии, не знающие Создателя своего, убийцы детей, во чреве погубляющие создание Божие, отвращающиеся от неимущего, притеснители угнетаемого, защитники богатых, беззаконные судьи бедных, по всему грешники» [90, с.114]. По сути, бесовский «*путь тьмы*» представлял собой описание внешней для христиан жизненной реальности, которая преобладала в провинциях Римской империи.

В заключительной части Варнава подводит итог своего Послания: «И если в вас есть память добра, то вспоминайте о мне и размышляйте об этих наставлениях моих, дабы мое желание и мой труд принесли какое-нибудь добро. Прошу вас и требую этого вместо благодарности: доколь с вами этот прекрасный сосуд, не оставляйте ни одного из наставлений, но непрестанно вникайте в них и исполняйте всякую заповедь, ибо они достойны того. Я для того особенно старался писать вам по мере сил моих, чтобы доставить вам радость. Спасайтесь, чада любви и мира! Господь славы и всякой милости да будет с духом вашим! Аминь» [90, с. 114–115]. Апостол Варнава не только просил своих духовных братьев и сестёр, но и справедливо требовал от них строго следовать в жизни высказанным в Послании нравственным принципам и установкам. Действительно, в 50-е годы в письменных источниках не существовало такого строгого и полного кодекса христианской жизни.

Таким образом, Послание апостола Варнавы, в котором в систематическом виде представлены его христианские воззрения, показывает развитой христианский дискурс одного из ведущих Апостолов Христианской Церкви. Варнава был одним из наиболее активных и плодотворных христианских деятелей Церкви в самый сложный период её становления и развития. Высокая духовность и праведность его веры в полной мере проявилась в его христианской жизни и мученической смерти.

ГЛАВА 8

ХРИСТИАНСКИЙ МИСТИЦИЗМ

АПОСТОЛА ИОАННА

Апостол **Иоáнн Богослóв**, *Иоáнн Зеведéев*, сын Зеведея и Саломии, дочери святого Иосифа Обручника. Он был младшим братом апостола Иакова и рыбаком. Иоанн был призван Иисусом Христом в число Своих учеников на Генисаретском озере. Иоанн Богослов был первым учеником Иоанна Крестителя. Вместе с Петром и Иаковом Иоанн стал свидетелем важнейших событий земной жизни Иисуса Христа – воскрешения дочери Иаира (Мк 5:37; Лк 8:51), Преображения Господня (Мф 17:1; Мк 9:2; Лк 9:28), Гефсиманского моления (Мк 14:33), Тайной вéчери. Иоанн был любимым учеником Иисуса (Ин 13:23; 21:20). На Тайной вéчере он возлежал у груди Господа. Из его Евангелия следует, что после ареста Учителя Иоанн находился поблизости Иисуса и видел на протяжении дня страсти Христовы. На Кресте Иисус поручил Иоанну заботиться о Своей Матери. Он был среди Апостолов, видевших *Воскресение* и *Вознесение* Иисуса Христа. После Успения Матери Божией апостол Иоанн направился в Эфес и другие Малоазийские города для проповеди Евангелия. Когда Иоанн прибыл на остров Патмос, он удалился на пустынную гору, где совершал пост и молитву. По церковной традиции, апостол Иоанн скончался в третий год правления императора Траяна, т. е. около 100 года. В Новый Завет входят Евангелие от Иоанна, Откровение Иоанна Богослова и три послания.

8.1. Кто написал книгу «Откровение Иоанна Богослова»?

Методологическая оценка книги «Откровения»

Книга «Откровения Иоанна Богослова» (далее – «Откровение») представляет собой сложное произведение, которое включает в себя как мистическую визуальную картину, так и непростую иудейскую интерпретацию происшедшего. Поскольку иудейский дискурс определяет содержание книги, в которой христианская ментальность практически отсутствует, то это даёт основание уверенно утверждать, что апостол Иоанн не имеет к написанию этой книги никакого отношения. В древнееврейской религиозной истории сложилась

традиция, когда автор книги выдавал её под именем выдающегося деятеля еврейской истории. Так, к книгам «Притчи Соломона» и «Премудрости Соломона», написанным неизвестными авторами в III–II веках до н.э., царь Соломон не имел никакого отношения. Многие псалмы, приписываемые царям Давиду и Соломону, были созданы в середине I тыс. до н.э. Эту иудейскую традицию я изучил в книге «Генезис еврейского Духа в I тысячелетии до н.э.». Поскольку священный комплекс Танахи давно был закрыт для дополнений, а христианское Священное Писание пребывало в становлении, то иудей, написавший книгу «Откровения» во второй половине I века, решил выдать себя под именем самого знаменитого живого апостола Иоанна. Он всё рассчитал правильно. Его книга привлекла внимание христиан и получила распространение в христианских общинах, а затем всё-таки была включена в Новый Завет, хотя больше имела право стать последней книгой Старого Завета.

При этом следует иметь в виду, что определение авторства книги «Откровения» не имеет существенного значения для осмысления её пророческого содержания. Пророческий мистический текст представляет собой *знание-вѣдение* особого рода, в котором определяющее значение имеет не мистическая связь с Господом, а Его закодированное послание, которое многие столетия христианские умы с переменным успехом стремятся декодировать. Поскольку, надо полагать, событие откровения имело место, то оно достойно тщательного изучения. Как известно, И. Ньютон в своей жизни занимался не столько наукой, где он так преуспел, сколько изучением «Откровения», чтобы узнать точную дату конца света, а также алхимией.

Целью исследования в этом разделе является показать своеобразие иудейской ментальности, запечатлённой в книге «Откровение», что даёт основание отрицать причастность апостола Иоанна к написанию этого произведения.

Христианская Церковь в Азии

Во вступительной части автор книги старается убедить читателя, что творцом «Откровения» был апостол Иоанн. Он пишет: «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав *оное* через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа и что он видел» (Откр 1:1–2). В книге «Откровение» прослеживаются мыслительные заимствования из Книги пророка Иезекииля, как образцового повествования мистического видения. Автор книги пишет: «Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа, был на острове, называемом Патмос, за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа. Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Азии: в Ефес, и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию» (Откр 1:9–11). Доживая свой век на острове Патмос, Апостол написал много Посланий своим духовным детям в христианских общинах и завершил

Евангелие, в которых он раскрыл совсем другой образ Богочеловека Иисуса Христа.

В «Откровении» речь идет только о семи Церквях в Азии, расположенных в прибрежной западной части Малой Азии. Следует иметь в виду, что в этом регионе, населенном многими народами, были многочисленные христианские общины, созданные апостолом Павлом. Читаем «Откровение»: «Иоанн семи церквам, находящимся в Азии: благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет, и от семи духов, находящихся перед престолом Его, и от Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных. Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков, аминь» (Откр 1:4–6). Поскольку слово «церковь» не имеет какого-либо христианского содержания, то под этим обозначением, по-видимому, автором мыслилась еврейская община в малоазийской диаспоре.

С подачи автора «Откровения», Господь так характеризовал «Ефесскую церковь»: «Ангелу Ефесской церкви напиши: так говорит Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников: знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы; ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься. Впрочем то в тебе хорошо, что ты ненавидишь дела Николаитов, которые и Я ненавижу. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия» (Откр 2:1–7). Из этого повествование следует, что мистически управлял церковными делами Ангел, которому Господь весьма строго выговаривал, хотя тот много трудился и даже изнемогал. В речи Господа христианского милосердие не просматривается. О епископах и пресвитерах, которые реально управляли жизнедеятельностью христианских общин, у автора-иудея упоминаний не могло быть. По-видимому, иудействующие лжеапостолы и николаиты были враждебны большей частью правоверным иудаистам.

Читаем такую оценку «Смирнской церкви»: «И Ангелу Смирнской церкви напиши: так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив: Знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское. Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни. Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти» (Откр 2:8–11). В противоборстве иудеев противники рассматривались как «сборище сатанинское».

В «Пергамской церкви» предметом заботы Господа были только сыны Израилевы. Он говорит: «И Ангелу Пергамской церкви напиши: так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч: знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа. Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали» (Откр 2:12–14). На землях Пергама Господь утверждал, что там находится престол сатаны. Правитель Галилеи и Переи Ирод Антипа был приверженцем иудаистского Бога и к вере в Иисуса Христа не имел какого-либо отношения.

Весьма примечательна речь Господа Ангелу «Фиатирской церкви»: «И Ангелу Фиатирской церкви напиши: так говорит Сын Божий, у Которого очи, как пламень огненный, и ноги подобны халколивану: знаю твои дела и любовь, и служение, и веру, и терпение твое, и то, что последние дела твои больше первых. Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное. Я дал ей время покаяться в любодейнии ее, но она не покаялась. Вот, Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих. И детей ее поражу смертью, и уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим. Вам же и прочим, находящимся в Фиатире, которые не держат сего учения и которые не знают так называемых глубин сатанинских, сказываю, что не наложу на вас иного бремени; только то, что имеете, держите, пока приду. Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я получил власть от Отца Моего; и дам ему звезду утреннюю. Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам» (Откр 2:18–29). Поразительно, что Господь в мягкой форме осуждает Ангела, который «попускает жене Иезавели», жены и соправительницы израильского царя Ахава, которая активно насаждала финикийские верования и идолослужение в IX в. до н.э. В речи якобы Иисуса Христа не просматривается ни милосердия, ни любви. Его как бы распирает от гнева. При этом соблюдающим Его дела до конца Он обещает дать жестокую «власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся».

Отношения Господа с «Асийскими церквами» строились только на устрашении. Так, Он говорит: «И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит Имеющий семь духов Божиих и семь звезд: знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим. Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя. Впрочем у тебя в Сардиси есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они

достойны. Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его» (Откр 3:1–5). В речи Господа Ангелу «Сардийской церкви» христианский дискурс также не просматривается.

Можно сказать, что в обращениях Господа Церквам отсутствовала христианская ментальность. «И Ангелу Филадельфийской церкви напиши: так говорит Святой, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который отворяет – и никто не затворит, затворяет – и никто не отворит: знаю твои дела; вот, Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего. Вот, Я сделаю, что из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а лгут, – вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя. И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле. Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего. Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое» (Откр 3:7–12). Отметим, что Господь предрекает нисхождение с неба «града Бога Моего, нового Иерусалима».

Поскольку Господь относился к язычникам открыто враждебно, которых в Малой Азии было большинство, и обращался только к иудеям, то следует полагать, что «Церкви» представляли собой еврейские организации, в которых господствовала иудейская ментальность и не было каких-либо христианских устремлений, как и у якобы «Иисуса Христа».

Образ Иисуса Христа

Читаем в «Откровении» описание явления Иисуса Христа: «Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, увидел семь золотых светильников и, среди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом: глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих. Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей. И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти. Итак напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего. Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников есть сия: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей» (Откр 1:12–20). Очам трепещущего от жуткого страха «Иоанна» предстал яркий и, можно сказать, уникальный образ Иисуса Христа, потому что в таком виде Он никому не являлся в христианской истории.

Автор «Откровения» пишет: «И сказал мне: сии суть истинные слова Божии. Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я сослужитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись; ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества. И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим. Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. Он был облечен в одежду, обогрещенную кровью. Имя Ему: «Слово Божие». И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый. Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя. На одежде и на бедре Его написано имя: «Царь царей и Господь господствующих»» (Откр 19:9–16). Во впечатляющем описании перед нами предстает Иисус Христос с огненными глазами в одежде, обогрещенной кровью, из уст Которого «исходит острый меч». В иудейской традиции со времен Моисея еврейский Бог предстал как гневливый самодержец Всемогущий Вседержитель, Который вызывал жуткий страх и трепет у евреев. Образ Иисуса Христа, представленный в книге «Откровение», является ярким продолжением иудаистской традиции, в котором от новозаветного Иисуса ничего нет. За две тысячи лет такого Иисуса Христа не видел никто.

Картина Царства Небесного

В книге «Откровение» представлена не менее впечатляющая картина *Царства Небесного*, вызывающая ужас. Читаем со страхом и трепетом этот фрагмент «Откровения»: «После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего. И тотчас я был в духе; и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий; и Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду. И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы. И от престола исходили молнии и громы и гласы, и семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих; и перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади. И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет» (Откр 4:1–8).

Представляется странным, что приведенное выше описание весьма напоминает видение пророка Иезекииля (ок. 622 – ок. 570 гг. до н.э.), которое он

записал шестью веками ранее. В своей книге Иезекииль пишет: «И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных, – и таков был вид их: облик их был, как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла... Подобие лиц их – лице человека и лице льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла у всех четырех... И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; *огонь* ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния... А над сводом, который над головами их, *было* подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние *было* вокруг него. В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом» (Иез 1:4–6, 10, 13–14, 23–28). Почти буквальное совпадение в описании четырех животных дают основание сомневаться в подлинности видения в «Откровении».

Согласно синоптическим Евангелиям, *Царство Небесное* Иисуса Христа является носителем совершенной добродетели и милосердия, в Которое могли попасть самые достойные благочестивые христиане. Во время написания «Откровения» в *Царстве Небесном* должны были быть Пресвятая Богородица, Иоанн Креститель, Апостолы и другие. Однако «Иоанн» видел Там 24-х старцев. Кто они? В Евангелиях носитель *Царства Божьего* Иисус Христос источал совершенную любовь, милосердие и благодать. В книге «Откровение» из Царства Небесного «исходили молнии и громы и гласы». «И я видел, и слышал голос многих Ангелов вокруг престола и животных и старцев, и число их было тьмы тем и тысячи тысяч» (Откр 5:11).

Если в христианской традиции Ангелы являются носителями благодати Святого Духа, то в книге «Откровение» от Ангелов исходит устрашающая сила и мощь. Автор «Откровения» пишет: «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее? И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее. И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее. И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее. И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю» (Откр 5:1–6). Агнец, «имеющий семь рогов и семь очей» – ужасный ужас.

Если из Ангелов исходит гнев и язвы для всего человечества, то как их можно называть «Ангелами»? «И после сего я взглянул, и вот, отверзся храм скинии свидетельства на небе. И вышли из храма семь Ангелов, имеющие

семь язв, облеченные в чистую и светлую льняную одежду и опоясанные по персям золотыми поясами. И одно из четырех животных дало семи Ангелам семь золотых чаш, наполненных гневом Бога, живущего во веки веков. И наполнился храм дымом от славы Божией и от силы Его, и никто не мог войти в храм, доколе не окончились семь язв семи Ангелов» (Откр 15:5–8). «И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю» (Откр 16:1).

Автор книги «Откровение» устами апостола Иоанна утверждал, что «Я, Иоанн, видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись. И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко» (Откр 22:8–10).

Таким образом, в книге «Откровение» образы Ангелов представлены в иудейской традиции как носители могучей силы и гнева Всемогущего Бога, в то время как в христианстве от Ангелов исходит милосердная благодать Господа.

Судьба сынов Израилевых и Иерусалима

В книге «Чисел» Господь предложил Моисею исчислить все общество сынов Израилевых по родам их (Чис 1:2). «Иоанн» в «Откровении» перечисляет количество оставшихся евреев двенадцати колен Израилевых: «И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых» (Откр 7:4). В каждом колене было запечатлено по двенадцать тысяч человек. Эти подсчеты показывают, что в видении предметом интереса был только еврейский народ. В подаче автора «Откровения» Господа интересовала только численность и сохранность колен израилевых, когда в I веке раввины, фарисеи и книжники полагали, что чистоту иудейской крови сохранили только два колена. Численность христиан «Господа» не интересовала.

В повествовании книги «Откровение» еврейский народ воссоединится с Богом и будет процветать под Его опекой. Автор книги пишет: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой» (Откр 21:1–6).

Системообразующей темой иудейского дискурса является тема «священного города Иерусалима». После Вавилонского пленения восстановление

Иерусалима означало возвеличивание религиозно-духовного центра всех евреев, проживавших не только на землях бывших Иудейского и Израильского царств, но и в отдаленных диаспорах. Исаия взывал: «Восстань, светись, *Иерусалим*, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою» (Ис 60:1). Исаия мыслил Иерусалим городом только для чистых и обрезанных евреев. Он предрекал: «Иерусалим, город святой! ибо уже не будет более входить в тебя необрезанный и нечистый» (Ис 52:1).

Автор «Откровения» увидел сказочную картину будущего Иерусалима. Он пишет: «И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца... Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист. А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло. Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираться днем; а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов. И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр 21:10–14, 18–27).

Таким образом, благодаря большой мистической силе своего содержания, в священный комплекс Нового Завета была включена нехристианская книга «Откровение», автором которой был выдающийся мистик-иудей, спрятавшийся за именем великого христианского мистика-мыслителя Иоанна Богослова. Надо полагать, за долгую жизнь христианского деятеля апостолу Иоанну неоднократно являлся Ангел и даже Иисус Христос, но о таких сокровенных событиях христианские подвижники обычно никому не говорят и тем более не записывают.

8.2. Христианская модель апостола Иоанна в Евангелии от Иоанна

Методологическая оценка Евангелия от Иоанна

Это творение апостола Иоанна имеет сложную двойственную природу. Если синоптические Евангелия на языке философии науки следует отнести к текстам эмпирического наблюдения, потому что их авторы не имели другой цели, как объективно описать деяния и поучения Иисуса Христа, то апостол Иоанн в своей книге решал двуединую задачу. С одной стороны, он сообщает важные свидетельства о происходивших событиях, очевидцем которых он был. Вместе с тем из текста Евангелия от Иоанна следует, что главной целью написания этого произведения было с полной очевидностью показать, что Сын Бога Иисус Христос по Своей природе был Богом.

Предметом исследования в этом разделе являются принципиальные моменты концептуальной модели Иоанна Богослова божественной природы Спасителя, которая занимает столь важное место в христианской теологии.

Мистически-метафизическая природа света Иисуса Христа

В Евангелии от Иоанна настойчиво и неуклонно проводится главная мысль – Иисус Христос, являясь Сыном Бога, имеет ту же сущностную божественную природу, что и Бог Вседержитель, породивший Его. Согласно Иоанну Богослову, формой проявления сверхчувственной божественной реальности есть свет, который, имея глубинную мистически-метафизическую природу, является носителем совершенного, непреходящего блага. Иисус говорил: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин 3:16–21).

Чтобы осмыслить и показать преимущество благочестивой жизни христианина по сравнению с чувственно-вождедеющей жизнью язычников апостол Павел использовал мыслительные конструкты «жить по духу» и «жить по плоти». Эту же проблематику Иоанн Богослов подает устами Иисуса Христа с помощью мыслительных конструктов «свет» и «тьма», смысл которых носит преимущественно духовно-нравственный характер. Отметим, что апостол Варнава также весьма плодотворно развивал учение о «свете» и «тьме».

Иисус Христос был носителем благодного света, который мыслился как Дух. «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились. И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин 1:9–14). Надо полагать, учение о свете апостола Иоанна было не столько удачным теологическим представлением, сколько было выражением его мистического опыта. Православные монахи верно знают, что, когда подвижнику в результате многолетнего и многотрудного практического делания удавалось очистить душу от мирских привязанностей и достигнуть последней остановки Боговедения, на него нисходил благодный свет и ни с чем несравнимое высшее блаженство. Жить в ментальном пространстве христианских добродетелей означает пребывать в благодном свете благодати Господа. Иоанн пишет в Первом Послании: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна» (1 Ин 2:8–10).

Иисус Христос совершил радикальный духовно нравственный прорыв в истории мировой культуры, который осветил христианам путь к Спасению. «Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет. Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин 12:35–36). Иисус говорил: «Доколе Я в мире, Я свет миру» (Ин 9:5). После ухода Иисуса Христа из земного мира и Его *Воскресения* свет христианского благочестия распространяли Апостолы и христиане последующих поколений. В результате многолетнего последовательного разрушения христианской веры в современном мире, несмотря на стремительное развитие науки и технологий, действительно утвердилась беспросветная тьма культурного убожества насилия и примитивных чувственных страстей.

Апостол Иоанн пишет: «Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин 3:5–8). В современном мире нет *высокого Духа*, возвращение которого в западноевропейской цивилизации началось по мере распространения христианства две тысячи лет назад. Практически нет творцов *высокого Духа*, поэтов, писателей, художников, кинематографистов, которые могли бы создать достойное произведение. Если и есть таковые, то их творения не востребованы, никому не нужны, потому что все озабочены зарабатывать деньги низкопробным ширпотребом.

Свет в явлениях Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы достойным монахам

В христианской литературе приводится достаточно много описаний явлений Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы достигшим святости монахам, которые я отношу к достоверным свидетельствам. И все они сопровождались сиянием ослепительно яркого света. Представляется целесообразным привести несколько показательных примеров мистической светоносной природы Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы. В «Житии Григория Турского» аббата Одо читаем, что «Григорий был неутомим в молитве, особенно во время ночных часов, посвященных отдыху. Приближался праздник Богородицы... Григорий... пошел тайно вознести молитвы, пока все остальные спали, и, глядя издали на часовню, увидел в ней сильный свет. Подумав, что, наверное, какие-то ревностные молящиеся опередили его, он тем не менее был изумлен, что свет такой сильный, и направился к тому месту, откуда тот исходил – все было объято тишиной. Он пошел искать сторожа этого здания, но в это время дверь сама раскрылась, и, осознав, что место сие посетило Божественное, он с трепетом вошел туда, где вечерню совершали ангелы. Свет, который он видел снаружи, сразу же погас, и больше он не видел ничего, кроме света добродетельной Пресвятой Девы» [178, с. 46].

Читаем одно из самых значимых мистических событий в жизни почитаемого богослова и экзегета Византийской Церкви Симеона Нового Богослова (949–1022), который наряду с Иоанном Богословом и Григорием Богословом, был удостоен имени Новый Богослов. Его келейник и ученик, преподобный Никита Стифат пишет: «И вот, когда однажды он стоял на молитве и очищенным умом соприкасался с Умом Первичным, он увидел вдруг свет, воссиявший на него с небес, прозрачный и безмерный, все озаривший и чистый, словно превративший ночь в день, которым он сам был освещен, – и ему казалось, что весь дом с келией, где он стоял, стал невидимым и ушел в небытие, сам же он, восхищенный в воздух, совсем позабыл о теле. Такую радость испытывал он, как он [впоследствии] писал и рассказывал тем, кому доверял, что тотчас преисполнился умилением и теплыми слезами; и, потрясенный необычностью чуда, ибо был еще не посвящен в такие откровения... Итак долго пробыв в таком экстазе и видящего отца своего стоящим одесную Славы Божией, он не чувствовал, находится ли он в теле или вне тела, как впоследствии он объяснял рассказывал. А несколько позже, когда свет этот постепенно скрылся, он осознал себя снова в теле и внутри келии и тогда сердце свое обрел исполненным несказанной радости... С этих-то пор он почувствовал, что тело его стало тонким и легким, как бы духовным, и так продолжалось долгое время» [136, с. 735–736].

В книге «Цветочки святого Франциска Ассизского» описаны достаточно полно и ярко события жизни одного из самых великих мистиков Западного христианства. Франциск Ассизский (Джованни Франческо ди Пьетро Бернардоне; 1181/1182–1226) – католический святой, учредитель нищенствующего ордена францисканцев (1209), основатель аскетического идеала западного мо-

нашества, основанного на трёх обетах: бедности, целомудрия и послушания. По преданию, Франциск совершил много чудес, исцелял слепых, лечил больных. Франциск Ассизский вел аскетический образ жизни и достиг духовно-нравственной чистоты святого. Поскольку он имел сильную и непрерывную молитву, то, надо полагать, событий мистического общения с Иисусом Христом, Богородицей, Ангелами и др. он имел достаточно много. Некоторые из них были описаны внешними наблюдателями. Так, один отрок решил проследить за святым Франциском, чтобы увидеть его святость. «Приблизившись к месту, где молился святой Франциск, он услышал голоса, и, подойдя ближе, он увидел удивительное сияние, окружавшее святого Франциска, а в этом сиянии Христа, и Деву Марию, и Иоанна Крестителя, и Евангелиста, и многое множество ангелов, беседовавших со святым Франциском» [163, с. 81].

«Я и Отец – одно»

В своем Евангелии апостол Иоанн последовательно утверждал представление о единсущностной природе Иисуса Христа и Бога Отца. Он пишет: «Иисус сказал: истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь. Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его. Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную» (Ин 5:19–24). Согласно Иоанну, источником божественной силы и власти Иисуса был Бог Отец. «Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня; кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю. Говорящий сам от себя ищет славы себе; а Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем» (Ин 7:16–18). Когда убелённый сединами Иоанн писал Евангелие, слова Учителя представляли перед ним, словно высказанные вчера. Примечательно то, что, когда много лет назад Иисус посвящал своих учеников в эту сокровенную тайну, они не воспринимали её должным образом. Иисус говорил: «Я и Отец – одно» (Ин 10:30).

В Первом послании Иоанн развивает представления о единсущностной природе Бога Отца и Сына применительно к благочестивой жизни христиан. Он пишет: «Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1 Ин 4:2). Всякий правоверный христианин должен верно знать, что вера в Иисуса Христа есть вера и во Вседержителя Бога Отца. «Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден, и всякий, любящий Родившего, любит и Рожденного от Него» (1 Ин 5:1). «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино» (1 Ин 5:7).

Апостол Иоанн утверждал, что достижение мистического пребывания благодати Божьей Отца и Сына в сердце христианина есть продвижение к подлинной жизни, которую он называл «жизнью вечной». Он пишет: «Итак, что вы слышали от начала, то и да пребывает в вас; если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная» (1 Ин 2:24–25). «Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его. Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни» (1 Ин 5:11–12).

Жизнь вечная

Из повествования Иоанна Богослова следует, что Иисус Христос был носителем вечной жизни. Иисус говорил: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную. Я есмь хлеб жизни» (Ин 6:47–48). Проповеди и поучения Иисуса Христа в совокупности создавали благословенное ценностно-мыслительное пространство высшей духовности *Благой вести*, принятие которой в душу и сердце приводит к преобразению жизненного мира человека. Высоко духовная жизнь в соответствии с требованиями христианской морали есть подлинная жизнь – «*жизнь вечная*». Иисус Христос смиренно утверждал, что Он получил её от Бога Отца: «И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец» (Ин 12:50). Иисус говорил: «Отец любит Сына и все дал в руку Его. Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин 3:35–36).

«Жизнь вечная» не ограничивается возвышенными христианскими представлениями. Она является сложной экзистенциальной реальностью, достижение которой требует длительной и многотрудной работы над собой. Прежде всего следует отодвинуть на второй план своего жизненного мира мирские желания, воззрения и отношения, постараться их ограничить, как бы выйти из мирского жизненного бытия, что весьма непросто, порой кажется, что это невозможно сделать. Иисус Христос говорил: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог» (Ин 6:27).

Естественной, от природы данной основополагающей установкой мировосприятия является рассматривать себя как центр мироздания. Всякое явление и событие, прежде всего, имеет смысл и значение по отношению к субъекту наблюдения, насколько оно приятно или опасно для него. Подобная жизненная установка служит живительным источником взращивания в человеке непомерной гордыни. Поэтому для достижения подлинной христианской жизни первостепенной важности задачей для христианина становится непримиримая битва со своей гордыней до победного конца, до полного уничтожения в себе горделивых замашек. Иисус Христос говорил: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин 12:25). В твоей душе исчезнет гневливость, когда ты достигнешь

глубокого смирения. Тогда твоё сердце заполнит душевный покой, милосердие и любовь к ближнему. Если в закоулках твоей души спрячется затравленная гордыня, то все твои усилия на пути совершенствования твоих добродетелей будут напрасными. Ничего у тебя не получится.

Важно иметь в виду, что *Благая весть* Иисуса Христа является не умозрительной концепцией, а религиозным учением. Это означает, что Господь наблюдает за твоими нравственными борениями. Если ты будешь достойным христианским рыцарем, то *Оттуда* непременно придёт тебе помощь и поддержка. Иоанн пишет: «И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, – знаем и то, что получаем просимое от Него» (1 Ин 5:14–15). Важно не умилительно рассуждать о христианских добродетелях, лёжа на диване, а жить в соответствии с христианской моралью, любить всё живое и творить добрые дела. В Первом послании Апостол призывает: «Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Ин 3:18).

Поскольку Иисус творит волю Отца, то следует принять и уверовать в Его волю. Иоанн пишет: «Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете. Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон, ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Ин 6:35–40). В повествовании Иоанна Сын Бога Иисус Христос несёт спасение, которое выражается в воскресении его в последний день. Получается, что не *Царство Небесное*, а воскресение мёртвых выступает предельной целью.

При всех горделивых и высокомерных амбициях ортодоксальный иудейский дискурс и образ жизни носил приземлённый, мирской характер. Проповеди и деяния Иисуса Христа несли в древнееврейский социум духовность самой высокой пробы – совершенный разумно-добродетельный, трансцендентально-трансцендентный тип мировосприятия и мышления. Иисус это видел и знал больше, чем кто бы то ни было. Апостол пишет: «Иисус сказал им в ответ: если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду. Вы судите по плоти; Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня. А и в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно. Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня. Тогда сказали Ему: где Твой Отец? Иисус отвечал: вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего; если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего» (Ин 8:14–19). Иисус Христос проповедовал *Истину* веры и бытия среди слепых и глухих, среди которых были и Его ученики.

Богочеловек Иисус Христос всё знал, что Ему нужно сделать в земной жизни, и какие последствия будут иметь Его деяния в дальнейшем развитии человечества, о которых мы не подозреваем в настоящее время. Иоанн пишет: «Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира. Потому Я и сказал вам, что вы умрете во грехах ваших; ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших... Итак Иисус сказал им: когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю. Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно... Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего... Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога... Иисус отвечал: если Я Сам Себя славлю, то слава Моя ничто. Меня прославляет Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш. И вы не познали Его, а Я знаю Его; и если скажу, что не знаю Его, то буду подобный вам лжец. Но Я знаю Его и соблюдаю слово Его... Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин 8:23–24, 28–29, 38, 47, 54–55, 58). Смысл и значение *Благой вести* Иисуса Христа выражается в том, что построение правильного образа жизни благочестивого человека, христианина или мусульманина, требует иметь в качестве несокрушимого фундамента ценностно-мыслительное бытие совершенной разумно-добродетельной реальности. Если ты, христианин, мусульманин или другой веры, строго следуешь этому самому главному жизненному требованию, то ты живёшь правильно. Более того, при дополнительных благочестивых усилиях твоя душа спасётся.

Евангелие от Иоанна – это повествование очевидца от начала благовествования Иисуса Христа до Его смерти на кресте и *Воскресении*, в котором наиболее глубоко и проникновенно показана божественная природа Спасителя.

8.3. Послания апостола Иоанна – жить в Боге, чтобы Он был в тебе

В начале Первого послания прослеживается концептуальная преемственность этого творения Иоанна от его Евангелия. Он пишет: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, – о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение – с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом. И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна. И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как

Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1 Ин 1:1–7). Мыслительные конструкты «Слово жизни», «жизнь вечная», «свет» и другие воспроизводят ментальное пространство Евангелия от Иоанна.

Если в Евангелии от Иоанна благовествование Иисуса Христа сводилось к тому, чтобы иудеи приняли Его как единородного Бога Сына Бога Отца, что давало верующим спасение, «жизнь вечную», то в Первом послании Иоанн утверждает, что нужно всемерно стремиться, чтобы жить в Нем, а Он был в тебе. Он пишет: «Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего... Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге» (1 Ин 4:13, 15). Согласно Иоанну, все деяния христианина являются средством достижения этого предельного устремления. Апостол утверждает: «Если вы знаете, что Он праведник, знайте и то, что всякий, делающий правду, рожден от Него» (1 Ин 2:29).

Прежде всего следует соблюдать заповеди Иисуса Христа. «Кто говорит: «я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины; а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего узнаем, что мы в Нем. Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал» (1 Ин 2:4–6). Иоанн утверждает, что «чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним. А заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам. И кто сохраняет заповеди Его, тот пребывает в Нем, и Он в том. А что Он пребывает в нас, узнаем по духу, который Он дал нам» (1 Ин 3:22–24). Неукоснительное исполнение заповедей Спасителя выступает необходимым условием вхождения в Его сокровенное бытие.

Среди всех заповедей Иисуса Христа апостол Иоанн основополагающее значение придавал милосердной любви. Он утверждал: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас» (1 Ин 4:8–12). Когда ты пребываешь в любви ко всему существу, ты пребываешь в Боге. «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас» (1 Ин 4:16–19). Примечательно, что в «Откровении» от Иисуса Христа исходил только яростный гнев. Согласно Посланию, отступление от братской любви смерти подобно. «Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пре-

бывает в смерти. Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей. Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев» (1 Ин 3:14–16). Если ты не любишь самых близких тебе людей, отца, мать, брата, сестру, то кого ты любишь подлинной любовью? Когда в твоём сердце полыхает ненависть, ты человекоубийца.

Согласно Иоанну Богослову, чтобы жить в Боге, нужно стремиться выйти из похотливого мирского жизненного мира. «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин 2:15–17). Не любить мира с его соблазнительными искушениями могут немногие, только достойные религиозные подвижники. Для выстраивания правильного образа жизни достаточно иметь приоритет в жизненном мире высших духовных ценностно-мыслительных устремлений.

Мирские устремления греховны, которые, по словам Апостола, идут непосредственно от дьявола. «Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога. Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего» (1 Ин 3:8–10). Мы, духовно слабые и немощные, не рождены от Бога, но должны всячески стремиться не делать зла людям, не делать греха. Апостол пишет: «Мы знаем, что всякий, рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему. Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная» (1 Ин 5:18–20). В настоящее время совершенно очевидно, что «весь мир лежит во зле». Перед нами, маленькими людьми, задача состоит в том, чтобы не преумножать зла.

Согласно Иоанну Богослову, подлинное христианство существует, когда благочестивый христианин достигает предельного устремления «пребывать в Боге, а Он в тебе». Почему-то апостол Иоанн загробное бытие не рассматривает. Казалось, что «жизнью вечной» он называет Царство Небесное. Он пишет: «Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная» (1 Ин 2:25). Однако ниже он разъясняет: «Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его» (1 Ин 5:11). Жизнь вечная означает пребывать в благодатном духе Иисуса Христа здесь и сейчас. Иоанн исходил из своего жизненного опыта, когда он всем своим существом испытывал сокровенную связь со Спасителем. Когда юный Иоанн возлежал у груди Иисуса (Ин 13:23), какая благодать переполняла всё его существо!

Как и апостолы Петр и Павел, Иоанн Богослов жили в ожидании прихода «последнего времени». Он призывал своих духовных детей: «Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много

антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (1 Ин 2:18). В ключевой период истории человечества «последнее время» будет торжествовать антихрист, но главным событием этого времени должно быть пришествие Иисуса Христа, и тогда всё откроется. Складывается впечатление, что в настоящее время антихрист уже пришёл. Что будет дальше?

Апостол Иоанн призывает: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист» (1 Ин 3:2–3). Поэтому благочестивый христианин должен пребывать в духовно-нравственной чистоте. «Итак, дети, пребывайте в Нем, чтобы, когда Он явится, иметь нам дерзновение и не постыдиться пред Ним в пришествие Его» (1 Ин 2:28). Достигнуть «пребывания в Нем» непросто даже для суровых православных монахов.

Апостол Иоанн и его ученики

Второе и Третье послания апостола Иоанна, которые носят характер душевных писем своим духовным детям, приоткрывают его взаимоотношения со своими учениками. В них он предстаёт не как убелённый сединами высокочтимый Апостол, глава Христианской Церкви, а родной, близкий сердцу отец своих возлюбленных детей – старец. Он пишет своей духовной дочери, которую называет «избранной госпожой»: «Старец – избранной госпоже и детям ее, которых я люблю по истине, и не только я, но и все, познавшие истину, ради истины, которая пребывает в нас и будет с нами вовек. Да будет с вами благодать, милость, мир от Бога Отца и от Господа Иисуса Христа, Сына Отчего, в истине и любви. Я весьма обрадовался, что нашел из детей твоих, ходящих в истине, как мы получили заповедь от Отца. И ныне прошу тебя, госпожа, не как новую заповедь предписывая тебе, но ту, которую имеем от начала, чтобы мы любили друг друга» (2 Ин 1:1–5).

По-видимому, Второе и Третье послания апостол Иоанн писал в последние годы своей жизни, когда подопечных христиан не нужно было поучать праведной христианской жизни. Следовало лишь поддерживать пылающий в их сердцах дух христианского благочестия и вдохновлять их на дальнейшие подвиги духовно-нравственного совершенствования. Поэтому он призывал: «Наблюдайте за собою, чтобы нам не потерять того, над чем мы трудились, но чтобы получить полную награду» (2 Ин 1:8). Нужно всеми силами стараться жить во Христе. «Всякий, престаупающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца и Сына» (2 Ин 1:9).

Глубокая и искренняя любовь к своим духовным детям переполняла сердце старца Иоанна, которую он щедро изливал в этих Посланиях. Среди его возлюбленных учеников выделялся Гай, к которому он обращается в Третьем Послании: «Старец – возлюбленному Гаю, которого я люблю по истине. Возлюбленный! молюсь, чтобы ты здравствовал и преуспевал во всем, как преуспевает душа твоя. Ибо я весьма обрадовался, когда пришли братия и за-

свидетельствовали о твоей верности, как ты ходишь в истине. Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине» (3 Ин 1:1–4). Послание показывает, что Иоанн предпочитал непосредственное общение со своими возлюбленными учениками официальным Посланиям. Он пишет Гаию: «Многое имел я писать; но не хочу писать к тебе чернилами и тростью, а надеюсь скоро увидеть тебя и поговорить устами к устам. Мир тебе. Приветствуют тебя друзья; приветствуй друзей поименно. Аминь» (3 Ин 1:13–15). «Возлюбленный! ты как верный поступаешь в том, что делаешь для братьев и для странников. Они засвидетельствовали перед церковью о твоей любви. Ты хорошо поступишь, если отпустишь их, как должно ради Бога, ибо они ради имени Его пошли, не взяв ничего от язычников. Итак мы должны принимать таковых, чтобы сделаться споспешниками истине» (3 Ин 1:5–8).

Надо полагать, в последние годы ареал расположенных в Малой Азии христианских общин, которые опекал апостол Иоанн, был сравнительно небольшим. Поэтому возникавшие трудности и противоречия в их христианской жизни он преимущественно решал в ходе живого доброжелательного общения. Он пишет: «Я писал церкви; но любящий первенствовать у них Диотреф не принимает нас. Посему, если я приду, то напомню о делах, которые он делает, понося нас злыми словами, и не довольствуясь тем, и сам не принимает братьев, и запрещает желающим, и изгоняет из церкви. Возлюбленный! не подражай злу, но добру. Кто делает добро, тот от Бога; а делающий зло не видел Бога» (3 Ин 1:9–11).

В христианской жизни если ты делаешь только добро и любишь не только ближнего, но и самого дальнего, то у тебя всё получится. Сам Господь будет помогать тебе. Апостол Иоанн пишет: «Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его. Это та заповедь, которую вы слышали от начала, чтобы поступали по ней» (2 Ин 1:6).

Иоанну довелось быть очевидцем и пережить начало христианской истории, Иудейскую войну, разрушившую жизненное бытие еврейского народа, уход в мир иной собратьев Апостолов. По сути, в последние тридцать с лишним лет своей жизни он стал *Патриархом* неуклонно развивавшейся Христианской Церкви. Для всех христиан апостол Иоанн служил живым образцом благочестивого, мудрого и смиренного христианина. Из Греции, Египта, Месопотамии, Понта и других приезжали в Эфес христиане посмотреть и получить мудрые наставления апостола Иоанна. Их сообщения об укреплении и расширении христианского подвижничества согревали душу убеждённого сединами *Патриарха* Церкви. Господь уготовил апостолу Иоанну судьбу подвести итоги развития Христианской Церкви в апостольский период, который в конце его жизненного пути представал перед его умудрённым взором в полном объёме великих достижений и драматизма происходивших событий. Евангелие от Иоанна завершает евангельский комплекс, уточняя деяния земной жизни Иисуса Христа, очевидцем которых он был. При этом Иоанн доводил очевидную истину – божественность Иисуса Христа. Своеобразие его христианского дискурса выражали темы «Слова», «света», «Я и Отец одно», «жизнь вечная».

ГЛАВА 9

ВОЗРАСТАНИЕ ХРИСТИАНСКОГО

БЛАГОЧЕСТИЯ В ЕПИСКОПСКИЙ ПЕРИОД

ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I – В НАЧАЛЕ II ВЕКА

*Общая характеристика епископского периода
развития Христианской Церкви*

Когда мученической смертью за Иисуса Христа Апостолы один за другим уходили в мир иной, христиане Церкви с болью в сердце всё более чувствовали себя осиротевшими. В 70-е годы они остались без главных своих высокочтимых руководителей. Вся полнота управления жизнедеятельности христианских общин легла на плечи епископов и пресвитеров. Прозорливые апостолы Пётр и Павел в своих Посланиях и наставлениях поучали епископов быть максимально благочестивыми, служить образцом праведности для прихожан, всемерно стремиться всем христианам к духовному и нравственному совершенству. Поэтому представляется целесообразным послеапостольский период развития Христианской Церкви назвать епископским.

Каким было пространственное размещение Христианской Церкви в последней трети I века? Из Посланий Климента Римского, Игнатия Антиохийского и Поликарпа Смирнского становится очевидным, что наиболее жизнеспособными христианскими общинами, которые продолжали активно развиваться, были подразделения Церкви, расположенные в Малой Азии, Греции и Македонии, т. е. на территории «апостолии» Павла. Важнейшим христианским центром была Церковь в Риме, а также созданная Марком Церковь в Александрии в Египте. Все остальные христианские общины, расположенные в Иудее, Галилее, Самарии, Месопотамии и другие, были настолько деятельными, насколько поддерживали тесные связи с основными Церквями.

Для христиан рассматриваемого периода Священным Писанием служили наиболее почитаемые Евангелия от Матфея, Марка и Луки, к которым позже присоединилось Евангелие от Иоанна, Деяния святых апостолов, Послания Апостолов, которых было больше, чем мы располагаем в настоящее время, а также «Деяния апостола Варнавы», «История Иакова о рождении Марии» (Протоевангелие от Иакова) и другие. Священный комплекс христианских текстов не был строго определён. Вместе с тем эти тексты способствовали

формированию у младохристиан глубоких представлений о вероучении Иисуса Христа, которые приводили к образованию целостной системы их христианских воззрений и устремлений – первой парадигмы христианского Духа.

Целью этого заключительного раздела является выявить и показать своеобразие христианского дискурса у наиболее ярких представителей Христианской Церкви рассматриваемого периода епископов Климента Римского, Игнатия Антиохийского и Поликарпа Смирнского, Послания которых дошли до нас.

9.1. Христианский дискурс папы Римского Климента

Священномученик Клімент I (*лат.* Clemens Romanus I, † 101 г.) – апостол от семидесяти, четвёртый епископ римский (с 92 по 101 год). Климент родился в Риме в богатой и знатной семье, получил прекрасное образование, был приближен к императорскому двору. В Александрии Климент встретил апостола Варнаву, проповеди которого на него произвели большое впечатление. Тертуллиан сообщает, что Климент Римский был хиротонисан Петром. Иринеи Лионский упоминает Климента как современника Апостолов. Исследователи полагают, что в Послании к Филиппийцам (Флп 4:3) апостол Павел упоминает Климента Римского. Во время гонений на христиан он был сослан в Инкерманские каменоломни, где обратил к Богу множество людей. По некоторым свидетельствам, во время пребывания Климента Римского в Херсонесе, там было организовано более 70 церквей. Весть о развернутой в Херсонесе ссыльным епископом миссионерстве дошла до императора Траяна (98–117 гг.). По его распоряжению, в 101 году Климента ввергли в море с якорем на шее. В Риме главным святилищем папы Климента является базилика Сан-Клементе. Святой Климент пользовался широким почитанием на Руси; ему посвящены храмы в Москве, Торжке и иных местах. Клименту принадлежат два Послания (1-е и 2-е к Коринфянам). Два Послания к Коринфянам Климента Римского показывают, что общение коринфских христиан с римскими происходило достаточно оживлённо.

В Послании Климент Римский исходит из высочайшего авторитета Апостолов – праведных столпов Церкви. Он пишет: «По ревности и зависти величайшие и праведные столпы Церкви подверглись гонению и смерти. Представим пред глазами нашими блаженных апостолов. Петр от незаконной зависти понес не одно, не два, но многие страдания и, таким образом, претерпевши мученичество, отошел в подобающее место славы. Павел по причине зависти получил награду за терпение: **он был в узах семь раз, был изгоняем, побиваем камнями** (выделено мною – В. М.). Будучи проповедником на Востоке и Западе, он приобрел благородную славу за свою веру, так как научил весь мир правде и доходил до границы Запада и мученически засвидетельствовал истину перед правителями. Так он переселился из мира и перешел в место святое,

сделавшись величайшим образцом терпения» [90, с. 138–139]. Климент справедливо указывает, что мужественный и стойкий борец за христианскую веру апостол Павел был отцом христиан на Востоке и Западе. Для христиан всех Церквей образцами безупречного христианского служения были Апостолы, прежде всего Пётр и Павел. Климент пишет: «Апостолы были посланы проповедовать Евангелие нам от Господа Иисуса Христа, Иисус Христос – от Бога; Христос был послан от Бога, а апостолы – от Христа; то и другое было в порядке по воле Божией. Итак, принявши повеление, апостолы, совершенно убежденные чрез Воскресение Господа нашего Иисуса Христа и утвержденные в вере словом Божиим, с полнотой Духа Святого пошли благовествовать наступающее Царствие Божие. Проповедуя по различным странам и городам, они первенцев из верующих по духовном испытании поставляли в епископы и диаконы для будущих верующих» [90, с. 162].

Климент вспоминает давний раскол в христианской общине коринфян, который произошел при апостоле Павле. Он пишет: «Возьмите послание блаженного апостола Павла. О чем он прежде всего писал вам в начале евангельской проповеди? Истинно он по вдохновению написал вам как о себе самом, так и о Кифе и Аполлосе, потому что и тогда произошло у вас разделение на различные стороны. Но тогдашнее разделение подвергло вас меньшему греху, ибо вы преклонялись на стороны прославленных апостолов и на, сторону мужа, ими одобренного. А теперь подумайте, какие люди развратили вас и уменьшили красоту знаменитой братской любви вашей. Постыдное, возлюбленные, и чрезвычайно постыдное и христианской жизни недостойное слышится дело: твердейшая и древняя Церковь Коринфская из-за одного или двух человек возмутилась против пресвитеров. И этот слух дошел не только до нас, но и до самих врагов наших, так что чрез ваше безумие имя Господне подвергается поруганию и вам самим готовится опасность» [90, с. 165–166]. Многообразная жизнь в процветающем городе Римской империи оказывала влияние на жизнедеятельность коринфских христиан, порождая между ними противостояния и споры, которые ещё апостол Павел с переменным успехом стремился преодолеть.

По мнению Климента, нынешнее расстройство Коринфской Церкви более печально и опасно, потому что оно обусловлено нравственным падением коринфских христиан. Из Рима он прозревал, что «люди бесчестные восстали против почтенных, бесславные – против славных, глупые – против разумных, молодые – против старших. Поэтому удалились правда и мир, так как всякий оставил страх Божий, сделался туп в вере Его, не ходит по правилам заповедей Его и не ведет жизни, достойной Христа, но каждый последовал злым своим похотям» [90, с. 137]. Сохранение единства и праведной жизни христиан было возможно лишь на основе взаимной любви, милосердия и сострадания друг другу. Климент призывает: «Поэтому, братья, будем исповедовать Его делами, взаимной любовью, не прелюбодеянием, не злословием друг на друга, не завистью, но воздержанием, милосердием, добротой; мы должны сострадать друг другу и не быть сребролюбивыми» [90, с. 183].

Климент рассматривал плотское, чувственно-вождеющее бытие римского общества враждебным для христиан, которое следует сторониться. «Этот же век и будущий – два врага. Этот век проповедует прелюбодеяние, разврат, сребролюбие и обман, а будущий отрицается их. Следовательно, нам невозможно быть друзьями обоих, а должно этот век оставить и прилепиться к тому. Подумаем, что лучше возненавидеть здешние блага, потому что они малы, кратковременны и тленны, и возлюбить те блага, как прекрасные и нетленные. Ибо, исполняя волю Христа, мы найдем покой; иначе ничто не избавит нас от вечного наказания, если мы презрим заповеди Его» [90, с. 184]. При этом Климент призывал не к умерщвлению плоти, а к хранению ее в нравственной чистоте. «Никто из вас, – пишет он, – не должен говорить, что эта плоть не будет судима и не воскреснет. Знайте: в чем вы спасены, в чем прозрели, если не во плоти? Поэтому нам должно хранить плоть, как храм Божий. Ибо как призваны во плоти, так и на суд придете во плоти же. Как Христос Господь, спасший нас, хотя прежде был духом, сделался плотью и таким образом призвал нас, так и мы получим награду в этой плоти. Итак, будем любить друг друга, чтобы всем войти в Царство Божие. Пока имеем время для врачевания, предадим себя врачующему Богу, давая Ему плату. Какую? Покаяние от искреннего сердца. Ибо Он наперед знает все и видит все, что есть в нашем сердце. Дадим Ему хвалу не только от уст, но и от сердца, чтобы Он принял нас, как сынов. Ибо Господь сказал: «Братья Мои суть те, которые исполняют волю Отца Моего» [90, с. 186].

Для Климента предельным ожиданием был приход Царства Божия, который он связывал со вторым пришествием Иисуса Христа. Он призывал христиан: «Итак, будем ежечасно ожидать Царства Божия в любви и праведности, потому что не знаем дня явления Божия. Сам Господь на вопрос одного о том, когда придет Его Царство, отвечал: «Когда двое будут одно, и внешнее будет как внутреннее, мужеский пол вместе с женским будет ни мужеский, ни женский» [90, с. 187–188].

Настоятельной потребностью в епископский период Христианской Церкви стояла необходимость упорядочения ритуальной деятельности христиан, на что справедливо указывал Римский епископ. Он пишет: «Будучи убеждены в этом и проникая в глубины Божественного ведения, мы должны в порядке совершать все, что Господь повелел совершать в определенные времена. Он повелел, чтобы жертвы и священные действия совершались не случайно и не без порядка, но в определенные времена и часы. Также, где и чрез кого должно быть это совершаемо, Сам Он определил высочайшим Своим изволением, чтобы все совершалось свято и богоугодно и было приятно воле Его. Итак, приятны Ему и блаженны те, которые в установленные времена приносят жертвы свои, ибо, следуя заповедям Господним, они не погрешают. Первосвященнику дано свое служение, священникам назначено свое дело, и на левитов возложены свои должности; мирской человек связан постановлениями для народа» [90, с. 161].

Таким образом, в Посланиях Климента в полной мере проявляется глубокое знание Евангелий и Посланий Апостолов. Высокий уровень развития хри-

9.2. Игнатий Антиохийский – Богоносец

Священномученик Игнатий Антиохийский Богоносец († 107, Рим) – ученик Иоанна Богослова, третий епископ Антиохийский с 68 года, после апостола Петра и Евода. Иоанн Златоуст назвал Игнатия «образцом добродетелей, явившим в лице своем все достоинства епископа». Согласно христианской традиции, Игнатий, как «носитель Божественного духа», получил прозвище «Богоносец». Согласно Евсевию Кесарийскому, по распоряжению императора Траяна Игнатий был сослан в Рим, где принял мученическую смерть за Христа 20 декабря 107 года. Он был брошен львам на съедение на арене. Мощи Игнатия были перенесены из Рима в Антиохию в 107/108 году. После взятия Антиохии персами они были перенесены в Рим в 540 или 637 году в базилику Святого Климента. До нас дошли Послания Игнатия Антиохийского к Ефесянам, к Магнезийцам, к Траллийцам, к Римлянам, к Филадельфийцам, к Смирнянам, а также к Поликарпу Смирнскому.

Надо полагать, в последней трети I – начале II веков в Малой Азии ведущую роль играла Антиохийская церковь, которую возглавлял епископ Игнатий. Изучая Послания Игнатия Богоносца, следует иметь в виду, что их автор, отправляясь на казнь в Риме, во время их написания находился в экстремальной, жизненно пограничной ситуации. Поэтому они отличаются предельной искренностью. Послания Игнатия Антиохийского позволяют выявить его основные христианские устремления и соотнести их с логикой развития христианского дискурса в конце I в.

Следуя основополагающей установке апостола Павла, Игнатий всемерно призывал христиан к несокрушимому единству «в одном духе и в одних мыслях». В Послании к Ефесянам он пишет: «Посему следует всячески славить Иисуса Христа, Который прославил вас, для того, чтоб вы в единомыслении были утверждены в одном духе и в одних мыслях и все вы говорили одно, чтобы, повинувшись епископу и пресвитерству, вы были освящены во всем» [90, с. 332].

Основополагающей жизненной установкой христианина Игнатия Богоносца было предельное устремление к духовно-нравственному совершенству во Иисусе Христе. В Послании к Ефесянам он признается, что «хотя я и в устах за имя Христово, но еще не совершен в Иисусе Христе; теперь только начинаю учиться и обращаюсь к вам, как моим соучителям, ибо мне надлежало бы получить от вас укрепление к вере, к вразумлению себя, к терпению и великодушию. Но как любовь не позволяет мне молчать в отношении к вам, то я и решился убеждать вас, чтоб вы сходились с мыслью Божиею. Ибо и Иисус Христос, общая наша жизнь, есть мысль Отца, как и епископы, поставленные

по концам земли, находятся в мысли Иисуса Христа» [90, с. 332–333]. Предельной целью для праведного христианина является жить в блаженной благодати Иисуса Христа. Все остальное вторично. Игнатий утверждает, что «для меня древнее – Иисус Христос, непреложное древнее – Крест Его, Его смерть и Воскресение, и вера Его; вот чем желаю оправдаться при вашей молитве [90, с. 361]. Систему координат христианского жизненного мира Игнатия Богоносца составляли доминирующие темы «Иисуса Христа», «Его земной путь», «Крестная смерть» и «Воскресение».

Великую силу мистически-метафизического единения с Господом имеет молитва. Игнатий пишет: «Но и о других людях непрестанно молитесь. Ибо есть им надежда покаяния, чтобы прийти к Богу. Дайте им научиться по крайней мере из дел ваших. Против гнева их вы будьте кротки; против их велеречия – смиренномудренны; их злословию противопоставляйте молитвы, их заблуждению – твердость в вере; против их грубости будьте тихи» [90, с. 336]. Праведному христианину следует всемерно наращивать силу своей молитвы, которая, согласно апостолу Павлу, является главным средством достижения благодати Иисуса Христа. Он пишет: «Если молитва двоих имеет великую силу, то сколько сильнее молитва епископа и целой Церкви?» [90, с. 333].

Религиозные устремления, мысли и переживания Игнатия Богоносца животворились дискурсом апостола Павла, систему координат тематического пространства которого определяли доминирующие темы «единения с Иисусом Христом», «молитвы», «спасения верой», «нового человека», «жить по духу и жить по плоти», «сокровенной любви». «Если Иисус Христос, – пишет Игнатий, – по вашей молитве, удостоит меня и будет воля Его, то я в другом послании, которое намерен написать к вам, раскрою только что начатое мною домостроительство Божие относительно нового человека, Иисуса Христа, по вере в Него и по любви к Нему, чрез Его страдание и Воскресение, – особенно, если Господь мне откроет, что все вы до единого, без исключения, но благодати Божией соединены в одной вере и во Иисусе Христе, происшедшем по плоти от рода Давидова, Сыне Человеческом и Сыне Божиим, так что повинуетесь епископу и пресвитерству в совершенном единомыслии, преломляя один хлеб, это врачевство бессмертия, не только предохраняющее от смерти, но и дарующее вечную жизнь во Иисусе Христе [90, с. 339–340]. «Это, впрочем, не безызвестно, если вы имеете к Иисусу Христу совершенную веру и любовь, которые суть начало и конец жизни. Вера – начало, а любовь – конец, обе же в соединении суть дело Божие; все прочее, относящееся к добродетели, от них происходит. Никто, исповедующий веру, не грешит, и никто, стяжавший любовь, не ненавидит» [90, с. 337].

Игнатий Антиохийский мыслил и веровал в христианской парадигме апостола Павла, что указывает на плодотворность благовествования Апостола. Следуя поучениям Павла, Игнатий осуждает плотские желания и призывает всячески развивать в себе духовные устремления к Иисусу Христу. Он пишет: «Плотские не могут делать духовного, ни духовные – плотского, подобно, как и вера – дел, свойственных неверию, и неверие – дел веры. Но у вас духовно и

то, что вы делаете по плоти, потому что вы все делаете во Иисусе Христе» [90, с. 335].

Игнатий Богоносец провозглашал главным вооружением рыцарей в служении Иисусу Христу: «Крещение пусть остается с вами, как щит, вера – как шлем, любовь – как копье, терпение – как полное вооружение» [90, с. 372].

Со времен апостолов Петра и Павла христиане пребывали в ожидании прихода «последних времен», которые, казалось, уже прошли, и Римской державой правили достаточно добродетельные императоры династии Антонинов. Христиане верили, что конец времен обязательно будет, и, чтобы спастись, нужно хранить благочестие. Игнатий пишет: «Уже последние времена. Устыдимся, устрасимся долготерпения Божия, чтобы оно не послужило нам в осуждение. Или будущего гнева убоимся, или настоящую благодать возлюбим. Что-нибудь одно из двух, только бы найтись нам во Христе Иисусе для истинной жизни. Без Него ничего да не будет у вас. Ради Его я и несу на себе узы, этот духовный жемчуг, в котором желал бы я и воскреснуть по молитве вашей. О, если бы я и всегда пользовался ею, чтобы мне обрести жребий ефесских христиан, которые силой Иисуса Христа всегда были единомысленны с апостолами» [90, с. 336]. По мысли Игнатия Богоносца, истинную жизнь и спасение можно найти лишь в единении с Господом, когда Он животворит в твоём сердце. В Послании Поликарпу Смирнскому он пишет: «Умоляю тебя благодатью, которой облечен ты, ускорь свое течение и умоляй всех, чтобы спаслись. Блюди место свое со всяким тщанием – плотским и духовным. Старайся о единении, лучше которого нет ничего. Снисходи ко всем, как и к тебе – Господь. Ко всем имей терпение в любви, как ты и поступаешь. Пребывай в непрестанных молитвах. Проси большего разумения, нежели какое имеешь. Бодрствуй, стяжав неусыпный дух. Говори с каждым, как поможет Бог. Носи немощи всех, как совершенный подвижник. Где больше труда, там больше и приобретения» [90, с. 370].

Обращения, пожелания, оценки Игнатия Антиохийского к епископам и христианам Церквей позволяют частично реконструировать христианский жизненный мир на землях павловской «апостолии», которые к концу столетия из христианских общин разрослись, надо полагать, в достаточно многочисленные Церкви. Душу Игнатия Богоносца радовало высокое благочестие христиан Церквей, к которым он писал свои Послания. Так, воздавая благодарность эфесским христианам, он указывает на возвышенное их благочестие: «...вы возносите на высоту орудием Иисуса Христа, т. е., крестом, посредством верви Святого Духа; вера ваша влечет вас на высоту, а любовь служит путем, возводящим к Богу. Потому все вы спутники друг другу. Богоносцы и храмоносцы, Христоносцы, святоносцы, во всем украшенные заповедями Иисуса Христа. Оттого-то я и радуюсь тому, что удостоился письменно беседовать с вами и разделить с вами радость мою, что вы, как свойственно другой жизни, ничего не любите, кроме одного Бога» [90, с. 335].

Эфесяне строго стояли в ментальном пространстве христианского дискурса апостола Павла. Поэтому Игнатий пишет: «Знаю, кто я и к кому пишу. Я осужденный, а вы помилованные; я в опасности, а вы стоите твердо. Вы путь

для умерщвляемых ради Бога. Вы сотаинники Павла освященного, засвидетельствованного, достоблаженного, у ног которого желал бы я быть, когда приду ко Господу. Он во всем послании своем к вам поминает вас во Христе Иисусе» [90, с. 337]. Подобно апостолу Павлу, епископ Антиохии настаивал на единении духа христианских общин, которое обеспечивает их благочестивую жизнедеятельность. Поэтому он поучал магнесийских христиан: «Итак, поелику в вышеупомянутых лицах я узрел всё ваше общество в вере и любви, то убеждаю вас: старайтесь делать все в единомыслии Божиим, так как епископ председательствует на месте Бога, пресвитеры занимают место собора апостолов и диаконам, сладчайшим мне, вверено служение Иисуса Христа, Который был прежде век у Отца и, наконец, явился видимо. Поэтому все, вступивши в сожитительство с Богом, уважайте друг друга и никто не взирай по плоти на своего ближнего, но всегда любите друг друга во Иисусе Христе. Да не будет между вами ничего, что могло бы разделить вас; но будьте в единении с епископом и председателями, во образ и учение нетления» [90, с. 343].

Из Посланий Игнатия следует, что в конце I в. в Церквах павловской «апостолии» сложилась достаточно строгая организация, в которых определяющую роль играли благочестивые епископы. Эфесским христианам он пишет: «Поэтому ясно, что и на епископа должно смотреть как на Самого Господа. Впрочем, сам Онисим чрезвычайно хвалит ваше благочинное о Боге поведение, что все вы живете сообразно с истиной, что среди вас нет никакой ереси, но что вы и не слушаете никого, кроме Иисуса Христа, проповедующего истину» [90, с. 334]. Траллийских христиан он поучает: «Все почитайте диаконов как заповедь Иисуса Христа, а епископа – как Иисуса Христа, Сына Бога Отца, пресвитеров же – как собрание Божие, как сонм апостолов. Без них нет Церкви» [90, с. 348]. «Я узнал, что епископ *ваш* не само собой и не чрез людей принял это служение обществу верующих и не из тщеславия, но по любви Бога Отца и Господа Иисуса Христа. Я поражен его кротостью: он в молчании сильнее тех, которые говорят пустое. Ибо он так согласен с заповедями, как струны в цитре. Поэтому ублажает душа моя его благочестивое расположение, находя его чистым и совершенным, и его непоколебимость и незлобие со всякой кротостью Бога живого» [90, с. 358].

В религиозном жизненном мире благочестивых христиан были практически преодолены пережитки иудейства, к окончательному освобождению от которых призывал Игнатий. «Итак, извергните худую закваску, – поучает он магнесийских христиан, – устаревшую и испортившуюся, и измените в новый квас, который есть Иисус Христос. Осолитесь в Нем, дабы кто-нибудь из вас не попортился и тогда зловоние не обличило бы вас. Нелепо призывать Иисуса Христа, а жить по-иудейски; ибо не в иудейство уверовало христианство, в котором соединились все языки, уверовавшие в Бога» [90, с. 345]. Филадельфийских христиан Игнатий предостерегает: «Но если кто будет проповедовать вам иудейство, не слушайте его. Ибо лучше от человека, имеющего обрезание, слышать христианство, нежели от необрезанного – иудейство» [90, с. 360]. К концу столетия в Церквах, к христианам которых обращался Игнатий Антио-

Глава 9. Возрастание христианского благочестия в епископский период Христианской Церкви хийский, сохраняло актуальность противоборство христианских и иудаистских воззрений.

Таким образом, Игнатий Антиохийский представлял собой живой образец совершенного в благочестии епископа, который воссоздавал апостол Павел в Первом послании к Тимофею. Игнатий являлся порождением и носителем духа Апостола, который процветал в конце I в. среди христиан Антиохийской Церкви. Вся история трагической мученической смерти Игнатия Богоносца была ярким примером христианского служения, когда в жизненном мире праведника предельной целью было достижение *Царства Небесного*. Следует также отметить, что он не занимался теологическими размышлениями о природе божественной реальности, потому что в этом не было необходимости, когда Иисус Христос открывался ему в *знании-вѣдении*. Бога он носил в своем сердце. Отсюда можно заключить, что на него влияние воззрений апостолов Петра и Иоанна были минимальными.

9.3. «Вождь всей Азии» Поликарп Смирнский

Поликáрп (ок. 80 – 167 гг.) – ученик апостола Иоанна, им поставленный во епископа Смирнского. Рано оставшись сиротой, он был воспитан благочестивой вдовой Каллистой. После смерти нареченной матери Поликарп раздал свое имение и стал вести целомудренную жизнь, служа больным и немощным. Его полюбил и приблизил к себе епископ Смирнский Вукол, который рукоположил Поликарпа во пресвитера. Поликарп сопровождал апостола Иоанна в его апостольских путешествиях. Когда совершалось посвящение Поликарпа во епископы, ему явился Господь Иисус Христос. Он ревностно руководил своей паствой. Поликарпа почитал Игнатий Антиохийский. Он писал Поликарпу: «Как кормчим нужны ветры или обуреваемому – пристань, так настоящему времени нужен ты для того, чтобы достигнуть Бога». По выражению Иеронима, он был «вождём всей Азии» в христианстве. По свидетельству Иринея Лионского, он ездил к епископу Аниките (158–169 гг.) в Рим по спорному, исключительно важному вопросу времени проведения пасхи. Император Марк Аврелий (161–180 гг.), воздвигнул на христиан жестокое гонение. Римские власти искали «отца всех христиан» и «совратителя всей Азии» Поликарпа. Когда воины пришли за ним, Поликарп вышел навстречу и велел их накормить, а сам в это время стал молиться, готовясь к мученическому подвигу. На 86 году жизни он был арестован и, отказавшись отречься от Христа, сожжен заживо. Его мученичество описано в «Окружном послании Смирнской Церкви». Поликарп причислен к лику святых в Православной и Католической церквях. Сохранилось Послание Поликарпа к Филиппийцам.

Уже в начале II века Поликарп и филиппийцы продолжали нести в своих сердцах живительное пламя христианской любви апостола Павла. Поликарп пишет: «Это пишу вам, братья, о праведности не по собственному притяза-

нию, но потому, что вы сами вызвали на то меня. Ибо ни мне, ни другому, подобно мне, нельзя достигнуть мудрости блаженного и славного Павла, который, находясь у вас, пред лицом живших тогда людей ревностно и твердо преподавал слово истины и после, удалившись от вас, писал вам послания» [90, с. 384].

Подобно апостолу Павлу, Поликарп призывал филиппийских христиан строго придерживаться христианских добродетелей. «Стойте в этих добродетелях и следуйте примеру Господа, – пишет он, – будьте тверды и непоколебимы в вере, храните братство во взаимной любви и единении истины, оказывайте, друг другу кротость Господа, никого не презирая [90, с. 387]. Он указывал: «... умоляю вас, берегитесь любостяжания и будьте чисты и правдивы. Воздерживайтесь от всякого порока... Кто не знает суда Божия? «Или не знаем, что святые будут судить мир?», как учит Павел. Я, впрочем, ничего такого не заметил в вас и не слышал, – в вас, у которых подвизался блаженный Павел и о которых он с похвалой отзывается в начале своего послания» [90, с. 388]. Подобно апостолу Павлу, Поликарп первостепенное значение придавал молитве. Он пишет: «Молитесь за всех святых. Молитесь также за царей, за власти и князей, даже за преследующих и ненавидящих вас и за врагов Креста, чтобы плод вашей веры был явен для всех и сами вы были совершенны» [90, с. 389].

В своём Послании Поликарп не столько поучал филиппийских христиан, сколько восхвалял и поддерживал благочестие, которое они не только сохранили со времен Павла, но всемерно наращивали. «Я весьма сорадовался вам в Господе нашем Иисусе Христе о том, – пишет Поликарп, – что приняли у себя образцы истинной любви и, как прилично было вам, проводили связанных священными узами, которые суть царское украшение для истинных избранников Бога и Господа нашего. Радуюсь также и тому, что твердый корень вашей веры, известный с первых времен, пребывает и доныне и приносит плоды, достойные Господа нашего Иисуса Христа» [90, с. 383]. В начале II века в Македонии, Греции и Малой Азии образцов христианского служения было накоплено достаточно много, которые служили примером для подражания в большой семье павловской «апостолии». «Умоляю всех вас, – взывает Поликарп к возлюбленным филиппийцам, – повиноваться слову правды и оказывать всякое терпение, как вы видели это своими очами не только в блаженном Игнатии, Зосиме и Руфе, но и в других из нас, и в самом Павле и прочих апостолах. Будьте уверены, что все они не вотще подвизались, но в вере и правде и пребывают в подобающем им месте у Господа, с Которым и страдали» [90, с. 387].

Поликарп отмечает хорошее знание филиппийскими христианами Священного Писания. «Я уверен, – пишет он, – что вы хорошо изучили Священное Писание и нет в нем ничего для вас неизвестного, а я не достиг этого. Но знаю, что в Писании сказано: «Гневайтесь и не согрешайте, и «да не зайдет солнце в гнев вашем». Блажен, кто помнит это, – что, я уверен, и делаете вы» [90, с. 388–389]. Какое Писание имел в виду Поликарп, потому что высказывание о гневливости содержится как в Псалме 4, стихе 5-м, так и в Послании

апостола Павла к Ефесянам (Еф 4:26). В повествовании Поликарпа просматривается знание Евангелий, Деяний, Посланий апостола Павла. Поскольку в дискурсах Климента, Игнатия и Поликарпа иудейская устремлённость практически отсутствовала, то похвала Поликарпа должна была относиться к добротному знанию этих произведений, входивших в комплекс христианского Священного Писания.

Послание Поликарпа показывает, что христиане «апостолии» Павла продолжали поддерживать тесные связи между собой. Он пишет: «Писали мне вы и Игнатий, что, если кто от нас отправится в Сирию, доставил бы он туда и письма от вас. Это я исполню, когда найду благоприятный случай, – или сам, или чрез того, кого отправлю, чтоб он был послом вместе и с вашей стороны. Послания Игнатия, присланные им к нам, и другие, сколько их есть у нас, мы отправили к вам согласно вашему требованию: они приложены при этом самом послании нашем. Вы можете получить из них великую пользу. Ибо они содержат в себе веру, терпение и всякое назидание в Господе нашем. Что вы узнаете верного о самом Игнатии и его спутниках, сообщите нам» [90, с. 389]. «Это написал я вам чрез Кресцента, которого я прежде хвалил вам и теперь хвалю. Он жил у нас неукоризненно, – надеюсь, что и у вас будет также. Примите и сестру его с честью; когда она придет к вам» [90, с. 389].

Таким образом, Послание Поликарпа к Филиппийцам в полной мере свидетельствует, что в начале II века в религиозных воззрениях христиан Греции, Македонии и Малой Азии господствующее положение занимал христианский дискурс апостола Павла.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Стремительное развитие науки и совершенствование технологий, господствующее положение *Духа наживы* в начале XXI века привели к тотальной дегуманизации современного общества, искусства и культуры в целом. Превращаются в прах могучие государства-империи (США), разрушается многие века господствовавшая западноевропейская цивилизация. Неотвратимо приближается конец истории человечества – «конец времён».

Господь всё видит и бдит.

Только три сестры *Наука, Религия и Философия* могут возродить *Дух благочестия*, восстановить мистическую связь с *Царством Небесным* – приблизить «полноту времён».

В жизни устремляйтесь к горнему всегда!

Аминь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Собрание сочинений. София – Логос. Словарь. – К., 2006.
2. Аль-Газали. Воскрешение наук о вере. – М., 1980.
3. Аль-Худжвири. Раскрытие сокрытого за завесой. Старейший персидский трактат по суфизму. – М., 2004.
4. Амусин И. Д. Кумранская община. – М., 1983.
5. Анастасий Синаит, преподобный. Избранные творения. – М., 2003.
6. Апологеты. – СПб., 2002.
7. Апокрифические сказания. Патриархи, пророки и апостолы. – СПб., 2005.
8. Аристотель. Сочинения в 4-х т. – М., 1976.
9. Архиепископ Филарет. Историческое учение об отцах церкви. Т. 1. – К., 2007.
10. Архимандрит Киприан (Керн). Евхаристия. – М., 2006.
11. Архимандрит Кронид, преподобномученик. Беседы, проповеди, рассказы. – Св.-Тр. Сергиева Лавра, 2010.
12. Архимандрит Серафим. Жизнеописание, воспоминания духовных чад, проповеди. – М., 2007.
13. Архимандрит Христофор. Жизнеописание и пророчества тульского старца. – М., 2011.
14. Барсов М. Сборник статей по истолкованию и назидательному чтению Четвероевангелия. В 2-х т. – М., 2002.
15. Барт К. Церковная догматика. В 2-х тт. – Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011.
16. Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. – М., 1990.
17. Блаженный Августин. Творения. – М., 1996.
18. Блаженный Августин. Творения. О граде Божиим. Т. 3–4. – К. ; СПб., 1998.
19. Блаженный Августин. Исповедь. М., 1991.
20. Блаженный Августин. О бессмертии души. – М., 2004.
21. Блаженный Августин. О троице. В 2-х ч. – М., 2005.
22. Блаженный Августин. Христианская наука или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия. – СПб., 2006.
23. Блаженный Иероним Стридонский. Да будут одежды твои светлы. Сборник писем. – Мгарский монастырь, 2007.
24. Брюс М. Мецгер. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – М., 1987.

-
25. Брюс М. Мецгер. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. – М., 1996.
 26. Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Т. 1–2. – М., 2004.
 27. Был человек от Бога. Жизнеописание митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна. – СПб., 2005.
 28. Валаамский патерик. Т. 2. – Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. – 2003.
 29. Валаамский старец схиигумен Иоанн. Письма о духовной жизни. – Св.-Тр. Сергиева Лавра, 2007.
 30. Вандеркам Дж. Введение в ранний иудаизм. – М., 2011.
 31. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, святитель. Письма. – М., 2007.
 32. Ветхозаветные апокрифы. – М. ; Харьков, 2001.
 33. Всемирная энциклопедия: Христианство. – Мн., 2004.
 34. Гафни И. М. Евреи Вавилонии в талмудическую эпоху. – М., 2003.
 35. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – СПб., 1993.
 36. Гельб И. Е. Опыт изучения письма. – М., 1982.
 37. Геродот. История. – М., 1999.
 38. Гоголь Н. В. Нужно любить Россию. О вере и Государстве Российском. – СПб., 2007.
 39. Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. – М., 2002.
 40. Григорий Палама. Триады в защиту безмолствующих. – М., 2003.
 41. Дворник Фр. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. – СПб., 2007.
 42. Деяния Вселенских Соборов. Т. 1–2. – СПб., 2008.
 43. Джонатан Омэн, О. Р. Христианская духовность в католической традиции. – Минск, 1994.
 44. Древний патерик. – М., 2002.
 45. Древнеегипетская книга мертвых. Слово устремленное к Свету. – М., 2002.
 46. Дьяченко Г. Л. Вера, надежда, любовь. Катехизические поучения. В 3-х т. – М., 1993.
 47. Духовник царской семьи. Святитель Феофан Полтавский, Новый затворник. – Краматорск, 2009.
 48. Евагрий Понтийский. Аскетические и богословские творения. – М., 1994.
 49. Евсевий Кесарийский. Церковная история.
 50. Епископ Варнава. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. – Н. Новгород, 2002.
 51. Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. – М., 2003 г.
 52. Житие преподобного Амвросия старца Оптинского. В 2-х ч. – Оптина пустынь, 2001.
 53. Житие преподобного Серафима Саровского. – М., 2002.
 54. Житие протопопа Аввакума. – М., 2001.
-

-
55. Жития русских святых. Т. 1–2. – М., 2007.
 56. Жития святых, написанные святыми. – М., 2008.
 57. Жития святых. Византийский канон. – М., 2004.
 58. Златоуст Иоанн. Творения. В 12 т. – Почаевская Лавра, 2005.
 59. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума. – М., 1997.
 60. Иванов А. В. Руководство по изучению книг Священного Писания Нового Завета. – СПб., 2006.
 61. Инок Всеволод. Путь святых отцов. – М., 2007.
 62. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2-х т. – М., 2003.
 63. Иосиф Флавий. Иудейская война. – Мн., 1991.
 64. Кант И. Прелегомены. – М., 1937 г.
 65. Киево-Печерский патерик. – К., 1991.
 66. Кельтская мифология: Энциклопедия, – М., 2002.
 67. Корет Э. Основы метафизики. – К., 1998 г.
 68. Лактанций. О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений. – СПб., 2007.
 69. Лествица. – М., 2002.
 70. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. – М., 2005.
 71. Лютер М. Время молчания прошло. – Харьков, 1992.
 72. К батюшке Серафиму. Воспоминания паломников в Саров и Дивеево (1823–1927). – М., 2006.
 73. Кельтская мифология: Энциклопедия. – М., 2002.
 74. Старец Ахилла. Страницы жизни. – Почаевская Лавра, 2013.
 75. Книга апокрифов. – СПб., 2005.
 76. Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. – М., 2000.
 77. Мешков В. М. Опыт тематического анализа древнерусского и русского Духа (X–XVII века). – Полтава, 2005.
 78. Мешков В. М. Опыт тематического анализа осевого времени. – Полтава, 2010.
 79. Мешков В. М. Метафизика Пути. Опыт тематического анализа древнеиндийской версии. – Полтава, 2017.
 80. Мешков В. М. Трансцендентальное мышление Платона (восхождение к трансцендентальной философии). В 2-х тт. Т.1. – Полтава, 2019.
 81. Мешков В. М. Трансцендентальное мышление Платона. На гребне славы и на склоне жизни: последние двадцать лет творчества Патриарха западной философии. В 2-х тт. Т.2. – Полтава, 2020.
 82. Митрополит Антоний. Остаюсь любящий неизменно. – М., 2007.
 83. Митрополит Сурожский Антоний. Школа молитвы. – М., 2003.
 84. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М., 1991.
 85. Исаак Сирий. Слова подвижнические. – М., 2002.
 86. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М., 2005.
 87. Ницше Ф. Сочинения. В 2-х т. – М., 1990.
 88. Ориген. О началах. Против Цельса. – СПб., 2008.
-

-
89. Пестов Н. Е. Современная практика православного благочестия. В 2-х т. – М., 2004.
 90. Писания мужей апостольских. – М., 2003.
 91. Письма великих Оптинских старцев. XIX в. – Сретенский монастырь, 2001.
 92. Попов И. В. Труды по патрологии. Святые отцы II–IV вв. В 2-х т. Т. 1. – Сергиев Посад, 2004.
 93. Посмертные писания преподобного Нила мироточивого Афонского. – Житомир, 2002.
 94. Правила православной церкви с толкованиями Никодима. В 2-х т. – М., 2010.
 95. Православие и католичество от конфронтации к диалогу. Хрестоматия. – М., 2005.
 96. Преподобный Антоний Великий. Поучения. – М., 2008.
 97. Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. Житие, письма, духовные поучения. – Св.-Тр. Сергиева Лавра, 2012.
 98. Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы. Келейные записи. Воспоминания. Письма. – Оптина Пустынь, 2005.
 99. Преподобный Макарий Египетский. Творения. – М., 2002.
 100. Преподобный Никодим Святогорец. Невидимая брань. – Почаевская Лавра.
 101. Преподобный Симеон Метафраст. Книга, называемая Раем. – М., 2006.
 102. Причал молитв уединенных. Валаамский монастырь. – СПб., 2005.
 103. Протоиерей Ростислав Снегирев. Библейская археология: Учебное пособие для духовных школ. – М., 2007.
 104. Пселл Михаил. Хронография. – М., 1978.
 105. Рак И. В. Мифы Древнего Ирана. – Екатеринбург, 2006.
 106. Раннее христианство. В 2-х т. – Харьков, 2001.
 107. Рассел Б. Почему я нехристианин: Избранные атеист. Произведения. – М., 1987.
 108. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995.
 109. Робер де Клари. Завоевание Константинополя. – М., 1986.
 110. Руководство к духовной жизни, преподобных Отцов Варсонофия Великого и Иоанна в ответах на вопрошения учеников. – М., 2002.
 111. Русские святые. О молитве. – М., 2005.
 112. Сагарда Н. И. Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Его жизнь, творения и богословие. – СПб., 2006.
 113. Сборник о молитве Иисусовой. – М., 2003.
 114. Серафимо-Дивеевские предания. – М., 2006.
 115. Светлый старец отец Иоанн Крестьянкин. Жизнеописание, воспоминания о бабушке, письма к духовным детям. – М., 2007.
 116. Святитель Афанасий Великий Творения. В 4-х т. – М., 1994.
-

-
117. Святитель Григорий Богослов. Собрание творений. В 2-х т. – М., 1994.
 118. Святитель Григорий Двоеслов. Беседы на Евангелия. В 2-х кн. – М., 2009.
 119. Святитель Григорий Двоеслов. Собеседования о жизни италийских отцов и бессмертии души. – М., 1996.
 120. Святитель Григорий Нисский. Аскетические сочинения и письма. – М., 2007.
 121. Святитель Иннокентий архиепископ Херсонский. Сочинения. – Молдова, 2006.
 122. Святитель Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. – М., 1998.
 123. Святитель Кирилл епископ Александрийский. О поклонении и служении в духе и истине. Кн. 1. – М., 2000.
 124. Святитель Кирилл епископ Александрийский. Глафиры или искусные объяснения избранных мест из Пятикнижия Моисея. Кн. 2. – М., 2001.
 125. Святитель Кирилл епископ Александрийский. Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 3. – М., 2002.
 126. Святитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. – Клин, 2004.
 127. Святой Амвросий епископ Медиоланский. Творения. – М.; Рига, 1995.
 128. Святой Дионисий Великий, епископ Александрийский. Творения. – СПб., 2007.
 129. Святой Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. – М., 2003.
 130. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. О молитве (изречения из дневниковых тетрадей за 1856–1862 годы). – М., 2007.
 131. Святой Ипполит, епископ Римский. О Христе и антихристе. – СПб., 2008.
 132. Святой Иринеи Ипонский. Творения. – М., 1991.
 133. Священномученик Киприан епископ Карфагенский. Творения. – М., 1999.
 134. Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. – М., 1904.
 135. Сказания о преподобном старце Ионе киевском чудотворце. – К., 2007.
 136. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. В 2-х ч. – М., 2001.
 137. Смирнов Е. И. История христианской Церкви. – М., 2007.
 138. Собрание писем преподобного Амвросия Оптинского. В 3-х ч. – Оптина Пустынь, 1997.
 139. Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. – СПб., 2003.
-

-
140. Старец Гавриил. Подвиги и чудеса. – М., 2006.
 141. Старец Иосиф Афонский. Изложение монашеского опыта. – Почаевская Лавра.
 142. Старец Иосиф Исихаст. Житие и поучения. – Почаевская Лавра, 2005.
 143. Старец Паисий Святогорец. Отцы-святогорцы и святогорская история. – М., 2009.
 144. Стёпин В. С. Теоретическое знание. – М., 2000.
 145. Схиигумен Савва. Опыт построения истинного мирозерцания. – Полтава, 2001.
 146. Тамборра А. Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалоги. – М., 2007.
 147. Тиллих П. Систематическая теология. В 3-х т. – М.–СПб., 2000.
 148. Тов Э. Текстология Ветхого Завета. – М.,
 149. Тора Пятикнижие и Гафтарот. – М., 1990.
 150. Тураев Б. А. История Древнего Востока. – Мн., 2002.
 151. Уоллис Б. Амулеты и суеверия. – М., 2001.
 152. Уэйт Артур Э. Каббала. – М., 2010.
 153. У «пещер Богом зданных». Жизнеописание псково-печерских старцев и подвижников XX века. – М., 1998.
 154. Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. – М., 2001.
 155. Феодорит Кирский. История боголюбцев. – М., 1991.
 156. Феофан Затворник. Толкование св. апостола Павла. – М., 2002.
 157. Феофилакт Болгарский. Благовестник. В 3-х кн. – М., 2004.
 158. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – Екатеринбург, 2008.
 159. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М., 1993.
 160. Хольц Леонард ОФМ. История христианского монашества. – СПб., 1993.
 161. Хрисанф, иеромонах. Сыны Света: Воспоминания о старцах Афона. – М., 2009.
 162. Цвейг С. Совесть против насилия. – К., 1989.
 163. Цветочки святого Франциска Ассизского. – М., 2000.
 164. Циркин Ю. Б. Мифы Финикии и Угарита. – М., 2003.
 165. Циркин Ю. Б. От Ханаана до Карфагена. – М., 2001.
 166. Чедвик О. Реформация. Противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI–XVII вв. – М., 2011.
 167. Бультман Р. Иисус // Путь. 1992. №2.
 168. Шенк К. Филон Александрийский. Введение в жизнь и творчество. – М., 2007.
 169. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. – М. ; Иерусалим, 2004.
 170. Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса: Кн. 1–2. – М., 1992.
-

171. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. – Репринтное издание 1912 г. – М., 1991.
172. Экхарт М. Об отрешенности. – М.-СПб., 2001.
173. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
174. Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии. – М., 1981.
175. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М., 1986.
176. Протоевангелие Иакова. «Истории Иакова о рождении Марии».
177. *Vita partum*. Житие отцов, составленное святителем Григорием Турским. – М., 2005.

